

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

История и юридические науки

Научный журнал

№ 2(5)

**Киров
2011**

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
В. А. Бердинских,
доктор исторических наук, профессор;
В. И. Бакулин,
доктор исторических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент

Ответственные за выпуск:
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент;
А. А. Костин,
кандидат исторических наук, доцент;
А. В. Семено,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка – Ю. Клыгина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (ДО ХХ ВЕКА)

Зевахин А. А. Борьба английского купечества за зарождающийся всероссийский рынок на примере миссии У. Придо в Россию в 1654–1655 гг.	6
Судовиков М. С. О некоторых чертах развития купеческой промышленности в Вятско-Камском регионе в конце XVIII – начале ХХ в.	9
Кустова Е. В. Вятская духовная школа в XVIII в.: основные проблемы и пути их решения	16
Машковцева В. В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам в середине – второй половине XIX в. (на примере Малмыжского уезда Вятской губернии)	26
Машковцев А. А. Взаимоотношения Русской православной церкви с католиками Вятской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)	36
Тюкачев Н. А. Борьба революционеров против самодержавного государства в воспоминаниях народников	44
Касанов А. С. Влияние научных общественных организаций на развитие социальной сферы и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале ХХ в.	48
Рафиков А. М. Общественная деятельность татарского купечества Вятской губернии во второй половине XIX – начале ХХ в.	53
Маликов Р. И. Религиозные праздники татар-мусульман Казанской губернии в конце XIX – начале XX в.	60
Калинина Д. А. Организация свободного времени как элемент повседневной жизни политических ссыльных конца XIX – начала ХХ в. (на примере Вятской губернии)	64
Буторин М. В. Роль органов статистики и печати Архангельской губернии в разрешении транспортных проблем Европейского Севера России в XIX – начале ХХ в.	70
Лагиева Н. Г. Технологический код изготовления шерстяной нити и вязания в контексте обрядов жизненного цикла коми (зырян) конца XIX – начала ХХ в.	74
Ореханов Ю. Л. (свящ. Г. Ореханов). Митр. Антоний (Вадковский) и синодальный акт 20–22 февраля 1901 г. о Л. Н. Толстом	77

СССР / РОССИЯ в ХХ в.: ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Коробец А. С. Социокультурный облик руководящих кадров Вятской губернии в конце 1917–1920 гг.	81
Китаев Д. Н. Эволюция организационных форм и методов хлебозаготовок в 1918–1919 гг. (на материале Вятской губернии)	85
Бакулин В. И., Вычугжанина А. С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918–1922 гг.	90
Соловьёва И. А. Местная небольшевистская периодическая печать как источник для изучения политических настроений населения в начальный период Гражданской войны 1918–1920 гг. на севере России	99
Березин С. В. Некоторые аспекты реформирования финансовой системы в 1921–1923 гг. на территории Вятской губернии	104
Шарабаров П. Н. Политическая ситуация в Вятской губернии накануне «великого перелома» конца 20-х гг. ХХ в.	108

<i>Поляков А. Г.</i> Возникновение церковных разделений в конце 1920-х гг. в контексте модернизации государства	115
<i>Лазарев С. Е.</i> Подготовка резерва советской военной элиты.....	119
<i>Останин Е. С.</i> Начало приватизации жилья в г. Кирове в 1992–1993 гг.: социологический анализ	124
<i>Кряжевских А. Л.</i> История изучения археологических памятников в черте современного г. Кирова	137

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Берёзкина А. В.</i> Роль зоны Персидского залива во внешнеполитической стратегии США во второй половине XX в.	147
<i>Кузьмин А. Ю.</i> Саудовско-египетское сближение в начале 1970-х гг.	151
<i>Росина М. А.</i> Румыния в американо-советских отношениях в 1949–1953 гг.	157
<i>Лыпка Т. И.</i> АЕГ и «Сименс & Гальске»: деловые партнёры и конкуренты	163

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ложкина Т. Е.</i> Административно-территориальное устройство Вятского края в XVIII–XXI вв.	174
<i>Москвин С. В.</i> Нормативное обеспечение исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы	181
<i>Коврижных Л. А.</i> Некоторые проблемные вопросы информационного законодательства	184
<i>Касимова Э. Р.</i> Предупреждение женской насилиственной преступности в исправительных учреждениях (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы)	188
<i>Касимова Э. Р.</i> Женская насилиственная преступность в исправительных учреждениях	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	196

CONTENTS

- Zevakin A. A.* Struggle of English Merchants for Early Russian Market (on the example of W. Pridaux's Mission to Russia in 1654–1655)
- Sudovikov M. S.* On Some Features of Development of the Merchant Industry in the Vyatka-Kama Region in the Late XVIII – Early XX Century
- Kustova E. V.* Spiritual School of Vyatka in the XVIII Century: the Main Problems and Ways of Their Decision
- Mashkovtseva V. V.* Confessional State Policy in Relation to the Old Believers' Religious Centers in the Middle and in the Second Half of the XIX Century (on the example of Malmyzh uyezd of Vyatka province)
- Mashkovtsev A. A.* The Relations of Russian Orthodox Church and Catholics in the Vyatka Province (from the second half of the XIX c. to 1917)
- Tyukachev N. A.* The Revolutioners' Struggle against the Autocratic State in Populists' Memoirs
- Kasanov A. S.* Influence of Social Scientific Organizations on Development of Social Sphere and Cultural Life of the Vyatka-Kama Region in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century
- Rafikov A. M.* Public Activities of the Tatar Merchant Class in the Vyatka Province in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX c.
- Malikov R. I.* The Moslem Tatars' Religious Holidays in Kazan Province in the Late XIX and Early XX Century
- Kalinina D. A.* Organization of Free Time as Part of Everyday Life of Political Exiles in the End of the XIX – the Beginning of the XX c. (on the example of the Vyatka province)
- Butorin M. V.* The Role of Statistics and Publishing Institutions of Arkhangelsk Province in Solving Transport Problems of the European North of Russia in the XIX Century and at the Beginning of the XX Century
- Gagieva N. G.* Technological Code of Woollen Thread Manufacturing and Knitting in the Context of Komi (Zyryan) People's Life Cycle Ceremonies of the Late XIX – Early XX Century
- Orekhanov Yu. L.* (*priest G. Orekhanov*). Metropolite Anthony (Vadkovsky) and synodal act 20–22 February 1901 on L. N. Tolstoy
- Korobets A. S.* Socio-Cultural Features of the Vyatka Province Political Authorities of the End of 1917–1920s
- Kitayev D. N.* The Evolution of Organizational Forms and Means of Bread Purchases in 1918–1919 (on the sources of Vyatka province)
- Bakulin V. I., Vychugzhanina A. S.* Organs of Extraordinary Justice of Vyatka Province in 1918–1922
- Solovyova I. A.* The Regional Non-Bolshevist Periodical Press as a Source of Studying the Population's Political Moods at the Initial Period of the 1918–1920 Civil War in the North of Russia
- Berezin S. V.* Some Aspects of Reforming the Financial System of Vyatka Province in 1921?1923
- Sharabarov P. N.* Political Situation in Vyatka Province on the Eve of the "Great Change" of the Late 1920s
- Polyakov A. G.* The Beginning of the Church Division Processes in the Context of the Soviet State Modernization in the 1920s
- Lazarev S. E.* Training of the Reserve of the Soviet Military Elite
- Ostanin E. S.* The Beginning of Housing Privatization in the City of Kirov in 1992–1993: A Sociological Analysis
- Kryazhevskikh A. L.* The History of Studying Archeological Monuments on the Territory of Modern Kirov
- Beryozkina A. V.* The Role of the Persian Gulf Zone in the Foreign-Policy Strategy of the USA in the Second Half of the XX Century
- Kuzmin A. Yu.* The Saudi-Egyptian Rapprochement in the Early 1970s
- Rosina M. A.* Romania in the American-Soviet Relations in 1949–1953
- Lypka T. I.* AEG and "Siemens& Halske": Business Partners and Competitors
- Lozhkina T. Ye.* Administrative-Territorial Structure of Vyatka Territory in the XVIII–XXI Centuries
- Moskvin S. V.* Regulatory enforcement of penalties to life imprisonment
- Kovrizhnyb L. A.* Problem issues on information legislation
- Kasimova E. R.* Female Violent Crime Prevention in Correctional Institutions (criminal law, law-executive and criminological problems)
- Kasimova E. R.* Women's Violent Crime in Correctional Institutions

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (до XX в.)

УДК 94(47).047

А. А. Зевахин

БОРЬБА АНГЛИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА ЗА ЗАРОЖДАЮЩИЙСЯ ВСЕРОССИЙСКИЙ РЫНОК НА ПРИМЕРЕ МИССИИ У. ПРИДО В РОССИЮ в 1654–1655 гг.

Впервые попав в Россию в середине XVI в., английские купцы уже к началу XVII столетия полностью оккупируют зарождающийся всероссийский рынок. С началом буржуазной революции «Московская компания» англичан, однако, теряет все ранее приобретенные привилегии и изгоняется из Москвы. В статье рассматривается одна из попыток английского купечества восстановить былой статус на всероссийском рынке.

In the beginning of the XVII century English merchants completely occupied the early Russian market. With the beginning of the English Revolution, "Moscow Company of Englishmen" lost all previously held privileges and was forced out of Moscow. The article is concerned with an attempt of the English merchanty to get back the former status.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, дипломатия, Английская буржуазная революция, торговля, Уильям Прайд, Алексей Михайлович, Оливер Кромвель, меркантилизм, протекционизм.

Keywords: external politics, foreign affairs, diplomacy, English revolution, trade, William Pridaux, Aleksey Mikhaylovich, Oliver Cromwell, mercantilism, protectionism.

В России второй четверти XVII в. важным средством влияния на выработку внешнеторговой политики являлись купеческие члены, в которых содержались просьбы ликвидировать привилегии западноевропейских купцов, запретить их торговлю внутри страны, разрешив ее лишь в пограничных пунктах и портах. В течение двух десятилетий русские торговцы подали царю более десяти членов, в которых обвиняли иностранцев в подкупе царской администрации, скупке товаров у непосредственных производителей, спекуляциях. Апогеем этого движения русских купцов стала «Членитная торговых людей разных городов о притеснениях иноземцев, живущих в Русских городах по торговым делам», поданная царю Алексею Михайловичу в 1646 г.

Несмотря на то что в основе членитной лежала жалоба русских купцов «на иноземцев, на Агличан и Голанцов торговых людей и на Бараборцов и на Анбурцов, которые ездят торговаться к Москве» [1], можно с полной уверенностью утверждать, что она носила, прежде всего, антианглийский характер. Ведь сведения о происходящих в Англии революционных событиях, бурно обсуждаемые в сфере русских купеческих гильдий, могли стать неплохим подспорьем в решении торгового вопроса в пользу русских торговцев. Русские купцы связывали свой основной аргумент в борьбе за освобождение зарождающегося всероссийского рынка от иностранного влияния: «а они, Государь, англичане торговые люди, все Карлусу королю не подручны и от него отложились, и боятся с ним четвертой год» [2]. Намек был прозрачным и бил точно в цель: восставшие против короля лорды в глазах православного царя должны были выглядеть изменниками, посягнувшими на верование о божественном помазании на царство, и соответственно отношения с такой, взбунтовавшейся, властью нужно было сворачивать.

Доклад посланного в тот момент в Англию русского дипломатического агента Герасима Дохтурова также во многом давал понять, что финансовые интересы русского правительства могут быть решены за счет взимания таможенных пошлин не только с голландцев или немцев, но и с англичан. А неосмотрительные высказывания английских политических деятелей, что «де за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никого нет, те люди, вся кумпанея, за парламентом, а не за каралем» [3] поставили жирную точку в решении вопроса отстранения английского капитала с формирующегося всероссийского рынка [4].

Идя навстречу просьбам русских купцов, а также руководствуясь «Статейным списком» Г. С. Дохтурова, царская грамота от 1 июня 1649 г. извещала английских торговцев об их высылке из России «со всеми животы»; им разрешалось торговать всякими товарами только в Архангельске с уплатой пошлины; «исторгаваясь ездили бы за море, а к Москве и Московского государства в города от Архангельского города с товарами и без товаров не ездили и у Архангельского города не жили» [5]. Мотив этого решительного шага был выражен вполне отчетливо:

«Преж сего торговали вы в Московском государстве по государевым жалованным грамотам, каковы даны вам по прошению государя вашего, аглинского Карлуса короля для братской дружбы и любви. А ныне великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти» [6]. Конечно, русскому царю, как уже отмечалось, не могла понравиться весть о гибели монарха – божьего помазанника [7].

«Московская компания» англичан однако отнюдь не хотела отдавать господство на российском рынке без боя. С целью возвращения утраченных привилегий в Москву был отправлен Уильям Придо. Его кандидатура широко обсуждалась в кругу сторонников Оливера Кромвеля. Ключевой стала поддержка «Московской компании», которая считала, что ему вполне по силам уговорить Алексея Михайловича сменить гнев на милость.

В отечественной историографии вопрос миссии Придо исследован недостаточно. В большинстве научных работ он указан как второстепенный, и во многом ему уделено меньше внимания по сравнению с другими вопросами.

Среди трудов, касающихся русско-английских отношений, бесспорно, следует выделить работы П. П. Смирнова [8], К. В. Базилевича [9] и А. В. Демкина [10], которые рассматривали самосознание русских купцов и их челобитные, как средство влияния на правительенную торговую политику.

Английская «Московская компания» наиболее подробно изучалась И. Гамелем [11] и И. И. Любименко [12]. В их исследованиях рассмотрен вопрос о жалованных грамотах и привилегиях, полученных англичанами и голландцами от русских царей.

Отдельные вопросы, связанные с деятельностью англичан в России, рассматривали В. Н. Шуников [13], А. Б. Соколов [14], Э. П. Телегина [15] и А. А. Преображенский [16]. Наиболее значимый вклад в изучение поездки Ульяма Придо сделал С. И. Архангельский [17], который рассмотрел миссию Придо в череде других внешнеполитических шагов, принятых правительством Оливера Кромвеля по отношению к России. Однако в изучении источников он ограничился лишь поверхностным анализом основных вех поездки. Данное исследование подразумевает более глубокое изучение источников базы и ставит своей целью выяснение политических задач посольства Ульяма Придо в Россию в 1654–1655 гг.

В середине августа 1654 г. в сопровождении двух груженных товарами купеческих судов Придо прибыл в Архангельск. Пробыв в городе чуть более месяца, он отправился в Москву. Его первое письмо из столицы помечено 24 февраля 1655 г. Около полугода Придо вел консультации

с московскими дипломатами и имел аудиенцию у царя Алексея Михайловича. 7 августа 1655 г. Придо снова был в Архангельске, а 18 сентября отплыл обратно в Англию.

За более чем годичное пребывание в Московском государстве он неоднократно посыпал доносения в Лондон. Джон Турло, ближайший советник Оливера Кромвеля, сохранил 13 писем Придо. Более того, в его коллекции бумаг можно найти письмо Придо воеводе Архангельска и ответ воеводы, ответ начальника Посольского приказа на представления, сделанные Придо в Посольском приказе, письмо Придо и ответ на это обращение, а также пространный отчет Придо, посланный Оливеру Кромвелю [18].

Уильям Придо был выходцем из средних кругов английского общества, вероятно, очень близким к «Московской компании» – некоторые письма в Англию он посыпал в конвертах на имя «Московской компании». Поэтому своей первостепенной задачей он считал устранение препятствий в осуществлении торговой деятельности англичан в России. В своем письме Турло от 10 сентября 1654 г. Придо так сформулировал сложности англичан на померском рынке:

1. «Наши купцы имеют слишком мало времени, чтобы продавать то большое количество товаров, которые мы привозим, и покупать местные, чтобы заполнить корабли. Им запрещено везти товары вглубь страны, чем пользуются русские, повышая цены на местные товары и занижая стоимость наших».

2. «Отсутствие у наших купцов денег для покупки местных товаров, а также недостаток собственных средств у русских для торговли с нами – русские купцы находятся на службе у царской казны (так называют деньги, которые попадают в царские сундуки через пошлины и налоги здесь и в других частях страны), а сейчас вся эта казна послана на обеспечение армии».

3. «Распространяющаяся чума в Москве, а также участие царя и множества людей в военных действиях», которые помешали многим купцам явиться для торговли в Архангельск.

4. Конкуренция со стороны голландцев: «Прибыло два голландских торговых корабля, которые стали еще одной причиной того, что русские держат цены на их товары высокими» [19].

Этим объясняется то, что сразу по прибытии в Архангельск Придо послал архангельскому воеводе письмо, в котором в шести отдельных пунктах сформулировал основные цели и задачи его посольства в Россию. Далее приведены его требования [20], а также ответы на них архангельского воеводы Бориса Поркина [21]:

1. Вопрос Ульяма Придо: «Будет ли разрешена свобода торговли, и если да, то на каких условиях купцы смогут торговать?»

Ответ Бориса Поркина: «По указу его царского величества, Московская компания англичан может свободно торговать в Архангельске любыми товарами, за исключением запрещенных».

2. Вопрос Уильяма Придо: «Какими пошлинами будут обложены их товары и где они будут их хранить, если на текущий момент все амбары заполнены царским зерном?»

Архангельский воевода: «Московская компания англичан должна платить таможенную пошлину на все их товары, как и другие иностранцы, размер данной пошлины устанавливается уставными грамотами. Что касается амбаров, то если будут найдены другие места для хранения зерна, они тут же будут наняты, а существующие освобождены для складирования иностранных товаров в будущем году».

3. Вопрос Уильяма Придо: «Могут ли двое ворот быть спешно открыты для общего пользования и для устранения серьезной возможности пожаров?»

Ответ Бориса Поркина: «Двое ворот будут открыты, и смотрители прикреплены к каждым из них, товары смогут ввозиться в английский двор без уплаты пошлин».

4. Вопрос Уильяма Придо: «Могут ли быть быстро построены два моста?»

Ответ Бориса Поркина: «Что касается мостов, один должен быть уже готов, второй будет возведен, когда доставят необходимое для строительства дерево».

5. Вопрос Уильяма Придо: «Те товары, которые не были проданы на морском берегу, могут ли ввозиться в глубь страны, если нет, можно ли хранить их здесь без уплаты пошлин до тех пор, пока не появится возможность возвратить их в Англию?»

Ответ Бориса Поркина: «Английские купцы, закончившие торговлю, должны сразу возвращаться домой, а не ехать в Москву или другие города России, ни с товарами, ни без них: если какие-то товары не были проданы, то купцы могут оставить их в Архангельске либо забрать с собой обратно в Англию без уплаты пошлин».

6. Вопрос Уильяма Придо: «Может ли быть обеспечен вывоз товаров без задержек, в то время как мое продвижение на аудиенцию к его царскому величеству прошло с максимальной быстротой?»

Ответ Бориса Поркина: «Задержек в вывозе товаров быть не должно, как только купцы будут просить разрешения на вывоз или ввоз товаров, они тут же будут отпущены. А для посланника лорда протектора негоже оставаться здесь в Архангельске надолго, а скорее продвигаться в Москву на царскую аудиенцию, на что мы имеем четкое царское указание – отправлять всех иностранных послов и посланников в Москву без

промедления, о чем я уполномочен объявить ему, а он передать его величеству лорду протектору содружества Англии, Шотландии и Ирландии, и доминионов им принадлежащих».

Как видно из вышеуказанных пунктов, архангельские власти дали положительный ответ на все требования, за исключением пятого, которое, безусловно, было самым важным для английских купцов – о разрешении торговли за пределами Архангельска. Подобный же ответ был дан ему и во время двух царских аудиенций.

22 февраля 1655 г. Придо предстал перед Алексеем Михайловичем в первый раз. Во время аудиенции он произнес речь, где после общих любезностей говорил о произошедших в Англии политических изменениях, о статусе Оливера Кромвеля и о необходимости восстановить прежние торговые привилегии, принадлежавшие английской «Московской компании» [22]. Копия речи сохранилась в бумагах Турло. После произнесения речи Придо было разрешено подать царско му величеству письмо от лорда-протектора, в котором также говорилось, что «великий земский сейм, отчаявшись в исправлении многих дуростей, бывших в Английской земле при державе прежних королей, переменил правление и поставил самого доброго и премудрого государя, Оливера, который посыает с большою любовию поклон к кесарскому величеству, великому государю кесарю Алексею Михайловичу, прося о возвращении вольностей, отнятых у купцов английских» [23].

11 марта 1655 г. Придо вновь был у царя, где получил разрешение отправиться в обратный путь в Англию. Перед отъездом он получил ответ на письмо Кромвеля, который вполне дипломатично подтверждал отказ, данный еще архангельским воеводой: «Что ваша честность пишете о торговых людях, то нам теперь об этом деле вскоре рассмотрения учинить, за воинским временем нельзя, а вперед наш милостивый указ будет, какой пристоен обоим государствам к покою, прибыли, дружбе и любви» [24].

Таким образом, основную задачу посольства Уильяму Придо выполнить не удалось. Посольская практика Российского государства в то время еще не была готова к подобным изменениям. Сама суть переговоров с лордом протектором, да еще и предавшим своего короля, противоречила идеи «божественного помазания на царство», которая была в православной России XVII в. очень актуальна. Русский дипломатический ритуал не мог соответствовать европейским реалиям того времени, в глазах русского царя Оливер Кромвель и его правительство выглядели дикарями и безбожниками. Об этом, в частности, свидетельствует одна деталь, на которую Придо жаловался Алмазу Иванову на диплома-

тических переговорах, произошедших после царской аудиенции, – когда царь спрашивался о здоровье Оливера Кромвеля, ни он ни его свита не встали со своих мест, тогда как прежде при вопросе о здоровье английского короля царь и бояре вставали, а низшие чины также снимали шапки. Как итог: возвращение к дружеским контактам и обсуждению пошлин и свободной торговли вне Архангельска произошло только в 1660 г., во время реставрации Стюартов, когда в Англии восстановился монархический строй.

Примечания

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией имп. Акад. Наук. Т. 4. СПб., 1842. С. 14.
2. Там же. С. 16.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 35. Сношения с Англией. 1645 г. Д. 154. Л. 65.
4. Зевахин А. А. Политические задачи миссии Г. С. Дохтурова в Лондон в 1645–1646 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2010. № 3(1).
5. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. № 169.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. № 169.
7. Зевахин А. А. Русский посольский обычай на примере дипломатической миссии в Англию в середине XVII века // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2010. № 9.
8. Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. Кн. 3. отд. 1. 1915.
9. Базилевич К. В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века. // Изв. АН СССР. Отд. Обществ. Наук. 1932.
10. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994.
11. Гамель И. Х. Англичане в России в XVI–XVII столетии. СПб., 1865.
12. Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией. Юрьев. 1912; Любименко И. И. Планы английской интервенции в Россию в начале XVII столетия. // Советская наука. 1941. № 2.
13. Шунков В. И. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII века // Исторический архив. Т. 2. М.; Л., 1939.
14. Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.
15. Телегина Э. П. К вопросу о торгово-предпринимательской деятельности англичан в России в 30–40-е гг. XVII в. // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического института. Т. 9. Благовещенск, 1958.
16. Преображенский А. А. Русское купечество XVII в.: социальный облик, самосознание // Купечество в России. XV – первая половина XIX в. М., 1997.
17. Архангельский С. И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. Т. 5. М., 1939.
18. A collection of the State Papers of John Thurloe. Volume 1–7. London, 1742.
19. Ibid. Volume 2. P. 597. Здесь и далее по тексту перевод А. А. Зевахина.
20. Ibid. Volume 3. P. 558.
21. Ibid. Volume 2. P. 562.
22. Ibid. Volume 3. P. 173.
23. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. СПб., 1897. С. 527.
24. Там же. С. 527–528.

УДК 94(470.342)

M. C. Судовиков

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ РАЗВИТИЯ КУПЕЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

В статье прослеживаются тенденции развития купеческой промышленности в Вятско-Камском регионе в конце XVIII – начале XX в., определяются ее особенности,дается характеристика крупных производств. Автором констатируется, что огромное влияние на вектор становления купеческой промышленности оказывала аграрная специализация региона и представители деловой элиты способствовали укоренению здесь прогрессивных форм хозяйствования, связанных с буржуазным укладом.

The article traces the main tendencies of development of the merchant industry in Vyatka-Kama region at the end of the XVIII – the beginning of the XX c. Some specific features of the industry are defined, and a survey of the major manufactures is given. The author points out that agrarian specialization of the region largely influenced the vector of rising of the merchant industry, and that the business elite promoted rooting here the progressive forms of managing connected with bourgeois patterns.

Ключевые слова: регион, купечество, промышленность, промышленный переворот, Машковцевы, Пастуховы, Вахрушевы, Александровы, Ушковы.

Keywords: region, merchant class, industry, industrial revolution, Mashkovtsevs, Pastukhovs, Vakhrushevs, Alexandrovs, Ushkovs.

Еще в XVII в. торговые люди Вятско-Камского региона начинают вкладывать свои средства в производство, что являлось для того времени новаторством, так как крупный капитал в основном имел торговое значение. Однако развитие промышленности шло тогда весьма медленно, и со стороны местных купцов инициативы по открытию мануфактур хотя и проявлялись, но крайне незначительно [1]. В свою очередь, оторванность делового сообщества от производственной деятельности сковывала развитие капиталистических отношений, и торговые люди по-прежнему сохраняли за собой статус феодального слоя населения.

С гораздо большей интенсивностью этот процесс протекал после петровских преобразований, вылившихся в Вятско-Камском регионе, как и в целом по стране, в заметное оживление экономической жизни, в частности в открытие крупных промышленных предприятий, что способствовало дальнейшему развитию товарного производства и росту внутреннего рынка. В первой половине XVIII столетия хлыновским купцом Григорием Вяземским был построен Кирсинский чугунолитейный завод (1729–1733 гг.), купцами Прозоровым и Дряхловым – Шурминский медеплавильный завод (1732 г.), купцом Иваном Толмачевым на реке Хлыновице – кожевенный завод (1747 г.) [2]. Все эти предприятия, связанные с развитием промышленности на Урале, работали на местном сырье и снабжали своей продукцией территории Русского Севера, Прикамья, Поволжья.

Вследствие дальнейшего покровительственного правительства курса, проводимого во второй половине века в отношении развития отечественного производства, изменения правового статуса крупных предпринимателей по екатерининской Жалованной грамоте городам, усиления конкуренции со стороны торгующих крестьян купцы интенсивно стали осваивать различные сферы промышленного производства. На рубеже XVIII–XIX вв. в Вятско-Камском регионе (Вятской губернии) работало 113 фабрик и заводов, из них весомая часть (42 предприятия, или 37,2%) принадлежала купцам (для сравнения: дворяне являлись владельцами 24 предприятий, мещане – 23, крестьяне – 7) [3].

Самыми многочисленными купеческими предприятиями того периода были салотопенные заводы (их насчитывалось 20), затем шли кожевенные производства (9), бумажные (3), мыловаренные (3), чугуноплавильные и железоделательные (2), медеплавильные, колокололитейные, стекольные, kleевые и поташные заведения (по 1) [4]. В регионе преобладали, как видим, прежде всего купеческие производства по переработке животноводческой продукции – говяжьего сала и «говяжьей, телячьей, конской, жеребковой, козловой» кожи, и их открытие обуславливалось спросом на внешнем рынке и в большей степени в Архангельском порту. Примечательно, что из 22 купеческих фирм губернии, торговавших в 1800 г. в портовых городах, 12 имели кожевенные и салотопенные производства, в 1810 г. – соответственно 27 и 10 [5].

Вятское кожевенное и салотопенное производство, связанное с зарубежной торговлей, занимало видное место в экономике государства в целом. В конце XVIII в. 60% сала, вывезенного через Архангельск, составляла продукция салотопен Вятской губернии и около 6% всей заграничной торговли России данным товаром, отно-

сительно выделанной кожи (юфти) эти показатели равнялись 40 и 7% [6]. Вятские кожи реализовывались купцами-промышленниками также в Петербурге и в азиатском направлении (Оренбург, Троицк).

Ориентированность на вывоз промышленных товаров из губернии проявилась в деятельности и других купеческих производств. Бумага с предприятияй Машковцевых, располагавшихся в Вятском уезде, и Филата Рязанцева (на р. Коце в Слободском уезде), кроме Архангельска, отправлялась в Астрахань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, железо с Песковского и Кирсинского заводов устюгского купца первой гильдии Ивана Курочкина – в Архангельский порт [7]. Одновременно с этим осуществлялась торговля товарами купеческого производства и в регионе, но в совокупности по объему реализованной продукции она уступала вывозной промышленной торговле.

В Вятской губернии прослеживались общие особенности развития российского купеческого предпринимательства в эпоху позднего феодализма. Одна из них – одновременное вложение капиталов одной семьи в несколько отраслей промышленности. На рубеже XVIII–XIX вв. купец второй гильдии г. Слободского Илья Платунов имел два салотопенных, кожевенный и kleевой заводы, Машковцевы являлись владельцами бумажных и салотопенного предприятия, Рязанцевы – бумажного, стекольного, лесопильных (имели «две лесопильные мельницы»), Утымышевы – кожевенного и кумачного, Калинины – кожевенного и лесопильного, Булычевы, как уже упоминалось, – кожевенных и салотопенных производств и т. д. [8]

Другая черта была связана с использованием труда и крепостных, и наемных рабочих. Так, если на Песковском чугуноплавильном и железоделательном заводе работали вольнонаемные государственные крестьяне, то на Кирсинском железоделательном заводе в начале XIX в. из 175 чел. 49 являлись крепостными [9]. На бумажных мануфактурах супруги Степана Яковлевича Машковцева, купчики из дворян Екатерины Михайловны, в конце XVIII в. было занято: на Медянской – 56 рабочих, из них 45 вольнонаемных и 11 из числа крепостных крестьян, на Никольской – из 64 рабочих было 33 вольнонаемных и 31 крепостной [10]. В дальнейшем эти производства перешли сыну С. Я. и Е. М. Машковцевых Ивану Степановичу, и в конце 1820-х гг. на Никольской фабрике было 69 крепостных и «вольнонаемных казенных крестьян... от 5 до 12 чел.», на Медянской – соответственно 31 чел. и «от 15 до 58 чел.» [11]. Хотя со временем у Машковцевых росло число крепостных (они являлись владельцами таковых, и им выгоднее было привлекать к работам прежде всего

своих «мастеровых людей, покупных с фабриками и после оных»), тем не менее в использовании на этих и других купеческих предприятиях вольнонаемного труда проявлялись признаки капиталистического производства.

Со второй четверти XIX в. представители региональной деловой элиты постепенно втягивались в процесс общей модернизации экономики страны, связанный с промышленным переворотом. На их предприятиях проводились реконструкции – закупалось новое оборудование, приглашались иностранные специалисты. Машинная техника купцами использовалась в металлургическом, бумажном, маслобойном производствах. В ведомостях о фабриках и заводах Вятской губернии, в частности, сообщается: «При доменном горне и кричных фабриках имеются воздуходувные машины» (Омутнинский и Пудемский заводы Пастуховых); «При доменном и кричном действиях имеются деревянные машины, каждая о 3-х цилиндрах, приводимые в действие водяными колесами» (Песковский завод А. И. Маликова); «На фабрике имеются машины, действие оных приводится силою воды» (Медянская и Никольская фабрики И. С. Машковцева); «В заводе имеется заторная машина... сушильная для семя в действие приводится водою» (маслений завод купеческой жены А. В. Ермолиной в Вятском уезде); и др. [12]

В 1835 г. на одном из вятских купеческих бумажных предприятий побывал молодой ссыльный А. И. Герцен, который был впечатлен увиденным: «Огромные колесы влекутся с бешеным какою-то невидимою силою, обращая бездну других колес с треском и шумом», – писал он [13]. С конца 1840-х гг. устанавливались машины, выводившие технику производства бумаги на купеческих фабриках на европейский уровень [14]. На бумажных же предприятиях работали иностранные специалисты. На Медянской фабрике Машковцевых мастером был «боварский поданный Иоаган Христианов Раш» [15], приехавший в Вятку в 1830 г. и являвшийся владельцем дома (в нем в середине века жил ссыльный М. Е. Салтыков-Щедрин).

Хотя купеческие предприятия с машинной техникой имели сравнительно высокую сумму годового производства и на них сосредотачивались немалые по тем временам людские ресурсы, но в Вятской губернии продолжал широко использоваться и ручной труд, и в целом в первой половине XIX столетия промышленность региона еще не вышла из мануфактурной стадии [16]. Вместе с тем в тот период шел процесс укрепления позиций гильдейского предпринимательства в экономике губернии. В 1800–1861 гг. здесь было открыто 160 крупных производств, из этого числа 51, или 31,9%, – купцами [17]. В начале

1840-х гг. доля их предприятий в регионе составляла 47,5%, в середине века – 55,4% [18].

По числу действовавших фабрик и заводов купцы лидировали в бумажном, китаечном, кумачном, пряничном, стекольном, колоколенном, чугуноплавильном и железоделательном, мыловаренном, салотопенном и свечном производствах [19]. Промышленной деятельностью этой группы населения были охвачены преимущественно северные и юго-восточный уезды губернии – Вятский, Слободской, Орловский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский.

Во второй половине XIX – начале XX в., когда Россия, вступив в эпоху капитализма, полным ходом шла по пути индустриального развития, роль предпринимательского сословия в этом процессе была решающей [20]. В середине 1880-х гг. в Вятской губернии насчитывалось 347 крупных и средних производств, из них купцам принадлежало 141, или 40,6% [21]. В начале же XX в. купеческие предприятия здесь составляли около 38% [22].

В пореформенное время, как и в целом в стране, на местных предприятиях более масштабно внедрялась машинная техника, таким образом промышленным переворотом охватывались все новые отрасли – железоделательная, химическая, кожевенная, винокуренная и др. В 1880-е гг. наибольшее количество купеческих предприятий имелось в кожевенном, салотопенном и сально-свечном, винокуренном, пряничном производствах, в начале XX в. – в группе предприятий по «обработке животных продуктов» (кожевенные заводы), по «обработке питательных и вкусовых веществ» (винокуренные и пивоваренные, маслобойные, булочно-кондитерские предприятия), и в основном это были небольшие, с числом рабочих от 6 до 100 чел., предприятия [23].

К числу крупных купеческих производств относились Омутнинский, Пудемский, Песковский, Кирсинский заводы, на которых из местной железной руды выплавлялся чугун и производилось железо. С середины – второй половины XIX в. владельцами этих, тяготевших к уральской горнозаводской промышленности, предприятий являлись ярославские купцы Пастуховы, использовавшие в производстве доменную и мартеновскую выплавку металла. На их предприятиях была сосредоточена значительная часть местных рабочих. По данным на 1883–1884 гг., на заводах Пастуховых работали более пяти тысяч человек, в том числе на Омутнинском – 2402 чел., на Песковском – 1600, на Кирсинском – 709, на Пудемском – 500; в 1900 г. на этих предприятиях насчитывалось 6927 чел., или 19,3% всех рабочих губернии [24].

Занимая на металлургическом рынке России видное место (побывавший в стране в 1858–

1859 гг. Александр Дюма-отец назвал одного из Пастуховых – Александра Матвеевича – «кажется, дважды или трижды» миллионером и отмечал, что он «торгует железом по всей России» [25]), Пастуховы сохраняли свое влияние на нем продолжительный период. В 1882 г. в Москве на Всероссийской промышленно-художественной выставке, где экспонировались «железо Кирсинского и Омутнинского заводов разных сортов и размеров», «руды Омутнинского завода», «чугун разных сортов, шлаки доменной плавки», они получили право использовать изображение государственного герба на своих изделиях [26].

К началу XX в., когда владельцем предприятий являлся Николай Петрович Пастухов (1820–1909), его склады и конторы по продаже железа, свинца, олова, меди, цинка и т. д. располагались в Санкт-Петербурге, Москве, Туле, Ярославле, Вятке, на Нижегородской ярмарке [27]. На заводах Омутнинского горного округа (главная контора Пастуховых находилась в Ярославле, заводоуправление – в Омутнинске) также производились рельсы, балки, трубы, гвозди, проволока, чугунное литье.

Положительную динамику деятельности заводы Пастуховых имели и в начале XX столетия. Во многом благодаря осуществленной в то время реорганизации производства их предприятия вошли в «список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии» [28], хотя металлургическая промышленность региона тогда характеризовалась кризисными явлениями (в 1909 г. были закрыты предприятия Холуницкого округа «несостоительного должника Поклевского-Козелл»).

Одними из лидеров вятского кожевенного производства во второй половине XIX – начале XX столетия были Вахрушевы. На их заводах, располагавшихся в Слободском уезде, производилась «выделка сырых яловых кож на белую юфту», изготавлялась обувь и амуничные вещи [29]. Постоянно участвуя в торгах на поставку кожевенных товаров в казну, самые большие партии товаров этих предпринимателей предназначались для военного ведомства, выполнялись ими заказы и различных московских фирм.

В начале XX в., закупив машинную технику российских и зарубежных фирм, Вахрушевы открыли механические фабрики, существовавшие при старых заводах. Так, «на механической фабрике для шитья солдатского сапога» при кожевенном заводе торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями» имелось «38 станков для предварительной затяжки на колодку, для накрывки подошв и подметок, одна машина “Рондэлла” для срезания краев», швейные машины «Зингер», два автоматических штамповочных пресса, один формовочный пресс для подошв, одна подошво-прошивная машина и т. д. [30]

Особенно большой спрос на кожевенную продукцию местных производителей был в военные годы. В период Первой мировой войны, в сентябре 1916 г., торговый дом «Ф. Т. Вахрушева Сыновья» просил Главное интендантское управление в Петрограде «о наряде вагонов для внеочередной перевозки на завод... невыделанных кож: 1) со станции “Татарской” Сибирской железной дороги – 10 вагонов; 2) со ст. “Омск” – 15 вагонов; 3) со ст. “Курган” – 5 вагонов и 4) со ст. “Петропавловск” – 5 вагонов» [31]. В то время этим торговым домом выпускалось по 75–100 пар обуви в сутки. «Работы везде идут ускоренным темпом», – говорилось в газетной хронике с названием «Оживление в местном кожевенном и сапожном производстве» тех лет [32].

Помимо Вахрушевых владельцами больших кожевенных производств были купцы Лаптевы, Поскребышевы, Зоновы (Вятка), И. С. Поскребышев, братья Николай, Иван и Александр Ивановичи Половниковы (Нолинск), Фофановы, Ф. А. Рыбакова (Слободской), Ф. П. Барабанчиков, Пешехоновы (Сарапул). В 1870-е гг. в Вятке на кожевенном заводе купцов 2-й гильдии Михаила Яковlevича и Василия Степановича Поскребышевых, с числом рабочих «от 80 до 90 чел.», производилась «белая юфта в количестве 35 тыс. кож» на сумму 210 тыс. руб. в год, на заводе Ивана Яковлевича Поскребышева «от 70 до 80 рабочих» выделяли кожи (белую юфть и подошвенные) на сумму 240 тыс. руб. [33] В отличие от некоторых других кожевенных предприятий на заводе М. Я. и В. С. Поскребышевых, размещавшемся в каменном здании, работала «паровая машина в 12 сил высокого давления для растолчки ивовой коры и для подъема из реки Вятки, посредством насоса, воды до 2500 ведр в час» [34].

В начале XX в. на кожевенном заводе с шорной мастерской купца первой гильдии Ивана Игнатьевича Лаптева, где трудились «до двухсот» рабочих, годичное производство определялось суммой в 1 890 000 руб. [35]. На заводе Михаила Дмитриевича Лаптева при 150 постоянных рабочих и 50 временных выделялось «белых юфтовых кож» на сумму 1 125 000 руб. [36] Купеческие семьи Лаптевых, Зоновых и другие в тот период участвовали в торгах на поставку кожевенных изделий в военное и морское ведомства.

Во второй половине XIX в., после отмены дворянской монополии на винокурение и введения с 1863 г. на него акцизной системы, широкое развитие в регионе получает купеческая винно-водочная промышленность. Число предприятий этой отрасли с 14 в середине XIX в. возросло до 40 в 1870 г., из них гильдейские предприниматели владели 25 заводами [37]. Купеческие винокуренные предприятия размещались в десяти уездах губер-

нии. В 1860-е гг. самые высокие объемы производства имели заводы Александрова в Слободском уезде, Матвеевой – в Уржумском, Ушкова – в Елабужском, Кононова – в Глазовском, Кардаковых – в Котельничском.

Лидерство в отрасли купцы обеспечивали созданием сети предприятий, выпускавших разнородную продукцию, но объединенных территориально, в том числе и для тесного взаимодействия в производственной сфере. По данным на 1870-е гг., наследникам Василия Васильевича Александрова в г. Слободском «при слободе Демьянской» принадлежали винокуренный, водочный и пиво-медоваренный заводы, а в имении «Соколовское» в Слободском уезде – винокуренный и водочный заводы [38], и в общем плане их взаимодействие выражалось в следующем: если покупка сырья для винокуренных и пиво-медоваренного предприятий велась специально, то производственный цикл на водочных заводах зависел от наличия спирта, которым они обеспечивались с винокуренных предприятий тех же хозяев. Такое же взаимодействие производств наблюдалось в слободе Кукарке Яранского уезда, где у Александровых также работали винокуренный и водочный заводы.

Несколько иначе обстояли дела у владельца водочного завода купца 1-й гильдии г. Вятки Петра Савинцева: ему приходилось закупать сырье в своей губернии и в Москве [39]. Купец 2-й гильдии С. Д. Троегубов (Нолинск) для собственного водочного производства приобретал вино и спирт «из складов и заводов купца Александрова в Слободском и Яранском уездах» [40].

Продукция вятских винокуренных заводов успешно реализовывалась как за границей, так и внутри страны – более чем в 15 губерниях, прежде всего в Пермской, Казанской и Вологодской. Торговля спиртными напитками с местных купеческих предприятий масштабно осуществлялась и в Вятской губернии.

Кроме оптовой продажи купцы-винопромышленники открывали свои питейные заведения. На рубеже 1870–1880-х гг. купец первой гильдии Иван Васильевич Александров имел в Слободском шесть питейных заведений, один оптовый склад, пять трактиров и один ренсовский погреб, в Слободском уезде ему принадлежало 45 питейных заведений, трактир, ренсовский погреб и оптовый склад, в Вятском уезде – 15 питейных заведений, в г. Орлове – 4 (для сравнения: всего в тот период в Вятской губернии насчитывалось 1546 питейных заведений) [41]. В 1900 г. винокурение в регионе достигало более 30% суммы производства всех местных фабрик и заводов [42].

Во второй половине XIX в. благодаря купцам Ушковым Вятская губерния становится важным центром химической промышленности России. С именами Капитона Яковлевича Ушкова и его ком-

паньона московского купца 1-й гильдии П. С. Малютина связано появление в 1850 г. первого в стране хромпикового завода в Кокшанской лесной даче [43]. На Кокшанском и Бондюжском химических заводах этих предпринимателей, располагавшихся в Елабужском уезде, с использованием преимущественно отечественного сырья и различного специального оборудования – калильных и отражательных печей, свинцовых камер, железных паровиков, водоподъемных машин, водяной мельницы и т. д. – производились, помимо хромпика, серная кислота, поташ, квасцы, купорос.

Химические товары Ушковых приобретались «на русские мануфактуры и фабрики в Санкт-Петербурге, Москве, Иванове, Перми, Казани, Саратове, Астрахани, Елабуге», а также торговля ими велась на Нижегородской, Мензелинской и Ирбитской ярмарках [44]. Обращает на себя внимание тот факт, что с раннего времени эти заводовладельцы уделяли внимание обустройству быта своих рабочих. В 1870-е гг. на Бондюжском химическом заводе Петра Капитоновича Ушкова, где трудились 320 чел., имелась больница с постоянным вольнонаемным фельдшером, семейные рабочие располагались в «особо устроенных домах» [45]. Действовала больница и на Кокшанском заводе с числом рабочих 410 чел. Кроме того, на этом предприятии существовала школа для «детей заводских мастеров и рабочих» [46].

В экономике городов весомо были представлены мелкие купеческие предприятия, связанные с выпуском предметов повседневного спроса – мыла, свечей, спичек. Во второй половине XIX столетия в Вятке работали «мыловаренной, kleevаренной и свечной завод» Сунцовых, kleevаренный и воскосвечный заводы Алексея Казенина (использовал машинное оборудование), воскосвечный завод Ивана Овчакина, открытый еще в 1830 г., «спичечные заведения» Андрея Хлебникова, Ивана Куклина и Ипполита Попова; в Сарапуле действовали мыловаренные заводы Алексея Зайцева, Осипа Бородина (занимался также сольно-свечным производством), воскосвечный завод братьев Петра и Василия Зылевых; в Елабуге работали свечелитейные заводы Алексея Баутина и Василия Бусыгина, воскосвечный завод Парфена Зимины; в Глазове действовал мыловаренный завод Михаила Шутова, а в Уржуме – Ивана Сметанина (имел также сольно-свечное заведение); в Слободском выпуск спичек осуществляли Константин Шмелев и «купчиха Ворожцова и К°» (ей принадлежал и kleevаренный завод в этом городе), в Орлове – купцы Григорий Силин и Иван Попов; в Яранске производство свечей велось на заводах Василия Беляева, Ивана Семенова и Дмитрия Жукова [47].

В Слободском существовала сеть купеческих предприятий по обработке мехов и выпуску одеж-

ды. По сведениям на 1872 г., владельцами скорняжных заведений были купцы Николай Шмелев, Михаил Плюснин, Распоповы, шубных – Шулаков, купчиха Желвакова, замшевого – Прокопий Агафонов [48]. В 1885 г. в числе крупных заводов (с годовой суммой производства – более 1 тыс. руб.) значились пять слободских гильдейских предприятий данного профиля – Ивана Желвакова, Николая Дряхлова, Дмитрия Плюснина, Ивана Трофимовича Распопова, Ивана Ивановича Распопова [49].

Купцы вкладывали средства и в открытие предприятий строительной отрасли: в Котельниче работали кирпичные заводы купцов Кардаковых, Михаила Глушкова, Федора Ситникова, в Слободском – Рыбакова, купеческого брата Михаила Катаева, в Яранске – Ивана Костромитинова, в Глазове – Михаила Шутова [50].

Пищевая промышленность городов Вятской губернии, помимо винокуренных и водочных производств, была представлена: в Вятке – шоколадной и кондитерской фабрикой и булочно-пряничным заведением Станислава Якубовского, в Котельниче – пряничными заводами Федора Ситникова, Матвея Воронцова, Василия Куршакова, в Елабуге – пряничными заведениями Алексея Баутина, Дмитрия Кулакова, Бусыгиных, Ивана Пестерева, Ивана Епанечникова, в Нолинске – заводами этого же профиля Алексея Парамонова, Коробковых, Зыкиных, Ивана Стрижова, в Слободском – солодовенным заведением Михаила Катаева, в Глазове – пряничным заводом Платуновых, в Сарапуле – маслобойными заведениями купцов Курбатовых и пряничным производством Марка Овсянникова [51].

Благодаря купечеству в городах развивалась металлургия и химическое производство. В Вятке работал синекалевый завод купца Федора Клячина, в Слободском – чугуно- и меднолитейные заведения Косаревых, химический завод Платуновых, где изготавливались купорос, фосфор, азотная кислота, в Сарапуле – чугунолитейный завод братьев Дедюхиных, в Елабуге – чугунолитейный завод братьев Шишкиных [52].

В Слободском купец Николай Бакулов с братьями занимался изготовлением медных церковных колоколов, отправлявшихся на Нижегородскую ярмарку; велись работы и по заказам. В 1870-е гг. его завод размещался в пяти деревянных строениях, где трудились 20 рабочих (сумма годового производства этого предприятия достигала 60 тыс. руб.) [53]. В тот период Бакулевы отливали колокол для Русского скита на Афоне.

Показателем успешности некоторых купеческих производств служили награды, полученные на российских и международных выставках. Так, «за химические изделия» купец первой гильдии, мануфактур-советник Петр Капитонович Ушков

в 1872 г. «по представлению экспертов Московской политехнической выставки» получил большую золотую медаль и почетный диплом, в 1873 г. от австрийского правительства «за выставку в Вене» он удостаивается высшей награды – «большой медали преуспеяния» и диплома, в 1876 г. от правительства Северо-Американских Соединенных Штатов «за выставку в Филадельфии» – золотой большой медали и диплома, в 1878 г. от французского правительства «за выставку в Париже» – большой золотой медали, а в 1882 г. «за выставку в Москве» ему было «Высочайше даровано право употребления Государственного герба на химических изделиях» [54]. В «Вятских губернских ведомостях» сообщалось о купцах, получивших награды Казанской выставки. В 1890 г., например, обладателем золотой выставочной медали стал И. В. Александров («за весьма хорошее качество спирта и хорошее вино»); большие серебряные медали получили Игнатий и Михаил Дмитриевичи Лаптевы («за хорошую выделку юфтовых и подошвенных кож»); малые серебряные медали – фирма Распоповых («за хорошую выделку беличьих мехов»), торговый дом братьев В. и А. Сунцовых («за производство хорошего качества мыла и свеч»); бронзовую медаль – И. Д. Лаптев («за производство хорошего качества клея») и т. д. [55] В 1907 г. на международной выставке в Париже фирма С. О. Якубовского, занимавшаяся кондитерским производством и торговлей музыкальными инструментами, была премирована «большой золотой медалью и почетным крестом» [56].

Как видим, профессиональная деятельность региональной деловой элиты была связана с вкладыванием ею капиталов как в традиционные, так и в новые (в частности, в химическое производство) отрасли экономики. Огромное влияние на направленность развития купеческой промышленности оказывала аграрная специализация Вятско-Камского региона. Нельзя не отметить, что гильдейские предприятия стали важным звеном в процессе создания акционерных обществ и торговых домов, интенсивно протекавшем в стране в ту эпоху, и особенно на рубеже XIX–XX вв. Нами уже сообщалось, что в наибольшем числе в Вятской губернии открывались торговые дома – полные товарищества, часто организованные на родственных началах и представлявшие собой первичный уровень объединения капиталов [57]. Тем не менее все это еще раз говорит о том, что представители купеческого сословия своей профессиональной деятельностью способствовали укоренению здесь прогрессивных форм хозяйствования, связанных с буржуазным укладом. В целом же роль купечества в становлении региональной промышленности, безусловно, была весьма значимой.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009. С. 68–70.
2. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 38–41; *Его же. История Вятского края в XII – середине XIX в.* Киров, 1996. С. 98–100.
3. Матвеев И. И. Фабрично-заводская промышленность в Вятском крае в конце XVIII в. и начале XIX в. // Вятская жизнь. 1923. № 4. Июль – август. С. 70.
4. Там же.
5. Государственный архив Кировской области, даее ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 99–101; Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 72об.–73, 80–80об., 123–123об.
6. Матвеев И. И. Указ. соч. С. 57, 60.
7. Там же. С. 45–46, 64–65; ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 312об.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 99–99об., 100об.; Там же. Оп. 2-л. Д. 297. Л. 55; Матвеев И. И. Указ. соч. С. 52–60, 64–68.
9. Матвеев И. И. Указ. соч. С. 45–46.
10. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края... С. 51.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 63. Л. 312.
12. По данным на 1848 г.; ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 179–180, 185об.–190, 220–221, 224–227.
13. Герцен А. И. Соч.: в 30 т. Т. 21. М., 1961. С. 50.
14. Два века в пути: к 200-летию фабрики «Красный курсант» (1785–1985). Киров, 1985. С. 15–16.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 220–221.
16. Эммаусский А. В. История Вятского края... С. 154–156.
17. Там же. С. 154.
18. Подсчитано по: Вятские губернские ведомости. 1841. Прибавление № 10; ГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 324. Л. 1–264.
19. Там же.
20. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 47–116, 126–135, 139–142; и др.
21. Подсчитано по: Календарь Вятской губернии на 1887 г. Отд. II. Вятка, 1886. С. 69–125.
22. Подсчитано по: Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 40–41, 95, 116, 138, 177, 258–259, 349, 416–418, 506–509, 731.
23. Календарь Вятской губернии на 1887 г. Отд. II. Вятка, 1886. С. 69–125; Список фабрик и заводов Европейской России... С. 416–418, 506–509.
24. Государственный архив РФ. Ф. 102. З ДП. 1884. Д. 88. Ч. 23. Л. 14об.–15; Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 г. Вятка, 1901. С. 27.
25. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч. в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 148–149.
26. Награды, присужденные экспонентам Вятской губернии на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве // Календарь Вятской губернии на 1883 г. Отд. I. Вятка, 1882. С. 24, 26.
27. Обнорская Н. В. Николай Петрович Пастухов // Имею честь быть Вашим... К столетию училища им. Н. П. Пастухова. Рыбинск, 2000. С. 25; Н. П. Пастухов был купцом первой гильдии, потомственным почетным гражданином (Государственный архив Ярославской области. Ф. 509. Оп. 2. Д. 1515. Л. 28об.).
28. Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1914 г. Отд. II. Вятка, 1913. С. 188, 195.
29. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 902. Л. 180–184об., 186–187; След в веках: 150 лет кожевенно-обувному производству в Вахрушах. Киров, 2004. С. 17–21.
30. ГАКО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.
31. Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 210. Л. 13.
32. Вятская речь. 1914. № 190, 2 сент.
33. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 367.
34. Там же. Л. 746.
35. Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 539. Л. 26–27; По сведениям на 1909 г.
36. Там же. Л. 39–40.
37. О винокурении в Вятской губернии со времени введения акцизной системы // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Отд. IV. Вятка, 1870. С. 82, 87–88.
38. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 620–625об., 656–656об.
39. Там же. Л. 368об.
40. Там же. Л. 507–507об.
41. Там же. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1501. Л. 5, 8, 49, 52.
42. В 1900 г. общая сумма производства фабрик и заводов Вятской губернии составляла 31 047 767 руб., из них винокуренными заводами было изготовлено продукции на 9 980 794 руб. (Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1900 г. Вятка, 1901. С. 27, ведомость № 2; О фабриках и заводах в Вятской губернии за 1900 г. // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 г. Отд. I. Вятка, 1901. С. 43).
43. Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. С. 65, 68.
44. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 844–851.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же. Л. 12об., 14, 115, 120об., 367–367об., 603–604, 616–617, 682–682об., 825–828об., 831–832об.; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 69–70, 89–93, 122–125.
48. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 616об.
49. Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 85–87.
50. Там же. С. 120–121; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 277об., 481об., 616–616об., 683.
51. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 12об., 14, 426об., 481об., 616, 819–824об.; Список фабрик и заводов Европейской России... С. 506–509; Календарь Вятской губернии на 1887 год. Отд. II. Вятка, 1886. С. 106–108.
52. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241. Л. 12об., 14, 120об., 367, 616, 617.
53. Там же. Ф. 582. Оп. 26. Д. 277. Л. 6.
54. Там же. Оп. 138. Д. 155. Л. 111об.–112.
55. Вятские губернские ведомости. 1890. № 99. 12 дек.; Там же. № 101. 19 дек.; Там же. № 102. 22 дек.
56. Вятский вестник. 1907. № 267. 16 дек.; По словам современника, С. О. Якубовский «начал свое “дело” с женой вдвоем с небольшой булочной пекарни и постепенно развел его в большое предприятие. Выписал в Вятку из-за границы специальные машины для замешивания и разделки теста для разного рода булочных изделий, а также и для кондитерских товаров. Этот магазин находился на левой стороне Николаевской улицы, против площади Спасского собора» (Серф

гиеv Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2. О быте // Отд. краевед. литературы Кировской обл. науч. библ. им. А. И. Герцена. Фонд «Д». № 641. С. 197).

57. Судовиков М. С. Торгово-промышленные объединения регионального купечества России в XIX – начале XX в.: механизмы формирования, особенности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(1). С. 47–52.

УДК 94(47)

E. V. Кустова

ВЯТСКАЯ ДУХОВНАЯ ШКОЛА в XVIII в.: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье анализируются проблемы, которые возникали в процессе создания и развития Вятской духовной школы в XVIII в. В частности, рассматриваются вопросы содержания школы, учительских кадров, набора учеников в школу, программы и методов обучения и воспитания школьников.

The author analyses the problems which arose in the course of establishing and developing Vyatka Spiritual School in the XVIII c. In particular, the problems of funding the school, admitting pupils to it, forming the teaching staff, the program and methods of training and upbringing of schoolboys are considered.

Ключевые слова: духовенство, славяно-латинская школа, духовная семинария, обучение, воспитание.

Keywords: clergy, Slavic-Latin school, theological seminary, teaching, upbringing.

Необходимость широкой системы духовного образования в России ощущалась еще в допетровское время. Периодически возникавшие училища были невысокого уровня и быстро закрывались. И даже созданная в 80-е гг. XVII в. в Москве Славяно-греко-латинская академия при отсутствии епархиальных школ не могла подготовить необходимого числа священнослужителей. На практике сыновья духовенства почти всегда готовились к служению в родительском доме [1]. Однако этого обучения часто было недостаточно. В русских храмах практически не звучало проповедей, и прихожане весьма отдаленно представляли догматы Церкви. Даже в начале 1730-х гг. В. Н. Татищев отмечал, что должность духовенства и церковнослужителей «...в том состоит, чтоб неведущих закону Божию поучали и на путь спасения наставляли», но «...з горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва между 1000-ю один ссыщется ль, чтоб Закон Божий и гражданский сам знал и подлому народу оное внятным поучением внушить и растолковать мог» [2].

Петр I, который впервые в России поставил задачу создания широкой системы образования, ориентировался на западный опыт, в частности, на римско-латинскую школу. Московская академия по распоряжению царя была преобразована по образцу Киевской академии, и ее эллино-славянское образование заменилось латинским [3]. Вместе с тем в академию перешли и все киевские школьные порядки, разделение классов, учебные предметы, школьные должности, экзамены, диспуты, школьное проповедничество и т. п. Подобная система должна была действовать и в провинциальных школах.

В 1721 г. Петр I приказал архиереям в соответствии с «Духовным регламентом» создать духовные школы для обучения будущего духовенства [4]. Курс обучения в новых школах был рассчитан на 8 лет, а в основу преподавания была положена латынь. Школы должны были устраиваться в виде закрытых учебных заведений, по образу монастыря, с редкими свиданиями с родственниками, строгим распределением времени, неусыпным надзором ректора и префекта. Обучение в семинариях становилось обязательным для детей духовенства. Назначение в клир теперь находилось в зависимости от получения образования в духовной школе [5]. Управление школами было предоставлено самим архиереям.

В 1723 г. была организована первая на Вятке духовная школа при Вятском Архиерейском доме. В ней 35 человек учились читать и писать, изучали азбуку, часослов, букварь, псалтырь. Однако эта система не выходила за рамки обычного домашнего образования того времени и не соответствовала предписаным «Духовным Регламентом» требованиям. Причины было, по крайней мере, три: отсутствие учителей, знавших латынь, скучность церковных средств и характер вятских архиереев Дионисия и Алексия, которые были приверженцами старины и не поддерживали петровских нововведений в образовании [6]. Кардинально меняется облик Архиерейской школы после приезда на Вятку в 1733 г. епископа Лаврентия (Горки). В 1734 г. заботами епископа в Хлынове при Архиерейском доме открылись славяно-латинская и российская школы. В 1758 г. на их базе возникла Вятская духовная семинария.

В процессе становления духовного образования на Вятке возникало немало проблем, которые приходилось решать архиереям и начальникам школы. Первая группа проблем касалась условий функционирования духовной школы – учительских кадров, набора учеников, помещения и содержания школы, а также обеспечения школьников учебной литературой. Вторая группа проблем касалась самого процесса обучения и воспитания.

Успешность обучения во многом была обусловлена наличием *хорошо подготовленных* учи-

тельских кадров. Преподаватели духовных школ в Петровскую эпоху были в основном малороссами – выпускниками Киевской и Московской академий [7]. Вятская школа не была исключением. Первых учителей еп. Лаврентий (Горка) пригласил из Киевской духовной академии, где некогда был ректором. По его приглашению в далекую Вятку приехали «учёные мужи» М. Финицкий и В. Лещинский. Также епископ вызвал из монастырского ареста бывшего киевского студента иером. Иоакима (Богомедлевского) [8]. Однако желающие ехать из Киева в Хлынов находились далеко не всегда. Поэтому М. Финицкий, сменивший еп. Лаврентия на посту начальника школы, ввел систему взаимообучения, когда способные студенты старшего класса риторики обучали младших: сначала класса аналогии, потом инфимы, далее грамматики и синтаксисы. Такой путь прошли братья Николай и Михаил Сеземовы, Иоакинф Черепанов, Михаил Снигирев, Назар Хорошавин, Василий Клобуков. Только Федор Порошин (Радикорский) и Мина Мышикин, обучавшиеся после семинарии в Московской академии, сразу стали учителями старших классов грамматики и пиитики [9]. Благодаря этой системе после нескольких лет работы школа получила наставников из вчерашних студентов.

Помимо учительского коллектива был сформирован и аппарат «хозяйственных» и «воспитательных» должностей в лице прокуратора, который следил за материальным обеспечением школьников, а также префекта и суперинтенданта, отвечавших за поведение и обучение семинаристов. Также были должности катехизатора, библиотекаря, подканцеляриста, пищика, рассыльщика, хлебников, поваров, квасовара, истопника, сторожа, портомой [10].

Второй проблемой, стоявшей перед школой, был набор учеников. После открытия в Хлынове школы вятчане не спешили отдавать своих детей в новую школу: «...издревле бе обычай детоводцем учили дети малыя вначале азбуце, потом чассловцу и псалтыри». Однако еп. Лаврентий, по мнению хлыновцев, вздумал заводить на Вятке какую-то новую «латинскую» школу и учить в ней наукам – «каким – неведомо» [11]. Поэтому школе оказывали всяческое сопротивление. Как писал вятский архиерей Синоду в 1734 г., «в многообразном и нестерпимом моем гонении от врагов... нельзя мне и жить, не токмо епархию управлять. Все единодушно на мое зло настроены и развращены... Хотел я и учения славено-латинских в епархии вятской заводить и учителей из Киева двух человек мирских вызвал, но за таким гонением и противностями ждать доброго не возможно!»

Тем не менее архиерей боролся до конца. В конце 1734 г. он отправил рассыльных и приста-

вов для сыска детей, укрывающихся от обучения, приказал вязать их и заковывать в колодки в случае сопротивления. Власти грозили, что утившим детей или не явившимся на смотр «учинена будет смертная казнь без пощады». Активные действия епископа и угрозы подействовали: в 1735 г. из 555 детей священноцерковнослужителей Вятской провинции [12] в школу сумели доставить около 400 человек в возрасте от 7 до 25 лет. Умеющих читать и писать отправляли в латинскую школу. Неграмотные учились азам русской грамоты в славяно-российской школе, а также у городских дьяконов и причетников, в монастыре или у своих отцов [13]. Однако недовольство школой с «неведомым учением» было слишком велико. В 1736 г. на школу напали посадские и служилые люди, вооруженные палками и кирпичами, которые разгромили здание. От нервного расстройства Лаврентий (Горка) был поражен параличом и через год скончался. После его смерти учителя были настолько не уверены в своем дальнейшем существовании, что решили бежать [14], вслед за ними разбежались и 159 учеников. Новому еп. Вениамина пришлось возвращать беглецов, предпринимая суровые меры [15].

Впоследствии для набора учеников архиереи стали проводить особые смотры. Детей духовенства принимали в славяно-латинскую школу (позже – семинарию), если они имели необходимые навыки письма и чтения книг на русском языке. Дети, не сумевшие показать успехов, отсылались домой еще на год или два для «совершенного обучения». Через указанный срок родители должны были вновь представить их на смотр в консисторию под угрозой штрафа. Также штраф взимался с тех, кто решил жениться раньше времени, дабы не идти учиться. Чтобы остановить этот процесс, было запрещено жениться раньше 15 лет [16]. Однако, несмотря на угрозы, рассыльщикам из семинарской конторы постоянно приходилось разыскивать детей священнослужителей, которые были отпущены по домам для обучения славяно-российской грамоте или бежали из школы. Проблем возникало немало: кто-то отказывался ехать, и его приходилось везти в кандалах, а где-то их ждал и вовсе «горячий прием». Так, в одном из домов рассыльщиков «били кулаками по головам и по щекам» [17].

За 15 лет работы школы стало ясно, что средства, которые отпускаются на нее, используются нерационально: дети, которые не имели способности к обучению, лишь теряли время, в то время как многих «остроумных и добре учащихся» было трудно удержать по причине бедности до конца школьного курса. В результате епархия не получала необходимого числа грамотных и образованных священников и диаконов. Поэтому в 1749 г. по решению еп. Антония проводится ре-

форма школы. Было решено не брать в школу детей старше 15 лет. Тех, кто уже обучался, но оказался «крайне туп», «развращен» и «непобедимой лености», было решено отпустить по домам. Но чтобы они не имели преимуществ в получении церковных должностей, было указано в духовный чин их не посвящать, а с их родителей брать штраф. В результате в 1750 г. в славяно-латинской школе на семинарском питании остались 92 человека [18].

Ситуация повторилась при открытии семинарии в 1759 г. Всех детей священников в семинарии обучатьказалось невозможнo. 66 человек, хорошо знавших русскую грамоту, были определены в латинскую школу, а 121 человек – в русскую школу. На семинарском содержании в обеих школах находилось 65 школьников. Малолетние дети, которые имели отцов (166 человек) были отданы родителям, с тем чтобы за 1,5 года они обучились дома азбуке, Часослову и Псалтыри «в твердости». Та же судьба постигла и неспособных «великорослых» учеников, которые «к понятию вышних наук» оказались неспособны. По указу епископа после экзамена в консистории они были отправлены домой с условием в течение одного-двух лет обучиться русской грамоте «...читать, петь и писать в твердости... дабы оным в праздности и бес пропитания не остались». Если в указанные сроки они не постигали навыков чтения и письма, на их отцов накладывался штраф, а сами они исключались из духовного звания: здоровых ждала солдатская служба, а больные должны были перейти в крестьянское или мещанское сословие [19]. Подобные проверки проходили и в последующие годы. Так, в 1763 г. из 224 учащихся было решено оставить только 100 «остропонятных, надежных и добронравных», которых содержать за счет семинарии [20].

Успешность образования во многом была обусловлена решением третьей проблемы – *содержания школы*. Студентам жилось нелегко – они заранее обрекались на обучение в сложных условиях: вдали от домов, в ожидании присылки еды, одежды, обуви от родителей, которые далеко не всегда могли помочь детям из-за дальности расстояния и бедности.

Для решения этой задачи «Духовным Регламентом» монастырям было предписано выделять на содержание духовных школ 20-ю долю урожая хлеба. Однако это содержание получалось школами с большим трудом и крайне нерегулярно, поскольку вятские монастыри сами с трудом сводили концы с концами. Для более богатых пермских монастырей везти хлеб в Вятку было дорого и неудобно, поэтому они присыпали деньги [21]. Обеспечивал семинаристов продуктами фактически один Успенский Трифонов монастырь,

который давал им печенный хлеб, толокно, квас, капусту и крупу для щей, а в постные праздничные дни горох и конопляное семя для каши, тратя на двести учеников около 100 руб. в год [22]. Во время мясаеда семинария покупала ветчину, в праздники и воскресные дни – свежее говяжье мясо, гречневую крупу, сливочное масло, реже – рыбу [23]. В первую очередь это касалось «сиротствующих учеников».

Однако содержание было непостоянным. Так, в 1750 г. студенты школы пиитики обратились к епископу с просьбой об улучшении питания: «С охотою и прилежанием учимся. А понеже пищи, кроме единаго хлеба, ниоткуду себе не получаем». Для поощрения их в учебе епископ указал «для лучшего в учении поощрения прибавить... четыри фунта мяса» [24].

Поскольку помимо Успенского монастыря ни одна обитель не поставляла семинарии хлеб, в 1763 г. был введен сбор на жалование учителям: с монастырей – по 50 коп., с пустыней – по 25 коп., с приходских церквей – по 10 коп. [25] Особый школьный сбор был возложен также на духовенство (1749) и крестьянство (1759). На Архиерейский дом, согласно Духовному регламенту, возлагалось содержание здания школы, отопление помещений [26]. Также источником содержания были штрафы с духовенства, не обучавшегося в семинарии (со священников – по 1 руб., с дьяконов – по 50 коп., с дьячков и пономарей – по 25 коп.), а также собираемые за необучение ими своих детей русской грамоте [27].

Еще одним источником доходов была плата за обучение, взимавшаяся с состоятельных родителей. На свои деньги они должны были покупать одежду, книги и школьные принадлежности. Если же ученики были очень бедны, им оказывалась помощь. Так, в 1740 г. сообщалось, что студенты Иван Трушков, Игнатий Рысов и Василий Монин «...весма без одежды и тому ж и родственников у них здесь не имеется». Было указано из семинарских сумм «за скудость и нищету их» сделать им «верхнее и нижнее одеяние» [28]. Открывая семинарию в 1759 г., епископ Варфоломей также приложил немало усилий, чтобы содержать неимущих учеников – обеспечивая их книгами, одеждой, пищей [29].

Неизвестно, чем жили помимо родительской и семинарской помощи вятские школьники. Но, по аналогии с другими губерниями, можно предположить, что они искали заработка за счет так называемых «кондиций» (уроков), а также написания прошений обывателям; многие из них собирали подаяния по дворам горожан, распевая псалмы, канты, а то и огородными работами [30].

Еще одним способом экономии семинарских сумм было сокращение числа учащихся. В 1763 г. из-за неурожая хлеба, который был три года

подряд, содержать детей отцам было не на что: сообщалось, что многие священники в Чердынском, Кайгородском, Слободском уездах «...сами питаются пихтовою корою и другим кореньем». В результате студенты живут «крайнюю нуждою», многие из них разбрелись. Поэтому, чтобы уменьшить содержание, епископ предложил оставить в семинарии только лучших учеников, часть которых перевести на казенное содержание. Неимущим было указано бесплатно выдавать «ношеные одежды», «харч», учебные книги (алвары, азбуки, псалтыри) [31].

В 1763 г. расходы по вятской семинарии составили 1419 р. 70 к. Деньги шли на содержание учителей и служителей, ученикам на одежду, обувь, съестные припасы, сальные свечи, холст на скатерти, посуду, школьные принадлежности, в т. ч. на бумагу, чернила (10 ведер), ремонт школы [32]. При еп. Варфоломее помимо жалования учителям выдавалось из семинарских сборов по пуду соли, по 2 пуда постного и коровьего масла, в зимнее время свечи. Если же они проживали в монастыре, тот должен был давать им каждый день по порции ситного хлеба, по три бутылки пива, а также по 3 пуда меда в год, крупы ячневой и овсяной по 4 четверика, дрова. Из семинарских доходов покупалась оловянная посуда, блюда, медные тарелки, кастрюли, скатерти и салфетки [33]. В 1763 г. жалование учителей составляло 40–100 руб., не считая 20 руб. на питание [34].

Екатерининские реформы по секуляризации церковных земель отразились и на жизни семинарии. В 1764 г. монастырям, по сути лишенным своих доходов, были определены постоянные штатные оклады. На все российские духовные школы с 6 тыс. учениками было отпущено 38 тыс. руб. В 1784 г. эта сумма возросла до 77,4 тыс. руб. В царствование Павла I она выражалась цифрой 182 тыс. руб. [35]

Положение семинаристов по-прежнему оставалось непростым. В 1781 г. ректор, архим. Каллист жаловался еп. Лаврентию, что ученики семинарии «...ходят весьма в худом и раздранном одеянии, также и обуви надлежащей не имея, носят лыжные лапти, чем наводят вашего преосвященства семинарии стыд». Епископ был согласен, что «...наги, босы, гладны и хладны не могут с успехом к наукам прилежать». Но в то же время он интересовался, происходит ли это от худого попечения родителей о детях или «...от своеволства и мотовства детей, которые оставленные им от родителей деньги на содержание издерживают оные на разные детские лакомства». Однако реальной помощи семинарии не оказал, указав лишь побуждать родителей к содержанию, угрожая в противном случае штрафами и наказаниями, вплоть до лишения отцов священнических мест [36].

В середине 1780-х гг. материальное положение преподавателей удалось несколько улучшить, но постоянной проблемой оставались семинаристы, которых содержали за казенный счёт (количество таких ребят доходило в разное время от 70 до 100). Еп. Лаврентий (Баранович) приказал отпускать ежегодно на их содержание по 1 тыс. руб. из средств Свято-Троицкого кафедрального собора, но эта мера просуществовала только в 1784–1790 гг. Самой эффективной и практической стала мера, предложенная ещё епископом Варлаамом (Скамницким): на содержание бедных семинаристов направлялись доходы с незанятых священнических и диаконских мест. Если же и этих денег не хватало, тот же еп. Лаврентий оказывал помощь из средств Архиерейского дома: например, отдавал семинарии по 10–20 баранов (их мясо шло в пищу, а мех – на одежду) [37].

Еще одной важной задачей было *заведение семинарской библиотеки*. В ее основу была положена частная библиотека еп. Лаврентия (Горки), которая содержала в себе 335 книг, преимущественно на латыни [38]. Воспитанный на традициях Киевской академии, епископ видел в создаваемой им духовной школе не только учебное заведение для обучения будущих служителей церкви, но и центр духовной культуры с фундаментальной библиотекой. Впоследствии немало книг было пожертвовано семинарии ее педагогами – Михаилом Финицким, префектом Петром Любарским, игуменом Мисаилом (Сеземовым), архим. Павлом, ректорами архим. Андреем (Таршевским) и Никодимом (Казанцевым), преосв. Гедеоном, протодиаконом Иоанном Блиновым и др. Как правило, они дарили библиотеке книги на латыни, среди которых было немало изданий даже XVI в. [39]

Также библиотека пополнялась через закупку книг. Например, в 1759 г. семинария закупила через вятских купцов в Петербурге книги на латинском и русском языках на 500 руб. [40] Особенno много сложностей было с покупкой книг на латыни, которые порой приходилось приобретать даже за границей. Как положительное можно отметить тот факт, что среди западных католических и протестантских авторов можно было встретить 12-томник блаженного Августина, 3 тома Иоанна Дамаскина, творения святых Отцов.

Еще одной задачей было обеспечение школы удобным *помещением*. Первоначально школа располагалась в комплексе зданий при Архиерейском доме. Со временем он обветшали, да и студенты немало докучали владыке. Поэтому в октябре 1744 г. было принято решение о переводе славяно-латинской и русской школ в Успенский монастырь, до постройки в следующем году но-

вого здания [41]. Однако временные гости задержались в монастыре на полвека. Школа заняла смежное с Афанасьевско-Кирилловской церковью здание духовного приказа [42]. После страшного пожара 1752 г. школы на несколько лет оказались закрыты. Новопостроенное здание школы было отдано консистории и казенному приказу, которые сильно пострадали в пожаре. Семинарские же покои, в которых жили студенты, заняли монахи. Более того, монастырь, сильно пострадавший от пожара, уже не мог обеспечивать студентов хлебом и квасом, поскольку сгорели житницы с хлебом [43].

Только в 1758 г. благодаря усилиям еп. Варфоломея удалось возродить архиерейскую школу, преобразовав ее в семинарию, и привести ее в цветущее состояние. Местом для нее вновь был избран Успенский Трифонов монастырь «...как пристойнейшее и безопаснейшее место от пожаров», где все постройки к тому времени были уже каменные. В 12 кельях разместились учителя, ученики, учебные классы, семинарская библиотека и пекарня [44]. В 1794–1795 гг. семинария была из монастыря переведена в собственное помещение, пожертвованное для нее в архиерейской Филимоновской даче, а прежние семинарские здания в 1797 г. были обращены в конюшни [45].

Таким образом, необходимая база для развития духовной школы на Вятке была заложена. Каковы были ее плоды в обучении и воспитании? Какие проблемы здесь возникали?

В российской школе [46] обучались традиционными методами – по букварю, Часослову и Псалтырю. Первоначально учащиеся пользовались катехизисом Петра Могилы, а затем он был заменен специальным указом Синода от 31 мая 1722 г. букварем Феофана Прокоповича. Учебником грамматики служила славянская грамматика Мелетия Смотрицкого, которая рассыпалась Св. Синодом по всем епархиям.

Сама методика обучения была малопродуктивной. Порой не успев «в твердость» выучиться русскому языку, ученик переходил в славяно-латинскую школу, где мало внимания уделялось русской грамматике. В результате ученики нередко забывали пройденное ранее и необходимое для церковнослужения. Так, в августе 1742 г. ученик Иосиф Рылов направил М. Е. Финицкому следующее прошение:

«В прошлом 737-м году взят я... преосв. Лаврентием епископом Вятским в домовую архиерейскую славяно-российскую школу, в которой и обучал азбуки да часослов, а псалтырь не всю не в твердость. И в прошлом 738-м году ис той российской школы переведен в славяно-латинскую школу, и с того году по се число обучаюсь фаре, а российскую грамоту, часослов перезабыл, и

псалтырь, и прочих книг не обучал и за необучением той российской грамоты в славянолатинской школе обучатся весьма непонятен». Горе-ученика отправили учиться к дяде – иеромонаху Богословского Подгородного монастыря [47].

Что же касается латинской школы, то первоначально планировался достаточно широкий курс, который должен был включать в себя, помимо изучения латыни, историю, географию, арифметику, геометрию, логику с диалектикой, физику с краткой метафизикой, политику и богословие [48]. Однако в реальности образование осталось, по сути, «языковым», в котором изучение латыни дополнялось лишь познанием основ стихосложения (пиитики) и риторики.

Первоначально в вятской школе было 6 классов. В низших четырех классах (анalogии (фаре), инфиме, грамматике, синтаксисе) обучали чтению и письму на латинском языке, а также учились переводам. Главным учебником в этих классах являлась грамматика Альвара [49], которая, по оценке современника, «...из всех учебников латинского языка... была, может быть, самым темнейшим, так что была непонятна не только для начинающих изучать латынь, но даже для тех, кто знал ее порядочно». Неудивительно, что в низших классах хлыновской школы многие учились вместо четырех по шесть–восемь лет и наполовину все-таки оставались «тупыми и непонятными» [50]. И нередки были такие прошения учеников, какое подал Егор Падерин М. Финицкому: «Я неискусен и непонятен нахожуся в школе, я за тупостию и за скучностию ума моего и за урослыми летами выших наук понять не могу, о чем вам известно...». Потому несчастный школьник «слезно» просил отпустить его домой, чтобы обучиться русской грамоте [51].

Что касается старших классов, то в пиитике изучали поэзию – ее виды, средства и пр. При этом традиционно в качестве поэтических образов брались греческие и римские герои – языческие боги и богини, звезды, знаки зодиака, горы, реки, ветра и т. п., упоминаемые в произведениях классических античных поэтов. Большая часть стихов давалась на латинском языке. Семинаристы должны были не только знать, но и сами упражняться в написании стихов по данным образцам. В последнем классе риторики они учились составлять речи и письма поздравительные, благодарственные, просительные, прощальные, надгробные и пр. И только в конце учебника по риторике кратко и сухо говорилось о церковной проповеди. Но даже и здесь античные образы не покидали будущих пастырей. Учебники для последних классов были написаны М. Финицким [52].

В результате такого обучения школьники старших классов более знакомились с античной, по

сугубой своей языческой, культурой, чем с христианской. Это был отголосок эпохи Возрождения с ее идеей гуманизма, когда человек в сознании европейцев потеснил Бога. Эти новые идеалы через книги и западную систему образования постепенно стали проникать и в российскую школу. Да и само преподавание, которое было слишком образным и замысловатым, не всегда позволяло усвоить основные знания.

В целом школьная программа, достаточно далекая от реальных нужд русского духовенства, сформировала негативное отношение к школе. Свидетельством тому было массовое бегство из школ, несмотря на то что за это полагались штрафы для родителей и телесные наказания для сбежавших учеников. Как отмечал бывший студент семинарии игумен Мисаил (Сеземов), до открытия в 1758 г. семинарии на Вятке никто не воспринимал образование всерьез: «...в здешних местах учение в таком было презрении, что ни над кем не любили столько смеяться, как над «учениками», и никто ничего столько не презирал, как учения школьного» [53].

Однако подобное мнение было вполне оправданно: в нем не видели ни смысла, ни практической пользы, а только угрозу основам православной веры, говоря: «де сие учение не на пользу нам есть, паче же и противное церкви, понеже де мы латин гнуемся, а они (учителя латинской школы) своим учением с латынами в сообщение нас хотят привести» [54].

Причина лежала в том, что Петром I в качестве образца духовной школы была взята Киево-Могилянская духовная академия, которая имела систему преподавания, отличную от русских традиций [55]. Подобное заимствование западной учебной программы и методов обучения русской духовной школой несло в себе и немалую опасность для Православной Церкви – духовное влияние западного католичества, схоластические методы преподавания в школе, обмирщение культуры, внесение в нее светского характера. Богомыслие заменилось в нем богословием, сердечная вера – умственными рассуждениями. Эта опасность стала реальна, когда в XVII – начале XVIII в. поток образованных богословов из Западной Украины и Белоруссии хлынул в Московское государство, став основой церковной иерархии и педагогического состава духовных школ в России.

Какие изменения произошли в системе духовного образования в России после этого? По словам А. Осипова, «в образовании авторитет духовного совершенства постепенно заменяется авторитетом книжного энциклопедизма... Первостепенная цель западного типа образования... состояла не в том, чтобы сделать человека совереннее, но в том, чтобы дать ему как можно

больше знаний, знаний ради самих знаний... Богословие таким образом превращается из средства научения человека пути ко спасению в средство развлечения для праздного человеческого ума, становится по сути разделом философии... Главным требованием к учащимся было заучивание больших объемов информации наизусть. Изучались в основном латинские авторы, на латинском языке, по латинским, т. е. католическим, учебникам и методикам» [56].

Важность знания древних языков для духовенства обосновывалась тем, что на еврейском языке был написан Ветхий Завет, на греческом – Новый Завет, решения Вселенских и Поместных соборов, труды св. Отцов, на латыни – «наиболее нуждные» священнику книги, которыми в то время считались «реторические, метафизические, моральные и феологические» [57]. Но в реальности изучалась практически одна латынь: отстоять греко-славянское обучение в школах не удалось.

Инициатор как церковной, так и школьной реформы Феофан Прокопович, обучавшийся в Киево-Могилянской коллегии, а затем в католических школах Польши, был сторонником западноевропейского образования. В результате преподавание велось на латыни, общение – на украинском. Учебный материал – лучшие образцы античной культуры и западного богословия – оказались фактически бесполезны будущим пастырям. Единственное, что могло пригодиться будущему священнику из всего школьного курса, – искусство говорить проповедь. Однако замысловатые образы и формы, которые постигали школьники через стихосложение и античную мифологию, едва ли могли укрепить основания веры в прихожанах. И, возможно, что сын священника, с детства изучавший чтение, пение и устав при храме, более был подготовлен к священничеству, чем выпускник латинской школы. Поэтому и родители, и дети старались всячески избегать «...этой проклятой серимарии», хотя уклонение от учебы рассматривалось как преступление против государства [58].

Только в конце XVIII в. была предпринята реформа духовной школы, попытавшаяся избавить ее от пороков западной системы обучения. Был расширен курс наук. Богословие и философия начали преподаваться во всех семинариях, в курсы духовных школ стали вводиться светские общеобразовательные предметы [59]. Так, в вятской семинарии для познания «высших наук» – философии (которая включала в себя логику, физику, нравоучительную науку, метафизику) и богословия талантливые студенты отправлялись в Москву и Киев. Однако со временем семинария уже не имела средств для подобных «командировок». Вместе с назначением, начиная с

1764 г., архимандритов Успенского монастыря на должность ректора, они одновременно стали определяться учителями высших классов. Так, с 1764 г. они являлись учителями богословия, а с 1774 г. – еще и философии [60]. С 1779 г. в семинарии стали также проводиться публичные диспуты, на которых присутствовал сам епископ и лично награждал отличившихся [61]. В конце XVIII – начале XIX в. в преподавание также были введены Священная история, арифметика, алгебра, геометрия, география, греческий, еврейский, французский, немецкий, медицина, церковная архитектура [62].

На рубеже веков митр. Московский Платон (Левшин) также попытался преодолеть формально-схоластический характер преподавания духовной школы, при этом особое внимание он уделял преподаванию греческого языка и сообщению более гуманного характера семинарскому воспитанию. Задачу духовной школы он видел в подготовке просвещенных пастырей, пользующихся авторитетом в образованном обществе и способных быть подлинными учителями народа. В 1800 г. митр. Платон предложил преподавать в духовных школах на русском языке, а не на латыни, как это традиционно происходило, но его предложение не прошло [63]. В целом, методы обучения в школах не давали возможности развиваться студенческим дарованиям, а обязательный латинский язык выхолащивал ум молодых людей, о чем писали многие семинарские выпускники [64].

Второй важной задачей Вятской духовной школы, в реализации которой возникало немало трудностей, было *духовное воспитание будущих пастырей*.

Знание без веры и искренней любви к Богу и людям для будущего пастыря не могло принести пользы в деле духовного воспитания паствы. Однако воспитать искреннюю христианскую веру было задачей весьма непростой. Необходимость воспитания осознавалась преподавателями архиерейской школы. Семинарская инструкция 1744 г. отмечала, что ученики должны были не только учиться латинскому языку, «но и всякаго благочестия и добрых нравов, имели бы в сердцах страх Божий». Однако предлагалось только два средства для воспитания – личный пример педагогов, которые должны были иметь «образ смиренния, богоугодного же и трезваго жития», и посещение церковной службы: по воскресным и праздничным дням в Кафедральном Троицком соборе (1744) [65]. После преобразования школы в семинарию в инструкции 1758 г. появилось важное нововведение: ученики отныне должны были не просто посещать службы в монастырских храмах, но и участвовать в богослужении. Во время службы они должны были «петь по-киевски»,

читать часослов, псалтырь, каноны и стихиры. Активное участие в богослужениях давал им опыт церковной службы, который включал их в ритм жизни монастыря. Также во время трапезы читались Св. Писание, прологи и исторические повести «о церковных великих учителях» [66].

Воспитанию способствовало не только нахождение школы в обители, но и сам тип архиерейской школы, которая являлась закрытым учебным заведением «образом монастыря». Правилами предусматривались редкие свиданья учеников с родными, распределение времени по точным «регулам» со строгим надзором за семинаристами ректора, префекта и других служителей [67]. По правилам, семинаристам было запрещеноходить в гости к знакомым и родным. Но многие из них жили не в семинарии, а у своих родных или на квартирах в городе, невольно нарушая этот запрет [68].

Укреплению дисциплины должно было способствовать четкое распределение дня. В семинарских инструкциях указывалось, когда необходимо вставать, ложиться, молиться, умываться, есть, гулять: «семинаристы как солдаты на барабанный бой, так на колокольцев голос принимались бы за дело, какое на час уреченный назначено». Так, через 5 минут после звонка ученики должны сбрасываться в школе, где в течение трех часов проходили занятия.

Инструкция регламентировала и «свободное время» школьников. Гулять студенты могли дважды в день – после обеда и вечером часа по два по лугам и по берегу р. Вятки. При этом указывалось, «чтоб гулянье было с играми честными и телоподвижными, летом в монастыре, а зимою в своих же покоях, ибо сие и здравию полезное, и скуку отгоняет». Также в зимнее время позволялось разыгрывать различные мистерии и участвовать в процессиях, которые организовывались перед праздниками. После удара набатного колокола ученики не могли покидать школу до утреннего благовеста [69].

Правила, прописанные в семинарских инструкциях, должны были помочь соблюсти в монастыре порядок и дисциплину, а также усилить контроль над учебой. Начальник школы должен был следить, чтобы учеников учили «тщательно», давали бы им задания и упражнения. Также он должен был контролировать самих студентов, их успеваемость и поведение, «чтобы между оными не было ссор, драки, пьянства, сквернозвания и всякаго иного безчестия». Ученики должны ходить по монастырю «не резвяся, без всякого шума, но тихо и смирно». В ночное время никто из студентов не должен был покидать стены обители. Начальник школы следил и за питанием семинаристов, чтобы «оное все было доваренное, и смачно» [70].

Также за поведение семинаристов отвечал суперинтендант, который должен был следить за выполнением домашнего задания, внушая школьникам, что без прилежного обучения они не получат священнического сана, а те, кто учится со старанием и охотой, то по их желанию будут посвящены в чин «немедленно». Также он должен был воспитывать в семинаристах благочестие, следить за посещением ими монастырских служб, а в воскресные дни до литургии в церкви Успенского монастыря читать и толковать катехизис. Он наблюдал, чтобы в семинарии не было ссор и драк, а о плохом поведении и нерадении учеников доносил префекту [71].

Дисциплина в семинариях поддерживалась путем телесных наказаний, от которых не были свободны даже учителя. Они были традиционны для того времени, достаточно суровы и малопродуктивны. За малые проступки студент наказывался розгами, за средние и большие – «словом укоризненным», а если не исправится – плетью [72]. Наказывали, как правило, не за плохую учебу, а за поведение – порочные поступки, драки, пьянство, побег из семинарии. На последний шаг многие решались из-за тяжелого материального положения [73]. Так, один из студентов, проучившись 3 года в школе, бежал в 1745 г. «от неимения одежды». Вернувшись, он жил на квартире учителя Ф. Радикорского. В 1748 г., не в силах терпеть побои наставника и видеть его «непорядочные поступки», он снова бежал домой, в Пермские земли. Но через две недели под давлением родителей он вернулся в Хлынов. За двоекратный побег он был при собрании студентов наказан «плетью нещадно», а с его отца был взят штраф [74].

Среди учеников оказывались люди самые разные. Были те, кто старался учиться со всем прилежанием. Однако было немало и тех, кто, оторвавшись от родительского дома, почувствовал дурманящий дух свободы и не мог правильно ей распорядиться. В 1730–1740-х гг. были случаи, когда студенты приходили в семинарию нетрезвыми, ввязывались в драки или ради шутки говорили страшное по тем временам «слово и дело». Так, в 1739 г. рассматривалось дело «о пьянствовании и стрелянии школьниками в квартирах». В 1741 г. группа студентов и архиерейских певчих ради шутки избила до синяков и переломов рекрутов-новобранцев. В 1743 г. консistorия разбирала дело о «безобразиях, чинимых семинаристами на улицах города Хлынова». Сообщалось, что студенты собираются кампаниями по 10–30 человек, ходят по ночам по улицам «и чинят народные обиды, грабежи». Даже власти не могли найти на них управу: однажды они разбили здание полиции и избили городничего. После этого всех семинаристов обязали подпиской не выходить из

здания семинарии после звона набатного колокола. Таких «озорников» жестоко наказывали: били плетьями, заковывали в кандалы, не отпускали из семинарии в город [75]. В исключительных случаях за пьянство и «предерзости» студента изгоняли из семинарии, лишая возможности получить в будущем священнический чин [76].

Однако порой худой пример показывали и сами учителя. В 1739 г. поступила жалоба на учителей Финицкого и Лещинского о битии учеников и о взятках [77]. Финицкий строго следил за дисциплиной, но иногда был сам груб в обращении с учениками. Так, однажды он сильно ударили кулаком по лицу задремавшего на службе студента. После этого случая он был вынужден заплатить за бесчестие штраф и вскоре покинул семинарию [78].

Оставил своими похождениями и предосудительным поведением недобрую память Федор Порошин (Радикорский) [79]. Еще в 1741 г., до учебы в Московской академии, он как лучший студент риторики помогал префекту М. Финицкому обучать семинаристов синтаксисе. После возвращения из столицы он был назначен экзаменатором школы, но не получил желаемого места учителя богословия и философии. Самолюбивый и обиженный, он начал прибегать к чарке. После очередного скандала семинария поспешила его уволить. Будучи редким для того времени богословом, он пристроился во Владимирскую семинарию. Но пороки и неблаговидные поступки вынудили местное начальство и оттуда его выпроводить.

Вместо него экзаменатором, учителем пинтики и риторики был назначен находящийся при Архиерейском доме иером. Трифилий. Однако и он не оправдал доверия. Через год «за ево пьянственное и невоздержанное житие» было указано от звания его отрешить и дать ему паспорт в Нижегородскую епархию, а экзаменатором сделать талантливого проповедника, протодиакона Кафедрального собора Алексея Свирепова [80].

Негативным образом отражалась на воспитании и частая смена вятских архиереев: при долгом их отсутствии на кафедре дисциплина в школе падала, а многие школьники разбегались.

Оказывал ли монастырь влияние на воспитание школьников? Безусловно, монастырские службы создавали особую атмосферу в семинарии. Кроме того, для некоторых школьников примером были их родители, в т. ч. и постриженники Успенского монастыря. Одни монахи подавали добрый пример благочестивой жизни студентам. Однако были и те, чья жизнь, далекая от высоких идеалов монашества, приводила учащихся в смущение, а учителей в искушение [81].

В целом, нахождение монастыря, а вместе с ним и семинарии около города постоянно созда-

вало проблему поведения. Поэтому епископ Лаврентий (Баранович) в 1794–1795 гг. перевел семинарию «для удаления от всяких соблазнов» на загородную Филимоновскую дачу, расположенную в 2 верстах от города, построив здесь два каменных флигеля. Здесь семинария располагалась вплоть до 1917 г. [82]

Завершить рассмотрение проблем можно вопросом о «трудоустройстве» выпускников Вятской духовной школы. Большинство из выпускников получали низшие должности при храмах (пономарей, дьячков) или возвращались домой, в надежде со временем занять отцовское место диакона или священника. Некоторые были взяты на работу в духовный приказ [83]. В результате XVIII век стал переломным в развитии образования, когда была налажена система обучения по подготовке священнослужителей.

Кто желал продолжить обучение, мог освоить высшие классы философии и богословия в Московской и Киевской духовных академиях. Впервые вятские студенты отправились покорять высшие науки летом 1742 г. Константин Щепин поступил в Киевскую академию, а Федор Порошин и Мина Мышкин – в Московскую. Щепин после окончания курса путешествовал по всей Европе, стал профессором медицины, одним из первых русских ботаников, адъюнктом Академии наук. Порошин и Мышкин, проучившись в Москве философии и богословию более 5 лет, возвратились в Хлынов, где стали учителями семинарии: Порошин – риторики, а Мышкин – пинтистики [84]. В 1747 г. «вышшим наукам» пожелали обучаться Матвей Молчанов и Федор Цыреншиков. Они были не только отправлены в столицу, но и получали из духовной консистории одежду и деньги – по 15 руб. в год [85]. Кто-то отдавал предпочтение Киевской академии. В 1750 г. обучавшийся в Москве Матфей Силецкий изъявил желание обучаться философии, богословию, греческому и еврейскому языкам в Киевской духовной академии за свой счет [86].

Студенты, имевшие стремление к дальнейшему познанию наук, но которым было больше 25 лет, до особой резолюции находились в Успенском монастыре. Здесь они должны были «...в подтверждение учения своего читать церковные нравоучительные и исторические книги» [87]. Находились в монастыре и толковые семинаристы, ожидающие свободных вакансий в Хлынове [88]. Оставались при монастыре также талантливые, но слабые здоровьем семинаристы и учителя. В 1751 г. учитель синтаксиса и грамматики Назар Хорошавин по причине болезни покинул школу и уехал на год домой. Чтобы не потерять способного учителя, духовное начальство определило его послушником Успенского монастыря. Помимо обычных монастырских послушаний ему

было указано упражняться в проповеди Слова Божия и в чтении Св. Писания и св. Отцов [89]. Однако были и те, кто шел в монастырь после семинарии осознанно, в надежде принять монашество. Впоследствии многие из них стали игуменами и строителями вятских монастырей.

Становление Вятской духовной школы проходило в непростых условиях и встретило на своем пути немало препятствий. В течение XVIII в. она сумела в основном решить комплекс «внешних» проблем – материального обеспечения, формирования педагогического состава, набора учащихся и др. Однако сам процесс воспитания и обучения был достаточно далек от реальных нужд российского духовенства и слабо решал задачу формирования духовных пастырей. Основными причинами этого было схоластическое, основанное на изучении латыни, обучение и недостаточное внимание вопросам духовного воспитания будущего духовенства. В результате вятская семинария, не справившись в полной мере с проблемами XVIII столетия, в следующем веке оказалась накрыта новой волной проблем, связанных с идеологией Просвещения и революционно-демократическими идеями.

Примечания

1. Бубнов П. Духовное образование в России в синодальный период. XVIII век. 04.03.2008. URL: <http://www.ioannpr.ru/publications/68478> (дата обращения: 20.08.2010).

2. Цит. по: Саффонова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. 2004 г. URL: <http://www.hist.usu.ru/dais/articles/4/Safronova.doc> (дата обращения: 20.08.2010).

3. О высоком уровне образования в Киеве было известно еще в XVII в. Но причина лежала не только в этом. Для проведения школьной реформы царю были нужны высокообразованные люди, хорошо знающие русский язык. Подобных специалистов можно было найти лишь за монастырской оградой, где и была сосредоточена на тот момент российская ученость. Однако, не встретив поддержки со стороны русского духовенства, Петр решил, что малороссы станут более ревностно выполнять его указы и нововведения, а потому в спешном порядке сменил в большинстве епархий великороссов на малороссов. Именно монахи-малороссы открыли первые духовные школы в российских городах, взявшись за образец систему обучения Киевской академии, где целиком и полностью царила европейская система обучения латинской направленности. Соффронов В. Ю. Становление духовной школы Сибири. URL: <http://www.bg-znanie.ru/print.php?nid=12286> (дата обращения: 20.08.2010).

4. Этой теме был посвящен особый раздел – «Дома училищные и в них учителя, и ученики, и проповедники».

5. Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. М., 1988. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/436405.html> (дата обращения: 20.08.2010).

6. Сохранившиеся документы подтверждают ее деятельность в 1723–1730 гг. (Верещагин А. С. История

Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 1. Отдел дух.-лит. С. 8–10).

7. Бубнов П. Указ. соч.

8. Иером. Иоаким находился там в ссылке в 1732–1736 гг. Богомедевский был одним из самых близких людей к местоблюстителю Стефану (Яворскому), учился в ряде европейских городов, преподавал в Московской Славяно-греко-латинской академии. Его карьера оборвалась в связи с делом Д. Тверитинова (подробнее см.: Очерки истории Вятской епархии. Вятка, 2007. С. 94–95).

9. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 5 об.–6; Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 238.

10. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 574, 589, 590; Оп. 2. Д. 20 а. Л. 70–70 об., 266, 671–671 об., 682.

11. Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии... № 1. С. 17–18.

12. В это время особой Вятской губернии не существовало. По губернской реформе Петра I Вятская провинция входила сначала в Сибирскую, а затем в Казанскую губернию, вплоть до 1780 г., когда было образовано Вятское наместничество.

13. Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии... № 2. С. 24–28; Софронова А. М. Указ. соч.

14. Финицкий был задержан, Лещинский уехал в Москву и там скрылся, исчез и Богомедевский.

15. Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии... № 4. С. 58–66.

16. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 156. Л. 1 об.; Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 574 об.–575, 589 об.; Д. 5. Л. 20, 35 об.

17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 303. Л. 1–2.

18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 351; Д. 12. Л. 716.

19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 411–411 об., 511, 589 об.; Д. 5. Л. 35, 107.

20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20 а. Л. 367, 664 об.–665.

21. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 717.

22. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 589; Оп. 2. Д. 12. Л. 716.

23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10. Л. 69; Д. 11. Л. 257–258 об., 351–351 об.

24. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 81. Л. 1–1 об.

25. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 590; Оп. 2. Д. 20 а. Л. 588.

26. Вештомов А. История вятчан. Казань, 1908. С. 174.

27. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–2 об.; Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 491 об., 494; Д. 7. Л. 454; Д. 11. Л. 351–351 об.

28. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 3а. Л. 117.

29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 597.

30. Софронов В. Ю. Указ. соч.

31. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 590; Оп. 2. Д. 20 а. Л. 664 об.; Оп. 76. Д. 190. Л. 1–1 об., 7.

32. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20 а. Л. 680–683 об.

33. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 326, 412.

34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20 а. Л. 671–671 об.

35. Русак В. Эпоха после имп. Петра Великого.

URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/16r/rusak/historyrch/8.html> (дата обращения: 20.08.2010).

36. ГАКО. Ф. 237. Оп. 84. Д. 351. Л. 1, 7, 8.

37. Очерки истории Вятской епархии. Вятка, 2007. С. 119.

38. Книги были с 1528 года. После смерти епископа большая часть библиотеки была увезена в Москву, около 25 книг осталось в Вятке (5 из них сейчас хранят-

ся в Кировской областной библиотеке им. А. И. Герцена).

39. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–10 об.; Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 77–78; Оп. 76. Д. 798. Л. 1.

40. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

41. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 494.

42. В 1744 г. духовный приказ был переименован в духовную консисторию и переведен в другое место.

43. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 15. Л. 288–288 об.

44. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 325 об.

45. Селивановский К. История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. Вятка, 1912. С. 105.

46. В 1762 г. епископ указал «особливой русской школы и учителю не быть», преподавание чтению и письму на славянском языке перешло в низшие классы семинарии (ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20 а. Л. 509).

47. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 303. Л. 4–5.

48. Софронов В. Ю. Указ. соч.

49. Учебник латыни португальского иезуита Эмануэля Альвареса (Альвареса) (1526–1582), впервые опубликованный в 1572 г., стал официальной грамматикой иезуитов и играл исключительную роль в преподавании. Впоследствии был заимствован поляками и использовался в православных учебных заведениях Киева, Полоцка, Вильно и пр., а затем и в духовных школах России.

50. Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии... № 14. С. 214–242.

51. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 154. Л. 58.

52. Гомянов С., свящ. Очерки истории вятской духовной школы. Киров, 2005. С. 12–14.

53. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 7.

54. Цит. по: Софронова А. М. Указ. соч.

55. Подобная основа была обусловлена исторической ситуацией. Киевская академия была создана в 1630-х гг. митр. Петром (Могилой). В то время Киев вместе с Западной Украиной и Белоруссией находился в составе Речи Посполитой. Из-за отсутствия православных школ местное население было вынуждено отдавать своих детей в иезуитские школы, где они нередко забывали веру отцов, постепенно теряя и национальную самобытность. Поэтому он решил создать школу, которая бы воспитывала деятельных защитников Православия, способных сохранить свою веру в условиях жизни в католико-протестантской среде. Для этого они должны были знать западную культуру, научные и богословские труды, обладать европейским научным уровнем, уметь дискутировать и полемизировать по вопросам веры. Поэтому митр. Петр положил в основу обучения латынь – по сути своей международный язык для Европы, язык науки и богословия, язык католической службы. Сама же школа создавалась по образцу униатских школ того времени. В свою очередь, Киевская академия стала почти на два столетия образцом для устройства духовных школ по всей России – начиная от методов обучения и заканчивая бытом студентов (Русская Православная Церковь, 988–1988...).

56. Осипов А. И. Задачи духовного образования.

URL: <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/osipov/statyi/?ID=3367> (дата обращения: 20.08.2010).

57. Цит. по: Софронова А. М. Указ. соч.

58. Бубнов П. Указ. соч.

59. Софронов В. Ю. Указ. соч.

60. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 20а. Л. 762, 876, 878–878 об.; Оп. 82. Д. 1483. Л. 1.

61. Очерки истории Вятской епархии. Вятка, 2007. С. 119.
62. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 154. Л. 36; *Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии...* № 14. С. 246–248.
63. *Русак В. Указ. соч.; Русская Православная Церковь, 988–1988...*
64. Софронов В. Ю. Указ. соч.
65. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 283. Л. 2 об.–3; Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 485–487 об.
66. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 283. Л. 24–24 об., 26 об.
67. Софронов В. Ю. Указ. соч.
68. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 283. Л. 21.
69. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 192. Л. 3–4; *Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии...* № 2. С. 30.
70. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 285, 485–487, 492.
71. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 192. Л. 3–4.
72. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 487.
73. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–1 об.; Д. 162. Л. 4 об.; Д. 303. Л. 6–6 об.
74. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 323–324.
75. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 156. Л. 1; Д. 319. Л. 1–4 об.; Ф. 237. Оп. 2. Д. 2. Л. 45; Д. 6. Л. 52–52 об.; Д. 7. А. 19; Оп. 81. Д. 406. Л. 1; Д. 425. Л. 1–5.
76. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 356–357 об.
77. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.
78. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 244–245, 250.
79. После возвращения из Москвы в 1748 г. он сменил фамилию Порошин на Радикорский по месту своего рождения.
80. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 156. Л. 1; Д. 319. Л. 1–4 об.; Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 297, 299; Д. 12. Л. 733.
81. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10. Л. 189; Д. 20а. Л. 790.
82. Никитников Г. А. Иерархи Вятской епархии. Вятка, 1863. С. 80.
83. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 6 об.; Ф. 237. Оп. 76. Д. 29.
84. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 1 об.–2. (об их дальнейшей судьбе см.: А. В. [Верещагин А. С.] Вятские стихотворцы // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1897 год. Вятка, 1896. С. 94–96).
85. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 576–578.
86. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 729.
87. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 578 об.
88. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 11 об.–12 об.
89. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 14. Л. 213–213 об.

УДК 279-4(470.342)"18"

В. В. Машковцева

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ГОСУДАРСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ
КУЛЬТОВЫМ ЦЕНТРАМ
В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(НА ПРИМЕРЕ МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье анализируется конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим молельням в середине – второй половине XIX в. Территориальные рамки исследования ограничены Малмыжским уездом как одним из центров старообрядчества Вятской губернии. Автор показывает реализацию конкретных нормативно-правовых актов на практике, используя при этом в качестве источников базы архивные и законодательные материалы.

The article analyses the confessional state policy in relation to the Old Believers' pray-houses in the middle and in the second half of the XIX century. The territorial scope of the study is limited to Malmyzh uyezd (district) as one of the centers of the Old Believers in Vyatka province. The author shows implementation of specific regulations in practice, using archival and legislative materials.

Ключевые слова: конфессиональная политика, нормативно-правовой акт, Русская православная церковь, старообрядцы, культовый центр, молельный дом (молельня), богослужебная книга, икона, духовенство.

Keywords: confessional state policy, legislative materials, Russian Orthodox Church, Old Believers, religious center, pray-house, religious book, icon, clergy.

40–50-е гг. XIX в. в истории России связаны с правлением Николая I. В ходе реализации внутреннополитического курса на первый план им была выдвинута идея подавления революционного движения в стране. Искоренению подлежало прогрессивное начало и свободомыслие во всех его проявлениях. Консерватизм императора нашел свое выражение и в сфере конфессиональной политики. В частности, при Николае I была разработана система жестких мер для борьбы со староверием. Акцент был сделан исключительно на силовом решении проблемы. Закон предписывал разыскивать «ересеначальников» (духовных руководителей старообрядцев), уничтожать места богослужений, скиты, монастыри «ревнителей древнего благочестия», закрывать их школы и т. д. В годы царствования Николая I был разгромлен, например, такой крупный духовный центр староверия, как Выго-Лексинская пустынь. За распространение своего вероучения старооб

рядцы подвергались самым суровым наказаниям вплоть до лишения всех гражданских прав и ссылки на поселение. Староверы, второй раз уличенные в «совращении в раскол» православных, приговаривались к пожизненной ссылке в Закавказский край или в отдаленные места Сибири [1]. Браки старообрядцев не признавались законными, а дети, рожденные в них, не обладали правами наследования [2].

Законодательство периода царствования Николая I ограничивало права старообрядческого клира. Это касалось даже вопроса именования старообрядческих служителей культа. Их запрещалось называть священниками, а предписывалось именовать «остающийся у раскольников поп, или исправляющий у раскольников духовные требы» [3]. Наконец, законодательство регулировало функционирование старообрядческих молелен. В частности, староверы не имели права на возведение своих культовых сооружений. Пресекалась также их «починка или возобновление» [4]. Между тем «раскольнические часовни и молитвенные дома под разными именованиями», построенные до 17 сентября 1826 г., оставлялись без изменений «в том положении, в каком они в то время были» [5]. Руководствуясь постановлением от 5 мая 1839 г., необходимо было уничтожать те молельни, действие которых было возобновлено без соответствующего разрешения официальной власти [6].

Рассмотрим реализацию названных нормативно-правовых актов в отношении старообрядческих культовых центров на примере Малмыжского уезда Вятской губернии. Внимание к данному региону обусловлено, прежде всего, тем, что по количеству староверов Малмыжский уезд (наряду с Глазовским, Уржумским, Сарапульским) находился в числе первых. При этом численность приверженцев старообрядчества неуклонно росла, о чем свидетельствуют данные статистики. Так, если в 1883 г. в Малмыжском уезде проживали 14005 староверов, то в 1901 г. – 21608, т. е. примерно на 54% больше [7]. Увеличивалось и количество старообрядческих молелен: в 1883 г. в Малмыжском уезде находился лишь один деревянный молельный дом, а в 1901-м – 1 каменный и 4 деревянных [8]. Среди староверов Малмыжского уезда были как поповцы, так и беспоповцы. Основная масса поповцев проживала в селе Лекшур, деревнях Вихарево, Яшкино, Сосновка и Новый Кузлук. Беспоповцы концентрировались в таких населенных пунктах, как Старая Тушка, Подосиново, Большие Рожки, Красный Ключ и Куженерка. Там же располагались их религиозные центры – молельни, являвшиеся хранилищами самобытной духовной культуры старообрядцев и ее ценностей.

В 1841 г. духовные власти инициировали про-ведение Малмыжским земским судом расследова-

ния относительно легальности существования старообрядческой молельни в деревне Рыбная Вата-га Сюмсинской волости. Сохранилась она лишь потому, что была построена до 1826 г. и не подвергалась ремонту и преобразованиям. Следствие установило, что она принадлежала крестьянину Григорию Иванову. Согласно показаниям местных старообрядцев, молельный дом был построен с разрешения властей, однако документы, подтверждающие это, сгорели во время пожара. По праздничным дням в молельне совершались богослужения по старообрядческим канонам. Внутреннее убранство избы свидетельствовало о том, что она выполняла функции культового здания. В частности, обращает на себя внимание наличие 16 деревянных и нескольких медных икон, аналоя, богослужебных книг – Псалтыри и Часослова, напечатанных в первой половине XVII в., медной кадильницы, ладана и свеч.

Недалеко от описываемой молельни стояла еще одна изба, построенная, по заверению ее владельца, крестьянина Власа Пичугина, около трех лет назад исключительно как жилое помещение. Однако малмыжский земский исправник небезосновательно отметил: «...из всего приметно, что она выстроена для богослужения по ветхости старой» [9]. Сами старообрядцы в ходе проведенного расследования признались, что однажды они уже собирались в новом доме для совершения богослужения, поскольку старая изба не могла их вместить в силу многочисленности. Благочинный Малмыжского уезда священник Даровской выступил с предложением обнаруженнюю новую старообрядческую молельню преобразовать в единоверческую церковь. Технически это было возможно, если к ней «пристроить с восточной стороны алтарь, а с западной – приличный вход» [10]. Однако предложение священнослужителя было крайне негативно воспринято староверами Рыбной Ватаги. В результате оба молельных помещения этой деревни были опечатаны. В октябре 1847 г. МВД уведомило вятского губернатора об окончательном решении, вынесенном по данному делу. Молельный дом в Рыбной Ватаге следовало разобрать и материал продать в пользу Вятского приказа общественного призрения. При этом закон требовал, чтобы между закрытием молельни и «совершенным ее уничтожением проходило значительное время, дабы после некоторой привычки видеть молитвенное здание в бездействии менее сильно было впечатление от уничтожения оного» [11]. Крестьянина Власа Пичугина надлежало убедить использовать находящуюся рядом с молельней избу только в качестве домашнего помещения (при условии, однако, что он является единственным ее владельцем) и подвергнуть его тюремному заключению сроком на две недели.

В случае закрытия той или иной старообрядческой молельни закон предусматривал представление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной утвари на рассмотрение местной духовной консистории [12]. В соответствии с этим находившиеся в старообрядческой молельне Рыбной Ватаги вещи поступили в Вятскую духовную консисторию. Она признала необходимым деревянные иконы, в силу их ветхости, «по совершенном снятии с них красок истребить огнем и пепел отпустить в реку», а несколько медных икон отправить в ризницу кафедрального собора для секретного хранения. Последнее мотивировалось тем, что закон запрещал «иметь в употреблении литые из меди изображения святых» [13].

Еще одно расследование, проведенное в 40-е гг. XIX в., касалось старообрядческой молельни в доме Парфена Кирилова – крестьянина деревни Сардык Сюмсинской волости. Доказать его вину в исполнении обязанностей священнослужителя и распространении староверия следствию не удалось. Тем не менее 10 человек опрошенных показали, что по праздничным дням в деревне собираются старообрядцы, вероятно, для совершения богослужения в избе П. Кирилова, поскольку другой молельни в названном населенном пункте обнаружено не было. Кроме того, об этом косвенно свидетельствовали некоторые факты, как-то: большое количество икон, наличие ладана, свеч, кадильницы, четок и др. В связи с этим 4 сентября 1845 г. Комитет министров постановил: «Вид моленной в доме крестьянина Парфена Кирилова уничтожить, обратив комнату в домашнее помещение», а самого П. Кирилова подвергнуть аресту сроком на две недели [14].

Вещи, обнаруженные в его доме, были отправлены на рассмотрение в Вятскую духовную консисторию. Среди них было несколько богослужебных книг «дониконовской печати», которыми так дорожили старообрядцы, передавая их из поколения в поколение. Духовная книга воспринималась ими как носительница святости и незыблемой истины. Осознание своей ответственности за книгу побуждало старообрядцев бороться за сохранение книг, возвращение «тетрадок», «листов» и книг, изъятых представителями официальной власти. При этом они подавали прошение на имя вятского губернатора, епископа и даже самого императора. Однако в большинстве случаев книги не возвращались крестьянам-староверам, а, по рассмотрении в Вятской духовной консистории, самые опасные из них, с точки зрения церкви, отправлялись в ризницу кафедрального собора для секретного хранения или во второй департамент МВД; богослужебные книги отсылались в местную единоверческую церковь и, наконец, книги, которые могли быть использованы при работе в миссионерском отделении,

передавались в семинарское правление, епархиальную библиотеку или библиотеку братской противораскольнической школы.

В доме П. Кирилова хранились Канонник, Псалтырь и Часовник. Все три книги были отправлены в ризницу кафедрального собора для секретного хранения. Епископ Вятский Неофит мотивировал это следующими обстоятельствами. Канонник был напечатан в Вильно, а законом запрещалось издание старопечатных книг не в Московской синодальной или единоверческой типографии [15]. Псалтырь же содержала в предисловии «не сообразные с учением святой церкви толки о перстосложении для крестного знамения» [16]. Наконец, Часовник оказался просто ветхим, грязным и в силу этого не пригодным к использованию в процессе богослужения. Иконы, обнаруженные в доме П. Кирилова, Вятская духовная консистория сочла не противоречащими вероучению официальной православной церкви, а потому было принято решение передать их в одну из единоверческих церквей.

13 февраля 1837 г. Малмыжский земский исправник Ерлич сообщил вятскому губернатору об обнаружении им старообрядческого молитвенного дома в починке Мальчиковском Волипельгинской волости при доме крестьянина Максима Мальчикова. В нем собирались староверы нескольких близлежащих населенных пунктов. Молельня тогда осталась не опечатанной, поскольку была построена до 17 сентября 1826 г. Тем не менее с годами она обветшала. По распоряжению губернатора было проведено расследование. Пристав первого стана Русанов осмотрел здание молельни и составил соответствующий рапорт. Из него следует, что строение представляло собой деревянную избу с сенями под лубочной крышей, без печи и пола. Все было завалено сором, «потолок в середине изломан, из окон рамы все выставлены, а двери с передними косяками вынуты» [17]. Староверы показали, что с тех пор как в доме обрушилась печь, они перестали собираться там на общественные моления. Вятский секретный совещательный комитет, рассмотрев дело, вынес решение: разобрать молельню, дерево продать, а полученные средства отправить в приказ общественного призрения. Однако после того как избу разложили на бревна, обнаружили, что они совершенно прогнили и пригодны только в качестве дров для топки печи. 7 февраля 1857 г. на торгах лес был продан за 1 руб. 50 коп. серебром крестьянину Матвею Трифонову. Эти деньги, согласно предписанию, передали в приказ общественного призрения.

Жесткие методы воздействия на старообрядцев, применявшиеся в годы царствования Николая I, не дали ожидаемого результата. Численность «ревнителей древнего благочестия» неук-

лонно росла. Для решения проблемы староверия Александр II избрал уже не гонения и притеснения, а «глубокое и всестороннее изучение раскола и постепенное подавление его путем народного просвещения» [18].

В целях активизации миссионерской деятельности, утверждения основ православия создавались церковные братства. Закон «О правилах для учреждения православных церковных братств» был издан 8 мая 1864 г. С благословения епархиального архиерея и разрешения начальника губернии братства основывались при церквях и монастырях. На территории Вятской губернии активно действовало два таких братства: Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая и Сарапульское Вознесенское братство. Через организацию бесед православных служителей культа со староверами, распространение брошюр, книг, направленных на обличение старообрядчества, устройство библиотек, открытие школ и обучение детей (как православных, так и староверов) братства вносили свой вклад в дело просвещения народа. Они служили «нуждам и пользам» православной церкви, препятствовали «посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников» [19].

Отказ от притеснений и гонений старообрядцев, акцент на просвещении народа и миссионерской деятельности официальной церкви, безусловно, свидетельствовали о либерализации конфессиональной политики царского правительства. Закономерным продолжением обозначенного курса являются «Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников», утвержденные императором Александром II 19 апреля 1874 г. В соответствии с данным нормативным актом местные полицейские управления должны были вести особые метрические книги, в которые заносились сведения о браках, рождении и смерти старообрядцев. Следует отметить безусловно положительное значение этого закона. После записи в метрические книги браки старообрядцев признавались законными и могли быть расторгнуты только в судебном порядке. Дети староверов, чьи браки были зарегистрированы соответствующим образом, также записывались в специальные метрические книги и считались законнорожденными.

Крупнейший нормативный акт, регламентирующий функционирование старообрядческих культовых центров во второй половине XIX в., – указ «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб», подписанный императором Александром III 3 мая 1883 г. Он стал важной вехой в истории государственно-старообрядческих отношений. В циркуляре министра внутренних дел вятскому губернатору от 21 июля 1883 г. четко определена цель

издания данного указа, заключавшаяся в «установлении на твердых основаниях религиозной и общественной правоспособности раскольников» [20]. По закону старообрядцы получили ряд гражданских прав, в числе которых разрешение вести торговлю и заниматься промыслами наравне со всеми, работать в иконописных мастерских (с разрешения МВД), исполнять общественные должности. Помимо перечисленных, старообрядцам были дарованы и некоторые духовные права, как-то: право творить общественную молитву, выполнять духовные тробы, совершать богослужение по своим обрядам при условии соблюдения «общих правил благочиния и общественного порядка». Согласно закону староверы получили возможность восстанавливать пришедшие в ветхость молельни, не изменяя при этом общий вид здания. Для проведения такого рода работ необходимо было предварительно получить разрешение губернатора. По согласованию с министерством внутренних дел, без особой торжественности могло производиться открытие некогда запечатанных молитвенных домов старообрядцев. Отметим при этом, что подобные действия не допускались в отношении скитов и монастырей. Наконец, староверы, вновь с разрешения министра внутренних дел, получили право «обращать для общественного богомоления существующие строения». Однако закон требовал, чтобы старообрядческие молельни не имели внешнего сходства с православным храмом; запрещалось также наличие наружных колоколов [21].

Бессспорно, закон 3 мая 1883 г. существенно расширил как гражданские, так и духовные права староверов, это был один из шагов на пути уравнения их с представителями других конфессий. Несмотря на это данный нормативный акт все-таки содержал ряд ограничений прав и свобод «ревнителей древнего благочестия». Например, старообрядцы получили право производить ремонт обветшавших молелен, открывать ранее запечатанные молитвенные дома, обращать в таковые жилые здания, но в каждом из названных случаев необходимо было получить разрешение губернатора и министра внутренних дел. Здесь старообрядцы, как правило, сталкивались с трудностями. Несмотря на вышедший закон они часто получали отказ в ответ на свою просьбу разрешить им открыть молитвенный дом [22]. Из донесения сарапульского уездного исправника следует, что даже в 1886 г., спустя три года после опубликования закона 3 мая 1883 г., в Сарапульском уезде еще не было старообрядческой молельни, разрешенной правительством [23]. Вероятно, государственные власти опасались возможного усиления негативного (с точки зрения Русской православной церкви) влияния староверов на сторонников официальной церкви. Таким образом, старообряд-

цы по-прежнему оставались под жестким контролем со стороны светских властей.

Покажем, как работал закон 1883 г. на практике. В случае ходатайства староверов о разрешении им открыть новую или возобновить пришедшую в ветхость молельню уездный исправник предоставлял вятскому губернатору все необходимые для решения данного вопроса сведения. В частности, им собиралась информация о численности старообрядцев и православных в том населенном пункте, где предполагалось устроить молельный дом, и соседних селениях; о приверженности старообрядцев к тому или иному согласию; об их образе жизни и поведении, отношении к сторонникам Русской православной церкви; о месте расположения ближайшей старообрядческой молельни и др. Все данные по перечисленным выше пунктам вятский губернатор отправлял в Министерство внутренних дел с приложением своего мнения. Когда из министерства приходил окончательный ответ (далеко не всегда положительный), уездный исправник оповещал старообрядцев о решении их вопроса.

Так, например, в 1884 г. от крестьянина Константина Павлова – доверенного старообрядцев Старотрыкской и Усадской волостей Малмыжского уезда – поступило ходатайство о разрешении устроить молельню в деревне Сосновка (точнее, легализовать деятельность незаконно существовавшего там молельного дома). В связи с этим, по распоряжению губернатора, малмыжский уездный исправник предоставил следующие сведения. В Сосновке еще в 60-е г. XIX в. была построена старообрядческая молельня. Располагалась она во дворе Евдокима Попугаева в отдельном деревянном здании. В рапорте исправника приводились размеры молельни. Ее высота составляла примерно 3,6 м, длина – 10,6 м, ширина – 5,7 м. При этом исправник отметил, что данная молельня, как не разрешенная правительством, была «устроена в скрытом месте и с соблюдением всех предосторожностей от преследования» [24]. Старообрядцы хотели бы получить разрешение властей на дальнейшее существование и расширение ввиду тесноты. По сведениям, собранным Малмыжским уездным исправником, староверы, от имени которых ходатайствовал К. Павлов, проживали в двенадцати селениях. Среди них не было ни одного исключительно старообрядческого. Представим цифровые данные в виде таблицы:

Название населенного пункта	Численность старообрядцев	Численность adeptov РПЦ
Деревня Сосновка	225	438
Деревня Суши	10	597
Деревня Синярка	3	511
Деревня Гремячка	35	267 [25]

Как видно из таблицы, и в Сосновке, и в ближайших деревнях сторонники официальной церкви преобладали. Все ходатайствовавшие о расширении молельни и легализации ее существования являлись поповцами, приверженцами белокриницкого согласия. Однако среди них не было старообрядцев от рождения, все они ранее вышли из лона Русской православной церкви. В своем рапорте уездный исправник охарактеризовал и поведение староверов: это крестьяне-хлебопашцы, не питавшие вражды к сторонникам господствующей церкви, благонадежные в политическом отношении. В заключение исправник отметил, что в тот период в Малмыжском уезде существовала только одна старообрядческая молельня, разрешенная правительством, – в селе Старая Тушка Малорожкинской волости. Она была открыта в 1882 г. для старообрядцев-федосеевцев. Сообщая в Министерство внутренних дел полученные от уездного исправника сведения, губернатор изложил свою точку зрения: ходатайство старообрядцев не подлежит удовлетворению, поскольку все они – «уклонившиеся в раскол», и разрешение правительства на устройство молельни в Сосновке сделает законным и сам переход из православия в староверие. С позиции государственных властей и официальной церкви, это было недопустимо. Подобный ответ последовал вскоре и из Министерства внутренних дел. Малмыжский уездный исправник ознакомил с ним старообрядцев.

Задолго до этого, в январе 1875 г., малмыжский протоиерей Николай Шибанов, по поручению Вятской духовной консистории, осмотрел иконы, находившиеся в старообрядческом молельном доме в Сосновке. Благодаря составленному им отчету мы имеем представление о богатстве внутреннего убранства молельни. Н. Шибанов обнаружил 46 деревянных икон (из них 13 икон Спасителя, 18 – Божьей Матери, 4 – Иоанна Крестителя, 3 – Архистратига Михаила, 3 – Святителя и Чудотворца Николая, 1 – Рождества Христова и 1 – вход Иисуса Христа в Иерусалим) и 22 медных. На этих иконах Иисус Христос, Божья Матерь, Иоанн Креститель и другие святые были изображены с «раскольническим» перстосложением, то есть «большой перст соединен с мизинцем, а средний и указательный распостерты прямо» [26]. Большая часть икон имела только это отличие от православных и, согласно правилу I указа Святейшего Синода от 30 апреля 1858 г., они не признавались противоречащими канонам официальной церкви. Подобные иконы надлежало отправлять в единоверческие церкви. Однако среди изображений Спасителя протоиерей отметил одно «фантастическое и даже кощунственное: Спаситель изображен сидящим на верху креста, свесив ноги, обутые в

сапоги, на поперечину креста, и розовых панталонах, внизу скачут три дьявола, которых Спаситель поражает копьем» [27].

Можно предположить, что данная икона представляет собой художественно выраженное неприятие старообрядцами новой манеры письма, реалистических элементов, проникших в иконопись в XVII в. Староверы свято почитали, оберегали древние традиции. Их представление об иконе ярко выражено в словах духовного вождя старообрядцев – протопопа Аввакума. По его мнению, «лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия им находящая скорби». Для художника Древней Руси, как справедливо отмечает искусствовед В. Н. Лазарев, икона «должна была быть возвышенной по своему строю, должна была парить над чувственной действительностью, ее образы должны были воплощать высокие идеалы чистой и нравственной жизни» [28]. Поэтому естественно, что старообрядцы выступили против обмирщения искусства, проникновения в него реалистических новшеств, особенно объемной свето-теневой моделировки в иконописи. «Пишут Спасов образ, Еммануила, – говорил Аввакум, – лицо одутловато, уста червонная, волосы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, так же и у ног бедры толстые, и весь, яко немчин, брюхат и толст учинен, либо сабли той при бедре не писано». Старообрядцы отстаивали идеал высокой одухотворенности иконописных образов. В изображении Спасителя из молельни староверов деревни Сосновки, напротив, акцент сделан на внешнем, а не на внутреннем содержании, подчеркнуты такие детали одежды, как розовые панталоны, сапоги; лицо же – зеркало души – не отражено совсем. Три дьявола, которых Спаситель поражает копьем, возможно, являются собой троицу, описанную в Апокалипсисе Иоанном Богословом: «змий, зверь, лживый пророк». Именно так трактовал троеперстие – «никонианскую щепоть», отвергнутую старообрядцами, – протопоп Аввакум. «Змий», согласно его объяснению, – это дьявол, «лживый пророк» – ложный учитель (Никон), зверь – «царь лукавый» (Алексей Михайлович). Таким образом, данную икону можно рассматривать как выраженное в художественной форме неприятие староверами обрядовых новшеств официальной православной церкви и как отрицание новой, реалистической манеры письма.

О некоторых иконах, хранившихся в старообрядческой молельне в Сосновке, протоиереем Н. Шибановым было сказано, что они выполнены крайне неискусно, даже безобразно, например, медные складни с изображением Спасителя, Божьей Матери и Иоанна Крестителя. Такие иконы (в том числе икона Спасителя, описанная

выше), в соответствии с правилом I указа Святейшего Синода от 30 апреля 1858 г., признавались противоречащими учению Русской православной церкви. Они либо подлежали уничтожению, либо отправлялись в библиотеки академий и семинарий для миссионерских отделений.

Учитывая правила, содержащиеся в указе Святейшего Синода, вятский губернатор 28 февраля 1875 г. распорядился изъять обнаруженные в старообрядческой молельне иконы как не являвшиеся частной собственностью (правило II); соответствующую их часть отправить благочинному единоверческих церквей, священнику Рябову (иконы, не противоречащие учению официальной церкви), а остальные – ключарю Вятского кафедрального собора для секретного хранения в ризнице.

Не были успешными и действия уполномоченных от старообрядцев деревни Силькиной и починка Фомина Малмыжского уезда Ивана Санникова и Спиридона Смирнова. 5 марта 1884 г. они направили ходатайство в Министерство внутренних дел о разрешении открыть молельню в деревне Яшкино. Необходимость этого крестьяне мотивировали тем, что здание существовавшее в деревне старой молельни (не разрешенной правительством) уже обветшало, требовало ремонта и не вмещало всех собирающихся на общественное богослужение. Малмыжский уездный исправник, собиравший, по распоряжению вятского губернатора, необходимые для решения данного вопроса сведения, выяснил, что все крестьяне-просители – 3782 человека из 25 селений – от рождения являлись староверами-поповцами, в то время как единственная в Малмыжском уезде старообрядческая молельня, разрешенная правительством, находилась селе в Старая Тушка и предназначалась для беспоповцев федосеевского толка [29].

Известно, что между поповцами и беспоповцами имелись серьезные догматические расхождения, на что и указал уездный исправник. Учитывая это, Министерство внутренних дел предписало старообрядцам подготовить план того жилого здания, в котором они предполагали устроить молельню. Староверы представили проект молельного дома в Строительное отделение Вятского губернского правления, который был утвержден. Однако Министерство внутренних дел не удовлетворило ходатайство старообрядцев, так как это нарушило действовавшее законодательство. Согласно закону 3 мая 1883 г. староверам разрешалось устраивать молельни для общественного богослужения в уже существовавших жилых зданиях, а яшкинцы предполагали построить для этого новое строение [30].

Ситуация мало изменилась и на рубеже столетий. В частности, без соответствующего раз-

решения местных властей в 1879 г. была открыта молельня в доме старовера Николая Брагина, крестьянина деревни Гурклуды Сюмсинской волости. В 1902 г., по причине ветхости здания, старообрядцы Самуил Морозов, Иван Бушков и другие ходатайствовали о постройке нового здания. По предписанию вятского губернатора от 11 января 1902 г. Малмыжский уездный пристав собрал надлежащие сведения по этому делу. Из его рапорта следует, что в Гурклуде и близлежащих селениях проживали старообрядцы-поповцы: в деревне Гурклуде – 394 человека, в починке Шулаки – 20 человек, Солодянки – 29 человек, в деревне Акимово – 55 человек. На расстоянии примерно 1, 3 км от Гурклуды расположена деревня Вотские Кучи, где староверов не было, православные же посещали храм в селе Сюмси [31]. В рапорте пристава содержится также описание молельни, ее внутреннего убранства. Внешне она ничем не отличалась от обычной крестьянской избы. «Самое помещение молитвенного дома состоит из трех комнат: первой – передней, второй – общей для собирающихся на молитвословие народа и третьей, небольшой, с русской печью комнаты (кухни) ...» [32]. С учетом количества местных староверов молитвенная комната представляется небольшой по размерам: ее длина составляла примерно 5,5 м, ширина – 6, 2 м и высота – 2,3 м. Стены ее были оклеены цветными шпалерами, а потолок – белой бумагой. Вдоль стен с северной, южной и западной стороны стояли большие деревянные скамейки, а на восточной стороне комнаты на полке размещались иконы (8 деревянных и 12 медных) и 5 медных крестов. Около полки находились три деревянных аналоя, покрытых разноцветным ситцем.

Выводы пристава по данному делу основываются на мнении священнослужителей Сретенской церкви села Сюмси, выступавших категорически против удовлетворения прошения старообрядцев. С их точки зрения, открытие старообрядческой молельни «будет соблазнять жителей окрестных деревень, в особенности вотяков, кои, как несовершенные еще в вере православной, едва ли будут в состоянии различить незаконность раскольнического богослужения и требоисправления» [33]. Обращает на себя внимание тот факт, что данное оценочное суждение было сделано представителями духовенства официальной церкви спустя почти два десятилетия после издания закона 3 мая 1883 г., в значительной степени легализовавшего религиозную деятельность старообрядцев. Как видим, отношение к ним духовенства Русской православной церкви и в начале XX в. оставалось весьма настороженным. По действовавшему тогда законодательству староверам разрешалось обращать в молельные дома уже

существующие здания при условии, что иных религиозных центров (часовен, молелен) в данном населенном пункте нет. На этом основании, учитывая мнение православного клира, летом 1902 г. прошение старообрядцев деревни Гурклуда было отклонено. Тем не менее в 1903 г. им было предписано представить план предполагаемой молельни. Возможно, на изменение решения властей повлияло то обстоятельство, что ни в Гурклуде, ни в близлежащих селениях не было зафиксировано случаев «уклонения в раскол», чего так опасалось православное духовенство; все местные староверы являлись таковыми от рождения. Подготовленный старообрядцами проект культового здания поступил в Вятское губернское правление, но утвержден там не был, «как составленный без соблюдения всех требований и правил» [34].

На протяжении всего XIX столетия отстаивали свои права старообрядцы села Старая Тушка. Это был один из наиболее крупных центров староверия Малмыжского уезда и всей Вятской губернии. Старообрядческая молельня появилась там еще в начале XIX в. За ней строго наблюдали как светские власти, так и духовное начальство. Они регулярно осматривали молельный дом на предмет проведения староверами каких-либо исправлений, поскольку последнее было запрещено законом.

Документы судебного дела 1844 г. позволяют воссоздать внешний облик старообрядческой молельни. Это было деревянное здание на каменном фундаменте, высота которого составляла 4 сажени, длина – 10, а ширина – 3 сажени. Скатную тесовую крышу молельни венчал деревянный крест, обитый жестью. Okна располагались в два яруса, причем в первом из них они были защищены железными решетками. В молельне имелось два входа: с передней стороны и с левого бока. Перед первым стоял высокий деревянный столб с небольшой крышей, под которой висела чугунная доска с молотом для призыва верующих на богослужение. Внутри молельни находились две большие комнаты. Одна – трапезная – состояла из двух половин (для мужчин и для женщин), другая также делилась на две части и предназначалась для богомоления. Собственно служба совершалась в мужской половине второй комнаты, отделенной от женской стеклянной дверью. Там был установлен четырехъярусный иконостас. В его первом (нижнем) ярусе насчитывалось 11 икон, во втором – 23, в третьем – 17 и в четвертом – 17 икон. Перед иконами верхнего яруса висели две небольшие лампадки, перед иконами нижнего ряда – 12 лампад и 3 подсвечника с небольшими свечами, а в центре молельной комнаты – паникадило. Большое количество икон размещалось на клиросах, пол-

ках и в киотах. На высоком столе в киоте за стеклом лежало обтянутое малиновым полубархатом Евангелие в золотом окладе, с изображением четырех евангелистов по углам и распятия Иисуса Христа посередине. К этому же столу был прикреплен деревянный крест с медным посеребренным распятием. По бокам стола находились два аналоя с покатыми крышками. Помимо упомянутого Евангелия в молельне хранилось много богослужебных книг, в частности, Устав церковный, Псалтырь, Шестоднев, Житие Святителя и Чудотворца Николая и служба ему, рукописный Октоих и др. Рядом с молельным домом располагались 11 домиков – келий, в семи из которых жили богомольцы (трое мужчин и восемь женщин), четыре же оставались пустыми [35].

После осмотра молельни, произведенного по распоряжению вятского губернатора малмыжским земским исправником и представителями со стороны духовенства и окружного управления, комнаты ее были закрыты и заперты. Однако в ходе расследования не были выявлены никакие исправления молельни, не обнаружены и случаи ее негативного влияния на адептов Русской православной церкви. В связи с этим 20 мая 1844 г. было вынесено решение: «Настоящее положение Тушкинской раскольнической часовни оставить без преследования» [36].

Судебная палата утвердила решение уездного суда, однако вятский губернский прокурор обратил ее внимание на такие факты, как установление нового аналоя в виде престола, рам у четырех окон молельни, стойки для укрепления стены, лавочек на клиросах. Кельи рядом с молельней, по мнению прокурора, свидетельствовали об организации старообрядческого скита, что запрещалось законом. В связи с этим он настоял на проведении нового расследования по данному делу, но уже через «особых чиновников, минуя земскую полицию».

На протяжении 1844–1845 гг., по распоряжению вятского губернского прокурора, следствие возобновлялось четыре раза. Вину староверов в произведении исправлений их молельного дома и в организации скита доказать не удалось. Суд постановил: старообрядцев, молившихся в тушкинской часовне, «оставить в сильном подозрении», саму молельню закрыть, а материалы передать в пользу Вятского приказа общественного призрения [37]. В январе 1848 г. преосвященный Неофит, епископ Вятский и Слободской, сообщил Святейшему Синоду, что после закрытия молельни Вятский совещательный комитет первоначально счел необходимым уничтожить ее. Однако вследствии выяснилось, что, пристройив алтарь, старообрядческую молельню можно преобразовать в единоверческую церковь. Кроме того, духовенству стало известно, что многие

староверы готовы были присоединиться к Русской православной церкви на основе единоверия, но опасались притеснений со стороны своих единомышленников, а также сомневались, действительно ли служба в единоверческом храме совершается по их книгам и обрядам.

В связи с изложенными обстоятельствами Вятский совещательный комитет пришел к выводу о необходимости открытия в Старой Тушке, как центре старообрядчества, единоверческой церкви. Преосвященный Неофит изложил данные факты в своем донесении Святейшему Синоду, добавив, что в Малмыжском уезде не было ни одного единоверческого храма, и подчеркнул значимость превращения в таковой тушкинской молельни. После этого были собраны сведения о количестве старообрядцев, которые теоретически могли войти в состав создаваемого тушкинского прихода. Согласно составленной ведомости их насчитывалось 569 человек м. п. и 605 – ж. п. Основная их масса – беспоповцы, проживавшие в с. Старая и Новая Тушка, поч. Красный Ключ, Куженерка, Сунцово и других населенных пунктах Малмыжского уезда [38].

28 апреля 1850 г. Святейший Синод постановил передать старообрядческую молельню в селе Старая Тушка в ведение местного православного духовенства и преобразовать ее в единоверческий храм. Отметим, что проведение всех необходимых работ финансировало Министерство государственных имуществ. Из 11 келий три лучшие, находившиеся рядом с молельней, было предписано отдать для размещения в них священнослужителей единоверческой церкви, а остальные сломать и материал продать в пользу местного приказа общественного призрения. Над старообрядцами, проживавшими в кельях, следовало установить, учитывая их преклонный возраст, систему попечительства [39].

Местные старообрядцы оказались настроены достаточно решительно и открыто выразили свой протест. В сентябре 1852 г. замки в тушкинской молельне были взломаны, а печати с двух дверей сорваны. В результате проведенного осмотра выяснилось, что из молитвенного дома похищены некоторые вещи, как-то: двухъярусное паникадило, 14 свечей, находившихся в лампадах и подсвечниках, 13 фунтов свечей из ящика у среднего аналоя, 4 ситцевые «завески» от аналоев, 4 платка и одна шаль также для покрытия аналоев и небольшая сумма денег – 47,5 коп. [40] Подозрение пало на тушкинских крестьян – Алексея Черезова, Петра Исакова и Василия Сметанина, в чьих домах был произведен обыск. Однако вина названных крестьян доказана не была. Опрошенные 28 старообрядцев Тушки и 60 адептов Русской православной церкви – жителей близлежащих селений – показали, что они «по-

ведения хорошего» и в краже вещей из часовни не подозреваются.

Спустя два года после описанных событий, 2 сентября 1854 г., инженером Галкиным и помощником малмыжского окружного начальника Ивановым в присутствии священника Георгия Воецкого был произведен осмотр тушкинской молельни в связи с планируемым преобразованием ее в единоверческий храм. В целом здание было охарактеризовано Галкиным как строение с ветхой крышей, осевшим в нескольких местах фундаментом, прогнившими стенами, не пригодное для преобразования в единоверческую церковь. По мнению инженера, в случае крайней необходимости возможно проведение некоторых работ по реконструкции, однако после этого здание, по причине своей ветхости, не простоят более 7–10 лет и ремонт его экономически невыгоден: он будет стоить чуть меньше, чем сооружение новой церкви. Наконец, укрепление стен контрфорсами негативно отразится на внешнем облике храма.

Палата государственных имуществ мнение инженера признала справедливым, в то время как Вятская духовная консистория с ним не согласилась. Вятские священнослужители выдвинули свои аргументы. Вот лишь некоторые из них. Во-первых, все обозначенные специалистом повреждения подлежат исправлению или полному устраниению: крышу можно заменить, вместо осевшего фундамента подвести новый, стены обить тесом и укрепить контрфорсами. Мнение инженера относительно срока службы отремонтированного здания священнослужителями не учитывалось. Во-вторых, строительство нового храма, в отличие от реконструкции старого, потребует много времени. В-четвертых, искажение внешнего облика церкви вследствие использования контрфорсов не должно быть принято во внимание, поскольку «в настоящем деле ... должно предпочтеть красоте здания нужду церковную». Для людей, которые впоследствии станут прихожанами единоверческого храма, важно сохранение не «изящества в формах и размерах здания церковного», а «древности построения» [41]. Речь здесь идет о психологическом аспекте староверия. Для старообрядцев большое значение имеет сам факт существования культового центра с историческими корнями. Посещение старой молельни воспринимается ими как способ осуществления преемственности поколений, выражения пренданности старине и «древнему благочестию».

Учитывая все вышеперечисленное, Вятская духовная консистория обратилась в Палату государственных имуществ с просьбой сделать соответствующие распоряжения о составлении сметы на ремонт тушкинской молельни, плана ее реконструкции, а также изыскания средств для снабжения ее богослужебными книгами, церков-

но-бытовой утварью и содержания причта. Таким образом, благодаря настойчивости представителей православного духовенства единоверческий храм все-таки появился в Старой Тушке, однако просуществовал он достаточно недолго. В ночь на 15 августа 1860 г., как сообщил становой пристав Малмыжского уезда вятскому губернатору, она полностью сгорела. Из огня пожара старообрядцы сумели вынести 29 икон. По данному делу было произведено расследование, в ходе которого местным властям удалось установить только то, что поджог церкви совершили старообрядцы села Старая Тушка или близлежащих деревень. Как подчеркнул в своем рапорте малмыжский земский исправник, они изначально были против преобразования их молельни в единоверческую церковь, «смотрели на постройку ее с большим неравнодушием, заранее объявляя, что ни за что в нее молиться не пойдут» [42]. Кто именно совершил поджог, полиция выяснить не смогла ввиду особой сплоченности старообрядцев, которые, несмотря ни на какие увещевания, не пожелали выдать своих единомышленников. Таким образом, староверы не смирились с решением местных властей и в столь жесткой форме выразили свой протест.

После описанных событий старообрядцы, лишившиеся своей молельни, стали собираться на богослужения в частных домах, чему препятствовала полиция. В 1863 г. они построили усыпальницу с целью «поставления усопших для погребения» [43]. Однако епископ Вятский и Слободской Агафангел усомнился, действительно ли староверы не используют ее по назначению. Он высказал вятскому губернатору предположение, что усыпальница служит им и как молельня. Об этом свидетельствовали достаточно большие размеры здания (длина – 7 сажень, ширина – 4 сажени), наличие двух дверей для входа (для мужчин и женщин), перегородки для моления отдельно мужчин и женщин, чердака с печкой, вероятно, для исповеди. Агафангел обратился к вятскому губернатору с просьбой немедленно закрыть данное строение. В связи с этим, по распоряжению губернатора, 9 сентября 1864 г. малмыжский уездный исправник опечатал усыпальницу, оставив открытым только холодный подвал для помещения тел умерших. В таком состоянии ее распорядился оставить вятский губернатор. При этом он руководствовался Высочайшим повелением 5 мая 1839 г. На основании данного нормативного акта между опечатыванием и уничтожением незаконно построенной или исправленной старообрядческой молельни должно пройти достаточно времени, чтобы менее сильным было впечатление верующих от ее разрушения [44].

Министерство внутренних дел предложило либо использовать усыпальницу только как по-

мещение для хранения тел умерших, либо преобразовать ее, изменить назначение здания. Вятская духовная консистория предложила обратить усыпальницу в сельское училище для обучения детей. Однако факты, собранные малмыжским уездным исправником, свидетельствовали о том, что открывать училище в селе Старая Тушка нет никакой необходимости ввиду незначительного числа жителей там (всего 243 человека, из которых 190 – старообрядцы, 36 – православные, 17 – язычники). Кроме того, в близлежащих населенных пунктах, в частности в селах Аджим и Рожки, уже имелись два училища, где крестьяне Старой Тушки могли обучать своих детей. Исправник в рапорте от 10 апреля 1868 г. обратил внимание губернатора на то, что усыпальница в селе Старая Тушка расположена посередине села, на расстоянии 60 саженей от жилых зданий и 2 верст от старообрядческого кладбища. Это противоречит циркулярному предписанию 1-го департамента Министерства государственных имуществ от 27 апреля 1860 г., согласно которому усыпальницы могли строиться при церквях, кладбищах или недалеко от них на конце селений.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, особенно нарушение старообрядцами циркуляра Министерства государственных имуществ, министр внутренних дел высказался за снос усыпальницы. Вятский губернатор отдал соответствующее распоряжение, но Григорий Богданов, которому усыпальница перешла в собственность от отца, отказался выполнять предписание местных властей. Данное дело было решено с помощью полиции. Ее представители составили акт о сопротивлении Г. Богданова и 25 июня 1873 г. передали его местному мировому судье, согласно приговору которого усыпальница была разрушена.

Борясь за свои права, 18 апреля 1881 г. старообрядцы федосеевского толка Алексей Черезов, Матвей Богданов, Григорий Хлюпин и другие крестьяне деревень Старая Тушка, Новая Тушка, Куженерка, Красный ключ, Сунцово и Большие Рожки обратились к императору с просьбой разрешить им построить в Старой Тушке молельню для совершения богослужений по их обрядам. В своем ходатайстве они отметили, что после запрещения собираться на общественные богослужения в частных домах в среде старообрядцев «стал резко замечаться... упадок в нравственном и материальном отношении, влекущий неминуемо к расстройству крестьянских хозяйств» [45]. В соответствии с распоряжением министра внутренних дел вятский губернатор предоставил в министерство следующие сведения о старообрядцах Старой Тушки и ближайших селений, ходатайствовавших об открытии молельного дома. Все они (250 человек) от рождения являлись старообрядцами федосеевского согласия, к местным

властям относились с должным уважением, не испытывали вражды к адептам Русской православной церкви и, наконец, политически благонадежны. Помимо этого губернатор подчеркнул, что после закрытия молельни в Старой Тушке староверы вынуждены были отправлять богослужения тайно, в разных домах, спасаясь от преследований полиции. Данное обстоятельство и упадок нравственности в их среде, вызванный запретом на совершение общественных богослужений, побудил старообрядцев обратиться с ходатайством к самому императору. Министр внутренних дел выразил согласие выделить староверам под молельню отдельное жилое здание при условии, что внешний вид здания не изменится и будет строго соблюдено правило, запрещающее иметь снаружи колокола кресты и наддверные иконы [46]. Вскоре после этого в одном из жилых домов Старой Тушки была открыта старообрядческая молельня.

Следует подчеркнуть, что разрешение на строительство молельни, полученное тушкинскими староверами в 1882 г., являлось исключением. Оно, как отметил сам министр внутренних дел, не отменяло действующего законодательства и было обусловлено лишь крайней необходимостью. В связи с этим министр предписал не придавать огласке полученное старообрядцами разрешение.

Таким образом, прямым следствием неприятия староверов как светскими властями, так и Русской православной церковью стала политика самодержавия по отношению к старообрядческим культовым центрам. На протяжении рассматриваемого периода мы наблюдаем либо категорический запрет на открытие и функционирование старообрядческих молельных домов и совершение богослужения представителями старообрядческого клира, либо объявление законными названных действий, но фактически признание их нежелательными. Вместе с тем значение молелен как центров духовной культуры «ревнителей древнего благочестия» очень велико. Они выполняли не только религиозные функции, но и служили хранилищами произведений искусства, в частности старопечатных книг и икон дониконовского письма, а также центрами духовного единения старообрядцев.

Примечания

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 219.
2. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 135.
3. Там же. С. 260.
4. Обзор мероприятий Министерства Внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 137, 138.
5. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 314.

6. Там же. С. 261.
7. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 716. Оп. 4. Д. 103. Л. 107. ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 186. Л. 118.
8. ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 103. Л. 45. ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 186. Л. 120 об.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14а. Д. 6. Л. 78.
10. Там же.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1263 Оп. 1. Д. 3396. Л. 140–140 об.
12. Обзор мероприятий Министерства Внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 139.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14а. Д. 6. Л. 128 об., 128.
14. Там же. Л. 50–50 об.
15. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 219.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14а. Д. 6. Л. 68 об.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 90. Д. 10. Л. 11.
18. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 182.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд-ние первое. 1864. СПб., 1867. С. 409.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 128. Л. 5.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. III. 1883. СПб., 1886. С. 219–220.
22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 32. Д. 108; ГАКО. Ф. 582. Оп. 65а. Д. 80; ГАКО. Ф. 582. Оп. 15. Д. 73.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 69. Д. 174. Л. 4 об.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 32. Д. 96. Л. 4.
25. Там же. Л. 4 об.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 90. Д. 97. Л. 5об.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 90. Д. 97. Л. 5об.–6.
28. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1994. С. 23.
29. РГИА. Ф. 1284. Оп. 220. Д. 30. Лл. 13об.–14об.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. III. 1883. СПб., 1886. С. 220.
31. ГАКО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 57. Л. 21 об.
32. ГАКО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 57. Л. 25–25 об.
33. ГАКО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 57. Л. 24.
34. ГАКО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 74. Л. 69 об.
35. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437 а. Лл. 15–17.
36. ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 257. Л. 6 об.
37. ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 257. Л. 6 об.
38. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437. Л. 63 об.
39. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Д. 120. Лл. 15–15 об.
40. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437. Л. 70.
41. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437. Л. 104.
42. ГАКО. Ф. 582. Оп. 89. Д. 669. Л. 5 об.
43. РГИА. Ф. 1284. Оп. 219. Д. 50. Л. 1.
44. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3396. Лл. 140–140 об.
45. РГИА. Ф. 1284. Оп. 219. Д. 41. Лл. 1–1 об.
46. ГАКО. Ф. 716. Оп. 5. Д. 22. Лл. 5–5 об.

УДК 271.2:272(470.342)

А. А. Машковцев

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
С КАТОЛИКАМИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – 1917 г.)**

В статье рассмотрены взаимоотношения православного духовенства с крупнейшей инославной христианской конфессией Вятской губернии – Римско-католической церковью. Показаны основные формы межконфессионального диалога, а также проблемы, возникавшие в ходе взаимодействия двух церквей.

The author examines the relations between Russian Orthodox Church and Catholics in the Vyatka province.

Ключевые слова: Русская православная церковь, католицизм, конфессиональная политика.

Keywords: Russian Orthodox Church, Catholicism, confessional policy.

Русская православная церковь, являвшаяся крупнейшей конфессиональной организацией Вятской губернии и имевшая привилегированный статус, в процессе своего функционирования постоянно сталкивалась с иными религиозными группами, жившими на территории края. К ним относились в первую очередь мусульмане, старообрядцы, а также adeptы традиционных культов (в частности, марийцы-язычники). Взаимоотношения с указанными конфессиями зачастую складывались очень непросто, тем не менее в процессе многовекового общения местное православное духовенство познакомилось с религиозными и бытовыми особенностями мусульман, язычников и староверов. Эти знания были необходимы священникам, в чьих приходах проживали иноверцы, а также миссионерам, занимавшимся проповеднической деятельностью.

Однако в середине XIX в. в крае формируются религиозные общины, с которыми вятское православное духовенство ещё не имело опыта взаимодействия. Речь идёт о католиках и лютеранах, оказавшихся в Вятской губернии в силу различных социально-экономических и политических причин и создавших здесь устойчивые религиозные объединения. В начале XX в. к ним добавились ещё и евангельские христиане, представлявшие собой русскую разновидность баптизма.

В рамках данной статьи попытаемся проанализировать взаимоотношения православного клира с католической общиной края. Поскольку православие было не просто официальной рели-

гии России, но и, фактически, частью государственного аппарата, подобный анализ необходим для более глубокого понимания конфессиональной политики российского правительства в отношении католиков во внутренних районах страны, географически удалённых от Царства Польского.

В середине XIX столетия в Вятской губернии происходит заметное увеличение численности католиков. По состоянию на 1 января 1863 г. их насчитывалось в крае 240 человек. Более половины из них (127 чел.) проживали в Вятке, составляя вторую по численности (после православных) конфессиональную группу. Довольно много католиков находились в юго-восточных уездах (Малмыжском, Сарапульском и Елабужском) – 56 чел., а также в Слободском и Глазове [1]. На западе, юго-западе и севере губернии представители данной конфессии были представлены очень слабо.

По этническому составу среди вятских католиков доминировали поляки, но было и небольшое количество немцев. Последние проживали почти исключительно в губернском центре, а также в Сарапульском уезде, занимая руководящие должности на Ижевском оружейном заводе.

Значительное число среди поляков-католиков составляли чиновники (61 чел.), прибывшие в губернию на период службы. По ведомственной принадлежности 20 человек работали в структурах Министерства государственных имуществ, 15 чел. – в МВД, 13 чел. – в Военном министерстве, 9 чел. – в Минюсте [2]. По одному чиновнику работало в Министерстве императорского двора, Минфине, Главном управлении почты, а также в Главном управлении путей сообщения.

То обстоятельство, что среди чиновников губернской администрации находилось немало католиков, благоприятно сказалось на развитии общины. Ещё в 1853 г. местные верующие-поляки получили у властей разрешение на открытие в губернском центре католической молельни, приписанной к казанскому римско-католическому приходу. Именно с этого момента можно говорить о функционировании на Вятской земле постоянно действующего и официально разрешённого католического храма. Впрочем, он располагался не в собственном культовом здании, а в квартире ссыльного ксёндза Лелловича, который до депортации служил в Минской епархии [3].

Таким образом, до начала 60-х гг. XIX в. католическое население Вятской губернии состояло, преимущественно, из чиновников, инженеров и предпринимателей, добровольно прибывших в край. Однако после польского восстания 1863–1864 гг. ситуация резко изменилась. Вятская земля, издавна являвшаяся местом политической ссылки, приняла у себя несколько сотен участ-

ников восстания, подвергшихся различным наказаниям (административная ссылка, направление в арестантскую роту и пр.). Среди ссыльных оказалось почти два десятка католических священнослужителей, в том числе римско-католический епископ Адам Станислав Красинский и греко-католический (униатский) епископ Ян Калинский.

Ссыльные участники польского национально-освободительного движения были размещены в различных уездах губернии. К примеру, депортированные ксёндзы отбывали наказание в Слободском, Котельниче, Глазове, Малмыже, Сарапуле, Орлове и Яранске. Однако большая часть ссыльных оказалась в самой Вятке, пополнив тем самым уже имевшееся здесь католическое население.

Среди живших в губернском центре католиков оказались и два названных архиерея. Высланный в Вятку в сентябре 1866 г. епископ Холмской униатской епархии Я. Калинский прожил здесь лишь восемь дней, скоропостижно скончавшись 29 сентября 1866 г. [4] Он не успел оставить никакого следа в жизни вятских католиков. Значительно более масштабной фигурой был виленский римско-католический епископ А. С. Красинский. Выдающийся учёный-филолог, он ещё в середине 50-х гг. XIX в. получил широкую известность своим переводом на польский язык «Слова о полку Игореве». Несмотря на любовь к русскому языку и культуре, Красинский оставался польским патриотом, поэтому с большим сочувствием отнёся к Январскому восстанию 1863 г. Отказ епископа от сотрудничества с администрацией Северо-Западного края в деле стабилизации обстановки вызвал крайне негативную реакцию властей. В результате по распоряжению виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва епископ А. С. Красинский был выслан в Вятку [5].

Оказавшись в ссылке, Красинский купил большой двухэтажный особняк на углу Стефановской и Спенчинской улиц, где прожил вплоть до своего освобождения в 1883 г. [6] На втором этаже здания епископ открыл каплицу, представлявшую собой домашнюю молельню, рассчитанную на ограниченный круг лиц. Однако Красинский, учитывая большую потребность местных католиков в храме, изначально стремился сделать её общедоступной. Он ходатайствовал перед вятским губернатором В. Н. Струковым о разрешении публичных богослужений, встретив у последнего понимание и сочувствие [7]. Тем не менее губернатор счёл нужным перестраховаться, направив соответствующий запрос в МВД. Министр внутренних дел П. А. Валуев, проконсультировавшись с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, разрешил Красинскому проводить публичные богослужения в своём

доме, но с условием, что «присутствовать при оных могут только те из посторонних лиц, коим будет... дано особое на то дозволение» [8]. Кроме того, за проведением богослужений учреждался особый полицейский контроль. Он был поручен штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику Адамовичу, принадлежавшему вместе с семьёй к католической церкви.

Однако полковник Адамович, видимо, не слишком ревностно выполнял возложенную на него обязанность. В ноябре 1864 г. губернатору сообщили, что «при совершаемых в капелле епископа Красинского богослужениях бывают не только многие из проживающих в Вятке католиков, но даже лица, состоящие под надзором полиции, католики, временно проживающие в Вятке и вообще такие, которым никогда не разрешалось присутствовать при этом богослужении» [9].

В конце концов В. Н. Струков смирился с таким положением вещей. «Хотя я мог остановить такое неправильное посещение капеллы епископа Красинского, но ввиду того, что некоторые из посещающих капеллу занимают довольно видное служебное положение, в особенности по судебному ведомству, я старался избегать принятия каких-либо в данном случае мер», – писал он позднее [10]. Некоторое послабление контроля позволило многим католикам города (в том числе и ссыльным) чаще бывать в храме и общаться между собой. Таким образом, с появлением молельни возник мощный консолидирующий фактор, способствовавший объединению людей по вероисповедному признаку.

Формировавшейся католической общине Вятки необходимо было выстраивать отношения не только с губернской администрацией, но и с руководством местной православной епархии. Последнее же с большой настороженностью встретило прибывавших польских ссыльных, в первую очередь представителей католического духовенства. Подобная реакция объясняется несколькими факторами. Во-первых, огромную роль сыграл исторический фактор, то есть негативные взаимоотношения между православием и католицизмом в предшествующие исторические эпохи. Натиск крестоносцев на Северо-Западную Русь в XIII в., Ливонская война, Смутное время, навязывание унии, жесточайшие религиозные гонения в отношении православных украинцев и белорусов – всё это создавало определённые стереотипы у православного клира и формировало явное предубеждение в отношении «латинской ереси». Подобные настроения были сильны даже в Вятской губернии, хотя она не являлась православно-католическим пограничьям, а абсолютное большинство местных священников никогда раньше не контактировали с католиками. Во-вторых, ситуацию усугубило польское восста-

ние 1863–1864 гг. В российских официальных изданиях публиковалась информация о жестоких столкновениях между правительственные войсками и польскими повстанцами, об убийствах русских чиновников в Польше и Северо-Западном крае, о нападениях на православные храмы и пр. Всё это не добавляло любви к польским ссыльным. Наконец, руководство епархии опасалось, что высылка в губернию почти двух десятков ксёндзов может привести к католическому прозелитизму среди адептов Русской православной церкви.

Материалы Вятской духовной консистории свидетельствуют о том, что в середине 60-х гг. XIX в. руководство епархии опасалось пропаганды католицизма едва ли не больше, чем деятельности старообрядческих начётчиков, несмотря на то что последних было во много раз больше ссыльных ксёндзов. Вероятно, это объясняется тем, что старообрядцы, пытавшиеся распространять свою веру среди сторонников официальной церкви, как правило, не рассматривались православным духовенством как достойные конкуренты. Многие из старообрядческих пропагандистов были малограмотными людьми и не могли на равных polemizировать с хорошо подготовленными православными миссионерами.

Совершенно иная ситуация была с ссыльными католическими священниками. Большинство из них закончили духовные семинарии, а епископ А. С. Красинский – Виленскую духовную академию, считавшуюся одной из лучших в Восточной Европе. Всё ксёндзы помимо польского языка знали латынь, некоторые также белорусский или литовский, а Красинский вообще был полиглотом, на профессиональном уровне занимавшимся литературными переводами.

Старообрядческие уставщики и начётчики, хотя и являлись религиозными диссидентами, но по крови были русскими, поэтому имели значительное ментальное сходство со столь нелюбимыми ими никонианами. Польские же ксёндзы, несмотря на единые славянские корни, обладали совершенно иным мировоззрением и по духу были гораздо ближе к любому западноевропейскому народу, чем к близкородственным русским. Отсюда страх перед ними как перед совершенно чужой, непонятной и непредсказуемой силой, к тому же многократно усиленный уже отмеченными историческими факторами.

Православное духовенство внимательно следило за действиями ссыльных ксёндзов, готовясь решительно пресечь любые попытки католического прозелитизма не только среди русских, но и среди выходцев из смешанных русско-польских семей. Согласно законодательству того времени браки между католиками и православными были разрешены, однако дети, рождённые в та-

ких браках, должны были исповедовать православие. В связи с этим очень показателен следующий пример.

В конце 1863 г. коллежский секретарь Вятской казенной палаты Иванов сообщил вятскому епископу Агафонту и губернатору В. Н. Струкову о том, что 24 ноября к нему домой пришли трое нищих детей (старшему из которых было около 13 лет) и попросили дать им милостыню. Чиновник обратил внимание на то, что один из них, по фамилии Задовский, носил католический крест и осенял себя католическим крестным знамением. Из разговора с ним выяснилось, что его мать русская, а отец (уже умерший) – поляк, служивший в Вышнем Волочке на железной дороге. Несмотря на то что крестили ребёнка в православной церкви, фактически он получил католическое воспитание. Перед смертью отец просил мальчика оставаться католиком, что ему было клятвенно обещано. На слова Иванова, что, «ни русское правительство, ни мать его не позволят ему оставаться католиком», мальчик ответил, что, «несмотря ни на что, он всё-таки найдёт средства бежать в Польшу» [11]. Кроме того, Задовский упомянул, что он часто бывает у сосланного в Вятку католического епископа Красинского, который якобы обещал его взять к себе как сына.

На основании разговора с ребёнком чиновник сделал вывод о том, что «без особенного постороннего влияния он никак не мог питать в себе такой приверженности католицизму и польской национальности, тем более, что живёт он между русскими», а также, что «в настоящее время в Вятке существует католическая пропаганда и некоторые, особенно из малолетних, уже совращаются католицизмом, обольщаемые чьими-то внушениями во вред православной церкви и русской национальности» [12].

Получив данную информацию, епископ Агафонту потребовал у губернской администрации провести тщательное расследование, что было немедленно выполнено. 15 января 1864 г. жандармы произвели обыск у духовника епископа – ксёндза В. Францкевича, добровольно отправившегося вместе с Красинским в изгнание, однако ничего предосудительного не нашли. Самого А. С. Красинского власти трогать не решились, однако и ему пришлось писать объяснительную губернатору, в которой, впрочем, он отверг все предъявленные обвинения. «Что касается православного мальчика по фамилии Задовский, который будто бы в своей приверженности католицизму питает надежду на поддержку лиц католического духовенства, находящегося в Вятке, то все три ксёндза показали, что о таком мальчике никаких сведений не имеют», – отмечал А. С. Красинский [13]. Тем не менее епископа и священников ещё раз предупре-

дили о том, что в случае любых попыток религиозной агитации они будут наказаны по всей строгости закона.

Страх перед возникновением католической пропаганды приводил к тому, что во второй половине 1860-х гг. административно-полицейские органы края стремились предельно ограничить контакты ссыльных ксёндзов с местным русским населением. В частности, им запретили оказывать образовательные услуги (преподавать в школах, заниматься репетиторством и пр.).

10 июня 1863 г. из Могилёвской губернии в Глазов сослали ксёндза Александра Монюшко. Священник имел степень магистра богословия и помимо службы в костёле преподавал в Горыгорецком земледельческом институте – единственном высшем учебном заведении на территории тогдашней Белоруссии. Поскольку денежное пособие от казны не обеспечивало и самых насущных потребностей, ксёндз пытался найти себе дополнительный источник доходов. Он в совершенстве владел несколькими иностранными языками и мог работать в качестве учителя, о чём его просили жители Глазова, желавшие дать своим детям хорошее образование [14]. Однако на его ходатайство о разрешении заниматься преподавательской деятельностью последовал отказ. Вятский губернатор вынес свой вердикт после консультаций с Особой канцелярией МВД, указавшей на недопустимость обучения детей православного исповедания католическим священником. По всей видимости, власти опасались не только прозелитизма Монюшко среди русского населения, но и его антиправительственной агитации. Причиной опасений служило то, что ксёндз у себя на родине «имел вредное влияние на воспитанников Земледельческого института» [15].

Однако и в данном случае опасения губернских властей и православного духовенства оказались сильно преувеличеными. В далёком вятском городе, в условиях пристального надзора со стороны правоохранительных органов, А. Монюшко никоим образом не проявлял своей нелояльности к властям. Помощник глазовского уездного исправника писал в донесении губернатору, что «ксёндз Монюшко вёл и ныне ведёт себя отлично, удаляется от всех разговоров, имеющих какое-то отношение к политике, своим весёлым характером заслужил любовь местных жителей» [16]. Кроме того, нет никаких, даже косвенных, доказательств того, что сильный польский священник планировал заниматься миссионерством среди местных жителей.

Таким образом, православное духовенство Вятки значительно преувеличило угрозу католической экспансии в регионе. Даже те ксёндзы, которых выслали не за участие в национально-освободительном движении, а именно, за про-

зелитизм среди православных белорусов и украинцев (В. Шабловский и И. Виллянович), в местах отбытия наказания ни разу не были уличены в миссионерстве. Вероятнее всего, они просто боялись усугубить своё и без того бедственное положение. В царской России пропаганда иной веры среди адептов РПЦ преследовалась по закону, поэтому ссыльные ксёнды резонно опасались новых репрессий.

После того как высланные католические священники своим поведением продемонстрировали лояльность к светской власти и отсутствие каких-нибудь миссионерских устремлений, отношение к ним со стороны губернской администрации и руководства вятской епархии стало менее предвзятым. Тем не менее даже в конце XIX в. некоторые бдительные граждане пытались обвинить ксёндов в тайном прозелитизме. Так, в апреле 1890 г. в канцелярию вятского губернатора поступила анонимка, в которой указывалось, что некоторые местные поляки «приучают русских ходить в свою церковь (точнее, молельный дом. – А. М.) и даже детей своих, которые русские (то есть рожденные в смешанном браке. – А. М.), водят в храм и велят молиться по-ихнему, и они молятся и читают их книги» [17]. Организованная в связи с этим проверка данную информацию не подтвердила, тем не менее губернатор запретил ксёнду Викентию Шабловскомупускать таких детей в католическую молельню.

Русская православная церковь, болезненно реагировавшая даже на слухи о тайной пропаганде католицизма, сама занималась миссионерством среди католиков и униатов. Эффективность подобной работы среди поляков была не слишком высокой, но факты перехода из католицизма в православие фиксируются в течение всего рассматриваемого нами периода. Особенно часто подобные случаи происходили в 60-х гг. XIX в., когда в край прибыло наибольшее количество католиков. Для некоторых из них принятие православия было вынужденной мерой, вызванной различными жизненными обстоятельствами. Так, в феврале 1865 г. православный обряд крещения прошли два заключенных Вятской арестантской роты – Кароль Геник и Ян Михальский [18], а в мае 1869 г. ещё один арестант – Андрей Кржевяк [19]. Причины их обращения позволяет понять рапорт священника Николая Попова епископу Агафонту и реакция на него Вятской духовной консистории. Попов доложил владыке о том, что в больнице Вятского призыва общественного призрения находится несколько тяжело больных ссыльных поляков, которые, не имея возможности посещать каплицу епископа А. С. Красинского, просят православное духовенство исповедовать и причастить их. Рассматривая данный запрос, консистория приказала о. Николаю

выполнять духовные требы поляков только в случае принятия ими православия. «В указе Святейшего Синода от 20 февраля 1800 г. «О погребении иноверцев православными священниками» сказано, что лиц католического и лютеранского исповедания удостаиваются святого причащения перед смертью только в том случае, когда они будут присоединены к православной церкви», – отмечалось в постановлении консистории [20].

Впрочем, можно привести массу примеров вполне добровольного и осознанного принятия православия поляками, жившими на Вятской земле. Так, в сентябре 1867 г. заявил о желании креститься в православной церкви вместе со всей семьёй дворянский заседатель Орловского уездного суда Михаил Тознанский [21]. Православие также принимали полячки, выходившие замуж за русских. В частности, под влиянием протоиерея Преображенского собора г. Слободского о. Александра Кедрова и своего мужа штабс-капитана Андрея Ушакова крестилась в православной церкви полячка Юлия Ивановна Ушакова [22]. Однако стоит обратить внимание на одну примечательную деталь: чаще всего в православие переходили поляки, жившие за пределами губернского центра. В рассматриваемый период подобные случаи неоднократно происходили в Уржуме, Ижевске, Елабуге и других городах [23], где отсутствовали католические храмы. В самой Вятке, где почти непрерывно функционировала каплица, обращение в православие католиков происходило довольно редко.

Если проследить динамику перехода из католицизма в православие, то в середине 60-х гг. XIX в. ежегодно фиксировалось до 4–5 подобных случаев. В последующем (до начала XX в.) этот показатель снизился до 2–3 случаев в год, при том что общая численность католиков в губернии в конце XIX в. составляла 790 чел. [24] В период Думской монархии цифры перехода сильно варьировались. В 1911 г. вятское епархиальное начальство доложило в Синод об обращении в православие шести католиков. В 1912 г. православными стали три католика, а в 1913 г. – восемь [25].

Наиболее серьёзные успехи в деле миссии среди западных христиан были достигнуты вятским православным духовенством в годы Первой мировой войны, когда произошло резкое увеличение численности католического населения в крае. В одной лишь Вятке к 1917 г. насчитывалось около 900 верующих [26]. Стремительный рост католической общины объясняется размещением в тыловой губернии большого числа беженцев из Польши, Литвы, Западной Белоруссии и части Латгалии, оставленных русской армией в ходе «великого отступления» 1915 г. Помимо российских беженцев в Вятско-Камском

крае появилось большое количество интернированных германских и австрийских подданных, среди которых имелись лица духовного звания. Так, в конце 1914 г. в Вятку был выслан римско-католический священник Антон Бернард Ганзе [27]. Тогда же из Львовщины, занятой русскими войсками в результате Галицийской битвы, был этапирован греко-католический (униатский) священник Стефан Сапрун [28]. Прибывшие в Вятскую губернию католики и униаты стали объектом пастырского воздействия со стороны Русской православной церкви.

Эффективность работы православных миссионеров в римско-католической среде была относительно невысокой. Во второй половине 1914 – первой половине 1915 г. православие приняли несколько германских и австрийских подданных из числа интернированных и военнопленных. К примеру, в ноябре 1914 г. в Спасском соборе г. Вятки крестились два австрийских подданных – В. Альтнер и П. Малиновский [29]. При этом некоторые обращения военнопленных-католиков с просьбой о принятии православия отклонялись епархиальным руководством ввиду явного присутствия в подобных ходатайствах корыстного мотива. Так, в феврале 1915 г. епископ Никандр запретил крестить содержащегося в Котельниче австрийского военнопленного А. Фишера. «Присоединение к Православной церкви ради скорейшего принятия в русское подданство побуждает меня отклонить просьбу Фишера», – писал преосвященный [30].

Если переход в православие адептов Римско-католической церкви по-прежнему был нечастым явлением, то при осуществлении миссионерской деятельности среди греко-католиков (униатов) вятское православное духовенство добилось выдающихся успехов. Согласно данным Вятской духовной консистории лишь за первую половину 1915 г. в православие обратилось около 300 униатов. Это были в основном западные украинцы, до войны жившие на территории Восточной Галиции, принадлежавшей Австро-Венгрии. В миссионерских отчётах они упоминаются под названием «галичане». Наиболее результативной оказалась деятельность епархиального миссионера о. Емельяна Николаева. Блестящий полемист и оратор, он имел большой опыт миссионерской работы, проповедуя среди старообрядцев. После того как в Вятскую губернию этапировали большие группы галичан-униатов, Е. Николаев начал совершать пастырские поездки в районы их размещения, проводя с военнопленными постоянные индивидуальные и коллективные беседы. Результаты таких поездок были настолько впечатляющими, что духовная консистория постановила обнародовать эту информацию в «Вятских епархиальных ведомостях». Итак, в слободе Кукарка

Е. Николаев присоединил к православию 58 униатов, в Уржуме – 39 чел., в Нолинске – 103 чел., в Орлове – 71 чел. [31] Таким образом, за несколько месяцев Е. Николаев добился больших успехов, чем все вятские миссионеры за полвека работы среди католиков края.

Естественно, что возникает вопрос о причинах столь высокой эффективности православной миссии именно в униатской среде. Вряд ли правомерно объяснять это лишь субъективным фактором – блестящими способностями Е. Николаева. Помимо униатов священник работал и с приверженцами Римско-католической церкви, однако здесь последствия его проповедей оказались весьма скромными (всего несколько человек обращённых). Совершенно неправомерно объяснять массовый переход униатов в православие лишь меркантильными соображениями, в частности их надеждами на улучшение условий содержания в пленау. Несомненно, что какая-то часть галичан пошла на смену веры по конъюнктурным причинам, но вряд ли их намного больше, чем пленных католиков и лютеран, крестившихся с целью извлечения выгоды.

На наш взгляд, главная причина этого интересного явления лежит в духовной сфере: значительная масса униатов вполне искренне желала воссоединиться с верой их предков. Само возникновение Греко-католической церкви на Украине явилось следствием заключения Брестской церковной унии 1596 г., подписанной православными иерархами Речи Посполитой под мощным давлением польских властей. По мнению ряда исследователей, «религиозной подоплёкой Брестской унии было стремление Ватикана расширить свою экспансию на православный Восток, а социально-политической – стремление польских феодалов закрепить своё господство на Украине и в Белоруссии, расторгнув с помощью унии союз украинского и белорусского народов с русским народом» [32]. Суть унии сводилась к признанию главенства папы римского и важнейших католических догматов при сохранении православной обрядности. Кроме того, в отличие от костёлов, где мессы проходили на латыни, в униатских храмах разрешалось использование родного для верующих языка.

Уния не была принята населением Левобережной Украины, сохранившим верность православию. В Правобережной Украине униатство пустило более глубокие корни, однако с конца XVIII в. и в этом регионе оно также стало утрачивать свои позиции. Справедливости ради надо признать, что далеко не всегда этот процесс проходил эволюционным путём. После разделов Речи Посполитой и вхождения в состав Российской империи Подолии и Волыни правительство Екатерины II пытались административными мерами ускорить процесс ликвидации униатства. Этот

курс продолжился и в XIX в., когда в состав нашей страны вошла территория бывшего Варшавского герцогства. Одним из последних шагов в этом направлении стала ликвидация униатства на Холмщине, при этом, как отмечалось выше, холмский униатский епископ Ян Калинский в 1866 г. был сослан в Вятку, где вскоре умер.

Таким образом, после ликвидации униатства на территории Российской империи Украинская греко-католическая церковь сохранилась лишь на землях, входивших в состав Австро-Венгрии (Восточная Галиция, Буковина, Закарпатье и пр.). Правительство Габсбургов не только оказывало покровительство униатам, но и содействовало росту украинского национализма, видя в нём союзника в случае конфликта с Россией. Накануне Первой мировой войны в Галиции было создано несколько украинских полувоенных организаций, в частности «Сокол» и «Сечь», на базе которых впоследствии была образована группировка «Сечевые стрельцы» [33]. Её бойцы уже в 1914 г. воевали против русских частей в Галиции, при этом моральную поддержку националистам оказывало руководство Украинской униатской церкви, в том числе и её глава – митрополит Андрей Шептицкий.

Однако далеко не все западные украинцы разделяли националистические взгляды и антирусские настроения. В Восточной Галиции, как и в других славянских районах Австро-Венгрии, был распространён и панславизм. Кроме того, среди адептов Греко-католической церкви было немало людей, не видевших особых различий между православием и униатством (из-за их обрядового сходства), либо даже с симпатией относившихся к Русской православной церкви. После занятия Восточной Галиции русскими войсками осенью 1914 г. начался переход этой части украинских униатов в православие, который, за редким исключением, носил добровольный характер. Русское военное командование, не желая портить отношения с местным населением, запретило насильственное обращение в православие. «Не допускать никаких мер к обращению униатов в православие, исключая совершение добровольного желания отдельных лиц, самостоятельно ими выраженного», – указывал начальник Главного штаба Н. Н. Янушкевич в телеграмме на имя генерал-губернатора Галиции Г. А. Бобринского [34]. Копия этой телеграммы была передана архиепископу Евлогию, руководившему миссионерской деятельностью на занятых территориях Австро-Венгрии. Несмотря на отдельные перегибы, в целом, принцип добровольности при смене веры соблюдался, и это дало неплохие результаты. За 9 месяцев нахождения русских войск в Восточной Галиции 86 бывших униатских приходов приняли православных священников [35].

Таким образом, православные миссионеры в Галиции за короткий срок смогли добиться неплохих результатов, не получая при этом серьёзной поддержки со стороны русской военной администрации. Это свидетельствует о добровольном принятии православия украинскими униатами. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что Восточная Галиция всё это время оставалась прифронтовой полосой, поэтому постоянно сохранялась угроза возвращения австрийских войск, а вместе с ними и украинских националистов, считавших новообращённых предателями. Если даже в таких условиях униаты Галиции принимали православие, то вряд ли можно сомневаться в искренности намерений галичан, оказавшихся в этот период в Вятской губернии.

В конце XIX в. католическая община Вятки приняла решение о постройке собственного культового здания, обратившись с соответствующим ходатайством к местным властям. Именно в связи со строительством в Вятке костёла между католиками и руководством Вятской епархии возник конфликт, несколько осложнивший их отношения. Против постройки в городе католического храма выступил епископ Сергий (Серафимов). Обратившись к исполняющему обязанности вятского губернатора Н. Н. Новосельскому, архиерей указал на то, что представленный в проекте католический храм является вовсе не каплицей, а настоящим костёлом. «Католики намереваются построить в г. Вятке собственно не каплицу, а приходскую церковь с алтарями и постоянными престолами, что показывает и сам план, имеющий во всём вид настоящей церкви», – писал епископ [36].

Указав на несоответствие выполненных чертежей типу храма, Сергий назвал ещё ряд обстоятельств, препятствующих, по его мнению, реализации проекта. Главное из них – недостаточная численность верующих. Дело в том, что российское законодательство разрешало открытие новой католической приходской церкви лишь при наличии не менее 100 дворов прихожан. И хотя в 1896 г. в Вятской губернии насчитывалось уже 168 католических дворов, Сергий заявил, что эту цифру не стоит принимать во внимание. «Из сего числа большинство (2/3) католического населения мужского пола... состоит из чиновников (именно – 95 человек – глав семейств), которые как связанные с настоящим местом жительства исключительно только службой, не могут быть отнесены к числу постоянных оседлых жителей», – утверждал епископ [37].

Помимо этого Сергий считал, что католикам Малмыжского, Елабужского, Сарапульского и Яранского уездов храм в Вятке будет совершенено не нужен, поскольку им проще и быстрее доб-

раться до Казани, где давно функционировал приходской костёл.

Вятские католики, обосновывая необходимость постройки собственного культового здания, указывали на то, что их временный молитвенный дом находится в неудобном, маловместительном и довольно ветхом деревянном строении, что совершенно недопустимо для храма Божьего. В ответ на это епископ заявил: «Если они находят средства на устройство новой каменной каплицы, то ничто не препятствует им иметь более удобное помещение для молитвенного дома или даже устроить новое для него здание» [38].

Понятно, что доводы вятского архиерея показались малоубедительными и губернатору, и католикам. Тем не менее последним пришлось опровергать аргументы Сергия и проводить дополнительные разъяснения, чтобы доказать свою правоту. Они указали на то, что найти более достойное помещение для молитвенного дома крайне сложно в связи «с недостаточностью квартир и занятием лучших домов жителями Вятки» [39]. В таких условиях было проще построить собственное культовое здание, чем переезжать с места на место и платить большие деньги за аренду помещения.

Что касается католиков южных уездов, то по месту жительства они действительно были ближе к Казани, чем к Вятке. Но поскольку среди них преобладали чиновники, то по долгу службы им часто приходилось бывать в губернском центре, куда они зачастую брали членов своих семейств.

Наконец, наибольшее недоумение вызывали цифровые манипуляции Сергия: деление католиков по половому признаку (и игнорирование того, что 18 домовладельцев являлись женщинами), градация их на постоянных жителей и временно проживающих чиновников и т. п. Как указывал синдик С. И. Гржибовский, «все люди, какого бы ни были звания, пола и возраста, нуждаются в духовных требах» [40].

Столь веские аргументы были признаны убедительными как губернскими, так и столичными властями. 7 января 1897 г. министр внутренних дел И. А. Горемыкин, после предварительных консультаций с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, разрешил проживающим в Вятке католикам «построить на указанном месте, согласно препровождённому и утверждённому техническо-строительным комитетом плану, на собственные средства, без всякого пособия от казны, римско-католическую каплицу, приписанную к казанскому приходу» [41].

Несмотря на отмеченные сложности во взаимоотношениях двух конфессий, вряд ли правомерно их излишне драматизировать. Православное духовенство никогда не препятствовало работе ксёндзов среди своих единоверцев и не тре-

бовало у светских властей закрытия римско-католической молельни. Ксёндзы, в свою очередь, даже не пытались заниматься прозелитизмом среди православных верующих и публично не допускали никаких некорректных высказываний в адрес Русской православной церкви. Епископ А. С. Красинский, двадцать лет проживший в ссылке, установил неплохие взаимоотношения с некоторыми вятскими православными архиереями. Так, в начале июля 1863 г. он посетил епископа Вятского и Слободского Агафангела, который оказал ему радушный приём, а затем подарил Евангелие на французском языке и миниатюрное издание Фомы Кепмпийского. «Впоследствии мы познакомились с ним ближе. И надо отдать справедливость, что это был епископ учёный, святой жизни, строгих правил и даже аскет. Духовенство, однако, его не любило за то, что в среде его он искоренял пьянство и требовал строгой жизни», – вспоминал позднее А. С. Красинский [42]. Из всех вятских архиереев лишь епископ Сергий вступил в открытый конфликт с местной католической общиной, пытаясь не допустить строительства в Вятке костёла.

Таким образом, взаимоотношения Русской православной церкви с католиками Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. складывались весьма непросто и противоречиво. Православный клир весьма настороженно встретил католических священников, сосланных в наш край за участие в польском восстании 1863–1864 гг., опасаясь прозелитизма ксёндзов на канонической территории РПЦ. Кроме того, на первоначальное отношение к католикам повлиял и исторический фактор – жёсткое противостояние двух ветвей христианства на протяжении многих веков. Однако после того как опасения возникновения католической пропаганды среди православных развеялись, а ксёндзы продемонстрировали полную законопослушность, отношение к ним заметно смягчилось. Руководство Вятской епархии никогда не препятствовало ссыльным ксёндзам заниматься богослужебной деятельностью среди местных католиков и не мешало работе католического храма. Даже инцидент с постройкой костёла не испортил взаимоотношений двух христианских конфессий на Вятской земле, которые были вполне добрососедскими.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 21. Л. 19–20.
2. Там же. Л. 20.
3. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 582. Оп. 84. Д. 432. Л. 12.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 52 б. Д. 36. Л. 6 об.
5. ГАРФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 24. Л. 262.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 197. Л. 11.

8. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 3.
9. ГАКО. Ф. 721. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 510. Л. 142.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1884. Л. 3.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 2002. Л. 4 об.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 66 об.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 528. Л. 18.
15. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 163. Л. 2.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 528. Л. 37 об.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 75. Д. 95. Л. 1.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 168. Д. 150. Л. 1.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 172. Д. 16. Л. 107.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 168. Д. 150. Л. 4.
21. ГАКО. Ф. 237. Оп. 170. Д. 154. Л. 14.
22. ГАКО. Ф. 237. Оп. 172. Д. 16. Л. 237.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 166. Д. 172. Л. 25, 61, 71, 105.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. Х. С. 84.
25. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 287. Л. 30, 75, 137, 161.
26. *Машковцев А. А. Неправославные христианские конфессии Вятско-Камского региона (вторая половина XIX в. – 1917 г.)*. Киров, 2010. С. 74.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 33. Л. 97.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 49. Л. 33.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3222. Л. 29–30.
30. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3089. Л. 109.
31. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3222. Л. 2.
32. Католицизм / под общ. ред. Л. Н. Великова. М., 1991. С. 53.
33. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 309–310.
34. *Поспеловский Д. В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР*. М., 1996. С. 378.
35. Там же.
36. ГАКО. Ф. 583. Оп. 519. Д. 42. Л. 5.
37. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 228. Л. 36 об.
38. Там же. Л. 38.
39. ГАКО. Ф. 583. Оп. 519. Д. 42. Л. 12.
40. Берова И. В. Прогулки по старой Вятке. Киров, 1995. С. 106.
41. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 228. Л. 47.
42. Цит. по: *Бобкало А. А. Епископ Адам Станислав Красинский в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию ВУАК): тез. докл.* Киров, 1994. С. 335.

УДК 947.081.2

Н. А. Тюкачев

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПРОТИВ САМОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРСТВА В ВОСПОМИНАНИЯХ НАРОДНИКОВ

В статье исследуются мемуары народников как часть народнической историографии. Рассмотрены воспоминания С. Ф. Ковалика, И. С. Джабадари, М. Ф. Фроленко, А. В. Тыркова, в которых они рассказали о различных формах борьбы революционеров – народников против государственной власти самодержавной России.

The article focuses on populists' memoirs as part of the populist historiography. The author examines the memoirs of S. F. Kovalik, I. S. Jabadary, M. F. Frolenko and A. V. Tirkov who characterized various types of revolutionists-populists' struggle against the state power in autocratic Russia.

Ключевые слова: историография, мемуары, народничество, «Народная воля», терроризм.

Keywords: historiography, memoirs, populism, “People's Will”, terrorism.

Реформы 1860–1870-х гг. вызвали реакцию всех слоев российского общества. Именно в связи с этими реформами развивалось самое мощное и самое радикальное общественное движение – революционное народничество. Его изучение началось уже в середине 1870-х гг. В дореволюционной историографии сложилось четвере направления: консервативно-охранительное, народническое, либеральное, марксистское. Они находились в состоянии взаимной идеологической борьбы вследствие несовместимости их трактовок сущности и основных проблем народничества.

Одной из важнейших составляющих народнической историографии являются воспоминания самих участников движения, опубликованные в условиях революции 1905–1907 гг. Наиболее важны воспоминания С. Ф. Ковалика, И. С. Джабадари, М. Ф. Фроленко и А. В. Тыркова, к которым мы и обратимся.

Начало революционного движения 1870-х гг. С. Ф. Ковалик относит к осени 1870 г., связывая это с началом издания журнала П. Л. Лаврова «Вперед!» и с выходом в свет работы М. А. Бакунина «Государственность и анархия». Характеризуя состав революционеров, Ковалик утверждал, что в движении «приняла участие исключительно молодежь, состоявшая преимущественно из учащихся в высших и средних учебных заведениях». Отмечено отчуждение общества от революционного движения: «Общество

стояло в стороне от движения и долго не догадывалось о нем, несмотря на начавшиеся аресты. В общество, конечно, проникали слухи об арестах то там, то здесь, но большинство не имело понятия, за что и почему» [1].

В воспоминаниях Ковалика подробно описана подготовка к движению в народ и само «хождение в народ». Отмечено, что весной 1874 г., на последней стадии подготовки, «нерешительные» члены кружков, к которым автор относил в первую очередь лавристов, стали «быстро стушевываться». Ковалик писал об этом: «Время споров по вопросам теории и практики прошло, и потому им нечего было делать среди готовящихся к походу анархистов». Готовясь к походу «в народ», анархисты стремились привлечь в свою среду рабочих, но это почти не удавалось, так как они «уже успели получить некоторый интерес к умственной работе» и хотели «в часы досуга продолжать свое развитие», а занятие «пропагандой в деревне анархии и революции обещало лишить их всего этого». Однако Ковалик признавал, что более важным фактором была «разница в настроениях» между рабочими и интеллигенцией: «Интеллигенция находилась в стадии сильного стихийного движения, когда обыкновенный смертный может совершать чудеса, рабочие же жили в обычных условиях, и повышенного настроения среди них не замечалось» [2].

Освещены автором и другие приготовления петербургских кружков к «хождению в народ». Это, прежде всего, стремление «оказать то или иное влияние на провинциальные кружки», а также поиски денежных средств, подготовка народной одежды, фальшивых паспортов, литературы для распространения в народе и т. д. «Комплект нелегальных изданий, предназначенный для распространения в народе и в интеллигентной среде, был в 70-х годах сравнительно очень ограничен. Более других содействовали изданию книги чайковцы, а впоследствии типография Мышкина», — писал Ковалик. Представляются очень важными наблюдения Ковалика об отходе на задний план теоретических разногласий, когда революционеры начали готовиться к практическому делу — хождению «в народ»: «Споры, если и случались, стали терять остроту, и открывались возможности компромиссов. Крайние и более умеренные анархисты мирно беседовали о формах практической деятельности. Первые готовы были признать пригодными для революционной работы самые аристократические профессии — врача, учителя и пр., вторые — санкционировать летучую пропаганду и агитацию вплоть до участия в мелких бунтах» [3].

Именно к периоду хождения в народ Ковалик относит появление идеи борьбы с правительством посредством террора: «Слухи о произведенных

отдельных арестах все чаще вызывали со стороны революционеров реплики, что необходимо дать отпор правительству. В чем именно должен был состоять отпор, это еще не было ясно большинству, но очевидно, что подразумевались протест, месть и т. д. Еще не настало время для террора как системы — прежде необходимо было испытать свои силы в народе. После же арестного погрома, коснувшегося тысяч молодежи, скоро возник вопрос о последовательной террористической деятельности». Делая вывод из движения в народ, Ковалик отмечал, что «не трудно найти имя тому единому и целому, принадлежность к которому чувствовалась всеми — это не что иное, как партия». Под партией автор подразумевал «кучку людей, стремящихся разрушить существующий строй». Движение и создало «этую партию, хотя еще не организованную, но имеющую все признаки таковой» [4].

Говоря об итогах хождения в народ, Ковалик отметил существование в революционной среде совершенно разных точек зрения на этот счет: «Сами участники пропаганды различно решали этот вопрос. Одни давали самый восторженный отзыв об успехах своей деятельности в народе, другие же видели в ней сплошную неудачу». Объяснял автор эту «двойственность мнений» следующим образом: «Одни ищут материальных следов работы, как-то: организации крестьянских групп, бунтов и других проявлений недовольства и т. п. — и не находят их. Поэтому они склонны думать, что движение 70-х годов было безрезультатным. Другие смысл движения видят в брожении, которое они вносят всюду, куда проникают. С их точки зрения, интеллигенция — это фермент, вызывающий известный процесс не только в среде интеллигентной молодежи, но и в народе. Фермент произвел свое действие, процесс брожения в народе чувствовался ими, и потому они находили, что недаром потеряли время». По мнению Ковалика, усилия молодежи сблизиться с народом дали, в конечном итоге, свои положительные результаты. В дальнейшем «интеллигенту все реже и реже приходилось прибегать к переодеванию, и наконец, он стал появляться в народе в европейском костюме» [5].

Воспоминания И. С. Джабадари касаются деятельности так называемой организации «Москвичей» и «Процесса 50-ти», по которому они были осуждены. Джабадари вместе со своими земляками-грузинами вернулся из Цюриха в Петербург осенью 1874 г., когда «крупные представители петербургских революционных кружков были арестованы или скрывались». Вскоре Джабадари встретился с Д. Клеменцем, С. Кравчинским, Н. Морозовым, А. Сердюковым и вступил с ними «в прямые переговоры о необходимости собрать оставшиеся силы для продолже-

ния борьбы». Джабадари хотел «сплотить в одну организацию интеллигенцию и рабочих вместе», чтобы «поставить революционное дело на чисто народную почву». Среди рабочих автор воспоминаний выделяет Я. Потапова, М. Грачева и П. Алексеева. Подготовив их в качестве пропагандистов, Джабадари решил перебраться с ними в Москву. Основной причиной переноса центра создаваемой организации именно туда было следующее соображение: «Грачев и Петр Алексеев находили, что фабричные рабочие, например ткачи, хотя и менее развитые, гораздо восприимчивее к революционной пропаганде, нежели заводские, являющиеся своего рода аристократией в рабочем мире. Кроме того, фабричные рабочие раза 3–4 в год посещают свои села, где соприкасаются с крестьянским миром, и пропаганда на фабриках остается, таким образом, не без влияния на крестьян – односельчан» [6].

В ноябре 1874 г. группа Джабадари переехала в Москву, а в декабре к ней присоединилась вернувшаяся из Цюриха группа девушек в составе С. Бардиной, Л. Фигнер, Б. Каминской, Е. Субботиной и др. Завязав обширные знакомства на фабриках среди рабочих, революционеры решили развернуть агитацию и среди работниц – женщин. Для этого было решено устроить на фабрику некоторых девушек из состава группы. Рассказывая о поступлении на фабрику Бардиной, Каминской и Любатович, Джабадари отметил, что мужчины не одобряли этого их шага, так как жалели их: «Нам было жаль бросать молодых девушек, никогда в жизни не соприкасавшихся с фабричной средой, в такие тяжелые условия, выносить которые было не под силу даже многим рабочим женщинам» [7].

Значительная часть воспоминаний Джабадари касается «Процесса 50-ти», который проходил с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Автор особо отметил стойкое поведение свидетелей из рабочих: «Показания свидетелей-рабочих на судебном следствии давали понять и суду и публике, что народ относится к обвиняемым сочувственно. Например, рабочие, которые хорошо знали меня и с которыми я беседовал не раз и не два, на суде без всякого уговора с кем-либо отрицали всякое со мной знакомство. То же было и с другими» [8].

Интересны обстоятельства подготовки речи на процессе Петра Алексеева: «Имея в виду, что организация наша носит характер преимущественно рабочий, явилась необходимость, чтобы речь была услышана из уст не интеллигента, а самого рабочего». Выбор пал на Алексеева, который обладал «сильным характером, упрямой энергией и могучим голосом». Алексеев сам написал свою речь, а Джабадари отредактировал ее, «исключил некоторые длинноты, исправил грамма-

тические ошибки». По предложению товарищей Алексеев выучил свою речь наизусть. Затем была устроена репетиция его выступления, причем говорил он «без запинки и крайне выразительно». Автор воспоминаний отметил громадное впечатление от речи на суде Петра Алексеева, который «блестяще закончил речь при громких аплодисментах публики» [9].

В 1905 г. из тюрьмы был освобожден известный народник М. Ф. Фроленко, который провел там более 22 лет. В его воспоминаниях речь шла о Липецком и Воронежском съездах «Земли и воли», которые привели к расколу этой организации. Непосредственным толчком, который вскоре привел к расколу, была дискуссия в землевольческой среде по вопросу о возможности поддержки подготовки покушения А. Соловьева на Александра II. После неудачи этого покушения «споры поднялись снова». Так как эти споры ни к чему не приводили, то и было решено «созвать общий съезд членов общества “Земля и воля”, чтобы решить вопрос о месте террора в деятельности организации» [10]. Сторонники террора решили для выработки своей позиции и тактики на общем съезде собраться предварительно отдельной группой. Рассказывая об этом съезде в Липецке, Фроленко отметил: «Больших споров, длинных рассуждений на съезде не было. Обо всем переговорили заранее. Здесь надо было лишь выработать и сформулировать кратко то, что думали, с чем были согласны все». На этом съезде ярко проявились организаторские способности А. Желябова, который умел «схватывать сущность чужой мысли и формулировать ее так, что с ней легче другим согласиться». Именно под редакцией Желябова были сформулировано основное положение будущего народовольчества: требование «от оборонительной борьбы перейти к наступательной» [11].

Интересны рассуждения Фроленко о генезисе идеи терроризма в «Земле и воле». Неэффективность пропаганды в деревне привела к тому, что основные силы революционеров оказались сконцентрированы в городах. Там постепенно все больше и больше распространялась идея о необходимости террористической деятельности как способе противодействия репрессиям правительства. «Ликвидация шпионов и предателей, освобождение товарищей, устройство типографий поглощали время и, все более и более расширяясь, окончательно прикрепляли людей к городу, увлекая их к террористическим поступкам. Этому немало способствовали такие громкие дела, как дело Веры Засулич и дело Кравчинского (убийство Мезенцова)» [12]. После этих первых терактов началось жесточайшее противостояние между правительством и революционерами. Казни революционеров привели к так называемому

«красному террору» со стороны их товарищей. На Воронежском съезде двум фракциям землевольцев: «террористам» и «деревенщикам» – еще удалось найти компромисс. Однако вскоре «достигнутое соглашение стало давать трещины», а через два месяца, в августе 1879 г., раскол «Земли и воли» стал неизбежным. В результате появились две партии – «Народная воля» и «Черный передел» [13].

Из воспоминаний народовольцев своей яркой эмоциональной окраской и несомненным художественным талантом выделяются воспоминания А. В. Тыркова, который познакомился с народовольцами в конце 1879 г. В воспоминаниях так говорится об этом: «Между тем правительство всем своим режимом не только закрывало перед нами перспективы честной, открытой общественной деятельности, но своими жестокостями – казнями, учреждением генерал-губернаторств – слишком задевало, раздражало и вызывало желание дать ему немедленный отпор. И те, у кого душа болела, невольно шли к народовольцам... Народовольцы слишком ярко выделялись на общем фоне равнодушия или добрых намерений. В их устах весь перечень хороших слов: служение народу, любовь к правде и т. д. – получал могучую силу живых двигателей» [14].

Тырков очень высоко оценил своих товарищ по партии, предварив индивидуальные характеристики общим замечанием: «Те, кого я знал, были люди трезвые, уравновешенные. В них не было ни экзальтации, ни преувеличенных надежд, но они считали своим долгом вести свою работу, не отступая». Очень важны те пассажи в воспоминаниях, где говорится об А. Михайлове и С. Перовской. Тырков писал: «Александр Михайлов весь был поглощен своим делом и любил его. Казалось, он не чувствовал ни тяготы, ни напряжения, а шел свободной уверенной поступью, как человек, вполне знающий, куда и зачем он идет. Этим объясняется его всегдашняя ясность настроения духа». Тырков участвовал в подготовке покушения 1 марта в качестве наблюдателя за выездами царя, чтобы составить расписание его передвижений. Руководила группой С. Перовская, которая иногда «и сама участвовала в наблюдениях». Большой интерес представляет сцена встречи Тыркова с Перовской сразу после убийства царя народовольцами 1 марта «в маленькой кофейной на Владимирской улице, близ Невского». Вот как описал эту встречу мемуарист: «Придя в кофейную, я прошел в маленькую заднюю комнату, в которой и раньше встречался с Перовской. Вскоре дверь отворилась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ее лицу нельзя было заметить волнения, хотя она пришла прямо с места катастрофы. Как всегда, она была серьезно сосредоточенна, с оттен-

ком грусти. Мы сели за один столик, и хотя были одни в этой полутемной комнате, но соблюдали осторожность. Первыми ее словами было: “Кажется, удачно, если не убит, то тяжело ранен”. На мой вопрос: “Как, кто это сделал” – она ответила: “Бросили бомбы: сперва Николай (Рысаков. – Н. Т.), потом Котик (Гриневицкий. – Н. Т.). Николай арестован, Котик, кажется, убит”» [15].

Тырков часто виделся с Перовской после 1 марта. Он был рядом с ней и в тот момент, когда она узнала, что ранее арестованный Желябов заявил о своей причастности к покушению. Тырков писал об этом: «Даже в тот момент, полный страшной для нее неожиданности, Перовская не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, что она любит Желябова. Она первая нарушила молчание. На мое замечание: “Зачем он это сделал?” – она ответила: “Верно, так нужно было”» [16].

Тыркова и других народовольцев выдал Н. Рысаков, который стал давать на следствии откровенные показания. Большой интерес представляют описание мемуаристом очной ставки: «По сю сторону стола сидел Рысаков и при моем появлении повернулся ко мне лицом... Но когда мне пришлось остановиться в каких-нибудь двух шагах от него, и когда глаза наши встретились, тут только я увидел весь ужас его состояния. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, в глазах отражалась страшная тоска по жизни, которая от него убегала. Мне казалось, что он уже чувствует веревку на шее» [17].

Тырков дал, на наш взгляд, верное психологическое объяснение поведения Рысакова на следствии: «Прокуратура обещала ему помилование и выудила у него все, что было можно. Несмотря на оговор, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство к нему. Революционного прошлого у него не было, т. е. он не прошел тех фазисов психологического развития, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идеальной подготовленности, и в характере не хватало дерзости. Это был совсем еще юный, добродушный и жизнерадостный провинциал. Вчера – еще простой мальчик в самом разгаре, если можно так выражаться, своей непосредственности, сегодня – цареубийца. И цареубийца непосредственный – сам брошивший первую бомбу». Свое внимание к фигуре Рысакова Тырков объяснил следующим образом: «Таких людей клеймят ужасным словом “предатель”, и этим исчерпываются все счеты с ними. Мне хотелось показать, какую страшную пытку испытал Рысаков прежде, чем начал говорить, и что, суммируя все обстоятельства, он заслуживает только жалость, а не презрение» [18].

Таким образом, исследование мемуаров участников народнического движения позволяет сделать определенные выводы. Взгляды народников представляют собой особое течение дореволюционной российской историографии. Их воспоминания осветили очень многие события из истории революционного народнического движения 1870–1880-х гг. Они значительно расширили историческую и историографическую базу для исследования народничества. В основу народнической историографии положена идея о бесперспективности, тубительности для России самодержавного строя и о необходимости его свержения путем социальной революции для блага страны и народа. Исходя из этого постулата, революционная борьба народников, с их точки зрения, являлась совершенно объективным и закономерным процессом, так как никакое мирное преодоление противоречий между интересами народа и интересами самодержавного государства было невозможным.

С самого начала народнического движения его участники искали наиболее подходящие и эффективные формы и методы борьбы. Эти поиски привели сначала к попыткам поднять крестьян на социальную революцию, а затем к идеи террористической борьбы с правительством группы профессиональных революционеров, организованных в партию «Народная воля». Все процессы, происходившие в народническом движении, получили свое отражение в народнической историографии. В ней содержатся не только конкретные ценные сведения о многих эпизодах борьбы, но и размышления о методах и тактике борьбы, сделаны попытки создания периодизации движения.

Примечания

1. Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 154.
2. Там же. С. 175, 176.
3. Там же. С. 177, 178.
4. Там же. С. 182.
5. Там же. С. 189, 191.
6. Джабадари И. С. «Процесс 50-ти (Всероссийская социально-революционная организация) // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 195, 198.
7. Там же. С. 200.
8. Там же. С. 212.
9. Там же. С. 216.
10. Фроленко М. Ф. Липецкий и Воронежский съезды // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 57.
11. Там же. С. 60.
12. Там же. С. 68.
13. Там же. С. 74.

14. Тырков А. В. К событию 1 марта 1881 года // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 268.

15. Там же. С. 273.

16. Там же. С. 274.

17. Там же. С. 279.

18. Там же. С. 281.

УДК 316.323.6(470.342)

A. С. Касанов

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ ВЯТСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Научные общественные организации были важным явлением в жизни Вятско-Камского региона второй половины XIX – начала XX в. Несмотря на их малочисленность, объем деятельности обществ, комиссий и кружков в социальной сфере и в области развития культуры и просвещения в регионе был велик. Научные общественные организации привнесли в жизнь населения Вятско-Камского региона большое количество самых современных и прогрессивных идей, многие из которых были реализованы на практике и способствовали демократизации общественной жизни. Данная статья основана на ранее неопубликованных материалах фондов Государственного архива Кировской области.

Social scientific organizations played an important role in the life of the Vyatka-Kama region in the second half of the XIX c. – the beginning of the XX c. In spite of their small number, the scope of their activities in the social sphere and in the sphere of culture and public education of the region was considerable. The social scientific organizations introduced a big amount of the latest and most progressive ideas, the majority of which were put into practice and contributed to democratization of the region's social life. The article is based on the previously unpublished materials of the State Archive of Kirov region.

Ключевые слова: Общественные организации, социальная сфера и культурная жизнь, культурные и научные связи, гражданские инициативы.

Keywords: social organizations, social sphere and cultural life, cultural and scientific ties, civil initiatives.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время стремительного развития Российской империи. Коренные преобразования Александра II привели к важным изменениям в жизни страны. В результате либеральных реформ царя-освободителя в общественную жизнь было вовлечено огромное количество людей, что отражало заинтересованность всех слоев Российского общества в прогрессе и важным изменениям в жизни ско-

ей страны. Значительную роль в этом процессе сыграли общественные организации. Отдельные энтузиасты и группы инициативных граждан, объединенные общими интересами в свободные, не регламентированные сословными, имущественными, образовательными границами общественные организации, оказали серьезное влияние на социальное, культурное и научное развитие российского общества.

В пореформенную эпоху и до начала XX в. в Российской империи наблюдался бурный рост и активная деятельность научных общественных организаций. Их цели и задачи совпадали с тем курсом, который проводило правительство, – повсеместное развитие науки, просвещения, образования, патриотическое и нравственное воспитание.

В наше время, в условиях государственного курса на всестороннее модернизационное развитие страны, поддержку властью гражданских инициатив, инновационный научно-технический прогресс, роль общественных организаций, и в частности научных, возрастает. Тем ценнее дореволюционный опыт функционирования, развития и влияния общественных организаций на различные сферы жизни и деятельности людей.

Научные общественные организации существовали в Российской империи и до рассматриваемого периода, но, как правило, они находились либо при университетах и в зачаточной стадии, либо на национальных окраинах, и были более ориентированы на запад с его системой ценностей, чем на российскую реальность. Начиная с 1860-х гг. различные научные общественные организации начинают зарождаться повсеместно, массово. Постепенно научные кружки, общества и комиссии начинают формироваться не только в крупных городах, но и по всей России.

В Вятско-Камском регионе, так же как и по всей России, быстрый рост образования общественных организаций начался в 60-е г. XIX в. Большинство из них занимались вопросами социальной сферы: проблемами благотворительности, трезвости и здоровья граждан, поддержкой нуждающихся категорий населения, построением системы культурного досуга. Научные общества и кружки развивались сложнее. Проблема состояла в отсутствии в регионе академических высших учебных заведений, в консервативности широких народных масс, предпочитавших традиционный уклад научному прогрессу, слабо понимавших высокую роль технических инноваций и новых теоретических разработок.

Однако при всем при этом на территории образовался ряд крупных научных общественных организаций, существенно повлиявших на социальную и культурную жизнь Вятки. В ходе данного исследования мы обнаружили на территории Вятско-Камского региона пять крупных на-

учных общественных организаций: Вятскую научную архивную комиссию (ВУАК), Кукарское образовательное общество, два кружка – юридический и любителей естествознания и Вятское медицинское общество.

Необходимо отметить, что для научных общественных организаций в данный период не была характерна замкнутость в рамках узкоспециальных научных тем. Скорее наоборот, общества и кружки пытались как можно расширить свою деятельность и популяризировать науку и все что с ней связано, выступать даже более как просветительские организации.

Для второй половины XIX в. одной из наиболее острых социальных проблем была высокая смертность от различного рода эпидемий и болезней, санитарное состояние Вятской губернии было неудовлетворительным, уровень предоставления медицинских услуг был низким. Решить данные вопросы без участия общественных организаций, в первую очередь научных, было крайне затруднительно.

Активную деятельность на данном поприще развивало Вятское медицинское общество. Это была старейшая научная общественная организация Вятско-Камского региона, основанная еще 1 сентября 1872 г. Общество имело несколько целей: «1) изучение Вятской губернии в санитарном отношении; 2) изучение условий, под влиянием которых развивается и поддерживается в губернии эндемическая, эпидемическая и эпизоотические болезни, с изысканием средств к предупреждению или ограничению их появления и распространения; 3) собирание и учебную разработку статистических материалов о болезненности и смертности...» [1].

За годы своего существования Общество проделало огромную работу в области социальной сферы, особенно в деле борьбы с заразными болезнями. По официальным данным, в Вятской губернии только в 1883 г. 19412 чел. заболели и 1296 умерли от заразных болезней [2]. Для улучшения санитарного состояния г. Вятке и всей губернии Общество выработало меры для предупреждения и прекращения повально заразных болезней – тифа, оспы, дифтерита и холеры. Еще в 1875 г. Общество подняло вопрос о предохранительных прививках против оспы, в результате чего на средства земства в г. Вятка был открыт телятник для приготовления детрита. Были разработаны мероприятия для предохранения рабочих на кожевенных и шубно-овчинных заводах от заражения сибирской язвой, а для рабочих спичечных заводов – от вредного влияния на них фосфорных паров. Все эти «меры» излагались населению в популярной форме, в виде наставлений, затем представлялись через врачебное отделение губернатору и по его распоряже-

нию печатались до 10 тысяч экземпляров для рассылки по губернии. Некоторые из этих мер, особенно относительно оздоровления г. Вятки и предохранения рабочих на заводах, прилагались лично от губернатора городской думе и земскими управами для включения в число обязательных постановлений для жителей и заводовладельцев.

Важнейшим событием для Вятской губернии стало открытие 4 мая 1875 г. медицинским обществом бесплатной лечебницы для приходящих больных. В ней любой человек имел право на бесплатное получение лекарства за счет Общества и осмотр врачей, также все посетившие лечебницу получали 30% скидки на препараты из любой аптеки города, а в случае эпидемии в лечебнице производилось оспопрививание [3].

Кроме вышеперечисленных вопросов медицинское общество занималось открытием сети летних детских оздоровительных колоний, химическим обследованием источников водоснабжения Вятки, производило микроскопическое обследование свинины, анализ пива Александровского завода и уксусной эссенции, содействовало введению строгого санитарного надзора за убойным скотом и за состоянием городских боен и т. д.

Появившийся в Вятке 29 марта 1902 г. Вятский кружок любителей естествознания помимо сугубо теоретических вопросов также обращал свое внимание на санитарно-эпидемиологические проблемы [4]. Несмотря на то что в уставе организации были обозначены только просветительские и научные цели, кружок должен был «следить за успехами, содействовать развитию и распространению агрономических, физико-химических и естественно-исторических знаний, разрабатывать методы преподавания, а также изучать Вятскую губернию в естественно-историческом, физико-географическом и этнографическом отношениях» [5]. Однако просветительская и теоретическая деятельность отошла на второй план, и на последнем этапе деятельности кружка (1909–1914 гг.) его члены занимались исключительно вопросами борьбы с заразными болезнями, эпидемиями и антисанитарией [6]. На появление в Вятке и Вятской губернии многочисленных случаев бешенства животных кружок отреагировал докладом Г. Ф. Шубина «Бешенство у людей и животных». В день «белого цветка» 20 апреля 1911 г. на публичном заседании кружка был прочитан доклад, сопровожденный массой рисунков, диаграмм и диапозитивов В. А. Трейтера «О туберкулезе как общественном бедствии и борьбе с ним», была организована соответствующая выставка, продажа цветков ромашки в пользу учреждающейся Вятской Лиги и запись в ее члены.

Вятское медицинское общество и кружок любителей естествознания сыграли существенную роль в улучшении санитарного, медицинского,

эпидемиологического состояния Вятки во второй половине XIX – начале XX в. Важно отметить, что все их мероприятия осуществлялись безвозмездно, за собственный счет, с привлечением лучших общественных сил.

Серьезное влияние оказали научные общественные организации и на культурную жизнь региона. Наиболее активны были на этом поприще Вятская ученая архивная комиссия и Кукарское образовательное общество.

Деятельность ВУАК была масштабна и плодотворна, неоценим ее вклад в публикацию источников по истории Вятского края. Издание «Трудов вятской ученой архивной комиссии» стало важным не только научным, но и культурным явлением в жизни Вятско-Камского региона. Не случайно Вятский губернатор в 1907 г. в письме в Нолинское уездное собрание даже отмечал: «...ознакомление с “Трудами Вятской Ученой архивной комиссии” я признаю необходимым для преподавателей Вятских средних и начальных училищ, которые, конечно, обязаны знать правдивую и неискаженную историю своего края» [7]. Виднейшие общественные организации выражали ВУАК благодарность за возможность ознакомиться с «Трудами», одновременно шел постоянный обмен различного рода литературой между комиссиями, обществами и кружками России. Так, в 1908 г. «Труды» ВУАК получили такие известные общественные организации, как Церковно-Археологический отдел при обществе любителей духовного просвещения, Императорское московское археологическое общество, Новгородское общество любителей древности, Уральское общество любителей естествознания (г. Екатеринбург) и др. [8]

Безусловно, велико значение научных общественных организаций в расширении культурных, научных связей между общественными организациями Вятско-Камского региона и их коллегами в России. Вятское медицинское общество в 1883 г. имело тесные дружеские связи с 12 различными медицинскими, физическими, химическими обществами и библиотеками [9]. Процесс взаимного общения шел очень быстро, к примеру, Вятский юридический кружок уже через три месяца со дня основания в своей библиотеке имел печатные труды Санкт-Петербургского, Московского и Казанского юридических обществ, Варшавского общества истории, филологии и права, «Журнал министерства юстиции», «Судебную летопись», «Право», «Юридический вестник» и др. [10] Связи с такими солидными обществами и организациями придавали кружку как собственной значимости, так и внимания населения.

Также внутри самой сети научных общественных организаций Вятско-Камского региона шло постоянное взаимодействие. К примеру, основа-

тель и идеальный вдохновитель Кукарского образовательного общества А. С. Лебедев с 11 января 1905 г. являлся членом Вятской ученой архивной комиссии, причем в то время он был еще только учеником гимназии [11]. В фондах Госархива Кировской области также сохранилось письмо, в котором правление Кукарского образовательного общества выражает глубокую благодарность Вятской ученой архивной комиссии за пересылку всех ее трудов, «представляющих столь большой интерес для историка Вятского Края» [12].

Необходимо отметить, что научные общественные организации способствовали установлению прочных связей виднейших представителей российской интеллигенции с Вятско-Камским регионом. В делах Кукарского образовательного общества активно участвовали и помогали ему ведущие ученые начала XX в. В. М. Бехтерев, Д. Н. Анучин, П. И. Кротов, Н. В. Покровский, П. А. Пономарев, А. А. Спицын, М. М. Тальgren, Д. К. Зеленин. Последний, будучи знаком с деятелями Вятской ученой архивной комиссии и Кукарского образовательного общества, даже предлагал провести в Вятке очередной областной археологический съезд – мероприятие, регулярно собиравшее вместе всех ведущих российских историков, археологов и этнографов [13]. Однако, к сожалению, Первая мировая война помешала этому.

Наиважнейшим занятием всех научных общественных организаций была культурно-просветительская сфера. Каждый кружок или общество в обязательном порядке вел публичные лекции, доступ на которые обычно был открытм для всех желающих. Часто на таких мероприятиях население Вятско-Камского региона знакомили с новыми явлениями в области науки, техники, искусства.

Примером расширения культурного горизонта вятчан может послужить лекционная политика Вятского кружка любителей естествознания. Его работа в 1902 г. открылась сразу двумя достаточно сенсационными докладами – Е. А. Лучинина «О мнимом банкротстве положительной науки» и А. Н. Чемоданова «Эволюционизм как наилучшая и универсальная доктрина в объяснении человека и внешнего мира». Обсуждению докладов организация посвятила пять публичных заседаний, на которых традиционно религиозная, консервативная вятская публика впервые услышала смелые речи научного материализма. В дальнейших публичных докладах своих членов кружок продолжал и углублял поднятые вопросы [14]. Вятский юридический кружок во многом приобрел широкую известность, когда 1 марта 1914 г. на своем открытом заседании впервые затронул вопросы эмансипации женщин. Доклад присяжного поверенного А. Ф. Жуковского «Личные права замужней женщины в истории и

в действующем законодательстве» был также актуален в связи с начавшимся 4 февраля 1914 г. рассмотрением Государственной думой закона-проекта о личных и имущественных правах замужних женщин. Интересная тема привлекла на собрание многочисленную публику и вызвала весьма оживленные прения по докладу [15]. Такие оригинальные и смелые темы привлекали внимание населения к научным общественным организациям и способствовали привлечению новых кадров.

Наличие какого-либо культурно-просветительского учреждения в небольших провинциальных городах Вятско-Камского региона всегда становилось большим событием для местного населения. Часто именно общественные организации способствовали открытию различных музеев и библиотек, и научные общественные организации внесли существенный вклад в формирование сети культурных объектов.

Вятская ученая архивная комиссия и Кукарское образовательное общество путем долгой систематической работы смогли основать при организациях специальные музеи. Музей Кукарского образовательного общества был открыт для публики в апреле 1910 г. В течение первых трех месяцев экскурсии для посетителей проводил сам инициатор создания музея А. С. Лебедев. Музей сразу же привлек внимание губернской прессы. «Вятская речь» 27 августа 1910 г. писала: «В настоящее время в Кукарке открыт музей, пока еще не особенно богатый и большой, но тем не менее заслуживающий внимания публики. Музей временно располагается в доме инициатора Общества А. С. Лебедева и открыт для посторонней публики в воскресные дни» [16].

Из годичного отчета Правления общества следует, что основанием музея послужили, во-первых, вещи, пожертвованные частными лицами еще до открытия общества, и, во-вторых, коллекции, переданные самим А. С. Лебедевым. Первые представляли собой отдельные предметы, имевшие отношение к самым различным наукам: это монеты, старинные одежды, кости ископаемых животных, археологические находки и т. д. Коллекции, поступившие от А. С. Лебедева, отличались систематичностью, они разделялись на археологический, церковно-археологический, нумизматический и этнографический отделы [17].

Открытие музея общественной организации вызвало большой всплеск внимания со стороны общества и различного рода государственных и частных структур. Только в течение первого года работы музея в формировании его фондов приняли участие Вятский и Сарапульский земские музеи, Ильинское волостное и Вятское губернское правление, а в пожертвованиях от частных лиц наибольшее участие приняли крестьяне, свя-

щенники и учителя. Музей и образовательное общество дали возможность местным жителям не только созерцать экспонаты выставок, но и самим принять участие в формировании фондов музея через различного рода экскурсии и экспедиции, явившиеся большим культурным событием для населения Кукарки начала XX в.

Не менее важным для жизни Вятско-Камского региона стало открытие в 1911 г. музея Вятской ученой архивной комиссии. В конце 1910 г. наряду с исследовательской издательской работой Комиссия, по докладу Н. А. Спасского, признала необходимым обратить особое внимание на охрану местных памятников старины. Частичной мерой в этом направлении, по мнению Комиссии, должно было явиться неотложное составление церковных инвентарей и описей, куда вошло бы все старинное и замечательное в вятских церквях. 26 сентября 1911 г. состоялось заседание ВУАК, на котором Н. А. Спасский заявил, что ближайшей целью настоящего собрания является назначение для открытия Церковно-Археологического музея ВУАК [18]. Было сделано соответствующее представление духовенству города, в результате этого возник проект учреждения церковно-исторического музея при Комиссии как наилучшего средства охраны вещественных памятников старины. 5 октября 1911 г. музей был открыт, дата была выбрана не случайно, ее удалось приурочить к 300-летию со дня основания мужского Трифонова монастыря. Таким образом, открытие музея совпало с крупным культурным событием в жизни населения Вятско-Камского региона, что еще сильнее подстегнуло интерес к деятельности Комиссии и ее музея.

Одной из непременных атрибутов любой общественной организации, и в особенности научной, было наличие собственной библиотеки. Препятствием к ее созданию, как правило, было отсутствие помещений и денежных средств. Однако здесь на помощь зачастую приходило государство, другие общественные организации и отдельные меценаты. Так, при помощи государстваенных структур в каменном флигеле Вятской публичной библиотеки Вятская ученая архивная комиссия смогла получить для себя удобное помещение, в котором было достаточно места не только для библиотеки и исторического архива, но и даже для личной квартиры лидера научной организации А. С. Верещагина. Часто библиотекам научных общественных организаций приходилось искать свой приют поочередно у сочувствующих лиц и организаций. Со своим имуществом библиотека Вятского кружка любителей естествознания в разное время ютилась у частных лиц, в городской управе, в общественном собрании, в сельскохозяйственном техническом училище и т. д. [19] Там же происходили его

общие собрания членов и лекции. Естественно, что такая ситуация не способствовала комфорtnому доступу населения к фондам библиотеки кружка, которая, впрочем, к 1911 г. выросла до 1192 томов благодаря научным связям организации. Большую библиотеку имело и Вятское медицинское общество. Она получила начало с 60 томов книг, пожертвованных основателем общества И. И. Михайловым, но вследствии достигла больших размеров. К 1 сентября 1883 г. библиотека общества состояла из 309 сочинений, 500 томов, 250 экземпляров диссертаций [20].

Как правило, библиотеки формировалась из трех источников: книги поступали в дар, приобретались на средства общественных организаций и присыпались в обмен. Между различными общественными организациями постоянно шел обмен литературой и количество безвозмездно подаренных книг и изданий часто исчислялось десятками. Так, в 1884 г. Вятскому медицинскому обществу было передано в дар 17 различного рода изданий [21]. А основатель Кукарского образовательного общества А. С. Лебедев в 1910 г. для научной библиотеки организации передал книг 752 названий и архив бывшего Кукарского удельного Приказа в количестве 750 дел [22]. Все книги, брошюры, журналы и прочие периодические издания были записаны в специальные каталоги и выдавались как членам общественным организациям, так и просто гражданам, интересовавшимся соответствующей литературой. Должность библиотекаря была выборной и по решению правления организации могла оплачиваться или же работа шла на общественных началах.

Безусловно, для научных общественных организаций во второй половине XIX в. – начале XX в. приоритетным направлением деятельности оставалась непосредственно наука. Однако, как показывает наше исследование, несмотря на плодотворную научную деятельность они сыграли важную роль и в социальной сфере и в культурной жизни населения Вятско-Камского региона в рассматриваемый период.

В социальной сфере огромные усилия предприняли Вятский кружок любителей естествознания и Вятское медицинское общество. Основными целями их практической деятельности была забота об улучшении санитарного состояния Вятско-Камского региона и стремление к уменьшению заболеваемости и смертности среди населения, к поднятию уровня общественного здоровья, а через это – к увеличению средней продолжительности жизни. Статистика наглядно показывает, что те санитарные меры, которые применялись данными общественными организациями, на деле оказали прямое влияние на уменьшение смертности. Так, согласно статистическим данным, в 1885 г. смертность населения составляла

24 случая на 1000 жителей губернии, а в 1895 г. – уже 17 на 1000, т. е. снизилась в довольно значительных размерах [23]. Именно благодаря научным общественным организациям бедным больным во второй половине XIX в. начала оказываться бесплатная медицинская помощь, среди населения распространялись полезные сведения по медицине и гигиене, общественные организации способствовали санитарному благоустройству городов, а образованная при медицинском обществе лечебница стала первым научным медицинским центром в губернии.

В области культуры и просвещения нельзя не отметить огромный лекционный, пропагандистский и просветительский труд, который совершили научные общественные организации. Делалось это, в частности, как было прописано в уставах обществ, с целью «искоренения невежества, суеверия и предрассудков... посредством чтения публичных лекций или издания популярных сочинений» [24]. Именно научные общественные организации несли все новое, прогрессивное, улавливали тенденции времени и переносили их на местную почву. Благодаря их инициативам жители региона получили возможность значительно разнообразить свою культурную жизнь. Большим событием стало открытие музеев Куккарского образовательного общества и Вятской ученой архивной комиссии. К 1914 г. в Вятско-Камском регионе насчитывалось всего 5 музеев, и два из них были созданы научными общественными организациями. Губернатор относил открытие этих музеев к «мерам, служащим распространению внешкольным путем образования среди населения» [25].

Также необходимо отметить, что в рассматриваемый период у всех научных общественных организаций существовали библиотеки, заседания обществ, комиссий и кружков были публичными и любой мог принять участие в прениях. Через общественные организации Вятско-Камский регион оказался связан с виднейшими представителями российской интеллигенции, деятелями науки, искусства, просвещения.

Таким образом, научные общественные организации существенно повлияли на культурную и социальную жизнь региона, активно участвовали во всех общественных процессах конца XIX – начала XX в.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 23. Л. 326.
2. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 80. Л. 86.
3. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 74. Л. 436.
4. Там же. Ф. 639. Оп. 1. Д. 128. Л. 44.
5. Вятская газета. 1902. № 39. 28 сент.
6. Вятская жизнь. Орган вятского губернского экономического совещания // Вятка. 1923. № 3. С. 72.
7. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 25. Л. 2.
8. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 10. Л. 131.
9. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 74. Л. 436.
10. Вятская речь. 1914. № 53. 14 марта.
11. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
12. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 10. Л. 127.
13. Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 17. Л. 16.
14. Вятская жизнь. Орган вятского губернского экономического совещания // Вятка. 1923. № 3. С. 70.
15. Вятская речь. 1914. № 46. 28 февр.
16. Там же. 1910. № 182. 27 авг.
17. Отчет о деятельности Кукарского образовательного общества за 1910 г. Кукарка, 1911. С. 36.
18. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 18. Л. 48.
19. Вятская жизнь. Орган вятского губернского экономического совещания // Вятка. 1923. № 3. С. 70.
20. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 74. Л. 438.
21. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 80. Л. 83.
22. Жаравин В. С. А. Лебедев – просветитель и краевед. Исторические очерки. Киров, 2003. С. 16.
23. Касанов С. А. Очерки благотворительной и милосердной деятельности в Вятском крае. Киров, 1998. С. 44.
24. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 23. Л. 326.
25. Обзор Вятской губернии за 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора // Вятка. Губернская типография. 1914. С. 124.

УДК 94(470.342)“18”:39

A. M. Рафиков

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основе богатого материала исторических источников опубликованного и неопубликованного характера в статье выявлены и проанализированы основные формы и направления общественной деятельности купцов-татар, показана роль национальной деловой элиты в формировании хозяйствственно-бытовой инфраструктуры Вятско-Камского региона.

On the basis of published and unpublished historical sources, the author reveals and analyses the main forms and directions of Tatar merchants' public activity. The role of the national business elite in the formation of the Vyatka-Kama region's economic infrastructure is shown.

Ключевые слова: Вятская губерния, татарское купечество, общественная деятельность, органы городского и земского самоуправления.

Keywords: Vyatka province, Tatar merchanty, public activities, institutions of town and district self-government.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали временем значительной активизации общественной жизни Российской империи. Начало этому процессу положили либеральные реформы Александра II.

сандра II, существенно изменивши правовое положение всех сословий, в том числе и купечества. Как известно, представители отечественных деловых кругов принимали активное участие в социальной жизни государства еще в дореформенное время, что не в последнюю очередь было связано с их желанием повысить свой социальный статус, добиться государственных наград, различных поощрений и другими узко сословными интересами.

В пореформенный период общественная деятельность купечества приобретает принципиально иную направленность. Интенсивное развитие капиталистических отношений, торгового законодательства, проникновение в жизнь российского общества буржуазных норм и ценностей приводят к постепенному разрушению традиционного феодального уклада, сопровождавшемуся исчезновением ярко выраженных сословных границ. Эволюция правового статуса купечества в указанное время была связана с утратой социального значения многих сословных льгот и привилегий (освобождение от телесного наказания, рекрутской повинности, уплаты подушной подати и др.), которые приобрели в большей степени декоративный характер [1]. Результатом названных перемен стало появление нового типа купца, ориентирующегося не столько на поддержку правительства и повышение социального статуса, сколько на поиск новых путей самореализации. Современные исследователи едини во мнении, что в течение второй половины XIX – начала XX в. «купечество, перерастая рамки сословной организации, приобретает значение как общественный класс» [2].

Деловые круги пореформенного времени были широко представлены в органах земского самоуправления, городских думах, управах, занимались крупной благотворительностью и меценатством. Процессы активизации государственной жизни затронули не только столичных предпринимателей, но и купечество удаленных от центра регионов, одним из которых являлась Вятская губерния. Свидетельством этому являются многочисленные работы современных ученых, посвященные анализу общественно-политической деятельности вятских купцов [3]. В то же время необходимо отметить, что составление комплексного социального портрета купечества Вятской губернии будет не полным без рассмотрения участия в общественной жизни края представителей национальных деловых кругов.

Вятская губерния относилась к числу полигэтнических административно-территориальных образований Российской империи. Наряду с русским населением здесь традиционно проживали удмурты, мордва, башкиры и другие народы. В юго-восточных уездах губернии, граничивших с Казан-

ским краем (Елабужский, Малмыжский, Уржумский, Сарапульский), была высока численность татар, которых, по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г., насчитывалось 125 тыс. [4]. Среди представителей татарской национальности встречались довольно крупные предприниматели, состоявшие в гильдейском купечестве уездных городов Вятско-Камского региона. В их числе следует выделить малмыжских купцов-фабрикантов Утмышевых, елабужских Заитовых, уржумских Тебековых и др. Многих из них отличали не только значительные коммерческие обороты, но и активная жизненная позиция.

Следует отметить, что одной из особенностей Вятской губернии была малочисленность поместного дворянства. Указывая на данный факт, составители «Приложений ко всеподданнейшему отчету Вятского губернатора» отмечали: «Сословный состав губернии отличается от других губерний тем, что в ней такое незначительное число дворянства, что выборов не производится. Дворяне и чиновники едва составляют 0,2% всей массы народонаселения» [5]. Данное явление обусловливало активный и разносторонний характер общественной деятельности вятского купечества, которое было лишено конкуренции в этой сфере со стороны дворян.

Основным местом общественной работы купечества Вятско-Камского региона (как и российского) были органы земского и городского самоуправления. Так, по данным М. С. Судовикова, в 1870 г. численность купцов и почетных граждан в уездных земских собраниях губернии составляла 16,1%, в 1875 г. – 21,3%, в 1890 г. – 18,9%, в 1900 г. – 22%, в 1910 г. – 13,6% [6]. Встречались среди гласных земских собраний и купцы-татары. В разные годы в работе местных земских учреждений участвовали елабужские предприниматели братья Ахмат-Шакир (1906–1908) и Шигабутдин (1886–1888) Заитовы, Мухамет-Валей Альмухаметов (1912–1917), Мухамет-Рахим Исмагилов (1894–1896), малмыжские купцы Галей Утмышев (1891–1896) и потомственный почетный гражданин Галей Арасаев (1872).

Характеризуя общественную деятельность предпринимателей-татар, важно подчеркнуть, что в целом татарское население Вятской губернии не проявляло заметной социальной активности. Во многом это было обусловлено особенностями традиционного, основанного на сильной религиозности консервативного быта и менталитета татар, что вызывало недоверие к центральному правительству, многие нововведения которого, даже самые безобидные, воспринимались как посягательство на нормы мусульманской религии и культуры [7]. Наглядным подтверждением этого является тот факт, что названные выше купцы-татары являлись практически единствен-

ными представителями своей национальности в уездных земских собраниях. Так, вместе с Ш. Зайтовым в органы местного самоуправления Елабужского уезда были выбраны лишь два татарина – крестьянин деревни Мордва Ильинской волости Г. Ишманов и дворянин Б. М. Абдараманчиков, при общем количестве гласных 22 человека [8]. Единственным представителем своей национальности в Малмыжском земстве являлся Г. Арасаев [9]. Всего по одному коллеге-единоверцу имели гласные М.-В. Альмухаметов и Г. Утамышев [10] и т. д. Приведенный пример свидетельствует о широком кругозоре представителей национальной деловой элиты, которые одними из первых осознали необходимость более тесного сотрудничества с центральной и местной властью, поняли, что оно не таит в себе никакой опасности.

Обязанности земских гласных купцы-татары выполняли вместе с такими уважаемыми и крупными общественными деятелями губернии, как Стахеевы, Ушковы, Гирбасовы, Александровы, Гагарины, Батуевы, Алашеевы и мн. др. Как правило, в земских собраниях доминировали инициативы, предлагаемые гласными, избранными по первой и второй курии, которые отличались уровнем своего образования и активной жизненной позицией в сравнении с крестьянами, избиравшимися по третьей курии. В связи с этим практически все наиболее важные вопросы, рассматриваемые земскими собраниями, решались представителями дворянского и купеческого сословий. Из наиболее масштабных мероприятий, проведенных Елабужским и Малмыжским земствами за время работы А.-Ш. и Ш. Зайтовых, М.-Р. Исмагилова, М.-В. Альмухаметова, Г. Арасаева и Г. Утамышева, можно выделить ассигнование 4 тыс. руб. на строительство новых школ в Елабужском уезде на 1896 г. [11], увеличение на 10% сметных расходов Елабужского земства по здравоохранению на 1908 г. [12], строительство в 1873 г. Малмыжским земством ремесленной школы в городе Малмыже [13] и мн. др. Благодаря активной работе земских гласных Елабужское и Малмыжское земства находились в Вятской губернии на хорошем счету [14].

Помимо участия в общей деятельности земских учреждений татарское купечество входило в состав различных комиссий и присутствий, создаваемых земствами. В силу специфики своей профессиональной деятельности представители торгового сословия особенно часто избирались членами финансовых комиссий. Так, например, Ш. Зайтов вместе с гласными А. Е. Гоголевым и В. Ф. Пекенем входил в состав особой комиссии, которая должна была «путем личного присутствия в расценочной комиссии следить за денежными сборами с городских базарных площа-

дей» [15]. Купцы А.-Ш. Зайтов и Г. Утамышев являлись членами ревизионной и временной ревизионной комиссий [16], М.-В. Альмухаметов входил в состав оценочной комиссии [17].

Главным назначением данных образований было формирование бюджета органов местного самоуправления и проверка финансовой отчетности земских управ. Не вызывает сомнения, что обязанности членов оценочных и ревизионных комиссий носили сложный и ответственный характер. Избираться в них могли только авторитетные, грамотные, знающие свое дело люди.

Как специалисты в сфере торгово-предпринимательской деятельности купцы-татары привлекались земскими учреждениями и к решению вопросов, связанных с организацией уездной торговли. Показательной в этом отношении является работа в органах местного самоуправления А.-Ш. Зайтова, который был избран председателем «подготовительной комиссии, касающейся нормального отдыха служащих в торговых и промышленных заведениях». Вместе с ним в состав данной комиссии вошли гласные И. П. Ушков, И. И. Стахеев, И. Н. Зубарев, а также представители от торгово-промышленных заведений города Елабуги Т. В. Штенников, А. Ф. Анисимов и др. [18].

Летом 1907 г. комиссией был составлен проект «О нормировке рабочего дня». Ее члены пришли к выводу о необходимости введения в дни страды (с 20 июля по 1 сентября) четырнадцатичасовой торговли. Такую же продолжительность торгового дня предполагалось установить в дни ярмарок, торжков и базаров [19]. Очевидно, что это предложение отражало интересы всех слоев населения. Промышленникам и торговцам давалась возможность получить дополнительную прибыль. У крестьян же, сильно занятых в страду, появлялось время для покупки всего необходимого в хозяйстве.

Круг деятельности татарского купечества в комиссиях и присутствиях, создаваемых земскими учреждениями, не ограничивался использованием только профессиональных знаний купцов. Многие из них занимались работой, не связанной с торговыми и финансовыми вопросами. Так, например, Ш. Зайтов избирался в уездное по воинской повинности присутствие [20], М.-В. Альмухаметов входил в состав школьной комиссии [21], Г. Утамышев являлся членом комиссии по составлению списков присяжных заседателей [22]. Это свидетельствует о широте кругозора и интересов предпринимателей-татар, говорит об их стремлении к посильному вкладу во всестороннее развитие социальной инфраструктуры родного края.

В то же время, являясь носителями характерных черт своей национальности, купцы-татары

не могли оставаться равнодушными к насущным проблемам жизни мусульман Вятской губернии. Важным направлением их общественной работы в органах земского самоуправления являлось представительство и защита интересов татарского населения Вятско-Камского региона. Примером этого может служить деятельность гласных А.-Ш. Заитова и Г. Утамышева.

Так, А.-Ш. Заитов являлся одним из наиболее активных и деятельных членов специальной комиссии по распределению и выдаче средств на приобретение учебных пособий и содержание медресе и мектебе, созданной Елабужским земством в 1908 г. Кроме него в ее состав вошли князь И. А. Чингиз и имам Елабужской мечети З. Хузяханов. На заседании 18 апреля 1908 г. комиссия распределила между 13 мечетями Елабуги и Елабужского уезда 1000 руб., выделенных земством [23]. Однако для нормального функционирования татарских учебных заведений этих средствказалось недостаточно. В земскую управу неоднократно поступали жалобы имамов, исходя из которых на заседании 2 октября 1908 г. гласными был поставлен вопрос о «преобразовании мусульманских медресе в нормальные начальные училища с программами, установленными для земских школ» [24]. В этом случае земство могло ассигновать их на общих основаниях в достаточном количестве. Не вызывает сомнения, что подобные преобразования грозили полной ликвидацией национального образования в уезде. Осознавая это, «гласные мусульмане высказались против, желая сохранить существующее положение дел, и потребовали на 1909 г. вновь выделить 1000 рублей» [25]. Земское собрание согласилось с их мнением.

Представляя интересы татарского населения Малмыжского уезда, Г. Утамышев на заседании земского собрания 13 сентября 1895 г. в ходе обсуждения вопроса о создании нового фельдшерского пункта выступил с инициативой открытия данного лечебного заведения в одной из татарских деревень уезда. В частности, купец заявил, что «более целесообразно центральный фельдшерский покой открыть вместо Китяка (одна из русских деревень Малмыжского уезда. – А. М.) в татарской деревне Кошкиной, где, кроме того, как ему известно, местное общество изъявляет готовность отвести бесплатно квартиру для приемного покоя или платить за нее деньги» [26]. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Важную роль в социальной жизни российских деловых кругов играла общественная деятельность в органах городского самоуправления. Это явление было вполне закономерным, так как купечество в основном проживало в городах, и именно здесь наблюдалась наибольшая концентрация торгового капитала. В связи с этим не слу-

чайно, что в 1875 г. на долю купцов и почетных граждан приходилось 65% состава гласных Вятской городской думы, в 1890 г. – 63,6%, в 1900 г. – 42,4%. Не менее высоким было представительство предпринимателей в думах уездных городов Вятско-Камского региона [27].

В то же время необходимо отметить, что купцы-татары участвовали в работе органов городского самоуправления менее активно, в сравнении с земскими учреждениями. Главным образом это объяснялось низкой численностью татарского купечества в уездных городах губернии. В основном предприниматели-татары, как и все мусульманское население региона, проживали в сельской местности. Кроме того, большое значение имел имущественный ценз, устанавливаемый при избрании гласных городских дум. Согласно имеющимся на сегодняшний день статистическим данным, непосредственное участие в выборах могло принимать не более 5,6% городского населения, а после принятия в 1892 г. нового Городового положения количество избирателей сократилось еще более чем в два раза [28]. Поэтому, как правило, в городские думы избиралось самое состоятельное купечество. Подавляющее же большинство предпринимателей-татар относилось к числу средних собственников и принадлежало ко 2-й купеческой гильдии.

Из всех представителей национальных деловых кругов Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. в работе органов городского самоуправления принимали участие лишь три человека: елабужские купцы Ахмет-Гарей Гайсин, Мухамет-Валеяль Альмухаметов и Мухамедзян Сюндюков, являвшиеся крупнейшими предпринимателями-татарами Вятско-Камского региона [29]. Все они исполняли обязанности гласных Елабужской городской думы в одно четырехлетие – с 1906 по 1909 г. Всего в данное четырехлетие в Елабужскую городскую думу было избрано 29 человек, из них четверо принадлежали к татарской национальности. Вместе с М.-В. Альмухаметовым, А.-Г. Гайсином и М. Сюндюковым в состав думы вошел потомственный дворянин, князь И. А. Чингиз [30].

Необходимо отметить, что наличие в составе Елабужской городской думы четырех мусульман накладывало некоторый отпечаток на общий характер ее работы. Так, например, на заседании 12 ноября 1909 г. гласными было принято решение отложить выборы церковного старосты до следующего собрания, «так как в настоящем собрании присутствует только половина общего числа гласных, включительно троих магометанского вероисповедания» [31]. Впрочем, это были исключительные случаи. Как правило, русские гласные и гласные-татары тесно сотрудничали

друг с другом. Изученные архивные документы не содержат какой-либо информации, позволяющей говорить о национально-религиозной и политической конфронтации между ними.

Анализируя общую деятельность Елабужской городской думы в четырехлетие с 1906 по 1909 г., следует подчеркнуть, что она работала довольно интенсивно. Основное внимание органы городского самоуправления Елабуги уделяли решению различных хозяйствственно-бытовых вопросов. В их числе можно выделить строительство дополнительного здания для расширения городской гимназии в 1906 г., проведение водопровода в северо-западной части города в 1907 г., ремонт здания городского театра в 1908 г. и др. [32] Важно подчеркнуть, что эти мероприятия осуществлялись на фоне сильного бюджетного дефицита города и их воплощение в жизнь во многом было заслугой инициативности, предприимчивости, альтруизма и энтузиазма гласных Елабужской городской думы. Характеризуя данную ситуацию в своей благодарственной речи, обращенной в адрес гласных по случаю окончания очередного четырехлетия, городской голова П. Гирбасов произнес следующее: «Прежде чем закрыть заседание думы, я имею душевную потребность поблагодарить гласных Городской думы... Я занял пост городского головы в трудное время и нуждался в вашей поддержке, ввиду крайне тяжелого положения городского бюджета... При вашей поддержке мы прошли благополучно все подводные камни. Теперь финансовое равновесие бюджета установлено» [33].

Как и в случае с деятельностью представителей национальных деловых кругов в органах земского самоуправления, при работе в Елабужской городской думе в первую очередь использовались профессиональные знания купцов. Так, например, М.-В. Альмухаметов за четырехлетие с 1906 по 1909 г. принимал участие в работе трех различных комиссий, связанных с финансами. В 1906 г. купец был избран в состав ревизионной комиссии думы, в 1907 г. – в комиссию для рассмотрения и проверки отчетов городской управы, в 1909 г. в оценочную комиссию [34]. Гласный А.-Г. Гайсин избирался в исполнительную комиссию для рассмотрения казенного налога и городского оценочного сбора с недвижимых имуществ и комиссию по составлению расценки городских земельных участков [35]. Членство в данных комиссиях не было простой формальностью, об этом говорит широкий круг их полномочий и обязанностей. Так, например, ревизионная комиссия Елабужской городской думы занималась проверками отчетов городской управы, городского попечительства о бедных, общественного банка и отдельно «Комитета заведующего капиталами, пожертвованными граждана-

ми Ив. и Дм. Стакеевыми на предмет благотворительности» [36].

Помимо работы в финансово-ревизионных комиссиях купцы-татары принимали активное участие в благоустройстве городского хозяйства. Показательной в этом отношении является деятельность гласного А.-Г. Гайсина. Так, на заседании 22 января 1907 г. А.-Г. Гайсин вместе с гласными Н. Н. Замятиным, М. И. Чермных, Н. И. Скворцовыми и А. Н. Тверяковым был избран в комиссию для рассмотрения вопроса о постройке новой скотобойни. Комиссия должна была подготовить проект сметы, согласно которому на строительство предполагалось выделить 23775 руб. 88 коп., а также выбрать место под постройку [37]. В 1908 г. А.-Г. Гайсин совместно с гласными Н. Ф. Соломенцевым, Д. И. Юшковым, И. П. Назаровым, А. К. Стакеевым, П. Ф. Гирбасовым и П. Ф. Каинским вошел в состав комиссии для наиболее правильного назначения и раздела городских лугов. Благодаря их усилиям был решен важный для города вопрос распределения сенокосных угодий [38].

Важно подчеркнуть, что деятельность А.-Г. Гайсина по благоустройству городского хозяйства не ограничивалась рамками названных комиссий. Используя свою должность и положение в думе, купец отстаивал насущные интересы городского населения и татарской общины города Елабуги. По его инициативе в феврале 1908 г. жителями Татарской улицы было написано заявление в городскую думу о необходимости проведения водопровода. В заявлении говорилось следующее: «В нашей улице до сих пор нет городского водопровода, между тем мы, жители этой окраины, испытываем большие затруднения в водоснабжении и отсутствие водопровода представляет не малую опасность в пожарном отношении. А потому имеем честь просить городскую управу войти с представлениями в думу об устройстве водопровода в нашей улице». Известно, что уже в декабре 1908 г. строительство водопровода за счет городских средств на Татарской улице было завершено [39].

Что касается гласного М. Сюндюкова, то его работа в думе не отличалась большой активностью. За четырехлетие с 1906 по 1909 г. он не вошел ни в одну комиссию и ни разу не участвовал в прениях гласных в ходе заседаний думы. При этом М. Сюндюков присутствовал практически на всех заседаниях, в отличие от других гласных-татар. Вероятно, причиной этой пассивности являлся языковой барьер. Все протоколы думских заседаний купец подписывал по-татарски.

Согласно «Городовому положению 1870 года» исполнительными органами городских дум являлись городские управы, которые осуществляли непосредственное ведение городскими делами.

В своей деятельности управы были подотчетны городским думам, несмотря на это, в исключительных случаях, управа могла не подчиниться решению думы и большинством голосов признать его противозаконным.

Из числа предпринимателей-татар Вятской губернии должность члена городской управы занимал лишь Г. Арасаев, потомственный почетный гражданин и купец 2-й гильдии города Малмыжа. В отличие от земских собраний и городских дум управы работали постоянно. За службу их члены получали заработную плату в размере 600–800 руб. в год. Это были достаточно большие деньги (для сравнения годовой оклад школьного учителя в начале XX в. равнялся 300 руб.) [40]. Высокое жалование членов городских управ свидетельствовало об ответственном и сложном характере их работы.

Подтверждением активной деятельности Г. Арасаева в этой должности является его участие в реализации всех наиболее масштабных мероприятий, запланированных Малмыжской городской думой на 1873 г. Так, например, Г. Арасаеву было поручено организовать работы по ремонту дорог в зимний период. На эти цели дума выделила в его распоряжение 386 руб. При реализации мероприятий по улучшению санитарного благосостояния города Малмыжа Г. Арасаев был назначен ответственным за покупку «машин по медицинской части» и получил в распоряжение 300 руб. Его же назначили ответственным за приобретение книг для земских школ, выделив на эти нужды 496 руб. 50 коп., и т. д. [41] Приведенные факты говорят о незаурядных деловых и административных способностях купца.

Необходимо отметить, что общественная деятельность татарского купечества Вятской губернии не ограничивалась только органами городского и земского самоуправления и комиссиями, создаваемыми при них. Многие предприниматели занимались общественной работой в различных городских организациях, тесно сотрудничали здесь с русским купечеством и дворянством. Так, например, М.-В. Альмухаметов еще до избрания в гласные городской думы входил в состав правления дома трудолюбия в городе Елабуге [42]. Не оставил он этой должности и после избрания в думу. А.-Г. Гайсин вместе с дворянами Н. И. Скворцовыми и Н. А. Шишкиным в 1916 г. избирался членом присутствия по квартирному налогу [43].

Довольно часто по признаку своей профессиональной деятельности представители купеческого сословия принимали участие в работе раскладочных по промысловому налогу присутствий. Данные органы были учреждены на основании «Положения о государственном промысловом налоге 1898 года». Присутствия образовывались

в каждом податном участке. В их состав входили председатель – местный податной инспектор, его помощники и члены присутствия – лица, выбранные из числа плательщиков раскладочного сбора (шесть человек). Основная работа данных учреждений заключалась в составлении различного рода запросов, требований, объявлений и извещений, которые рассыпались плательщикам раскладочного сбора, то есть всем владельцам торговых и промышленных предприятий. Кроме этого члены присутствий устанавливали нормы оплаты раскладочного сбора, распределяли торговые и промышленные заведения, личные промысловые занятия по родам и видам коммерческой деятельности [44]. Стать членами присутствий могли только лица, успешно занимавшиеся торговово-промышленной деятельностью и обладавшие авторитетом в предпринимательских кругах.

По нашим подсчетам, из числа купцов-татар Вятской губернии членами податных присутствий и кандидатами к ним в разные годы избирались пять человек – елабужские 2-й гильдии купцы А.-Ш. Зайтов (1907, 1912, 1914 г.), М.-В. Альмухаметов (1907, 1908, 1913–1916 гг.), А.-Г. Гайсин (1914–1915 гг.), Ш. Зайтов (1899 г.) и малмыжский 2-й гильдии купец Г. Утамышев (1899 г.) [45].

Таким образом, общественная деятельность являлась важным фактором, формировавшим внешний и внутренний социальный облик татарского купечества Вятской губернии. Особенно активно купцы-татары участвовали в работе органов земского и городского самоуправления. Они выполняли обязанности гласных уездных земских собраний и городских дум, являлись членами городских управ, многочисленных комиссий, присутствий и попечительств. Помимо этого наиболее дальновидные предприниматели входили в состав различных городских организаций и обществ, тесно сотрудничали с русскими общественными деятелями. В то же время, являясь наиболее образованной и передовой частью татарского этноса, купцы выступали проводниками и защитниками интересов представителей своей национальности. Это свидетельствовало о росте гражданского самосознания, патриотизме, развитом чувстве долга и ответственности, позволяло купечеству претендовать на роль не только экономической, но и культурной элиты татарского населения Вятско-Камского региона.

Примечания

1. *Боханов А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 4. С. 108.*
2. *История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 2. М., 1999. С. 463.*
3. См.: *Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009; Он же. Вятское купечество в земском либеральном движении 60–70-х гг. XIX в. // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт:*

- материалы научной конференции. Киров, 2002. С. 39–41; Он же. Участие регионального купечества в работе земских учреждений // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии: материалы науч.-практик. конф. Киров, 2007. С. 8–11; Он же. Политическая деятельность купечества в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 86–95; Валеева Н. Г. Елабужское земство и Россия: гуманно-просветительская деятельность Елабужского земства (1867–1917). М., 2002; Она же. Купцы Стажеевы – гласные Вятского земства // Третья Стажеевские чтения: материалы междунар. науч. конф. Елабуга, 2008. С. 20–25 и др.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. М., 1904. Т. X. С. 93.
5. Приложения ко всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1870 год. Вятка, 1871. С. 3.
6. Судовиков М. С. Участие регионального купечества в работе земских учреждений... С. 8.
7. Загидуллин И. К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 110.
8. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1887 г. Вятка, 1888. С. 331.
9. Журналы Малмыжского уездного земского собрания VII Очередной сессии 1873 г. Вятка, 1874. С. 3.
10. Журналы XXXXVI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 8 нояб.–3 дек. 1912 г. Елабуга, 1913. С. 2; Журналы постановлений Малмыжского уездного земского собрания XXV Очередной сессии, 17–30 окт. 1891 г. Вятка, 1892. С. 16.
11. Журналы XXIX Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 20–29 сент. 1895 г. Казань, 1896. С. 61.
12. Журналы XXXXI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 5–13 окт. 1907 г. Елабуга, 1908. С. 141.
13. Журналы Малмыжского уездного земского собрания VII Очередной сессии... С. 24.
14. Валеева Н. Г. Елабужское земство и Россия... С. 20.
15. Журналы XXI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 6–27 окт. 1887 г. Елабуга, 1887. С. 372.
16. Журналы XXXXII Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 26 сент.–7 окт. 1908 г. Елабуга, 1909. С. 25; Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXVI Очередной сессии 1892 г., 6–15 окт. Елабуга, 1893. С. 3.
17. Журналы XXXXVI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания... С. 32.
18. Журналы XXXXI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания... С. 9.
19. Там же. С. 640, 641.
20. Журналы XXI Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания... С. 208.
21. Журналы XXXXVII Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 20 сент.–9 окт. 1913 г. Елабуга, 1914. С. 70.
22. Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXV Очередной сессии, 17–30 окт. 1891 г. Вятка, 1892. С. 22.
23. Журналы XXXXII Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания... С. 166.
24. Там же. С. 167.
25. Там же. С. 168.
26. Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXIX Очередной сессии... С. 23, 24.
27. Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века... С. 202.
28. Нафдова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 60, 247.
29. См.: Рафиков А. М. Татарские купеческие династии Вятской губернии рубежа XIX-XX веков (На примере Елабужского уезда) // Наука, технологии и коммуникации в современном обществе. Набережные Челны, 2010. С. 67–73.
30. ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 209. Л. 27.
31. Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 151 об.
32. Там же. Оп. 11. Д. 13. Л. 89 об.–90; ГАКО. Ф. 587. Оп. 13. Д. 13. Л. 77.
33. Там же. Оп. 13. Д. 13. Л. 178 об.
34. Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 3, 5 об.; ГАКО. Ф. 587. Оп. 14. Д. 12. Л. 29 об.
35. Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 76–76 об., 192.
36. Там же. Оп. 11. Д. 13. Л. 14 об.
37. Там же. Оп. 12. Д. 12. Л. 5.
38. Там же. Л. 135.
39. Там же. Оп. 13. Д. 13. Л. 34, 317 об.
40. Список учительского персонала земских школ Елабужского уезда за 1905/6 год // Журналы XXXX Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 15–24 окт. 1906 г. Елабуга, 1907. С. 575.
41. Отчет Малмыжской уездной земской управы за 1873 год и Журналы Малмыжского уездного земского собрания VIII Очередной сессии 1874 г. Вятка, 1875. С. 3, 12, 41.
42. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1904 г. Вятка, 1905. С. 163.
43. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1916 г. Вятка, 1917. С. 131.
44. ПСЗРИ: Собрание третье. Т. XVIII. Ст. 15601.
45. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1907 г. Вятка, 1908. С. 83, 85, 163; Там же // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1912 г. Вятка, 1913. С. 143; Там же // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1913 г. Вятка, 1914. С. 96; Там же // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1914 г. Вятка, 1915. С. 118, 117; Там же // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1915 г. Вятка, 1916. С. 112; Там же // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1916 г. Вятка, 1917. С. 130; НА РТ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–220 об.

УДК 297 (09)

R. I. Маликов

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Данная статья посвящена религиозным праздникам татар-мусульман Казанской губернии в конце XIX – начале XX в.

This article is devoted to the Moslem Tatars' religious holidays of Kazan province in the late XIX – early XX c.

Ключевые слова: Праздники Джумга, Новый год (по лунному календарю), День Гашура, Мавлид, Ночь Рагаива, Идра и Миградж, Ночь Бараата, месяц Рамазан, Ураза-байрам, месяц Шавваль, Курбан-байрам.

Keywords: holidays: Jomga, New Year, Day of Gashura, Mavlid, Night of Ragaib, Isra and Migraj, Night of Baraat, month of Ramazan, Uraza bayram, month of Shawal, Kurban bayram.

Традиционная система обычаев, обрядов и праздников татар является ярким свидетельством точности определения исследователей о том, что ислам для татар – это образ жизни. Она включала в себя как повседневные нормы поведения, так и оформление наиболее значимых моментов в жизни человека (рождение, вступление в брак, смерть и т. д.), в целом всю праздничную культуру народа. В связи с этим особо хочется подчеркнуть порядок проведения татарами самих религиозных праздников [1].

Еженедельным праздничным днем являлась джумга – пятница, участие в котором для мусульманина обязательно (фард) [2]. В Коране об этом говорится «О вы, которые уверовали! Когда возглашают азан на пятничную молитву, то устремляйтесь поминать Аллаха усердно, оставив торговлю. Ведь то, что велено вам лучше для вас, если вы знаете. А когда будет завершена молитва, то расходитесь по земле, и ищите милости Аллаха, поминайте Аллаха часто, – чтобы были спасены» (Коран: «Собрание», 9–10) [3]. Те из мусульман, кто по каким-либо причинам не смог прийти на джумгу, совершали обычную дневную молитву. Участие в джумге не обязательно было для путников, детей, женщин и больных [4]. Традиционно у татар на пятничный намаз в мечеть приходило все взрослое население поселения. Этот день был не рабочим, выходным днем. Пятничную проповедь (хутбу) имам проводил на разные жизненно важные темы, сопровождая чтением аятов Корана и хадисов с их истолкованием [5].

В книгах мусульманских богословов хутба рассматривается в качестве богослужения, с одной стороны, и как наставление народа – с другой. Для примера можно привести выдержки хутбы одной Казанской муллы, записанные К. Ф. Фуксом: «Я вам завещаю, служители Божьи, так и самому себе, быть добродетельными, ибо Бог с любящим Его и боящимся Его всегда прибывает. Кто ищет Бога, от того Милосердный не отворачивается; для жаждущего наставлений достаточно Корана.

Я призываю к Богу и отвращаюсь от проклятого сатаны. Каждый человек вкуси смерть, Мы вас искушали, говорит Господь в добре и зле, и вы к нам непременно обратитесь. Кто желает видеть примера разрушения мира, тот пусть взглянет на могилы. Если недоволен сего, сама смерть может убедить в этом.

Да благословит Бог нас и вас своим великим Алкораном. Да воспользуемся его премудрыми изречениями; и я прошу прощения у милосердного Бога за себя, за вас и за всех правоверных мусульман. Бог милосерд, Всемилостив, Всесощедр, Всемогущ и Преправеден!» [6].

Религиозное собрание в мечети выполняло важную социальную и коммуникативную функции: здесь правоверные получали религиозные наставления, обменивались новостями, решали насущные проблемы этноконфессиональной общины, ознакомливались с различными постановлениями правительства, местной администрации, здесь происходило общение муллы с прихожанами, которое затем продолжалось во время исполнения духовных «треб» в домашних условиях [7].

Кроме еженедельного пятничного богослужения были религиозные праздничные месяцы, дни и ночи в году, которые татары должным образом праздновали. Важнейшие из них следующие:

1. Новый год по мусульманскому календарю (Хиджра). Отмечался в 1-й день месяца Мухаррам. По истории ислама, именно в этот день в 622 г. происходит переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину, и с этой даты идет мусульманское летоисчисление, основанное на лунном календаре. Год по нему состоит из 354 дней (в високосном году в последний месяц добавляют 1 день) и 12 месяцев: мухаррам, сафар, раби-аль-авваль, раби-ас-саны, джумада-ль-авваль, джумада-с-саны, раджаб, шаабан, рамадан, шавваль, зу-ль-каада, зу-ль-хиджа. 1 мухаррама 1 год хиджры соответствует пятнице 18 июля 622 г. христианского летоисчисления. В лунном месяце 29,5 суток; для удобства отсчета принято считать, что в четных месяцах 29 суток, а в нечетных – 30. В лунном календаре 354 дня (355 в високосном году), а в солнечном – 365 (366), разница между ними каждые 33 года увеличивается на 1 год [8].

Татары со времен принятия ислама своей повседневной жизни использовали этот хиджри календарь. Но в конце XIX – начале XX в. постепенно больше начали использовать греко-иранский календарь, а хиджри календарь применялся при исчислении времени религиозной жизни.

2. «Гашура кене» (День Гашура), или десятый день Мухаррама, первого месяца в году. В этот день Адам и Ева встретились друг с другом после своего изгнания из рая; в этот же день пророк Ной покинул ковчег, родился пророк Ибрахим, вознеслись на небо пророки Идрис и Гыйса, спасся Муса и его народ от Фараона и др. На этот день приходится сотворение Всеобщим Небес, Земли, Гарша, Курса, ангелов, первого человека – Адама и в этот день наступит Конец света. Поэтому он является одним из высокочтимых дней, священных для мусульман. В этот день раздавали милостыню, радовали детей и близких, читали Коран, совершали другие богоугодные дела. Пророк Мухаммад и его сподвижники в этот день держали пост, считая его благословенным [9].

3. «Мавлид» (араб. маулиду ан-наби – рождение пророка) – праздник по случаю рождения пророка Мухаммада, отмечаемый 12 числа месяца Рабигуль-аввал [10]. На Мавлиде традиционно в мечетях устраивали богослужения и торжественные процесии, читали Коран, произносили проповеди о рождении пророка Мухаммеда, его жизни и пророческой миссии, говорили зикр, салаваты, пели мунаджаты (религиозные песни), раздавали милостыню [11]. У татар было широко распространено в течение месяца проведение Мавлид меджлисы на дому с приглашением муллы или абыстая, друзей и родственников. «День смерти пророка Мухаммада» приходится также на 12-е число месяца Рабигуль-аввал и отмечается вместе с Мавлидом [12].

4. «Рагаиб кичэсе» – Ночь Рагаиба. Одна из почитаемых мусульманами ночей, отмечаемая в первую пятницу месяца раджаб. Именно в эту ночь произошло бракосочетание родителей Пророка Мухаммада Габдуллы и Амины. В эту ночь принято было держать пост (накануне Рагаиба днем), раскаиваться перед Аллахом за совершенные грехи, возносить многократные молитвы, проводить время в дополнительных богослужениях [13].

5. «Мигаж кичэсе», или ночное путешествие и вознесение Мухаммада на небо (Исра и Миградж). Отмечали с 26 на 27 месяца Раджаб. Считается, что в эту ночь пророку Мухаммаду явился ангел Джибриил. Они вместе сели верхом на животное по имени Бурак и из мекканской мечети были перенесены в Иерусалим. Прибыв на место древнего храма Сuleймана (Соломона), Мухаммад стал предстоятелем (имамом) на мо-

литве, в которой приняли участие древние пророки. Затем от иерусалимского храма Мухаммад вознесся на небеса. На 1-м небе он увидел Адама, на 2-м – Йахью и Ису, на 3-м – Иусуфа, на 4-м – Идриса, на 5-м – Харуна, на 6-м – Мусы, на 7-м – Ибрахима; они приветствовали его и признали его пророчество. После этого Джибриил вознес Мухаммада к самому Аллаху. Здесь Аллах передал ему 3 вещи: 1) окончание 2-й суры Корана «аль-Бакара»; 2) благую весть о том, что все мусульмане, которые почитают Единого Бога и не приобщают к Нему равных, войдут в Рай; 3) повеление всем мусульманам совершать обязательные ежедневные молитвы, количество которых, по многократным просьбам Пророка, было сокращено с 50 до 5.

Во время Миграджа Пророку были показаны Рай и Ад. Он видел ужасные сцены мучений грешников в Аду и неповторимые по красоте райские сады, где будут жить праведники. Все события Исра и Миграджа произошли за одну ночь. Пророк был в ясном сознании, находясь в своем теле реально, а не во сне. Об этом путешествии Пророка повествуется в 17-й суре Корана «аль-Исра» («Ночной перенос») и многочисленных хадисах [14]. Миградж является одним из самых великих чудес Пророка Мухаммада, совершенных по воле Аллаха. По этому случаю у татар в этот день было принято соблюдать пост, в мечетях об этих событиях произносить проповеди, после ночной молитвы совершать дополнительные молитвы [15].

6. «Бараат кичэсе» – Ночь Бараата. Отмечалася с 14-го на 15-е месяца Шагбана. Бараат означает «полное отделение». По преданию, в эту ночь определяется счастье, благополучие людей на весь год и кто именно из людей должен расстаться с жизнью [16]. Поэтому эта ночь у мусульман считается одной из священных. Её желательно было провести без сна в молитвах, помня Всевышнего [17]. В некоторых местностях в ночь Бараат читали три раза суру «Ясин»: первый раз (с намерением) для продления жизни, второй раз – для сбережения от бед и несчастий и третий – для расширения благ.

7. «Ураза ае» – месяц поста в месяце Рамадан. Пост является одним из пяти столпов Ислама. Об этом в Коране говорится: «О те, кто уверовал! Предписан вам пост, как был он предписан жившим до вас, – быть может, вы станете побоязнившими» (Коран: «Корова», 183) [18]. В этом месяце мусульмане от рассвета до заката солнца должны были соблюдать пост, который подразумевает под собой отказ от питья и пищи в светлое время суток, половой близости, воздержание от плохих поступков и борьбу с собственными недостатками. Приветствовались совершение благих дел и поступков, помощь нуж-

дающимся. Именно в этом месяце читается особая молитва – таравих, которая совершалась после ночной молитвы. Также в течение месяца раздавалась особая милостыня, именуемая *Фитра садакасы* (это обязательное пожертвование нуждающимся в месяце Рамазан, величина которого составляет 1,75 кг пшеницы, или стоимость такого количества пшеницы в денежном эквиваленте, подаваемая в качестве средства очищения человека, соблюдавшего пост, от (греха) пустословия и сквернословия, а также в качестве угощения для неимущих).

Татары месяц Рамадан всегда отмечали особым торжеством и одухотворенностью. Вот как описывали современники его празднование: «В это время в татарских деревнях царит необыкновенное оживление. Наголодавшись и измучившись жаждою в течение долгого дня, татары тотчас после вечернего намаза садятся всей семьей за стол и утоляют свой разгулявшийся аппетит, затем подается самовар, за которым и проводят чуть ли не целую ночь, собираясь целыми компаниями. Тут поют песни, раздаются бесконечные рассказы и смех. Во всех избах горят огоньки, везде царит ночное оживление, не свойственное деревням, населенным жителями других национальностей. А тем временем в мечетях до поздней ночи молятся, особенно усердные и богохульные старики; в освещенные окна видны силуэты клонящихся степенных фигур...» [19].

Особо торжественно отмечался первый вечер месяца Рамадан. Этот радостный вечер мусульмане старались проводить в богослужении и в молебнах. С этого вечера до конца месяца после ночной молитвы совершалось специальная молитва таравих намаз. Вечер с 16 на 17 Рамазана также отмечался: «Коръэн ину кичэсе» – вечер начала ниспослания священного Корана [20]. 21 день Рамадана отмечали «Фэтек Мэkkэ кене» – день взятия Мекки. В этот день пророк Мухаммад с 12 тысячным войском занял Мекку у неверных и очистил Каабу от идолов. С 26 по 27 Рамадана отмечали «Кадер кичэсе» – Ночь Могущества. В исламе «Кадер киче» является очень благодатной ночью – вознаграждение за проведение её в богопоклонении равняется проведению в молитве тысячи месяцев. Как говорится в Коране, «ночь могущества лучше тысячи месяцев. Нисходят ангелы и дух в нее с дозволения Господа их для великих повелений. Она – мир до восхода зари!» (Коран: «Могущество», 3–5) [21]. Поэтому именно в эту ночь татары-мусульмане стремились пройти без сна – совершая разные виды богопоклонения. Верующие мужчины пребывали в эту ночь в мечетях – совершая *итикаф* (это уединение в мечети для поклонения Аллаху с соблюдением определенных намерений и условий, обычно совершаемое в последнюю декаду месяца Ра-

мадан), а женщины собирались в доме муллы, у абыстая. Довольно интересно это описывает К. Ф. Фукс: «Целую ночь с 26-го на 27-й день поста, называемую ими Алкадир, или торжественную ночью, мечети были наполненными молящимися. Ни малолетние, ни взрослые не должны спать всю ночь. Те, кои не ходили в мечеть, пили в домах чай с своими знакомыми, для прогнания сна» [22].

8. «Ураза гаете» («Ураза бэйрэм» «Гаедел-фитр») – Праздник поста или розговенья после великого поста в течение месяца Рамадана. Проводился 1-го числа месяца Шавваля. Форма проведения этого религиозного праздника у татар-мусульман повсеместно была одинаковой. Она начиналась утром в мечети, в котором принимало участие все мужское население, в том числе и дети. Включала в себя проведение коллективной утренней молитвы – иртэнге намаз (утренний намаз), чтение Корана, произнесение праздничной проповеди, совершение специальной праздничной молитвы – гает намазы, произношение хутбы и тэкбира (формулу возвеличивания Аллаха), совершение зикра и молебна (дога кылу). Если позволяли погодные условия, такие богослужения нередко проводили под открытым небом, как правило, недалеко от кладбищ; в непогоду – в мечетях. Затем шли на кладбище, где каждый читал Коран и совершал молебен для умерших своих близких. К. Ф. Фукс отмечает проведение Гаеда мусульманами Казани: «...все татары, старики и молодые, числом более 6000 человек собрались неподалеку от Новотатарской Слободы, и тут под открытым небом отправляли свое богослужение. Вид такого множества людей, в величайшем порядке расположенных, частых поклонах и падении вниз, во время молитвы, был весьма поразителен, и без сомнения, сильно должен действовать на зрителя... Потом все пошли на кладбище, где были прочитаны некоторые главы из Алкорана. Сим кончился Рамазан и каждый возвращался домой к обеду» [23].

Тем временем женщины дома готовили праздничное угощение и ждали своих мужчин. Праздник у татар длился 3 дня (в шариате указывается только один день) [24], в котором каждый старался с поздравлением обходить дома родственников, соседей и близких. Обязательным было посещение родительского дома. По мере возможности старались порадовать близких подарками, угощением, устраивали званые обеды.

9. «Шаввал ае» – месяц Шавваля – 10-й месяц мусульманского лунного календаря. В этом месяце 1-го числа Шавваля татары-мусульмане отмечали праздник Ураза гаете, после истечения 3 праздничных дней соблюдали еще дополнительный 6-дневный пост. По вероучению, пост на протяжении рамадана и 6 дней месяц Шавва-

ля приравнивается к держанию целого года поста [25].

10. «Корбан гаете» («Курбан-байрам») – Праздник жертвоприношения, проводился 10-го числа месяца Зуль-Хиджжа. Так же как в Ураза гает, читалась праздничная утренняя молитва. Корбан гаете длился 3 дня, в течение которых благосостоятельные мусульмане совершали жертвоприношение – *Корбан чалу* – по четко разработанным в исламе правилам. Из мяса жертвенного животного устраивали званые обеды, старались угостить как можно больше людей, раздавали бедным и нуждающимся. Исследователи отмечали: «В праздничные дни татары оставляют стол накрытым целый день, обыкновенно двадцать три дня подряд. Всякий входящий, кто бы он ни был, имеет право угощаться сколько ему угодно. Обычай “куначества” – *кунак иту* – во время этих праздников развертывается во всей своей широте» [26].

Празднуемое 3 дня Корбан гаете называлось еще «Тәшрикъ көннәре» – дни Ташрик, 11, 12, 13-е дни месяца зульхиджа. В эти дни, начиная с утреннего намаза дня Ташрик до последнего намаза третьего дня Ташрик, мусульмане после коллективных намазов читали такбир (возвеличение Аллаха) под названием *такбириф Ташрик*.

Кроме религиозных праздников у татар-мусульман проведение национальных праздников, жизненных событий сопровождалось религиозной окраской, не выходя за рамки ислама. Например, Сабантуй, Джиен, Науруз, Каз омәсе и др. К ним добавлялись такие общественные обряды, как обряд начала посева, обряд вызова дождя, обряд благодарения и др. Таким образом, был татар-мусульман сопровождался ежедневными молитвами, повседневными заботами, чередуясь с праздниками, придавая повседневной жизни своеобразный ритм и порядок [27].

Примечания

1. Уразманова Р. К. Народные праздники // Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. С. 140.

2. Ислам на Европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. С. 82.
3. Коран / пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М.: Современник, 1990. С. 440.
4. Сейфеддин Языджы. Основа исламских знаний (вероучение, поклонение, нравственность) / пер. с турецкого. М.: ООО «Изд. группа “Сад”», 2008. С. 180.
5. Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 146.
6. Фукс К. Ф. Казанские татары в статическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844; Репринт. Фонд ТЯК. Казань, 1991. С. 104.
7. Загидуллин И. К. Указ. соч. С. 202.
8. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: ИД Ансар, 2007. С. 356
9. Максуди Әхмәдъади. Гыйбадәте исламия. Казан: Матбуат йорты, 2004. С. 111.
10. Ислам на Европейском Востоке... С. 193.
11. Ацамба Ф. М., Кириллина С. А. Исламские праздники // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект: Гаудеamus, 2008. С. 556.
12. Фазыл Ахмад. Ахкам Ислам. Уфа, медресе им. М. Солтанова. Казань: Дом печати, 2002. С. 153.
13. Максуди Әхмәдъади. Указ. соч. С. 111; Али-заде А. Указ. соч. С. 356.
14. Али-заде А. Указ. соч. С. 164.
15. Фазыл Ахмад. Указ. соч. С. 154.
16. Максуди Әхмәдъади. Указ. соч. С. 120.
17. Сейфеддин Языджы. Указ. соч. С. 266.
18. Коран / пер. с арабского и comment. М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2010. С. 31.
19. Загидуллин И. К. Указ. соч. С. 211; Штейнфельд Н. П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии за 1894 год. Вятка, 1893. С. 171.
20. Фазыл Ахмад. Указ. соч. С. 153.
21. Коран / пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. С. 486.
22. Фукс К. Ф. Указ. соч. С. 105.
23. Там же. С. 107–108.
24. Ислам на Европейском Востоке... С. 328.
25. Али-заде А. Указ. соч. С. 363.
26. Уразманова Р. К. Праздники // Татары. М.: Наука, 2001. С. 336; Фазыл Ахмад. Указ. соч. С. 155–156.
27. Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н. Новгород: Медина, 2007. С. 140.

УДК 94(470.342)"18"

Д. А. Калинина

ОРГАНИЗАЦИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В данной статье поднимается вопрос о специфике организации свободного времени людьми, ограниченными рамками гласного надзора со стороны полиции за совершенное государственное преступление. Автор приходит к выводу о том, что особенности времяпрепровождения поднадзорных были связаны в основном с уровнем культурного развития конкретного места ссылки и лишь частично с ограничением свободы. Приводится оценка влияния участавших в общественной жизни политическихсылочных на изменение образа государственного преступника у населения российской провинции.

The author considers how the free time of the people who committed state crimes was restricted within the narrow limits of the police open supervision. The author comes to the conclusion that the way the exiled spent their free time mainly depended on the cultural level of the place of exile and only partially on the restriction of their freedom. The influence of the exiles' public activity on changing the stereotype of the state criminal is also analyzed here.

Ключевые слова: административная политическая ссылка, гласный надзор, государственные преступники, повседневная жизнь.

Keywords: administrative political exile, open supervision, state criminals, everyday life.

Система административной политической ссылки в рамках Российской империи была сконструирована таким образом, что человек, совершивший государственное преступление средней и меньшей тяжести, подчинялся гласному надзору и лишь частично ограничивался в своей свободе. Распорядок дня ссыльного не был детально регламентирован. Высланные в ту или иную губернию помимо ограничений в передвижении и выборе занятий предоставались сами себе. Государство в целях перевоспитания политического преступника и возвращения его в число благонадежных подданных косвенными методами добивалось массового включения поднадзорных в трудовую деятельность. Однако усилия политических ссыльных по поиску заработка не занимали все доступное время. В периодах между занятиями по разыскиванию квартиры или работы и вынужденным общением с административными властями губернии поднадзорные скрашивали свою жизнь участием в культурной жизни того

города или села, куда они были водворены под контроль полиции.

Вятская губерния в конце XIX – начале XX в. в сравнении с другими провинциальными регионами России заметно выделялась своими культурными достижениями, однако в сопоставлении с числом жителей меркнут хорошие результаты культурно-просветительского развития края. В. В. Воровский довольно точно подметил, что «захолустье Вятского края, этой одной из самых культурных наших губерний, все-таки не отличалось чем-либо значительно от всех иных захолустий северо-восточной полосы. Здесь так же было мало медицинской помощи, как и везде в стране; здесь так же было мало удобств для жизни, как и всюду в уездных и заштатных городишках; здесь так же было мало всяческой культуры, как и везде в России. И здесь так же, как и всюду, налицо был административный произвол, надоедливый надзор местной полиции, подозрительное отношение жителей к ссыльным...» [1].

Лица, оказавшиеся под гласным надзором, более всего страдали от вынужденного бездействия, от размеренной и неторопливой провинциальной жизни и отсутствия знаковых событий. Так, один из основоположников меньшевизма в России, а в 1898 г. политический ссыльный уездного города Орлова А. Н. Потресов называл этот город «богомерзкой дырой», отмечая, что «в глухой провинции чувствуешь себя оторванным от всех и вся, вокруг все почивает мертвым сном, из столиц – ни звука, перестаешь осязать, хоть и веришь, что колесо истории все же вертится и когда-то, в назначенный судьбою час прикатит нас и присных нам в землю обетованную» [2]. Поднадзорный Ф. Э. Дзержинский, сосланный волей губернатора в отдаленное село Кайгородское Слободского уезда, в 1900 г. писал: «Тоска по родине... в себе я чувствовал ужасную пустоту, которая все возрастала... Эта жизнь в Кае отравляла меня...» [3].

Отображения повседневной жизни Вятской губернии ссыльными, волею случая заброшенными далеко от привычных культурных и промышленных центров Российской империи, довольно мрачны и однообразны. Связано это в какой-то мере с тем контрастом между привычной жизнью столиц и размеренностью уклада провинциальных городков, который столь заметен был для поднадзорных. Будничность провинциальной деятельности, практически полное отсутствие какого-либо темпа жизни вызывали отторжение у большинства ссыльных. А. Н. Потресов заметил, что «отсутствие поднимающих впечатлений в большей или меньшей степени отражается на всех "колонистах", этих неврастениках по преимуществу, своего рода нервный голод – их профессиональная болезнь» [4].

Уровень развития региона не был равномерным. Основная масса культурно-просветительских учреждений была сосредоточена в губернском центре – г. Вятке, плодами которых беспрепятственно пользовались те политические ссыльные, кому посчастливилось быть водворенным именно в этот город. Поднадзорные, волей губернатора определенные на жительство в уездные города или села Вятской губернии, были еще более ограничены в попытках разнообразить свой досуг. Например, ссыльный Ф. Э. Дзержинский единственным центром культурной жизни г. Нолинска называл земскую библиотеку [5]. В селах, куда были определены государственные преступники, жизнь отличалась однообразием и сиротством. В своих воспоминаниях сосланный в с. Кайгородское П. Н. Брюханов писал: «Потекли серые однообразные будни Кайгородской зимы. Короткие дни, длинные вечера и длинные ночи. Единственными праздниками для нас являлись почтовые дни: раз в неделю или даже с перебоями – два раза в месяц... В такой обстановке нас начинала грызть тоска...» [6].

Поднадзорные в меру своих возможностей стремились воспользоваться всеми доступными публичными увеселениями, причем ссыльные имели свободный доступ ко всем мероприятиям культурной жизни губернии. Положение о полицейском надзоре, в целом регламентирующее систему административной политической ссылки, предусматривало запрет на все публичные виды деятельности: «чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ, участие в публичных сценических представлениях» [7], однако посещение подобных собраний и присутствие в увеселительных заведениях было разрешено законом.

Основным способом времяпрепровождения поднадзорных в свободное от работы время было посещение городских и земских библиотек для чтения книг и газет. Книги научного содержания не пользовались заметным интересом у местного населения, зато политические ссыльные охотно брали их для пополнения своих знаний по различным направлениям. Такой интерес к научным изданиям можно объяснить тем, что прибывающие в Вятку ссыльные в большинстве случаев являлись людьми с высшим или средним образованием, среди них было много бывших студентов, не окончивших обучение и желающих продолжить освоение наук. Многие поднадзорные рассматривали время в ссылке как возможность расширить свои знания для использования их в дальнейшей революционной деятельности.

Для поднадзорных наравне с местным населением пользование фондами городских библиотек было ограничено финансовым вопросом, так как их услуги были платными, и потому не всякий

ссыльный мог позволить себе пользование изданиями, представленными в публичных библиотеках. Однако некоторые гласноподнадзорные возможность работы с книгами ставили выше других насущных потребностей. Например, поведение высланного в г. Слободской под надзор полиции Н. Н. Соколова вызывало недоумение у наблюдающего за ним полицейского, который отмечал, что ссыльный «очень нуждается в материальных средствах, несмотря на это... часто пользуется книгами из общественной библиотеки» [8].

Кроме таких интеллектуальных способов занять время, как чтение книг и периодических изданий, политические ссыльные охотно посещали театральные представления. В губернии действовал один театр в г. Вятке, в нем нередко выступали столичные актеры, а в перерывах между гастролерами силами местных жителей ставились неплохие любительские спектакли. Политические ссыльные могли посещать театральные представления на тех же условиях, что и остальное население губернии. В целях борьбы со скучкой и однообразием жизни многие поднадзорные, имеющие достаточный заработок, с завидной регулярностью бывали на театральных постановках [9].

Единственным препятствием посещения театра либо сценических выступлений приезжих трупп могло стать отсутствие денег. Однако плата была довольно умеренной, что позволяло ссыльным, не имеющим больших денежных средств, регулярно наблюдать за театральной игрой [10].

Участие в любительских спектаклях политическим ссыльным было запрещено. Подобный запрет преследовал цель ограничения совместной деятельности ссыльных и местного населения, так как это могло привести к налаживанию нежелательных для властей приятельских отношений. За весь рассматриваемый период исключение из этого правила было сделано лишь для поднадзорной г. Орлова Е. Лосевой, обладавшей прекрасными вокальными данными. Лосева неоднократно участвовала в концертах, устраиваемых местным общественным собранием в пользу орловского благотворительного общества, кроме того, она получила разрешение на проведение уроков пения [11].

Политические ссыльные наравне с благонадежными гражданами были допущены на все мероприятия, организуемые местными обществами. Сюда входили земские собрания, на которых решались вопросы о путях социального, экономического и культурного развития того или иного уезда; всевозможные музыкально-вокальные, поэтические вечера и т. д. Например, на организованном в г. Орлове в январе 1902 г. литературно-музыкально-вокальном вечере в числе публики присутствовали гласноподнадзорные

К. А. Попов, В. А. Кожевников, И. И. Рябков и А. Н. Мельницкий [12]. Однако, посещая подобные собрания и вечера, ссыльные также были ограничены ролью зрителя или слушателя. Местные полицейские внимательно следили за исполнением этого правила.

Примером того, почему административные власти препятствовали активному участию поднадзорных в общественных мероприятиях, служат события в г. Малмыже. 3 января 1905 г. по традиции был организован земский вечер, на котором жители города развлекали общество своим творчеством. Сосланные за совершение государственного преступления А. Н. Николаев и А. К. Сверчевский настойчиво упрашивали распорядителя вечера председателя городской управы Губина разрешить им прочесть свои произведения и спеть, в чем им было отказано. Возмущенные отказом поднадзорные выступили перед публикой с обвинениями в адрес Губина, что привело к волнению среди присутствующих врачей, учителей и служащих земства. Под впечатлением от инцидента земский фельдшер Захватов начал декламировать «Песнь о Соколе» М. Горького, одна из учительниц прочла стихотворение «Богатырь». Это вызвало одобрение и поддержку у публики [13]. Глава губернии серьезно относился к опасности распространения противоправительственных настроений среди вятского общества, поэтому возможность складывания ситуации, удобной для такого влияния, власти стремились пресечь заранее.

Еще одним излюбленным времяпрепровождением политических ссыльных было катание на коньках в зимнее время. По наблюдениям особых полицейских чинов, частыми участниками катаний на льду были поднадзорный А. Я. Никитин и ссыльный А. Ф. Спицын [14]. Общественные катки действовали практически в каждом уездном городе, но наибольшего размаха катания достигали в губернском центре. Так, 7 января 1896 г. в г. Вятке состоялось катание на коньках в саду промышленника Прозорова, сопровождавшееся музыкой, зажженными бенгальскими огнями и фейерверком [15]. В 1899 г. в Вятке был проведен первый чемпионат по конькобежному спорту на катке яхт-клуба, была наряжена елка, играл оркестр, и само катанье прошло очень оживленно и многолюдно [16].

Некоторые поднадзорные находили себе занятие в соответствии со своими увлечениями и хобби, сформировавшимися еще до высочайшего повеления о подчинении гласному надзору. Например, ссыльный мещанин Ф. Е. Афанасьев в месте водворения – г. Яранске – не прекратил ежедневные поездки на велосипеде, он продолжал играть на скрипке, благодаря чему был приглашен к сотрудничеству в любительском музыкальном оркестре [17].

Были случаи, когда гласноподнадзорные принимались за новое дело или ремесло, не ставя перед собой цель заработать деньги, а лишь пытаясь скрасить обыденность. В г. Нолинске трое государственных преступников: потомственный почетный гражданин А. И. Александров, дворянин В. В. Пазухин и ветеринарный врач В. Г. Сущинский – по инициативе последнего для поддержания здоровья с помощью физического труда занились слесарными работами в местной мастерской [18]. На подобное занятие политические ссыльные получили официальное разрешение, так как полицейскими было установлено, что они не пытались тем или иным образом использовать работу в мастерской для распространения антигосударственных идей.

Помимо чтения книг в публичных библиотеках, присутствия на театральных представлениях и музыкально-литературных вечерах, катания на льду к общественным увеселениям относилось также посещение клубов, трактиров для игры в карты или бильярд. Как правило, в подобных заведениях скрашивали свою жизнь те ссыльные, которые еще до ареста были любителями какой-либо азартной игры или просто поклонниками Бахуса. В частности, в г. Уржуме высланные за совершение государственного преступления бывший студент Е. В. Полянский и дворянин Л. В. Владек нередко заходили в местный клуб для игры в карты [19]. В свою очередь в г. Нолинске среди гласноподнадзорных сложилась компания, которая постоянно посещала трактирные заведения, «занималась там пьянством и игрой на бильярде» [20].

Для многих людей, оказавшихся под надзором, посещение различных питейных заведений являлось крайней мерой в борьбе с тоской и бездеятельностью. П. Н. Брюханов, вспоминая о периоде совместной ссылки в с. Кайгородское с А. И. Якшиным, указывал, что жизнь в этом отдаленном селе оказалась лишена сколько-нибудь значимых событий. Они имели возможность общаться только с крестьянами, но в разговорах с ними наталкивались на стену непонимания. «В такой атмосфере, – писал П. Н. Брюханов, – нас начинала грызть тоска. Тогда мы шли в кабак, выпивали по стаканчику» [21]. Некоторая доля поднадзорных, найдя утешение в вине, теряла интерес не только к революционной, но и к иным видам деятельности. Это не вызывало одобрения у государственной власти, пекущейся в том числе и о нравственном состоянии политических преступников как одного из необходимых условий возвращения человека в число благонадежных подданных.

Часть поднадзорных, находящихся в Вятской губернии в рассматриваемый период, активным общественным увеселениям предпочитала более

спокойные виды отдыха, в частности прогулки на природе. Данный способ времяпрепровождения был характерен для политических ссыльных со слабым здоровьем, подорванным тюремным заключением, либо гласноподнадзорных, не склонных к обширным общественным связям и контактам. Членам и прогулкам по городу большую часть своего времени отдавали ссыльные студенты Н. Ф. Пономарев и А. П. Сеславинский [22]. Некоторые поднадзорные предпочитали лесные прогулки и любование природой. Например, ссыльный крестьянин А. Я. Андреев, отличаясь болезненным состоянием организма, ежедневно совершал прогулки за пределы города, «пользуясь лесным воздухом» [23]. Высланный за совершение государственного преступления дворянин В. В. Воровский в своих воспоминаниях указывал, что весной он стремился выйти за пределы городской действительности и много времени проводил на берегу р. Вятки, «долго мог смотреть, как ледоход уносит всю грязь, накопившуюся за зиму...» [24].

Еще одним занятием, которым в условиях Вятской губернии буквально заражались политические ссыльные, была охота [25]. Охота была способом на время скрыться из-под надоевшего надзора со стороны полиции, выйти за пределы города и насладиться природой и одиночеством. В большинстве случаев охота приносила поднадзорным удовольствие от общения с природой и возможность отвлечься от сложных жизненных обстоятельств. Ф. Э. Дзержинский так вспоминал о своем увлечении: «Летом в Кайгородском я весь отдался охоте. С утра до поздней ночи то пешком, то на лодке я преследовал дичь. Никакие препятствия меня не останавливали. Лесная чаща калечила мое тело. Я часами сидел по пояс в болоте, выслеживая лебедя. Комары и мошки точно иголки кололи мне лицо и руки; ночью, когда я ночевал над рекой, дым разъедал мне глаза. Холод охватывал все тело, и зуб на зуб не попадал, когда вечерами, по грудь в воде, мы ловили сетью рыбу или когда под осень я выслеживал в лесу медведя» [26].

Кроме удовольствия охота доставляла ссыльным некоторый заработка, что было совсем не лишним в условиях определенных материальных трудностей. Например, поднадзорный мещанин А. И. Якшин являлся большим знатоком в вопросах рыбной ловли, «он плавал по Каме и высматривал места, где, по его мнению, должна идти стерлядь» [27]. Свой улов А. И. Якшин и Ф. Э. Дзержинский продавали местным торговцам и тем самым получали неплохой доход.

В целом гласноподнадзорные в рамках Вятской губернии имели возможность разнообразить свою повседневную жизнь участием в общественных мероприятиях, проводимых в городах, опре-

деленных как место водворения, посещением публичных заведений и просто общением с местными жителями, которое допускалось полицейскими, если ссыльные не предпринимали попытки оказывать антиправительственное влияние на благонадежное население.

Помимо участия в общественной жизни Вятской губернии политические ссыльные имели множество занятий, не связанных с местным благонадежным обществом. В число данных дел входило чтение книг из личных собраний ссыльных, переписка, литературный труд, занятия науками и т. д.

Одним из наиболее распространенных способов использования свободного времени среди высланных государственных преступников было чтение. В распоряжении поднадзорных находились публичные библиотеки, однако представленные в них книжные фонды зачастую не могли удовлетворить потребности в информации определенного рода. Ссыльные в основной массе являлись активными политическими деятелями, не пропускающими по возможности ни одной новой работы, поднимающей злободневные проблемы российской действительности и предлагающей те или иные пути решения. Круг чтения политический ссыльных был довольно широк, и особо ценные были книги без цензурных отмечек. Например, при обыске в квартире поднадзорного П. Н. Брюханова были найдены книги: «Психические факторы цивилизации», «Обоснование народничества», «Начало политической экономии», «Общественный строй Франции», «Происхождение современной демократии», «Экономическое положение русской деревни» [28] и т. д.

Возможность ознакомиться с содержанием трудов теоретиков марксизма либо иных оппозиционных правительству деятелей реализовывалась поднадзорными только благодаря частным книжным собраниям. Внутри колонии ссыльных, которая, как правило, образовывалась в рамках уездного города, определенного губернатором как место водворения государственных преступников, шел активный обмен литературными новинками. Сосланный под гласный надзор полиции мещанин А. И. Якшин, по донесению полицейских, время проводил в праздности, «отдаваясь чтению книг и газет, получаемых им из г. Слободского от ссыльного Мельницкого» [29].

Наиболее активные в политическом плане поднадзорные использовали обширную переписку как способ общения: обмен мнениями по интересующим вопросам, обсуждения философских и научных трудов, обмен впечатлениями о повседневной жизни в условиях ссылки. Так, обширность переписки поднадзорного В. В. Воровского даже вызвала некоторые подозрения у местной администрации, и с разрешения мини-

стра внутренних дел все его письма подвергались перлюстрации.

К числу адресатов политических ссыльных относились не только друзья, единомышленники и родственники, находящиеся на свободе, но и лица, находящиеся в аналогичных условиях государственного ограничения свободы. Переписка между гласнopalадзорными не была запрещена законом и не подвергалась обязательной проверке со стороны полиции. Ссыльные обменивались новостями, информацией об условиях жизни в различных городах, отношениях с администрацией. В частности, высланный под надзор в г. Нолинск мещанин В. А. Кудрявцев помимо переписки со знакомыми, проживающими в Санкт-Петербурге и Москве, обменивался посланиями с некоторыми поднадзорными, проживающими в гг. Вятке, Малмыже, Слободском, Уржуме [30]. Благодаря этому В. А. Кудрявцев был в курсе всех новостей, в особенности из быта политических ссыльных Вятской губернии.

Поднадзорные, которые в условиях ссылки и государственного порицания не отказались от своих политических идей и устремлений, пытались эффективно использовать время вынужденного бездействия, пополняя недостающие знания и занимаясь литературным творчеством.

Желание заниматься науками у части политических ссыльных было связано с тем, что многие из них до ареста и высочайшего повеления о подчинении гласному надзору являлись учащимися высших и средних учебных заведений. Все студенты, уличенные в совершении государственного преступления, вместе с арестом автоматически отчислялись из университетов и институтов. В результате время бездеятельности в условиях ссылки многие использовали для изучения университетского курса с целью получения высшего или среднего образования. Например, бывший студент Санкт-Петербургского университета А. М. Прокофьев в месте своего водворения жизнь вел замкнутую и степенную, посвятив основную часть свободного времени занятиям, «чтобы не отстать от университетского курса» [31].

Помимо студентов интерес к научным знаниям выражали и другие ссыльные, которые ставили задачу пополнить или расширить имеющиеся у них знания, изучить нечто новое, в том числе и политического направления. Поднадзорный В. В. Воровский вспоминал: «В общем я не могу вспоминать ссылку лихом. Я имел возможность сосредоточиться, углубиться в науки, прочел очень многое с большой пользой для себя. Смею думать, что вполне овладел марксистским методом мышления и исследования вопросов... отдал дань изучению экономических вопросов, изучил Маркса, познакомился с философией, одолел даже Канта...» [32].

Политические ссыльные, обладающие теми или иными знаниями, умениями, обучали своих товарищей, дабы занять себя и помочь другим поднадзорным. В г. Нолинске таким человеком была народная учительница В. К. Лукьянчикова, высланная за совершенное противогосударственное деяние. Хорошо владея иностранными языками, она помогала ссыльным изучать английский, французский и немецкий языки [33].

Многие ссыльные одновременно с расширением своих познаний начинали заниматься литературным трудом, который давал неплохой заработок. Всего за период с 1897 по 1905 г. литературным трудом занималось восемь поднадзорных из различных уездов [34]. Но зачастую подобное творчество ограничивалось сотрудничеством политических ссыльных с провинциальными газетами. Так, из высланных в г. Нолинск горный инженер А. Н. Рябинин писал корреспонденции в редакцию газеты «Пермский край» [35], бывший студент Московского университета С. И. Корнилов сотрудничал с екатеринбургскими газетами «Рудокоп», «Урал», «Уральская жизнь». Как правило, подобные газетные материалы описывали общественные мероприятия, публичные увеселения и другие яркие моменты жизни уездного города и не ставили какой-либо важной общественно-политической проблемы.

Литературным трудом на довольно высоком профессиональном уровне занимались в период нахождения под гласным надзором полиции в Вятской губернии ссыльные В. В. Воровский и А. Н. Потресов. У высланного в г. Орлов В. В. Воровского писательский талант проявился именно в ссылке. Первые его работы посвящены литературной критике. В статье «Письмо в редакцию», опубликованной в 1901 г. в Женеве, В. В. Воровский дает критику одной из работ П. Б. Струве, который был сторонником «легального марксизма». Кроме того, в годы нахождения под надзором полиции В. В. Воровский обращается к творчеству А. М. Горького и А. П. Чехова. В 1899 г. он пишет первую статью, затрагивая тему «сильных личностей» в произведениях А. М. Горького.

А. Н. Потресов был водворен в Вятскую губернию уже довольно известным писателем и общественно-политическим деятелем, в ссылке он продолжает заниматься литературным трудом. В 1899 г. Потресов под псевдонимом А. Красенский пишет статью «О наследстве и наследниках», где он проводит мысль о непосредственной идеиной преемственности между марксизмом и революционным народничеством 1870-х гг., однако она была вырезана цензурой. Вторая статья «Не в очередь» также не дошла до читателей, так как развивала те же политические идеи, что и в первой работе. В другом марксистском журнале,

«Новое слово», Потресов помещает статью «Артельная эпопея», в которой он подводит итог народническим попыткам поддержать кустарную промышленность.

В целом литературное творчество позволяло участвовать в политической борьбе с официальным правительством посредством критических и полемических статей. Активная умственная работа препятствовала развитию скучки и упаднических настроений, выражавшихся в апатии и бездейственности. В большинстве случаев местная администрация не была в курсе тех острых проблем, которые поднимали ссыльные авторы, и не реагировала на литературное творчество поднадзорных, так как статьи публиковались под псевдонимами.

Наиболее распространенным способом борьбы со скучкой и обыденностью провинциальной жизни, усугубленной постоянным контролем со стороны полиции, признавалось общение. Административные власти губернии весьма подозрительно и с явным неодобрением относились к установлению дружеских контактов и постоянным беседам на различные темы между поднадзорными и добропорядочными подданными. Причина подобного отношения крылась в опасениях распространения революционных идей и оказания антигосударственного влияния ссыльными на местное население. Такие контакты строго контролировались, перед особыми полицейскими чинами ставилась задача выяснения степени благонадежности вопросов, обсуждаемых среди гласноподнадзорных и вятских жителей.

Знакомства высланных политических преступников и местного населения носили ограниченный характер, который был вызван осторожным отношением вятского общества к лицам, открыто выступившим против официальной политики государства. Например, один из уездных исправников в донесении губернатору об осуществлении регулярного контроля над политическими ссыльными заметил, что «жители г. Слободского за исключением незначительного числа легко-мысленных личностей... относятся вообще к поднадзорным недоверчиво и нимало не симпатизируют им» [36]. Однако подобные контакты имели место быть [37].

Свободный обмен мнениями был возможен только внутри круга политических ссыльных. Общение между поднадзорными являлось основным способом скрасить однообразие жизни в ссылке. Высокую интенсивность встреч и собраний политических ссыльных отмечали все полицейские. Уездный исправник г. Нолинска в донесении вятскому губернатору отмечал, что «развлечением у поднадзорных служит постоянное пребывание друг у друга. Сходясь вместе больше у семей Порецкого, Никитина, Корнилова, Кудрявцева, время они проводят в чтении и пении» [38].

Во всех уездных городах формировались колонии ссыльных, которые даже селиться старались поближе друг к другу. Поднадзорные устраивали встречи, чтения, совместные пения и празднования. Внутри круга политических преступников обсуждались литературные новинки, новые или уже утвердившиеся политические теории и течения. В сферу интересов ссыльных входили и такие обыденные вопросы, как стоимость и качество квартир, поиски работы, отношение полиции к поднадзорным, контакты с местным населением и т. д. Пение, особенно под аккомпанемент какого-либо музыкального инструмента, также составляло немаловажный элемент регулярных встреч политических ссыльных для проведения досуга. Так, гласноподнадзорные г. Нолинска часто собирались в квартире высланной за политическое преступление дочери чиновника Е. А. Дьяконовой, которая имела собственный рояль и хорошо играла на нем [39].

Масса свободного времени, которым располагали политические ссыльные, зачастую использовалась для активного участия в культурной жизни, что не выходило за рамки Положения о полицейском надзоре, а отсутствие злоупотреблений властью со стороны полиции не приводило к усилению антагонистического отношения к правительству.

Лица, совершившие то или иное противогосударственное деяние и ставшие элементом системы административной политической ссылки, поселялись на временное жительство в отдаленные от столиц губернии, где они проживали вместе с местным населением, отличаясь от них лишь рядом ограничений в свободе. Первоначально отношение жителей Вятской губернии к ссыльным колебалось от осторожного и недоверчивого к относительно негативному по причине того, что провинциальные подданные империи традиционно придерживались более консервативных взглядов на политику государственной власти. Для коренного населения российских губерний совершение государственного преступления являлось тягчайшим из возможного спектра проступков, в гласноподнадзорных видели угрозу для основ России. Однако под влиянием регулярных контактов с политическими ссыльными, которые, занимаясь обычными делами и решая повседневные вопросы, схожие с проблемами местного населения, никак не проявляли своих преступных наклонностей и ничем не угрожали вятскому обществу, мнение жителей губернии постепенно меняется.

В конце XIX в. политические преступники воспринимались местными жителями как неотъемлемая часть общества, которая к тому же в большинстве случаев обладала прекрасным образованием, живым умом и могла составить приятную

компанию при личной беседе, в публичном месте или на торжественном вечере. Поднадзорных, обладающих специфическими умениями и знаниями, редко встречающимися в провинции, встречали приветливо, понимая, как много полезного такой человек может сделать для региона. Даные связи и контакты, возникающие между лицами, совершившими противогосударственное действие, и законопослушными подданными, вызывали недовольство у правительства и местной администрации, которые небезосновательно опасались распространения оппозиционных идей вглубь России. Следовательно, регулярное общение политических ссыльных с местным населением постепенно вносило новое в образ государственного преступника, который из человека, предавшего традиционные основы государства, трансформировался в сторонника альтернативного пути дальнейшего развития российского общества.

Примечания

1. Бонч-Бруевич В. Женевские воспоминания // Октябрь. 1928. № 11. С. 163.
2. Письмо А. Н. Потресова П. Б. Струве от 27 июня 1898 г. // Вестник Московского университета. 1994. Сер. 8. № 4. С. 51.
3. Письмо Ф. Э. Дзержинского А. Э. Булгак от 8 марта 1900 г. // Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 18.
4. Письмо А. Н. Потресова П. Б. Струве от 27 июня 1898 г. // Вестник Московского университета. 1994. Сер. 8. № 4. С. 51.
5. Письмо Ф. Э. Дзержинского А. Э. Булгак от 7 сентября 1898 г. // Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 9–10.
6. Брюханов Н. П. Воспоминания о ссылке в Вятской губернии. 1897–1900 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55). С. 127–128.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 3.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 180об–181.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 173об–174, 179об–181, 185об–186, 187об–188; Оп. 161. Д. 186. Л. 7об–8; Оп. 162. Д. 94. Л. 20об–21.
10. Там же. Л. 180об–181.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 177. Л. 31–32, 34–35, 43–44.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 163. Д. 62. Л. 1.
13. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 119. Л. 129–130.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 170об–171; Оп. 161. Д. 186. Л. 180об–19.
15. Вятский край. 1896. № 4. С. 2.
16. Там же. 1899. № 10. С. 4.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94. Л. 96об.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 148об, 150об, 152.
19. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71. Л. 85об–86; Оп. 160. Д. 199. Л. 91об–92.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 152; Оп. 161. Д. 186. Л. 78об–79.
21. Брюханов Н. П. Указ. соч. С. 127–128.
22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71. Л. 17об–18; Оп. 161. Д. 90. Л. 25об–26.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 152.

24. Матюшина О. Встречи // Звезда. 1966. № 11. С. 119.
25. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 150об; Оп. 161. Д. 186. Л. 12об–14, 18об–19; Оп. 162. Д. 94. Л. 7об–8.
26. Письмо Ф. Э. Дзержинского А. Э. Булгак от 8 марта 1900 г. // Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 18.
27. Брюханов Н. П. Указ. соч. С. 118.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 314. Л. 17–17об.
29. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90. Л. 42об–43.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 3об–4.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71. Л. 9об–10.
32. Бонч-Бруевич В. Указ. соч. С. 163–164.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 5об–6.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71, 285; Оп. 160. Д. 199, 382; Оп. 161. Д. 90, 186; Оп. 162. Д. 94, 170; Оп. 163. Д. 83, 201; Оп. 164. Д. 113, 250; Оп. 165. Д. 197; Оп. 166. Д. 192.
35. ГАКО. Ф. 582. Оп. 163. Д. 83. Л. 115об.
36. ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94. Л. 112об–113.
37. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71. Л. 85об–86.
38. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 148об.
39. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 8об–9.

УДК 311.313

М. В. Буторин

РОЛЬ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ И ПЕЧАТИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАЗРЕШЕНИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ в XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается роль архангельских губернских «Ведомостей» и печатных изданий Архангельского губернского статистического комитета дореволюционного периода в разрешении транспортных проблем в условиях северного края, что было в интересах не только Архангельской, но и расположенных по соседству Вятской и Вологодской губерний.

The article covers the role of Arkhangelsk “Vedomosti” and publications of the Arkhangelsk Statistical Committee in solving transport problems of the North of Russia in the pre-revolution period. This was a matter of concern of not only Arkhangelsk but also the neighboring provinces of Vologda and Vyatka.

Ключевые слова: реформа, губернские «Ведомости», статистический комитет, печатные издания, провинция, экономическая выгода, железнодорожная и речная магистраль, морской порт.

Keywords: reform, provincial “Vedomosti”, statistical committee, publications, province, economic benefits, the main line, sea port.

Основы управления обширной территорией Российской империи, заложенные еще Петром I, а затем и Екатериной II, были реализованы только в девятнадцатом веке. Административная реформа, начатая Александром I и положившая переход к отраслевой системе управления страной,

потребовала установления более тесных связей между центральными и местными органами власти. В провинции она находит свое практическое воплощение только в тридцатые годы девятнадцатого столетия. Именно в это время учреждаются два органа, которые должны сыграть решающую роль в реализации административной реформы в провинции. Это были губернские статистические комитеты и газеты губернские «Ведомости». На них, являвшихся органами губернского правления, возлагались важные задачи. Статистические комитеты, собирая сведения о народонаселении, его занятости, развитии промышленности, сельского хозяйства, образовании, здравоохранении, перечень которых впоследствии значительно увеличился, были обязаны представлять их в Санкт-Петербург. В свою очередь «Ведомости», созданные как официальные печатные издания, должны были доводить до учреждений и населения постановления и решения Правительствующего сената, местных органов государственной власти.

Нужно отметить, что почти повсеместное и одновременное создание статистических комитетов в 1835 г., а губернских «Ведомостей» в 1838 г. в определенной мере было оправданно. Эти два органа были созданы, прежде всего, для того, чтобы таким образом способствовать налаживанию управляемостью страной, ее обширными территориями. Однако поспешность, не готовность на местах взять на себя груз свалившейся ответственности в первое время сказалась на результатах их деятельности. А. И. Герцен, сосланный в Вятку и непосредственно прикоснувшийся к статистическим делам (был назначен делопроизводителем), писал: «Министерство внутренних дел было в припадке статистики. Оно велело завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд ли возможно было использовать где-нибудь в Бельгии или в Швейцарии. На комитет и на собирание сведений денег не назначалось ни копейки; все это следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию, и приводить в порядок в губернской канцелярии. Канцелярия, заваленная делами, земская полиция, ненавидящая все мирные и теоретические занятия, смотрели на статистический комитет, как на ненужную роскошь, как на министерскую шалость» [1].

Становление провинциальных статистических комитетов и губернских «Ведомостей» проходило по-разному. Их активность в немалой степени зависела от заинтересованности самих губернаторов, а также от того круга лиц, который формировался вокруг органов статистики и печати. По-настоящему развернуться им мешало то, что они были связаны многочисленными министерскими программами и инструкциями, отступить от которых в своей деятельности было нельзя.

Положение меняется в шестидесятые годы девятнадцатого столетия. Царское правительство понимало, что задуманные ей реформы не реализовать, если не предоставить дополнительные права губернским органам государственной власти. Широкие полномочия получили статистические комитеты. В соответствии с новым Положением, Высочайше утвержденным 26 декабря 1860 г., они рассматривались уже не только как центры административной статистики. Они имели возможность проводить исследовательские работы, заменив, таким образом, в какой-то степени отсутствующие на периферии научные центры. На них возлагались информационные и издательские функции. Были расширены возможности официальной провинциальной печати. Увеличивается их объем и периодичность выхода – с одного до двух раз в неделю. Расширяется неофициальная часть «Ведомостей», что позволяло больше внимания уделять повседневной жизни российской глубинки. Поднимаемые в публикациях вопросы, авторами которых нередко были сами статистики, чаще всего уже касались перспективы развития северного края, расширения экономических и транспортных связей.

Анализ публикуемых материалов, напечатанных в газете «Архангельские губернские ведомости», в Памятных и Справочных книжках, издаваемых регулярно Архангельским губернским статистическим комитетом, его отчетах, показывает, что эти вопросы нередко имели обоюдный интерес – Архангельской губернии и расположенных по соседству с ней Вятской и Вологодской губерний. Архангельская губерния, занимая весь север Европейской части Российской империи, имея выход к морю, была оторвана от остальной части страны. Ограниченные возможности в транспортном отношении испытывали Вятская и Вологодская губернии.

Нужно отметить, что единственной магистралью, которая связывала три эти провинции, была река Северная Двина. Через Архангельский морской порт осуществлялась торговля со многими европейскими странами. В развитии экономических связей была заинтересована каждая сторона. Вятская и Вологодская губернии видели экономическую выгоду в том, что получали возможность реализации излишков продукции, и прежде всего, сельскохозяйственной, Архангельская губерния – загружала порт. Последняя была заинтересована еще в социальном плане. Дело в том, что неблагоприятные климатические условия, в которых находилась Архангельская губерния, не позволяли в полном объеме обеспечивать себя хлебом. Собранного урожая с трудом хватало на полгода. Поэтому развитие транспортных путей способствовало бы решению еще одной задачи.

Большую заинтересованность к назревшим к тому времени вопросам проявил архангельский губернатор С. П. Гагарин. Заступив на должность в 1866 г., он за короткий период изучил положение дел в северном крае, вник во многие проблемы, существовавшие в то время, предложил столичным чиновникам пути их решения. Сергей Павлович был одним из первых губернаторов, который развитие экономики на Европейском Севере связывал, прежде всего, с решением транспортных вопросов, заглядывая, таким образом, на многие годы вперед. Им было внесено два проекта, реализация которых способствовала бы сближению между собой северных губерний. Одно предложение касалось строительства канала (впоследствии, в тридцатые годы двадцатого столетия, он получит название Беломорско-Балтийского, как стройка ГУлага), который соединил бы Белое море с Онежским озером и таким образом разрешил бы многие проблемы жителей Кемского уезда, в то время входящего в состав Архангельской губернии. Другое предложение было связано с устройством Вятско-Двинской железной дороги. Проложенная между двумя городами – Вяткой и Орловым, – она выходила бы к реке Северная Двина, по которой с открытием навигации грузы направлялись бы прямо в Архангельск.

Предварительно этот вопрос по предложению председателя Вятской управы М. М. Синцова был обсужден губернским земским собранием, которое к предложению, как отмечалось в отчете Архангельского губернского статистического комитета, отнеслось с большим сочувствием. Во время навигации 1867 г. С. П. Гагарин собрал торгующих при Архангельском порте купцов, объяснив необходимость в строительстве Вятско-Двинской железной дороги, предложил им сделать пожертвования на проведение подготовительных работ. Удалось собрать около трех тысяч рублей, которые пошли на оплату труда приглашенного специалиста. Он провел изыскания от города Орлова Вятской губернии до Котласа и составил техническую смету. То, что инициатива исходила именно от С. П. Гагарина, подтвердило письмо купца Александра Кузнецова из Вятской губернии, которое опубликовали «Архангельские губернские ведомости»: «Начальник архангельской губернии был первый, отмечает он, кто высказал мысль об устройстве рельсового пути» [2]. Было подсчитано, что сооружение железной дороги, протяженность которой составит 325 верст, не превысит пяти миллионов рублей. Это обещало быструю окупаемость. Однако денег в казне на тот момент не нашлось.

Печатные издания, выходящие в Архангельской губернии, считая эту тему наиболее актуальной, не раз возвращаясь к ней, пока вопрос не был

решен окончательно. Привлекая к ней внимание, они однажды отмечали: «Этот вопрос оказался настолько важным, что к его обсуждению подключились администрации, управы и городские думы северо-восточных губерний, столичные газеты» [3]. В частности, Санкт-Петербургские «Биржевые ведомости», поддерживая местную инициативу, писали, придавая важность будущей стройке: «Вопрос о строительстве железной дороги к Белому морю является одним из важных в железнодорожном строительстве» [4].

«Архангельские губернские ведомости», подчеркивая заинтересованность в скорейшем открытии железнодорожного сообщения, которое могло связать Беломорье с остальной частью страны, не скрывали и другие, появившиеся к тому времени варианты. Они сообщали: «Одновременно протаскивается проект железной дороги от Вытегры до Онеги. Но поскольку его поддерживают немногие, то появился еще один проект – строительство железной дороги от Вологды до Мезени» [5]. Но позиция архангельской газеты оставалась неизменной, она защищала важность первоначального проекта, внесенного в свое время губернатором С. П. Гагариным, поддержанного государственными и земскими органами Вятской губернии.

Доказывая его преимущества, один из активнейших действительных членов губернского статистического комитета, исполняющий обязанности его секретаря Я. Лудмер приводил такие факты: «В числе главнейших задач Вятско-Двинской железной дороги – обеспечение Севера хлебом и продовольствием. Для обеспечения населения хлебом необходимо в год пять миллионов пудов. В условиях губернии собирается не более полутора миллиона пудов пшеницы и ржи. Все остальное приходится завозить и таким образом за каждый пуд переплачивать десять копеек. В год эта сумма составляет 340 тысяч рублей. За двадцать лет, с тех пор как возникла идея с железной дорогой и она была бы реализована, удалось бы сбечь около семи миллионов рублей» [6]. К названным фактам автор приводил и другие, свидетельствующие об общей с соседями заинтересованности в строительстве железной дороги. Он писал: «Для хлебных избыток Вятской и Вологодской губерний, Архангельск должен служить пропускным портом за границу. К тому же купцы рисковать не хотят, они не испытывают особого желания отправлять свой хлеб через Петербург» [7].

Обеспокоенность с затянувшимся строительством, которое выражали статистики, можно было понять: «За двадцать минувших лет в Российской империи построено более тысячи верст железных дорог, а в Архангельской губернии ни одной» [8]. Через год газета сообщила о том, что, наконец-то, состоялось заседание комиссии при Министерстве

финансов, на котором решался вопрос об обустройстве Вятско-Двинской железной дороги. «В связи с этим, напомнила газета, теперь перед нами встает не менее важная проблема по расчистке реки Северная Двина» [9].

Этот вопрос, нужно отметить, «Ведомости» поднимали не раз. Дело в том, что главная водная магистраль северного края не очищалась в течение двадцати лет, что в итоге затрудняло по ней речное судоходство в самый разгар навигации. В конечном счете это сказывалось на Архангельском морском порте, значение которого в общем объеме российских перевозок падало, и уже вызывало обеспокоенность среди не только предпринимательских кругов, но и в структурах государственной власти.

В итоге предпринятых общих усилий 16 февраля 1887 г. было создано управление по улучшению Архангельского порта. На эти цели Правительство Российской империи выделило огромные деньги, которые пошли на приобретение земснарядов и другой необходимой техники. С этого времени землечерпательные работы стали проводиться в течение всей навигации, что позволило довести состояние судоходных каналов реки Северная Двина до проектной глубины, давая свободно проходить судам с осадкой 22 фута.

По мере того как возрастили объемы грузоперевозок через Архангельский морской порт, увеличивались объемы дноуглубительных работ. Так, в 1913 г. «всеми земснарядами было поднято со дна реки Северная Двина 118 346 кубических метров сажень грунта, из которых 9658 кубометров было использовано для укрепления стенок пристаней и других целей. Стоимость одной кубической сажени вынутого грунта обошлась казне около 3 рублей» [10]. Это, в свою очередь, способствовало увеличению грузопотока, в конечном счете, оживлению северного края: «В Архангельск пришло 2481 судно, было сплавлено 4265 плотов древесины. Одновременно было отправлено из губернского центра вверх по реке 1286 судов» [11]. Железная дорога, соединяющая Пермь, Вятку с Северной Двиной, была пущена в эксплуатацию в 1899 г., а двумя годами раньше Архангельск был соединен железной дорогой с Вологдой.

Одновременно с появлением транспортных магистралей и увеличением потока грузов через Беломорские порты на очередь выдвинулся вопрос об удлинении периода морской навигации. Начавший выходить в 1909 г. журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», который унаследовал лучшие традиции ранее издававшихся печатных изданий, уже в своем первом номере посвящает этому вопросу большой материал, написанный на основе проведенных многолетних исследований. Его автор

И. Ануфриев, доказывая необходимость увеличения периода морской навигации, приходит к выводу, что «плавание по Белому морю может продолжаться не четыре-пять, как поставлено оно сейчас, а восемь-девять месяцев в году. Оно отличается от других внутренних морей тем, что быстрому замерзанию льдов препятствуют:

1. Высокая температура воды.
2. Большая ее засоленность.
3. Быстрые приливные и отливные течения.
4. Влияние господствующих ветров.

Поэтому Белое море вполне может быть доступно для мореплавания до января для судов парового флота. Поскольку весенние льды бывают гораздо крепче зимних, и пробиться через них бывает непросто, но и здесь есть выход из положения: для прохода судов можно использовать водные пространства, при одном условии – знании приливных и отливных течений» [12]. Это предложенное найдет свое воплощение в дальнейшем. А спустя шесть десятилетий, с начала семидесятых годов двадцатого столетия, навигация в Архангельском порту станет круглогодичной.

Исходя из приведенных фактов, можно сделать вывод, что развитие и дальнейшее совершенствование транспортных путей, стало возможно в результате того, что власти Архангельской губернии в своей повседневной деятельности опирались на губернский статистический комитет и губернские «Ведомости». Подчиняясь Министерству внутренних дел и одновременно входя в состав губернской администрации, они со второй половины девятнадцатого века становятся теми учреждениями, с деятельностью которых соприкасаются многие явления, происходящие в жизни Европейского Севера Российской империи.

Выполняя свое предназначение как органы официальной власти, Архангельский губернский статистический комитет и газета «Архангельские губернские Ведомости» не только продолжали отображать происходящие события, но и с началом реформ становятся сосредоточием сил, с помощью которых оказывали посильное, а иногда и решающее влияние на реализацию стоящих перед Европейским Севером России задач. Они касались не только транспортных, но и многих других таких же важных вопросов, например, заготовки древесины, ее переработки, освоения новых территорий, охвата населения образованием и здравоохранением, различных сторон жизни Архангельской, Вятской и Вологодской губерний. В этом состояла заслуга печатных изданий Архангельского губернского комитета и газеты «Архангельские губернские «Ведомости», которую они внесли в реализацию планов, заложенных еще в самом начале административной реформы и продолженных во второй половине девятнадцатого – начале двадцатого столетия.

Примечания

1. Герцен А. И. Былое и думы. М., 1982. Т. 1. С. 222.
2. Архангельские губернские ведомости. 1867. № 78.
3. Архангельские губернские ведомости. 1872. № 51.
4. Биржевые ведомости. 1872. № 169.
5. Архангельские губернские ведомости. 1872. № 51.
6. Архангельские губернские ведомости. 1884. № 22.
7. Архангельские губернские ведомости. 1884. № 88.
8. Там же.
9. Архангельские губернские ведомости. 1885. № 62.
10. Обзор Архангельской губернии за 1913 год. Архангельск, 1914. С. 44.
11. Обзор Архангельской губернии за 1913 год. Архангельск, 1914. С. 44.
12. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 1. С. 6–26.

УДК 39

Н. Г. Гагиева

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОД ИЗГОТОВЛЕНИЯ ШЕРСТЯНОЙ НИТИ И ВЯЗАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КОМИ (ЗЫРЯН) КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье автор показывает технологический процесс изготовления нити и вязания у коми (зырян) в контексте традиционной культуры.

The author characterizes technological process of thread manufacturing and knitting in the context of Komi (Zyryan) people's traditional culture.

Ключевые слова: коми (зыряне), этнография, традиционная культура, мифологическое сознание, технологические операции, обряды, узорное вязание.

Keywords: Komi (Zyryan), ethnography, traditional culture, mythological consciousness, technological operations, ceremonies, pattern knitting.

Технология изготовления относится учеными [1] к области сакральных знаний. По их представлению, непосредственно сами процессы прядения нити, ткачества и вязания ассоциировались у древних народов с актом творения Вселенной, в котором мир был свит, скручен подобно нити. Правила, по которым создан мир природы, были использованы человеком в основе древних технологий. В процессе изготовления пряжи технология обеспечивала качество выполненной пряжи; а ритуалы, сопровождающие процесс изготовления, органично вписывали их в пространственную среду культуры, что обеспечивало гармонию во взаимодействии культуры и природы.

Все трудовые технологические операции коми (зырян), связанные с изготовлением шерстяной нити конца XIX – начала XX столетия, принад-

лежали к архетипическим образам, маркировались определенными обрядами. Первый этап технологического цикла – **содержание и разведение овец** – включался в систему ритуалов животноводческого цикла. Обряды, связанные с началом первого выгона скота (Егорьев день: 6 мая н. с. – 23 апреля ст. ст. или Николин день: 22 мая н. ст. – 9 мая ст. ст.), проходили торжественно: повсеместно служили молебен, скот сгоняли в летние загоны и кропили святой водой [2]. На реке Вычегде, в селе Гам, овцам перед выгоном в качестве оберега сыпали на лоб четверговую соль [3], рисовали смоляные кресты. Этой же цели служил следующий ритуал, проводимый на реке Вымь, в городе Усть-Вымь: домашний скот приводили к церкви, около которой зажигали два параллельных ряда костров; затем через коридор между кострами прогоняли скот. Оставшиеся от костра ветки можжевельника или березы разносили по домам, где их хранили под дверями хлева [4].

Два последующих этапа технологического цикла: **стрижка овец** (Воздвижение: 27 сентября н. ст – 14 сентября ст. ст. по Покров: 3 октября н. с. – 20 сентября ст. ст.), подготовка шерсти к прядению обеспечивали переход ее от одной стадии к качественно новой. Подготовка шерсти к прядению заключалась в очищении ее от грязи, цепаний. Полученное в результате обработанное волокно (*кудель*) приобретало свойство амбивалентности, которое на этой стадии составляло основу его характеристики в качестве ритуального символа обрядов переходного характера. Так, клок шерсти клали в угол нового дома – для того чтобы обеспечить связь с предками и приобрести, вследствие такого почитания, благополучие рода, живущего в доме. Волокно применяли в погребальных обрядах: повсеместно на реке Усть-Вымь, провожая человека в последний путь, клали ему под голову льняную кудель или вязаные шерстяные чулки. На реке Удоре, в ходе похорон, родственники умершего передавали гробовщику, лицу, наделяемому символикой представителей нижнего мира, *сунис пасму* – связанные вместе поясок-подвязку красного цвета и пучок льняного волокна, которые ритуально усиливали знаковый статус волокна как пути в иной мир. В медицинской практике коми (зырян) широко использовали шерстяное волокно для снятия сглаза и передачи болезни от человека к животным.

За следующий этап технологического цикла – **прядение ниток** – брались после окончания основных сельскохозяйственных работ (главные вехи: Покров – Рождество – Святки); заканчивали перед весенними посевными работами. На Покров Богородицы, когда большинство мужчин были на охотничье промысле, зырянки приступали к обработке льна, конопли, шерсти, а также прядению пряжи. Праздник считался женс-

ким, сопровождался коллективными посиделками и торжественными ритуалами: например, в деревнях Палевицы (река Вычегда), Часово (река Сысола) приносили в жертву скот, который съедался во время общей коллективной трапезы [5].

Процесс прядения был одним из важнейших во многих мировых культурах и рассматривался как божественное ремесло, «как дальнейшее развитие основных действий при символическом создании или воссоздании вселенной...», как действие растяжения, распространения и заполнения пространства...» [6]. В. А. Семенов, исследователь обрядов и ритуалов коми (зырян), также выдвигал предположения, что в конце XIX – начале XX столетий технологический процесс прядения нити мог ассоциироваться с дублированием воссоздания мира: на это указывал запрет зырянкам на прядение и ткачество на Параскеву Пятницу, «...иначе посылавшую смерть» [7].

Атрибутивные компоненты прядения – прядка и веретено – выполняли особые сакральные функции, при этом главной была функция веретена. Сакральное значение придавалось его свойству вращения вокруг своей оси, благодаря которому из неоформленной, хаотической массы посредством закручивания его элементов создавалось упорядоченное, организованное начало [8]. При этом технология прядения рассматривалась как форма ритуального описания рождения космоса, который был также «закручен, заверчен» [9]. Движение по солнцу традиционно принадлежало миру культуры, человеку, а движение против солнца – сфере иного мира. У коми (зырян) в конце XIX – начале XX столетия прядение в основном происходило по часовой стрелке несколькими способами, с помощью веретена и прядки. Лишь в некоторых районах сучили нить правой ладонью на бедре, движением руки вперед, вправо от себя; иногда сечение производилось на щеке [10]. В особых обрядовых случаях – обряжении покойника на реках Сысоле и Мезени – нитка «вилась на колене в противоположную сторону, влево» [11].

Известны особые представления зырян о веретене, которое имело негативную репутацию даже в обыденных ситуациях; сама женщина в момент прядения также рассматривалась как нечистое существо [12]. Семиотический статус веретена выражался в стойком поверье, что посредством веретена возможна передача и потеря статусных качеств мужчины. Мужчине нельзя было передавать из рук в руки женщине веретено, его можно было лишь положить рядом, иначе мужчина мог потерять наиболее высокий для зырянина статус – статус удачливого охотника [13].

Семиотический статус прядки хорошо прослеживается в коми преданиях. Особое значение придавали самому первому этапу изготовления прядки – заготовке дерева. Зыряне считали, что

далеко не всякая древесина годилась в дело; неправильно выбранное дерево могло принести несчастье его владелице. Дерево должно быть обязательно «живым, с душой» (*лёвъя ну*); заготовку для прядки делали зимой, в морозный день, чтобы не навредить «душе». Затем приступали к изготовлению и украшению прядки.

Сам образ прядущей девушки, прядение связывалось во многих мировых культурах с более масштабными процессами: прядением нити Жизни, своей Судьбы. Традиционно прядение ниток зырянки выполняли коллективно (*фыт пукалём*). По предположению В. А. Семенова, прядение могло выступать «символичной формой организации девушек одного брачного возраста, которые “связывались одной нитью”, ведущей или выводящей из иного мира» [14].

Готовая, скрученная нить приобретала дискретные параметры: используясь для шивания, соединяла части в целое; опоясывая различные предметы, символизировала замкнутое, устойчивое пространство; включаясь в структуру других объектов, превращалась в часть целого, растворяясь в пространстве нового объекта [15]. В поверьях коми (зырян) скрученные нити практиковались широко: шнурок от креста, нательный пояс, веревка, которой связывали ноги покойнику, маркировали три сакральные зоны в антропоморфном коде «космоса». Они при жизни как бы запирали владельца в его локусе, защищая тем самым от нечистой силы, а после смерти, уже развязанные, служили ему путем в иной мир. Так, мифический коми герой Пам – Шипач, пораженный насмерть, не мог умереть до тех пор, пока ему не развязали пояс. Часто в пространственной структуре перевитые между собой нити-веревки выполняли роль границы, маркируя сакральный центр и место ритуальной коммуникации. Широко применялось в ситуации святочных гаданий расстилание ритуальной веревки вокруг проруби, колодца, кадки с водой – на символических рубежах «миров» [16]. Так, сысольские коми из села Палауз слушали на святыни свою судьбу, обвязывая сруб колодца веревкой; оберегающий круг проводился вокруг входа в предполагаемый «иномир».

Следующий этап технологического цикла – крашение нити – у коми (зырян) не изучен достаточно. На основании археологических данных известно, что в древние времена цвет служил для усиления ритуального характера орнамента: так, на керамике времени раннего неолита в районе реки Вычегды [17] охра наносилась на сосуды сакрального характера. Возможно, что использование цветных нитей первоначально также расширяло и значительно усиливало ритуальный контекст вязаных изделий. Можно предположить, что практически отсутствие белого фона в вязанных изделиях коми (зырян) было связано с тем, что белый цвет считался в обыденной жизни бедным; он сакрализо-

вывался в обрядах, связанных с поминанием предков, похоронами: так, белые чулки из льняной или шерстяной пряжи являлись ритуальной одеждой.

Часто в повседневной жизни шерстяную нить красного цвета, повязанную на запястье, использовали в качестве оберега от сглаза и болезней. Также для снятия сглаза с вязаного носка пострадавшего срезали небольшую часть цветной нитки, брали мусор с порога и сжигали под матицей с охранительным приговором.

Совокупность всех предыдущих этапов преобразования шерсти обеспечивала результат конечного этапа – получение цветной нити, структурообразующая функция которой будет использоваться в следующем этапе – **вязании**: перевивание нитей спицами – принципиально новом способе организации предметного мира. Технологическую основу вязаного полотна составляла петля (узел). Представление об узле как сакральном, связующем начале вошло в основу многих обрядов коми (зырян) [18]. Технологический процесс вязания основывался, в основном, на богатом использовании «узора»: в таком вязании упорядочение, организация задавались самим орнаментом, который не наносился извне, а создавался материалом вещи, вывязывался при помощи цветных нитей и становился структурой самого изделия. Такой орнамент по сути своей являлся укорененным [19]: такие изделия сами несли в себе искусство порядка и противостояли хаосу. Конечным этапом процесса вязания было завязывание узла на используемой нити, который символически замыкал границы сакрального «пространства» предмета.

Антropоморфизацией вязаного текстиля коми (зырян), «небожественное» происхождение позволяют рассматривать его функции в рамках оппозиций «положительный – отрицательный», «свой – чужой». Позитивный признак появлялся в тех случаях, когда вязаный текстиль «дублировал» человека, повторял его основные этапы жизни или сопровождал его в определенных жизненных ситуациях. Вязаные изделия широко применялись в свадебном ритуале коми (зырян), в обряде переходного периода от девичества к замужеству: длинные чулки и рукавицы представляли женское приданое зырянки (все коми). Декор свадебных вязаных предметов как важный атрибут ритуала приобретал особые магически-обрядовые функции: определяющими были как общий характер орнамента, так и цвет. Свадебные обрядовые подарки хранились и береглись всю жизнь; наделялись «знаковым эквивалентом», определяли неразрывность брака: чтобы разрушить супружескую связь, можно было разрубить пополам вязаный чулок жены – что могло привести к полному разрыву между супругами [20]. Обрыв, порча бытового предмета, подаренного в свадебном обряде; а также приданье ему качества, бесполезного в мире живых, выводили его из объекта куль-

туры (аналогия с мужчиной и женщиной в браке); превращали его в объект природы (аналогия с женщиной и мужчиной вне брака).

Положительный признак приписывали вышитым на вязаном изделии знакам-пасам (символ родовой принадлежности), которые являлись своеобразным способом наделения последнего особой силой. Такие пасы символически обеспечивали включенность предметов в категорию «свой» (или чужой), тем самым они могли принести удачу, успех, счастье.

Негативный признак проявлялся тогда, когда при пассивном действии вязаное изделие могло представлять опасность для человека; это было связано с тем, что часто в мифологии коми (зырян) пустой предмет мог принять любую сущность. Поэтому в повседневной жизни личные не носимые вязаные изделия никому не дарились; всегда хранились в сундуках, перевязанные крест-накрест поясом.

Часто вязанным изделиям в верованиях коми приписывалась особая магическая сила. Так, при помощи вязаных орнаментированных рукавиц гадали в случае неопределенных жизненных ситуаций: задерживание охотника в лесу, невозвращение рыбака. В данном случае использование вязаных рукавиц в гадании связывалось с представлениями о нити как путеводности = жизни; на это указывает ее название – жича (русские Усть-Цильмы, нижняя Печора) [21]. Вязаные рукавицы использовали также в качестве предмета в жребии для разрешения спорных вопросов. В повседневной жизни женщины старшего возраста использовали рукавицу как напоминание о каком-либо деле, положив ее в качестве памятки на видное место. В ветеринарной практике коновал обездвиживал коня на время его кастрации, положив вязаную рукавицу ему на спину [22].

Таким образом, данная работа позволила выделить на примере технологических операций изготовления нити-вязания коми (зырян) общность с обрядами многих народов на территории России, что дает возможность рассматривать обряды коми (зырян) в качестве составной части культурного общемирового наследия России. Также в данном процессе выявлены прерогатива символического содержания, сущностные связи с мифологической системой верований народа, фундаментальными ценностями и отношения с миром. Вязаный текстиль коми (зырян) в конце XIX – начале XX в. представлен как объективированный элемент духовной культуры, содержание которого раскрывается в символических аспектах функционирования в различных жизненных ситуациях. Практический аспект выступал в обыденной форме, символический аспект – в ритуальной; такая связь форм существования наделяла вязаный текстиль различным семиотическим статусом, что позволяло ему

функционировать в традиционной культуре коми (зырян) и как вещь, и как символ.

Примечания

1. Боряк Е. А., 1989; Полидович Е. А., Полидович Ю. Б., 1999; Усачук А. Н., Литвиненко Р. А., 1999; Цимидашов В. Б., 1995; Балакин Ю. В., 2001; Лысенко О. В., Комарова С. В., 1992.
2. Конаков Н. Д. От святок до сочельника. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 1993. С. 44.
3. Дукафт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца X – начала XX вв. // ТР. ИЯЛИ КФАН. Вып. 16: Вопросы по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975. С. 147.
4. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. Л., 1928. С. 137.
5. Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС. 1910. № 20, 22. С. 22–39.
6. Иванов В. В., Топоров В. П. Проблема функции кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. 1/5. С. 88.
7. Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян. Ритуал и символ. Сыктывкар, 1991. С. 18.
8. Боряк Е. А. 1989. С. 13.
9. Боряк Е. А. 1987. С. 157.
10. Романова Г. Н. Традиционные домашние ремесла и кустарные промыслы коми (кон. XIX – нач. XX вв.). 1975. С. 125.
11. Сидоров А. С. О витье волокнистых веществ. ИГАИМК. Л., 1930. Т. 6. Вып. 5. С. 7.
12. Налимов В. П. (*Nalimov*). К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар, 1991. С. 3.
13. Налимов В. П., 1991. С. 6.
14. Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян. Ритуал и символ. Сыктывкар, 1991. С. 18.
15. Лысенко О. В., Комарова С. В., 1992. С. 13.
16. Конаков Н. Д., 1993. С. 11; Заварин Н. О. О суевериях и предрассудках, существовавших в Вологодской епархии // Вологодские Епархиальные ведомости. 1870. № 1, 3, 4, 5. С. 26.
17. Волокитин А. В., Кафманов В. Н. Археологические памятники эпохи неолита. Коми научный центр УроРАН, 1997. С. 219. (Камская культура, река Вычегда, поселение Эньты1).
18. Конаков Н. Д. От святок до сочельника. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
19. Термин Ивлева С. А. // Искусство орнамента. 2008. С. 5. URL: <http://www.fondcultura.ru>.
20. Мифология коми-зырян / автор. коллектив под рук. Н. Д. Кондакова. М.; Сыктывкар, 1999. С. 288.
21. Дронова Т. И. Одежда староверов Усть-Цильмы. Сыктывкар, 2010. С. 32.
22. Там же.

УДК 2-722:821.161.1

Ю. Л. Ореханов (свящ. Г. Ореханов)

МИТР. АНТОНИЙ (ВАДКОВСКИЙ)

И СИНОДАЛЬНЫЙ АКТ

20–22 ФЕВРАЛЯ 1901 г. О Л. Н. ТОЛСТОМ

В статье священника Г. Ореханова рассматривается роль Санкт-Петербургского митрополита первенствующего члена Св. Синода Антония (Вадковского) в подготовке синодального акта 20–22 февраля 1901 г. о. Л. Н. Толстом. Делается вывод о двойственном характере позиции митр. Антония, его активном участии в подготовке синодального определения и одновременно энергичных попытках подвигнуть писателя к диалогу с Русской православной церковью.

In this article priest G. Orehanov examines the role of St. Petersburg Metropolitan preeminent member of the Holy Synod Anthony (Vadkovskii) in the preparation of the Synodal Act 20–22 of February 1901 on Leo Tolstoy. The article shows the dual nature of the position of Metropolitan Anthony, his active participation in the preparation of the Synodal determine energetic and at the same time trying to encourage the writer to engage in dialogue with the Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: Христианство, Л. Н. Толстой, отлучение от Церкви, митр. Антоний (Вадковский).

Keywords: Christianity, Tolstoy, excommunication, Metropolite Anthony (Vadkovsky).

Вопрос о подготовке так называемого отлучения Л. Н. Толстого от Церкви, выразившегося в обнародовании соответствующего синодального акта 20–22 февраля 1901 г., может считаться изученным в своих основных моментах. Но некоторые детали данного события до сих пор остаются непроясненными. К числу таких особенностей следует отнести, в частности, конкретную роль первенствующего члена Св. Синода митр. Антония (Вадковского) в подготовке этого важнейшего церковного документа начала XX в. Цель данной статьи – проанализировать и систематизировать все известные документы и свидетельства, позволяющие сделать конкретные выводы об отношении к великому русскому писателю Санкт-Петербургского митрополита и о конкретном вкладе последнего в подготовку синодального акта.

Антоний (Вадковский) (1846–1912) – один из выдающихся деятелей Русской православной Церкви начала XX в., сыгравший значительную роль в подготовке Поместного собора РПЦ и восстановлении патриаршества. Будучи выпускником Казанской духовной академии (1870 г.), он преподавал в ней гомилетику и пастырское богословие, затем был назначен там инспектором, после переведен на аналогичную должность в Санкт-Петербургскую духовную академию, а в 1887 г. стал ее ректором. Одновременно ар-

химандрия Антония возвели в сан епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1898 г. владыка Антоний возглавил Санкт-Петербургскую и Ладожскую митрополии, а в 1900 г. стал первенствующим членом Святейшего Синода. Владыке Антонию (Вадковскому) принадлежит важное место в подготовке синодального определения 20–22 февраля 1901 г.

По всей видимости, первый известный документ, связанный с идеей отлучения А. Н. Толстого от Церкви, датируется 1888 г. – это письмо архиеп. Херсонского Никанора (Бровковича) проф. Н. Я. Гроту о проекте в Синоде провозглашения анафемы Толстому. Текст этого проекта неизвестен [1].

Можно упомянуть еще ряд инициатив, имевших место до выхода в свет романа «Воскресение», однако ни одна из них не была доведена до логического завершения.

Важное место в конкретной подготовке синодального акта 20–22 февраля уже после выхода в свет последнего романа А. Н. Толстого принадлежит двум документам – секретному циркуляру митр. Иоанникия (Руднева), датируемому марта 1900 г., и письму митр. Антония (Вадковского) обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву от 11 февраля 1901 г.

В циркуляре митр. Иоанникия, изданном в связи с болезнью А. Н. Толстого, которая воспринималась многими как болезнь предсмертная, говорится о невозможности совершения по писателю заупокойных богослужений в случае его кончины. Очень характерно, что это распоряжение церковной власти вызвало явное неудовольствие власти светской. В своей записке директор департамента полиции С. Зволянский подчеркивает, что никаких предварительных сношений с МВД по данному вопросу духовным ведомством сделано не было, «и что по мнению Департамента Полиции, настоящее распоряжение, может быть, согласное с церковными правилами, но едва ли уместно и своевременно с общей точки зрения, вызывая к себе лишь *ироническое* отношение в большинстве интеллигентных кругов. Последователи же Гр[афа] Толстого видят в этом лишь бесцельную попытку духовного ведомства ослабить учение Толстого, за невозможностью борьбы с ним на другой почве» [2].

Письмо митр. Антония (Вадковского) имеет принципиальное значение, так как можно с большой вероятностью предполагать, что именно оно дало толчок к подготовке синодального акта 20–22 февраля 1901 г. В письме, в частности, идет речь об очень значимом событии – «выходке» свящ. Г. Петрова, т. е. об эпизоде, имевшем место 6 февраля 1901 г.

В этот день Д. С. Мережковский делал в Санкт-Петербургском философском обществе

доклад о Л. Н. Толстом, в ходе обсуждения которого свящ. Г. Петров выступил с апологией писателя, причем текст его выступления был опубликован в светской печати. Все это было полной неожиданностью для священноначалия. Митр. Антоний сообщает своему корреспонденту, что 10 февраля долго беседовал с о. Григорием Петровым «по поводу выкинутой им глупости в философском обществе» [3].

Письмо митр. Антония Вадковского можно рассматривать в качестве первого шага к конкретной реализации идеи отлучения. Митрополит сообщает своему корреспонденту, что в Синоде все пришли к мысли о необходимости обнародовать в «Церковных ведомостях» суждение Церкви о А. Н. Толстом. Лучше, считает первенствующий член Синода, это сделать 17 февраля, в канун недели Православия [4].

О том, как эта инициатива была реализована, рассказывает в своих воспоминаниях В. М. Скворцов, один из ближайших сотрудников К. П. Победоносцева. Автор указывает, что, по общему убеждению, виновником отлучения от Церкви гр. Толстого является именно обер-прокурор Св. Синода, с которым писатель решительно расходился во взглядах. Далее В. М. Скворцов подчеркивает: «Но я с решительностью свидетельствую, что укоренившееся это мнение представляет собой глубокое заблуждение. Наоборот, К. П. Победоносцев с самого начала этого дела был против известного Синодского акта и после его издания остался при том же мнении. Он лишь уступил или вернее допустил и не воспротивился, как он это умел делать в других случаях, осуществить эту идею, которая исходила от покойного митрополита Антония, на которого, говорили тогда, с решительностью повлиял другой иерарх – полемист против Толстого» [5].

Совершенно очевидно, что под «полемистом» здесь имеется в виду владыка Антоний (Храповицкий), который к моменту подготовки синодального распоряжения уже был автором многих сочинений, направленных против писателя, и в то же время уже давно был знаком с новым первенствующим членом Св. Синода. Очевидно, вл. Антоний (Храповицкий) в этот момент решил воспользоваться удобной ситуацией, чтобы склонить митрополита Антония (Вадковского) к решительному шагу – открытому заявлению Церковью своей официальной позиции по поводу А. Н. Толстого.

Далее Скворцов указывает, что ближайшими сотрудниками и советчиками митр. Антония в это время были еп. Антоний (Храповицкий), еп. Сергий (Страгородский), еп. Иннокентий (Беляев), еп. Кирилл (Смирнов), архим. Антонин (Грановский) и архим. Михаил (Семенов). Для Скворцова не подлежит сомнению, что в указанном кружке

«зрела не только идея о возглавлении русской Церкви патриархом, но и о засвидетельствовании об определенном отношении иерархии к лжеучению гр. Толстого». Далее Скворцов подчеркивает, что хотя, по его мнению, митрополит Антоний (Вадковский) являлся иерархом чуткой души, добрым и великодушным, но он не является ни в какой степени человеком инициативы и борьбы. Тем удивительнее тот факт, что «инициатива об издании синодского акта 20–22 февраля 1901 г. исходила от митрополита Антония совершенно неожиданно и в настойчивой форме».

Таким образом, первый важнейший вывод, который можно сделать, заключается в том, что инициаторами отлучения писателя были не представители светской власти, а «два Антония» – Антоний (Вадковский) и Антоний (Храповицкий), которые осознавали необходимость со стороны Св. Синода выступить с определенным заявлением по поводу религиозных трактовок писателя, которые они рассматривали как антицерковные.

Рассмотренное свидетельство В. М. Скворцова очень знаменательно. Как уже также было отмечено выше, 6 февраля 1901 г., т. е. всего за несколько дней до письма митр. Антония (Вадковского) К. П. Победоносцеву, о котором шла речь, Д. С. Мережковский сделала доклад о Толстом на заседании Санкт-Петербургского философского общества, причем этот доклад сопровождался «протолстовскими» комментариями известного столичного священника Г. Петрова, бывшего тайным поклонником писателя. Существует ли связь между этим докладом и инициативами Св. Синода по поводу опубликования синодального акта, пока сказать трудно, однако можно предполагать, что «выходка» известного и популярного в столице священника и проповедника могла подлить масла в огонь. Если бы память В. М. Скворцову не изменила, он вспомнил бы, что 14 лет назад, т. е. в феврале 1901 г., сам делал в «Миссионерском обозрении» отчет об этом заседании. В этом отчете первый оппонент на докладе Д. С. Мережковского, выступивший, как и сам докладчик, с жесткой критикой писателя, назван по имени (приват-доцент Московского университета А. П. Нечаев). А вот второй, взявший на себя защиту Л. Н. Толстого, по имени не назван. Очевидно, что этим вторым оппонентом и был свящ. Г. Петров. Понятно, почему в 1901 г. В. М. Скворцов в «Миссионерском обозрении» не хотел открывать его имени: складывалась совершенно парадоксальная, если не сказать – скандальная, ситуация, когда против Л. Н. Толстого выступил приват-доцент университета, а защищал его православный священнослужитель [6]. Таким образом, к свидетельству В. М. Скворцова о том, что «выходка» свящ. Г. Петрова послужила формальным поводом к

отлучению, следует отнести с большим вниманием.

Окончательная редакция синодального определения 20–22 февраля 1901 г. может быть сверена с проектом отлучения, который хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве, в деле Св. Синода 1901 г. [7] Дело содержит проект определения Св. Синода о Толстом (машинопись) с рукописной правкой. В чем содержание этой правки? Во-первых, из проекта вычеркнуто слово «глумление», которое в окончательную редакцию определения все-таки было включено [8]. На наш взгляд, это свидетельствует о сложном процессе подготовки документа и возможных противоречиях между иерархами, которые в этой подготовке участвовали.

Далее, абзац из проекта «Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, – и тем, не приковленно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отлучил уже себя сам от всякого общения с Православной Церковью, которая не может признать его своим членом» [9] в окончательный текст определения вошел с очень большими изменениями. Заметим самое, с нашей точки зрения, важное: слово «отлучил» в окончательном тексте отсутствует, оно заменено на «отторгнул».

Очевидно, что и в этом отрывке прослеживается общая тенденция: составители окончательного варианта отлучения были очень серьезно озабочены тем, чтобы всякий след упоминания об отлучении был уничтожен в этой последней редакции.

Таким образом, можно сделать второй важный вывод. Общецерковный документ о Л. Н. Толстом мог появиться только при определенных условиях – наличии группы церковных деятелей, способных подготовить и осуществить эту сложную задачу, а также взять на себя ответственность за нее. Очевидно, престарелый митр. Иоанникий (Руднев) не нашел в себе решимости совершить подобный открытый демарш, понимая, что он вызовет общественный скандал. Этот по-своему мужественный шаг, принятый крайне критично русской либеральной интеллигенцией, но церковно и исторически неизбежный, был осуществлен после того, как пост первенствующего члена Св. Синода 9 июня 1900 г. занял очень популярный в церковной среде и среди молодых академических преподавателей митр. Антоний (Вадковский). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что от этого назначения до издания синодального акта 20–22 февраля 1901 г. прошло всего около девяти месяцев.

Сравнивая содержание проекта с окончательной версией синодального определения 1901 г. и анализируя характер правки, прежде всего, сле-

дует констатировать сложность процесса подготовки документа и противоречия между лицами, которые в нем участвовали. Первоначальный вариант смягчен, поскольку составители были серьезно озабочены тем, чтобы в последней редакции устранить следы упоминания об отлучении.

Независимо от того, руководствовался ли новый петербургский митрополит собственными мотивами или на него действительно было оказано давление, можно утверждать, что он отнесся к главной трагедии жизни Л. Н. Толстого с большой внутренней сердечной болью.

Хорошо известно письмо супруги Л. Н. Толстого, графини С. А. Толстой, первенствующему члену Св. Синода от 26 февраля 1901 г. Графиня Софья Андреевна указывала, что распоряжение высшего органа церковного управления, с ее точки зрения, жестоко и не соответствует духу христианской любви. Она подчеркивала, что их семья получает сочувственные послания буквально со всего мира. Известно также, что 16 марта митр. Антоний (Вадковский) направил жене писателя ответ, в котором утверждал, что выводы, сделанные графиней, не верны: писатель самознательно отрекся от православной веры и стал богоборцем, но Церковь «как любвеобильная мать, продолжает обращаться к нему с молитвой и призывом возвратиться в ее лоно» [10].

Второе письмо митр. Антония (Вадковского) жене писателя не столь широко известно, недавно оно было опубликовано по тексту подлинника, хранящегося в ОР ГМТ, автором данной статьи [11]. Движимый чувством любви к писателю, митрополит обратился к Софье Андреевне 11 февраля 1902 г., т. е. уже после опубликования синодального акта 20–22 февраля 1901 г., во время тяжелой болезни Л. Н. Толстого и его вынужденного пребывания в Крыму (в Гаспре). Он просил графиню воздействовать на мужа и убедить его примириться с Церковью. Письмо написано в очень теплых тонах, Санкт-Петербургский митрополит указывает, что его душа болит о графе, и восклицает в конце письма: «Но сотвори, Господи, богатую милость свою над ним, помоги ему и укрепи его, хотя перед смертью объединиться в своей вере с верою православного русского народа!» [12].

Но и это письмо не было последней попыткой подвигнуть великого русского писателя к диалогу с Церковью. Во время предсмертной болезни Л. Н. Толстого в Астапово митрополит Антоний снова обратился к нему с горячим призывом примириться с Церковью: «С самого пер-

вого момента Вашего разрыва с Церковью я не престанно молился и молюсь, чтобы Господь возвратил Вас к Церкви. Быть может, Он скоро позвонит Вам на суд свой, и я Вас больного теперь умоляю, примиритесь с Церковью и православным русским народом. Благослови и храни Вас Господь» [13].

Подведем итоги. Проанализированные документы позволяют констатировать двойственность позиции первенствующего члена Св. Синода, митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) по отношению к личности Л. Н. Толстого. С одной стороны, именно митр. Антоний был одним из инициаторов или, во всяком случае, непосредственных участников процесса подготовки синодального определения 20–22 февраля 1901 г. о Л. Н. Толстом. С другой стороны, выдающийся русский иерарх с большим пониманием и душевной теплотой отнесся к жизненной и мировоззренческой трагедии писателя и вплоть до его смерти предпринимал попытки вернуть Л. Н. Толстого в лоно Православной Церкви, которые, как известно, не увенчались успехом.

Примечания

1. См. подробнее: *Лебедев В. К. Церковники в борьбе с Л. Н. Толстым (80-е годы)* // XXI Герценовские чтения (межвузовская конференция). Научный атеизм, этика, эстетика / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Л., 1968.
2. ОР ГМТ. Ф. 1. № 9401/9. Дело департамента полиции об отлучении Толстого от Церкви и политическом наблюдении за ним (1900–1911). Л. 17.
3. Новые материалы об отлучении Л. Н. Толстого (к 150-летию со дня рождения) / публ. М. Н. Курова // Вопросы научного атеизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма. Вып. 24. М., 1979. Там же. С. 271.
4. *Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от Церкви*. М., 1978. С. 28–29.
5. Колокол. 1915. 8 ноября. С. 1.
6. *Скворцов В. М. Со скрижалей сердца* // МО. 1901. Кн. 2. Февраль. С. 236.
7. ОР ГМТ. Ф. 1. № – 4784. Дело о графе Льве Толстом Святейшего Правительствующего Синода. 1901 г.
8. Там же. Л. 5.
9. Там же. Л. 5 об.
10. Тексты писем митр. Антония (Вадковского) и гр. С. А. Толстой см.: *Духовная трагедия Льва Толстого*. М., 1995. С. 73–74.
11. «Его примирение с Церковью будет праздником светлым для всей Русской земли, всего народа русского...». Письмо митрополита Антония (Вадковского) С. А. Толстой. 11 февраля 1902 г. / публ., вступ. ст. и прим. свящ. Г. Ореханова.
12. Там же. С. 113.
13. Смерть Толстого. М., 1928. С. 70. Док. № 170.

СССР / РОССИЯ В XX в.: ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 316.722(470.342)"1917/1920"

А. С. Коробец

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1917–1920 гг.

В статье характеризуются социокультурные особенности советских руководителей Вятской губернии первых послереволюционных лет. Автор анализирует социальное происхождение, образование, половозрастные характеристики, партийную принадлежность, уровень общей культуры глав Вятской губернии, ее уездов и некоторых других ответственных работников губернского аппарата власти.

The article focuses on socio-cultural features of Soviet political authorities of the Vyatka land of the early post-revolutionary years. The author analyzes the social origins, education, gender and age characteristics, party affiliation, level of culture of the authorities of the Vyatka province, its districts leaders, and other senior officials of the provincial administration.

Ключевые слова: социокультурные особенности, руководящие кадры, Вятская губерния, постреволюционный период.

Keywords: socio-cultural features, ruling cadres, Vyatka province, post-revolutionary period.

Одновременно с образованием Советского государства складывался новый управленческий аппарат, вместе с тем формировался новый тип руководителя-управленца. После октября 1917 г. к власти пришли люди, происходившие из различных социальных и культурных сред. Отличались они, естественно, и в личностном плане – способностями, характером, интеллектом, уровне культуры. Но были черты, объединявшие многогранную массу советских управленцев. Штрихи к биографиям отдельных работников позволяют на примере Вятской губернии составить «собирательный» образ руководителя советского аппарата управления в первые послереволюционные годы. В целом небезынтересно проанализировать социокультурные особенности тех, кто находился на губернской политической арене и творил историю в столь непростой для страны период. Под этими особенностями мы понимаем социальное происхождение, образование,

половозрастные характеристики, партийную принадлежность, уровень общей культуры председателей, членов губернского исполнительного комитета Советов, губернского комитета РКП(б) и некоторых других ответственных работников губернского аппарата власти.

25 ноября 1917 г. власть в г. Вятке перешла к большевизированному Совету. Его «исполнительный комитет в количестве 12 человек, несмотря на то что состоял в подавляющем большинстве из совершенно неопытных в деле управления рабочих и крестьян, пошел по пути дальнейшего завоевания власти и устройства жизни на новых началах», – вспоминал первый председатель исполнкома М. М. Попов [1]. В состав этого органа входили местные большевики и двое уполномоченных «центра». Возглавил Совет 31-летний Михаил Михайлович Попов, в мае 1917 г. вступивший в РСДРП(б). Вятский землемер с прочным средним образованием, с осени 1917 г. он стал несомненным лидером местных большевиков. В 1918 г. занимал высшие руководящие должности в губернии: в январе–апреле – председателя Вятского губисполкома первого состава, в августе – октябре – главы губкома РКП(б). В 1919–1920 гг. был последовательно членом губкома РКП(б), председателем Вятского горисполкома, членом губисполкома, заведующим губернским земельным отделом. У руля власти также оказались 19-летний студент реального училища, исключенный из него за левые взгляды и на волне революции начавший стремительную политическую карьеру П. П. Капустин; землемер А. С. Трубинский; маляр железнодорожных мастерских В. И. Лалетин; рабочие П. Г. Фалалеев и И. И. Деришев, имевшие приличный жизненный опыт и революционный стаж (первый – с 1905, второй – с 1903 гг.); посланники ЦК РКП(б) матрос Аупарев и рабочий Н. М. Анцелович – люди с богатым революционным прошлым и твердой политической позицией, а также еще ряд большевиков. Главная трудность, с которой столкнулись новоиспеченные вятские руководители, была связана с отсутствием управленческого опыта и должного образования.

Рассмотрим социально-профессиональную принадлежность и уровень образования руководителей Вятской губернии, занимавших должности глав губернского исполнительного комитета Советов (далее ГИК) и губкома РКП(б) в 1918–

1920 гг. Председателями ГИК являлись Попов Михаил Михайлович (январь – апрель 1918 г.); Попов Иван Васильевич (май – июнь 1918 г.); Родигин Иван Федорович (июль – август и октябрь 1918 г.); Эльцин Виктор Борисович (сентябрь 1918 г.); Акулов Иван Алексеевич (ноябрь 1918 – январь 1919 г.); Новоселов Степан Андреевич (январь – июль 1919 г.); Шиханов Павел Иванович (июль 1919 – март 1920 г.); Вейцер Израиль Яковлевич (март 1920 – май 1921 г.). Первым по счету председателем Вятского губкома РКП (б) был М. М. Попов (с августа по октябрь 1918 г.), с ноября 1918 г. все председатели ГИК одновременно занимали и высшую партийную должность в губернии.

Среди восьми председателей только И. Я. Вейцер имел полное высшее образование – еврей родом из Виленской губернии, окончил два курса Казанского университета и физико-математический факультет Петербургского политехнического института (по другим данным юридический факультет) [2]. До революции И. Вейцер работал счетоводом и давал частные уроки. У И. В. Попова в 1917 г. за плечами было три курса историко-филологического факультета Петроградского университета (после Февральской революции он вернулся в Глазов и занялся революционной работой), опыт преподавательской работы и знание журналистики [3]. Троє руководителей (М. М. Попов, И. Ф. Родигин, В. Б. Эльцин) имели среднее образование. В частности, М. Попов помимо гимназии окончил бухгалтерские и землемерные курсы в Казани и Москве, а также экстерном сдал экзамен на звание землемера в Московском межевом институте, долгое время работал по профессии [4]. Остальные председатели ГИК (И. А. Акулов, С. А. Новоселов, П. И. Шиханов) обладали начальным уровнем образования и являлись выходцами из рабочей среды [5].

На уездном уровне картина наблюдалась следующая. Среди 89 руководителей, занимавших аналогичные должности в 1918–1920 гг., только 2,2% (2 человека) имели высшее (или неоконченное высшее) образование, 11% (10 человек) – среднее, 62% (55 человек) – начальное, по остальным (22 человека) нет сведений [6]. Двое руководителей с высшим образованием – это армянин И. А. Тер-Даниэльян и австриец Ф. К. Винтерштейн. Первый окончил медицинский факультет Московского университета и с 1916 г. работал по профессии в г. Орлове. Второй три года отучился в Венском университете, в 1919 г. попал в Вятскую губернию. Оба они в 1920 г. возглавляли уездные комитеты РКП (б) (Тер-Даниэльян – в Орлове, Винтерштейн – в Котельниче) [7].

Таким образом, среди руководителей губернского и уездного уровней в 1918–1920 гг. явно преобладали лица с начальным образованием.

Большевики с высшим образованием составляли тонкий слой, относительно скромную группу составляли и те, кто имел среднее образование. В этом смысле Вятская губерния не являла собой какое-то редкое исключение – подобная картина наблюдалась и в целом по стране [8].

В дореволюционном прошлом многие из будущих вятских управленцев не смогли получить достойного образования в силу тяжелого материального положения семьи, в условиях, когда трудовую деятельность приходилось начинать в довольно юном возрасте. «Я старший сын остался неграмотным и научился мало-мальски писать и читать самоуком», – вспоминал член первого большевистского исполнкома Советов П. Г. Фалалеев, в семье которого помимо него было еще шестеро детей [9]. Впрочем, невысокий уровень образования, естественно, сказываясь на степени эрудированности, вместе с тем, далеко не всегда определял интеллектуальный потенциал работника.

Что касается революционеров со стажем, они входили в революционные кружки, прошли школу самообразования, по начитанности и широте кругозора, как правило, не были людьми «массы». Нередко их формальное низшее образование не соответствовало реальным познаниям и интеллектуальному уровню. Например, заведующий агитационно-просветительным отделом губкома РКП(б) Д. Е. Брусин учился в тюрьме и ссылке, в которых в общей сложности провел 12 лет, знал русский, еврейский, немецкий языки [10]. Будучи членом Вятского губкома в 1919–1920-м гг., он развел бурную деятельность по культурному строительству в регионе [11].

Профессиональная принадлежность этих людей до революции никак не была связана с управленческой деятельностью. На новом этапе кого-то выручал жизненный опыт, кого-то – природные способности, энергичность. Не имея теоретической подготовки, некоторые из них стали неплохими практиками в области управления, в том числе и за пределами Вятской губернии.

Не обходилось, конечно, и без ошибок, перехлестов, а то и злоупотреблений [12]. Иногда и субъективно честные работники по неопытности допускали произвол. Например, признанный лидер вятских большевиков М. М. Попов, активно боровшийся за чистоту рядов партии [13], в ноябре 1918 г. сам попал под критику со стороны Госконтроля [14]. Его обвиняли в «неправильном расходовании денег» городского Совета, который он возглавлял летом 1918 г. В защиту Попова выступали лично знавшие и уверенные в его честности люди. Например, С. И. Малыгин, который при этом сетовал: «Я сам рабочий и малограмотный ... по своей оплошности, вернее незнания всей бумажной войны я ... могу быть привлечен к суду и заклеймен как хищник... нам ра-

бочим, которые по неопытности всегда могут ошибиться ... нельзя отступиться от власти» [15]. Часть работников по возможности восполняла недостаток образования в 1918–1919 гг., многие – в 20-е гг.

Наличие партийного билета РКП (б) в рассматриваемый период являлось фильтром при отборе на ответственные посты; большим плюсом были революционные заслуги, в счет которых шли дооктябрьский политический стаж, преследования царского режима, активное участие в политической жизни после Февральской революции, опыт работы в Советах. Среди высших руководителей Вятской губернии самым политически опытным большевиком, пожалуй, являлся С. А. Новоселов, имевший партийный стаж с 1905 г. На момент вступления в РСДРП ему было 23 года. Далее его биография типична – два ареста, тюремное заключение, ссылка в Нарымский край, нелегальная деятельность по созданию организации большевиков. Приличный партийный стаж (с 1907 г.) имел И. А. Акулов, также прошедший через аресты и ссылку в Сибирь. И. Я. Вейцер и И. Ф. Родигин большевиками стали в период Первой мировой войны (в 1914 и 1916 гг. соответственно).

Дореволюционная политическая активность существенно влияла на ментальность и поведение того или иного индивида. После вступления на революционный путь молодежь обычно оказывалась под прессом преследования властей, многие переходили на нелегальное положение, попадали в тюрьмы и ссылки с их суровыми условиями. Все это формировало их нравы, черты характера, психологию. Эти черты обтачивались участием в идеяных спорах, митингах, участием в политической борьбе, что способствовало выработке характера, как бы отвечавшего условиям деятельности в экстремальных ситуациях [16].

В книге академика И. И. Минца приведены сведения на 1918 г. о председателях губисполкомов по 33 губерниям (всего 36 чел.), в том числе Вятской. По нашим подсчетам, 89% из них в компартию вступили до 1917 г [17]. К числу оставшихся 11%, которые стали большевиками после Февральской революции, можно отнести не раз уже упомянутого М. Попова (члена партии с мая 1917 г.), немало сделавшего для создания партийной организации в Вятке летом этого же года [18]. Но руководителей со стажем революционного и дореволюционного времени в Вятской губернии было мало, что в первую очередь было связано с отсутствием общегубернской большевистской организации вплоть до лета 1917 г. и слабостью ее в Вятке.

Приметой времени стало появление на руководящих должностях женщин. Например, Людмила Николаевна Сталь, присланная в Вятку по заданию ЦК РКП(б) в сентябре 1918 г. «на уси-

ление местной партийной организации». Родилась Л. Сталь в 1872 г. в обеспеченной еврейской семье в г. Екатеринославе. Профессиональная революционерка с огромным опытом партийной работы (член коммунистической партии с 1897 г.), занималась литературной и нелегальной политической деятельностью, за что несколько раз подвергалась ссылкам и тюремному заключению. С 1907 по 1917 г. пробыла в эмиграции, знала пять языков (французский, немецкий, английский, итальянский и шведский) [19].

В 1918 – июне 1920 г. Л. Н. Сталь избиралась членом губкома, заведовала его женским отделом (бюро работниц), редактировала местные газеты «Известия Вятского губисполкома», затем – «Деревенский коммунист», «Вятская правда». Энергичная, прямая и решительная, она не раз проявляла самостоятельность действий и мышления, за что получала порицания со стороны членов Вятского губкома [20].

Среди женщин-руководителей уездного уровня можно назвать лишь Е. И. Шишкуну, которая возглавляла в 1920 г. Орловский уездный комитет РКП(б) [21]. Происходила она из семьи вятского крестьянина, после окончания 4-классной гимназии работала учительницей в сельской школе, в компартию вступила в 1919 г. в возрасте 31 года.

Другая особенность первых постреволюционных лет – приток в политику, а соответственно и на руководящие должности молодежи. К примеру, самым юным среди высших руководителей Вятской губернии был В. Б. Эльцин. На момент занятия поста председателя губисполкома ему было 20 лет (по другим данным – 18). Только двое из председателей (из расчета возраста на 1918 г.) были старше 30 лет, самому старшему С. А. Новоселову было 36 лет. Среди уездных начальников более половины были моложе 30 лет и только 6 человек (7%) из 89 (за 1918–1920 гг.) старше 40 лет.

Среди последних И. И. Деришев, член партии с 1903 г., прозванный местными партработниками «дедушкой» вятской организации большевиков. Он являлся, пожалуй, самым старшим среди встретившихся в документах вятских руководителей [22]. Мы уже упоминали его как члена первого большевистского по составу исполкома Советов (в 1918 г. ему было 48 лет), в 1918 г. он возглавлял Слободской уездный исполнком, а в 1919–1920 гг. заведовал Вятским губернским отделом социального обеспечения и губфинотделом. Продолжал работать и в 20-е гг. В характеристике, данной И. И. Деришеву как руководителю в 1923 г., наряду с положительными его особенностями в качестве «недостатка», отражающегося на работе, отмечается «старческая дряхлость» (в 53 года!) [23]. Годы тюрьмы и напряженной революционной деятельности в молодости серьезно подорвали его здоровье.

Уровень социальной мобильности в первые постреволюционные годы был поразительно высок, главным лифтом, поднимавшим на вершины власти, являлся партийный билет РКП(б). Активно участвующие в организационной и политической работе большевики, проявившие способности и деловые качества, обычно достигали высоких ступеней управленческой иерархии. Типичный пример – П. П. Капустин, чья стремительная политическая карьера началась в 19-летнем возрасте, когда в июле 1917 г., будучи уже хорошо известным в среде большевиков, он вступил в партию и был избран секретарем Вятского городского комитета. С конца ноября 1917 г. Капустин являлся членом президиума Вятского горсовета РСД, участвовал в работе губернского Ревтрибунала. В мае 1918 г. стал первым руководителем губернской ЧК, с июля входил в состав губернского военно-революционного штаба, в сентябре был назначен губернским военкомом. Член Вятского ГИК и губкома РКП(б), в 1919–1920 гг. дважды занимал пост председателя Вятского городского Совета [24].

Годы войны и революции, связанные с разрушой, голодом, чрезвычайщиной, атмосферой крайнего централизма управления, на фоне которых происходило становление политической культуры, навыков управления, психологии руководителей, не прошли бесследно. Они обнажили и довели до высокого напряжения как сильные, так и низменные качества людей. Среди коммунистов-руководителей встречались люди разного типа. Те, которые искренне боролись за установление и укрепление новой власти, доказав преданность партии проделанной работой, не жалея молодости, сил, здоровья. Для таких людей были характерны самоотверженность, самопожертвование и геройзм, революционный романтизм и искренняя вера в светлое будущее человечества.

Но наряду с бескорыстными приверженцами большевистской идеи оказалось немало карьеристов, бесчестных людей и даже криминальных элементов, использовавших партийный билет в личных целях [25]. С установлением советской власти, как и в последующие годы ее существования, проблема морального облика коммунист-

тов – работников руководящего звена, как, впрочем, и рядовых коммунистов, к которым предъявлялись довольно высокие нравственные требования [26], оказалась одной из главных.

Примечания

1. Государственный архив социально-политической истории (далее – ГАСПИ КО). Ф. П.-45. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
2. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р.-875 Оп. 2. Д. 15. Л. 2.
3. ГАСПИ КО. Ф. П.-4112. Оп. 19. Д. 5126.
4. Выдающиеся общественно-политические деятели Кировской области. Киров, 1973. С. 52; ГАСПИ КО. Ф. 4112. Оп. 17. Д. 5376, Оп. 19. Д. 5134.
5. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 9–22.
6. Там же. С. 24–97.
7. Там же. С. 52, 90.
8. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920. М., 1998. С. 129–130, 137.
9. ГАСПИ КО. Ф. П.-45. Оп. 1. Д. 36. Л. 185.
10. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 19.
11. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 годах. Кн. 1. 1920-й год. Киров, 2009. С. 71–72.
12. ГАСПИ КО. Ф. П.-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 27.
13. Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 158.
14. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 66–73.
15. Там же. Л. 70.
16. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920. М., 1998. С. 169.
17. Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 398–399.
18. Попов М. М. За власть Советов // За власть Советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. Киров, 1957. С. 43–58.
19. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.
20. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 54. Л. 32, 65.
21. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 97.
22. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 10. Д. 225. Л. 8.
23. ГАСПИ КО. Ф. П.-1. Оп. 10. Д. 225. Л. 6.
24. Коробец А. С. Капустин П. П.: путь вятского революционера во власть // Молодежь и выборы: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 95–101.
25. Тимкин Ю. Н. Большевистское «болото» // Вятский наблюдатель. 1997. № 6. Январь. С. 15.
26. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 гг. Кн. 1-я: 1920-й год. Киров, 2009. С. 47–51.

УДК 94(470.342):330.563

Д. Н. Китаев

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ХЛЕБОЗАГОТОВОК В 1918–1919 ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена проблеме перехода от продовольственной диктатуры к продразвёрстке в годы Гражданской войны. Показана специфика каждой из этих организационных форм продовольственной политики на примере Вятской губернии.

The article is devoted to the issue of transition from food dictatorship to food allotment during the Civil War. Specific features of these organizational forms of food policy are shown on the example of Vyatka province.

Ключевые слова: продовольственная политика, продовольственная диктатура, комитеты бедноты, продотряды, продразвёрстка.

Keywords: food policy, food dictatorship, committees of the poor, food detachments, food allotment.

Одной из ключевых проблем, стоявших перед страной после победы Октябрьской революции, был острейший продовольственный кризис, унаследованный Советской властью от предшествующих царского и Временного правительства.

Кроме самой проблемы новая власть унаследовала от своих предшественников и основные методы её решения – государственную хлебную монополию и карточную систему распределения продуктов.

Монополия, декларированная ещё Временным правительством в марте 1917 г., являлась краеугольным камнем его продовольственной политики. В соответствии с нею производители обязывались сдавать все излишки хлеба государству по твёрдым ценам, все хлебные ресурсы сосредоточивались в руках государства, которое снабжало продовольствием нуждающееся население через свои распределительные органы. От неукоснительности проведения в жизнь хлебной монополии зависела эффективность всей продовольственной политики государства. Но воплощение в жизнь хлебной монополии требовало выстроенного системы государственного заготовительного аппарата, соответствующей агитационной работы с крестьянским населением и т. д. В ряде работ современных авторов показана неспособность Временного правительства эффективно провести в жизнь намеченное мероприятие, что и предопределило крах его продовольственной политики [1]. Практическая реализация монополии становилась вопросом жизни и смерти большевистского правительства.

© Китаев Д. Н., 2011

Новым компонентом в хлебозаготовительной политике Советского государства являлся товарообмен, декретированный СНК 2 апреля 1918 г. Данный принцип предусматривал непосредственный обмен промышленных товаров (гвозди, галоши, мануфактура и др.) на хлеб и другие продукты питания. Главная трудность в реализации товарообмена состояла в нехватке промышленных товаров. Так, в Известиях наркомпрада отмечалось, например, что даже если будутпущены в ход все запасы резины, будет изготовлено лишь 12,5 млн пар галош, что, конечно, не могло покрыть потребностей деревни [2]. Поэтому товарообмен мог иметь лишь ограниченный эффект.

Исходя из вышеуказанного понятно, что основной вектор продовольственной политики государства был направлен на централизацию продовольственного дела в стране. Однако общая хозяйственная разруха, сложная общественно-политическая ситуация, начавшаяся Гражданская война, а также кадровые проблемы объективно противодействовали его реализации. Вышесказанное можно в полной мере отнести и к Вятской губернии.

В начале 1918 г. вопреки установкам центра в регионе не применялись унифицированные твёрдые закупочные цены. В нарушение установок «центра» на общегубернском продовольственном съезде в январе 1918 г. они были районизированы, т. е. отданы на откуп местным властям, что подрывало основы общегосударственной продовольственной политики. По уездам устанавливались лишь предельные цены, т. е. хлеб должен был закупаться по рыночной цене, но не выше предельной [3].

Данная мера вводилась для удержания хлеба в пределах своего уезда, предотвращения его вывоза по более высоким ценам. Именно так мотивировал своё решение об отмене твёрдых цен исполнком Орловского уезда [4]. Между тем этот орган не был уполномочен принимать такие решения в соответствии с узаконениями Советской власти. Твёрдые цены могли устанавливаться и изменяться только наркомпрадом.

На проходившем в апреле 1918 г. втором губернском съезде Советов закупочные цены были повышенены в 3–4 раза, опять же вопреки установкам правительства страны. В ответ на это председатель Совнаркома республики В. И. Ленин и нарком продовольствия А. Д. Цурюпа, опровергнув это решение, 3 мая отправили в Вятку телеграмму, в которой говорилось, что новые цены «явно направлены против рабочих и деревенской бедноты в угоду крестьянской мелкой буржуазии» [5].

Хлебозаготовки в Вятской губернии вплоть до лета 1918 г. шли очень вяло, на что прямо указывал заведующий хлебоффуражным отделом губпродкома Вахрушев [6]. Несмотря на постоянные «под-

хлестывания» телеграммами из Москвы и Петрограда о невыносимом продовольственном положении, за май 1918 г. задание по отправке хлеба в голодающие районы было выполнено на 1%, а руководители продовольственных органов признали, что за вторую половину месяца ни одного фунта хлеба заготовлено не было [7]. Между тем запасы хлеба в губернии были. Чрезвычайный комиссар по продовольствию А. Г. Шлихтер, работавший летом 1918 г. в губернии, отмечал, что Вятская губерния имела запасы необработанного хлеба за 4 года в количестве 16 млн пудов [8].

Таким образом, главная проблема заключалась в слабости новой региональной власти. Как следствие в губернии в первой половине 1918 г. не было дееспособного центра и по заготовке хлеба. Справедливо замечено, что сопротивление советской продовольственной политике оказывали не только крестьяне, но и местные продовольственные органы [9]. Осуществлять хлебозаготовки приходилось, преодолевая явный и скрытый саботаж продовольственных служащих [10].

Саботировала как беспартийная, так и партийная интеллигенция; в числе последних – особенно популярные в сельской глубинке эсеры. Несмотря на то что до июля 1918 г. партия левых эсеров была союзной большевикам, участвуя в управлении страной и регионами, их линия в продовольственном вопросе с большевистской не совпадала. В ряде волостей, где большое влияние имели эсеры, были сильно раздуть нормы расходования продовольствия. Так, в Порезской волости Глазовского уезда весной 1918 г. на всех едоков без различия возраста полагалось по 3 фунта муки в день (рабочие Петрограда в это время получали в лучшем случае 0,5 фунта), на лошадь – 15 фунтов и т. д. [11] Неудивительно, что при таком раскладе местные продовольственные органы заявляли об отсутствии у них хлебных излишков. Поэтому продовольственная политика нередко приобретала драматический характер.

Между тем продовольственный вопрос в Советской России достиг в апреле – мае 1918 г. наивысшей остроты после отпадения от Советской России Украины, Северного Кавказа и Сибири. Эти территории в совокупности производили 85% товарного хлеба урожая 1917 г. [12] В абсолютных цифрах, по данным заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова, Украина давала в год 51 млн пудов хлеба, Северный Кавказ и Сибирь – 30 млн пудов [13].

Такой крутой поворот событий потребовал принятия чрезвычайных мер, и они не заставили себя долго ждать. 13 мая СНК и ВЦИК издают декрет «О чрезвычайных полномочиях комиссара по продовольствию». Согласно этому декрету государство вводило обязательную сдачу крес-

тьянами всех излишков за исключением того, что им необходимо было самим для пропитания. Для осуществления декрета наркому проду предstawлялись чрезвычайные полномочия: право отменять постановления местных продовольственных органов, если они противоречат планам и действиям наркомпрада; в случае необходимости предписывалось распускать продовольственные органы, увольнять и предавать суду должностных лиц, срывающих продовольственную политику [14].

Логическим продолжением декрета от 13 мая стал декрет СНК и ВЦИК от 27 мая «О реорганизации народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов». Он был призван выстроить более централизованный продовольственный аппарат для проведения политики продовольственной диктатуры в стране. С этой целью губернские продовольственные органы реорганизовывались в губернские продовольственные комитеты (губпродкомы), непосредственно подотчётные наркому проду, а уездные – в упродкомы, подчинявшиеся губпродкуму [15].

Непосредственным инструментом проведения в жизнь продовольственной диктатуры стали продовольственные отряды. 29 мая СНК обратился с призывом к рабочим организовать вооружённые отряды, которые должны были посыпаться в хлебные губернии для реквизиции хлеба у крестьян.

В условиях невысокой популярности партии большевиков, да и советской власти в целом, в массах сельского населения, переходя к более радикальной политике, государство идёт на создание классовой базы в деревне в лице комитетов деревенской бедноты. Создание комбедов было продекретировано СНК и ВЦИК 11 июня 1918 г.

Майско-июньские декреты необходимо рассматривать в неразрывной связи, как взаимодополняющие компоненты политики продовольственной диктатуры. Фактор силы в хлебозаготовительной политике в сложившихся тяжелейших условиях объективно выходил на первое место.

После отпадения от Советской России наиболее хлебородных районов гораздо большее внимание было уделено производящим (в отличие от неземледельческих потребляющих) губерниям центра страны, в число которых входила и Вятская. Прежде всего, правительству страны необходимо было организовать дееспособные продовольственные органы. В соответствии с декретом СНК и ВЦИК от 27 мая в Вятке был создан губернский продовольственный комитет, а также уездные продовольственные комитеты, подчинённые ему. Добиваясь усиления централизации в управлении продовольственным делом

на местах, наркомпрод стал практиковать введение в состав губпродкомов своих представителей, отправку в губернии и уезды своих инструкторов, которые составляли подробные отчёты о положении продовольственного дела на местах. Аналогичными методами в отношении упродкомов действовал, в свою очередь, и губпродком.

Большую роль в организации продовольственного дела в Вятской губернии сыграли присланые сюда с Урала советские и партийные работники. К их числу можно отнести Е. Г. Фефера (будущий губпродкомиссар), П. Ф. Зубова, А. А. Жданова и Л. Н. Сталь [16].

Помимо административных изменений давление «центра» усилилось и благодаря присланным в губернию продовольственным отрядам, именно они сыграли решающую роль в осуществлении хлебозаготовок во второй половине 1918 г. Общая численность членов продовольственных отрядов в конце года оценивалась в 4174 чел., в то время как местных насчитывалось лишь 303 продармейца [17].

В июле 1918 г. в Вятскую губернию прибыла экспедиция чрезвычайного комиссара по продовольствию А. Г. Шлихтера. Именно он взял на себя координацию деятельности продотрядов в губернии, а также должен был контролировать отправку заготовленного хлеба в промышленные центральные регионы страны [18].

Кроме заготовительных функций продовольственные отряды оказывали помочь крестьянам в уборке и обмолоте урожая. Декретом СНК от 3 августа «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» право формирования продотрядов предоставлялось профсоюзам и фабзавкомам, причём профсоюзные рабочие сдавали органам наркомпрада лишь половину заготовленного хлеба, другая половина поступала в распоряжение организаций, пославших данный отряд. Это заинтересовывало рабочих в хлебозаготовках. Отдельно оговаривалась обязанность рабочих отрядов помогать крестьянам в уборке урожая [19]. Для этой же цели создавались уборочные и уборочно-реквизиционные отряды, предусмотренные декретом СНК от 4 августа 1918 г. [20].

Упомянутые выше меры, осуществлённые советским правительством, дали к концу года весьма ощутимые результаты по заготовке хлеба, в том числе и в Вятской губернии. Если в первой половине 1918 г. в губернии было заготовлено лишь 150 тыс. пудов хлеба, то во второй половине года, точнее к 20 декабря, на ссыпные пункты поступило 1 629 895 пудов зерна [21].

С начала 1919 г. в проводимой властями всех уровней продовольственной политике произошли серьёзные изменения. Теперь её основным компонентом становится продовольственная развёрстка, декретированная СНК 11 января 1919 г.

Следует заметить, что фактически переход к продразвёрстке как методу осуществления хлебной монополии наметился ещё до её декретирования. На Всероссийском совещании продработников в Москве 30 декабря заместитель наркома продовольствия Н. П. Брюханов говорил, что Наркомпрод начал применять в порядке опыта в местном масштабе хлебную развёрстку в ряде губерний (в том числе и в Вятской) с июня 1918 г. Когда выдвигал требование поставить к установленному сроку государству определённое количество хлеба [22].

Продразвёрстка являлась логическим продолжением той продовольственной политики, которая велась в 1918 г. Во вводной части декрета от 11 января отмечалась её преемственная связь с майско-июньскими декретами о продовольственной диктатуре [23]. Действительно, организация комитетов деревенской бедноты и рабочих продовольственных отрядов, этих важнейших инструментов продовольственной диктатуры, создали необходимые условия для введения продразвёрстки. Основываясь, как и прежняя продовольственная политика, на хлебной монополии и твёрдых ценах, она вместе с тем несла в себе элементы новизны.

Новое заключалось в том, что излишки хлеба у крестьян определялись уже не их потребностью и фактическим наличием у них хлеба, а потребностью государства в хлебе и возможностями каждой губернии. Само понятие «излишек» стало обозначать то количество хлеба, которое село, волость, уезд, губерния должны были сдать государству. «Развёрстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков», – так разъяснялось в письме ЦК РКП(б) всем губернаторам партии [24].

Продразвёрстка предполагала изъятие излишков хлеба без компенсации их промышленными товарами и должна была выполняться независимо от того, получат крестьяне в обмен промышленные товары или нет [25]. По данным М. И. Даудова, промышленность смогла дать товаров для оплаты стоимости лишь 50% заготовленного по продразвёрстке хлеба [26]. Вятский губернский продовольственный комиссар Изюмов отмечал в декабре 1919 г., что продовольственные органы имеют возможность уплатить за 1 рубль, взятый с крестьянина, лишь 30 копеек промтоварами [27] (т. е. эквивалентный обмен в то время был невозможен).

Наряд на губернию, определённый, в конце концов, в размере 13,7 млн пудов хлеба, подлежал выполнению не сразу, а в 4 срока: к 15 ноября 1919 г. – 30%; к 15 января 1920 г. – 30%; к 15 апреля – 15%; к 15 мая – 25% [28]. Губерния производила развёрстку по уездам (8 из 12 уездов были признаны производящими по хлебу и 9 – по фуражу [29]), уезды по волостям, волости

по деревням, а деревни на основании произведенного учёта должны были произвести развёрстку по отдельным дворам. Объектом развёрстки являлся коллектив, который становился ответственным в порядке круговой поруки за выполнение продовольственной развёрстки каждым его членом [30]. Таким образом, воспроизводился традиционный общинный механизм налогообложения крестьян, существовавший в царской России.

Продовольственная развёрстка была принята властями Вятской губернии как тяжёлая, но необходимая обязанность. В губернский Съезд Советов в ноябре 1919 г. своим большинством полностью одобрил продразвёрстку как важнейшую меру продовольственной политики. При этом около половины членов Съезда составляли беспартийные крестьяне [31].

Ответственность за проведение продразвёрстки ложилась на продовольственные органы и сельские волостные исполнкомы. За работу последних несли ответственность уездные исполнкомы. В уездные исполнкомы из губернского исполнкома направлялись уполномоченные по продовольствию, которые должны были контролировать проведение развёрстки в уезде [32].

Важнейшую роль в реализации продовольственной развёрстки сыграло губернское продовольственное совещание, созданное 3 ноября 1919 г. постановлением коллегии Наркомпра. О чрезвычайной важности этого органа говорит его состав. В совещание входили председатель губернского исполнкома Советов П. И. Шиханов, губернский продовольственный комиссар А. Изюмов и уполномоченный по продовольствию в Вятской губернии, представитель ВЦИК, председатель губпродсовещания Н. Осинский. Сходной структурой обладали и уездные продовольственные совещания. Председательствовал на них губернский уполномоченный по продовольствию (от президиума губисполкома), членами являлись председатель уездного исполнкома, председатель уездного комитета партии и уездный продкомиссар [33]. Таким образом, на этом этапе в решении продовольственного вопроса были непосредственно задействованы высшие должностные лица как губернского, так и на уездного уровня.

Реализация продразвёрстки осуществлялась в крайне неблагоприятных условиях. Общим её фоном являлись экономическая разруха, нехватка кадров и рабочих рук в губернии из-за мобилизаций на фронт, военные действия в отдельных частях территории региона и разорение наиболее плодородных южных уездов колчаковцами.

К выполнению продразвёрстки приступили сразу же после уборки урожая яровых 1919 г., пока запасы продовольствия не были израсходованы. В систему заготовок хлеба вовлекались не только продовольственные отряды, олицетворяв-

шие государственное принуждение, но и агитационные силы, представленные партийными работниками [34]. Последние старались убедить крестьян сдавать хлеб добровольно, разъясняя всю тяжесть текущего момента для страны и бедственное положение рабочего класса, находящегося на грани голодной смерти.

Широкая агитация в пользу выполнения продразвёрстки развернулась и на страницах печатных изданий. Так, газета «Деревенский коммунист» пестрила лозунгами вроде «Кто не сдал всей развёрстки, тот не сдал ничего» или «тот, кто прячет хлеб такой же враг как тот, кто прячет дезертиров» [35]. В телеграммах председателя правительства республики В. И. Ленина и наркома продовольствия А. Д. Цурюпы содержались рекомендации публиковать списки арестованных укрывателей хлеба с указанием точного адреса проживания [36]. Помимо морального осуждения виновный наказывался и материально. Весь умышленно скрытый хлеб у него конфисковался, не взирая на наличные запасы в хозяйстве.

Особый спрос был с членов волостных советов и коммунистических ячеек, которым надлежало служить примерами для остальных крестьян. Они, в отличие от иных селян, несли личную ответственность за выполнение развёрстки; в случае провала таковой, в качестве наказания они могли направляться на выполнение лесозаготовительных работ и других повинностей [37].

Однако в основном ответственность за невыполнение продовольственных заданий носила коллективный характер, так как субъектом развёрстки выступало отдельное селение. Деревня, не выполнившая развёрстку, могла быть принуждена к выполнению обязательства решением ревтрибунала [38]. Несмотря на ограниченность промышленных товаров, применялись и экономические рычаги: выдача товаров осуществлялась лишь тем селениям, которые выполнили более 5% развёрстки. Количество выданных товаров зависело от процента выполнения продовольственной развёрстки. Это правило было закреплено в ноябре 1919 г. на V губернском Съезде Советов [39]. Товары для потребительских обществ отпускались только при предъявлении зачётных квитанций со ссыпных пунктов [40].

Нельзя обойти вниманием и вопрос о реакции крестьян на продовольственную развёрстку. Сразу оговоримся, что количество крестьянских выступлений против хлебозаготовок по сравнению с 1918 г. заметно сократилось. Если в 1918 г. в одном лишь Глазовском уезде за лето таковых наблюдалось около восьмидесяти, то в 1919 г. ничего подобного не происходило [41]. Однако это не означает, что крестьянских выступлений не было вовсе. В Байсинской волости Уржумского уезда в октябре 1919 г. в результате волн-

нений было убито несколько продовольственных работников. После этого было решено направить туда выездную сессию ревтрибунала, чтобы показать населению, что продовольственные мероприятия – дело общегосударственной важности и находятся под защитой суда [42].

С другой стороны, имели место случаи злоупотребления продотрядовцами своими полномочиями. Оружие в руках давало ощущение власти и являлось искушением для продотрядовцев. Некоторые продотрядовцы не выдерживали этого искушения и переходили грань дозволенного, используя оружие. Так, продовольственный отряд № 1014 во главе с комиссаром Миловановым 22 ноября в деревне Богородское Кумёнской волости Вятского уезда занимался вымогательством продуктов для собственного питания под угрозой расстрела и даже совершил кражу шубы [43]. Однако такие инциденты были единичны.

Всё же большинство крестьян отнеслись к развёрстке как к тяжёлой, но необходимой обязанности, о чём свидетельствуют результаты её выполнения. По подсчётом Н. А. Кощеева, из наряда в 13,7 млн пудов хлеба на губернию было заготовлено 13 млн пудов, т. е. развёрстка была выполнена на 97% [44].

Итак, решение продовольственного вопроса являлось одним из важнейших направлений в первые годы советской власти. Основанная на тех же принципах, что и в дореволюционный период, продовольственная политика воплощалась в 1918–1919 гг. в различных организационных формах. Если в 1918 г. проблема решалась чрезвычайными методами (командирование в деревню продотрядов, создание комитетов бедноты, отправка чрезвычайных комиссаров), то по мере укрепления советской власти происходит переход к более организованной и упорядоченной политике продразвёрстки.

Примечания

1. См.: Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. Гл. 6; Герасименко Г. А. Народ и власть: 1917 г. М., 1995.
2. Известия наркомпрада. 1918. № 1. С. 12.
3. Вятское народное хозяйство. 1918. № 6–7. С. 42.
4. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.
5. Цит. по: Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 154.

6. Вятское народное хозяйство. 1918. № 6–7. С. 42.
7. Быстро A. С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956. С. 11.
8. Известия вятского губисполкома. 1919. 11 янв. С. 3.
9. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке в 1917–1918 гг. Киров, 1998. С. 75.
10. Бакулин В. И. Указ. соч. С. 143–144.
11. Зубарева Л. А. Хлеб Прикамья. Ижевск, 1967. С. 7.
12. Стрижков Ю. К. Продотряды. М., 1976. С. 20.
13. Известия наркомпрада. № 1–2. С. 17.
14. Декреты советской власти (далее ДСВ). М., 1964. Т. 2. С. 264.
15. Там же. С. 293.
16. Зубарева Л. А. Указ. соч. С. 17.
17. Бакулин В. И. Указ. соч. С. 162.
18. См.: Алексеев Ю. П. Экспедиция А. Г. Шлихтера и С. С. Середы за хлебом // История СССР. 1966. № 3.
19. ДСВ. М., 1967. Т. 3. С. 142–143.
20. Там же. С. 169.
21. Известия наркомпрада. 1919. № 1–2. С. 35.
22. История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 136.
23. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 292–293.
24. Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм. Политика. Практика. Идеология. М., 1973. С. 59.
25. Там же. С. 60.
26. Давыдов М. И. Борьба за хлеб: продовольственная политика Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1971. С. 135.
27. Деревенский коммунист. 1919. № 283. 12 дек. С. 3.
28. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 223.
29. Деревенский коммунист. 1919. № 18. С. 3.
30. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 11. Л. 161.
31. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 77.
32. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее ГАСПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
33. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 301.
34. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 793. Л. 53.
35. Деревенский коммунист. 1919. № 268. 25 ноября. С. 2.
36. См. напр.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 829. Л. 38.
37. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 124.
38. Деревенский коммунист. 1919. № 283. 12 декабря. С. 3.
39. Там же; ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 77.
40. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 256. Л. 182об.
41. Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 168.
42. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 302об.
43. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 532. Л. 86.
44. Кощеев Н. А. Продовольственная помощь вятского крестьянства Советскому государству в 1918–1919 гг. // Учёные записки КГПИ. Т. 1. Вып. 17. С. 19.

УДК 340.133(470.342)"1918/1922"

В. И. Бакулин, А. С. Вычугжанина

ОРГАНЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЮСТИЦИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1918–1922 гг.

Статья посвящена истории чрезвычайных органов Вятской губернии (Революционный трибунал и губернская чрезвычайная комиссия), которые были рождены Октябрьской революцией. Анализируются деятельность этих органов на протяжении периода 1918–1922 гг., их взаимоотношения между собой, а также – между ними и властями региона и «центра», кадровые и другие проблемы.

The article is devoted to the history of Vyatka province's extraordinary organs (Revolutionary Tribunal and Provincial Extraordinary Commission), which were born by the October revolution. The author analyzes the work of these institutions in 1918–1922, their interrelations, and their relations with regional and central authorities too, their personnel and another problems.

Ключевые слова: революционный трибунал, чрезвычайная комиссия, кадровая проблема, эволюция чрезвычайных органов.

Keywords: Revolutionary Tribunal, Extraordinary Commission, personnel problem, evolution of extraordinary organs.

Будучи чрезвычайным по своей сути явлением, революция рождает и чрезвычайные органы самозащиты, в том числе в сфере судопроизводства и карательной политики. Главными среди них в новейшей истории России были органы ВЧК и революционные трибуналы. Появившись в столичном центре в конце 1917 г., они затем воспроизвелись в регионах страны, в том числе и в Вятской губернии, где трибунал начал функционировать с середины января, а губернская ЧК – с конца мая 1918 г.

Губернский Революционный трибунал и следственная комиссия при нем были сформированы в Вятке в соответствии с декретом № 1 Совнаркома от 24 ноября 1917 г. «О суде» и инструкцией Наркомата юстиции от 19 декабря того же года «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». Не обошлось и без местных особенностей. Так, комиссия – на основании постановления городского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее – РСД) от 23 декабря 1917 г. – появилась здесь раньше самого трибунала. В ее состав были введены член президиума горсовета П. П. Капустин, сотрудник военного отдела горисполкома Курилов и представитель явившегося из Петрограда Летучего отряда кронштадтских моряков [1].

© Бакулин В. И., Вычугжанина А. С., 2011

Неделю спустя состав комиссии радикально обновился. Теперь в ней были представлены М. О. Ирикин, И. С. Паршков, И. А. Рылов, В. Н. Сидоркин, А. С. Тронин, а в роли председателя – Т. Т. Никифоров [2]. Трибунал же собрался на первое свое заседание лишь 15 января 1918 г. в составе председателя Г. И. Софронова, его заместителя И. И. Рогалева, секретаря В. И. Лалетина, товарища секретаря М. Н. Златоверхникова и пятнадцати заседателей, утвержденных на этом же заседании [2]. Первое рассмотренное им дело (18 января) касалось начальника созданной ранее, еще небольшевистской властью городской дружины И. Изотова, обвиненного в сокрытии оружия. Признав подсудимого виновным, трибунал постановил выскажать ему общественное порицание и принудить к двум месяцам общественных работ [3].

Далее в повестке дня стоял суд над членами так называемого Верховного совета по управлению губернией – чрезвычайного органа, образованного при бывшем губернском комиссаре Временного правительства и не признавшего новую большевистскую власть [4]. Следствие по этому делу было приостановлено Г. И. Софроновым, ожидавшим инструкций из Петрограда относительно судьбы руководящих кадров прежнего режима. Его пассивность и нерешительность на расширенном заседании Вятского горсовета РСД 22 января вызвала критику со стороны всех влиятельных на тот момент субъектов политической жизни региона – членов городского Совета, губернского исполнкома Советов, представителей 106-го полка местного гарнизона и Летучего отряда.

В результате персональный состав руководства Ревтрибунала обновился. Новым председателем избрали первого руководителя большевизированного Вятского городского Совета М. М. Попова [5]; его заместителями стали сотрудник военного отдела горисполкома А. Ф. Коновалов и командир Летучего отряда И. К. Кириллов [6]. 2 марта губернский трибунал вынес вердикт по делу Верховного совета: все члены этого органа лишились политических прав сроком на один год [7].

В унисон с законами и общей нестабильностью той поры, состав трибунала и следственной комиссии обновлялся часто. Формировался он горсоветом, являвшимся в первые месяцы 1918 г. реальной властью не только в Вятке, но и – с определенными оговорками – в губернии в целом. Так, на его заседании 20 марта в президиум трибунала были избраны М. М. Попов, Исаев и А. Н. Капустин. По неизвестной причине из этой «обоймы» выпал А. Ф. Коновалов. Что же касается второго бывшего заместителя председателя И. К. Кириллова, то его в мартовские дни расстреляли за участие в так называемой «клапинс-

кой авантюре» – попытке антибольшевистского переворота в регионе [8]. Во второй половине мая на посту руководителя трибунала М. М. Попова сменил А. Г. Рахлин. К этому времени обновился состав и следственной комиссии: ее членами стали Д. И. Гирш, А. Е. Кошкин, С. И. Лесников, Н. Я. Хлюпин; из прежних фигурантов остался только И. С. Паршков. Возглавил комиссию А. И. Хренов (заместитель – С. И. Лесников) [9].

Работа трибунала и его комиссии оплачивалась; все сотрудники получали неплохую в понятиях того времени заработную плату. В марте она составляла около 400 руб., в апреле – 500, в июле – 650, в октябре – 752 руб. [10] Для сравнения: в марте около 500 руб. получали руководящие лица губернского уровня; столько же платили в это время членам дежурившего на станции Вятка-1 контрольного отряда. Оплата труда рядовых сотрудников исполкома Вятского городского Совета колебалась в пределах от 200 до 400 руб. Исключением можно считать доходы местных инженеров, которым под угрозой саботажа и забастовки удалось «вырвать» у вятских властей в мае 1918 г. оклады в размере 700 руб. в месяц [11].

К началу лета произошло очередное уточнение функций губернского Ревтрибунала. В соответствии с правительственный декретом от 4 мая 1918 г. из ведения трибуналов изымались дела общеуголовного характера. За ними оставалась борьба с контрреволюционными проявлениями, погромами, коррупцией, шпионажем и, как ни странно, – с хулиганством [12]. Положения этого документа были учтены в составленной в июне А. Г. Рахлиным инструкции для следственной комиссии, где в числе прочего уточнялось, что «преступления должностных лиц старого режима и Временного правительства, поскольку они не направлены против власти Советов, ведению Революционного трибунала не подлежат» [13].

В конце лета решением местного партийного руководства, начавшего теперь «играть первую скрипку» в деле расстановки кадров, следственная комиссия пополнилась двумя новыми членами – А. Ф. Аболиным и И. И. Кауке, причем первый из них был избран ее председателем [14]. В ноябре того же года штат перегруженной делами комиссии вырос до шести человек (добавились Г. Д. Берзин, А. П. Гринвальд, А. Д. Иост, Г. Я. Кипст). Помимо нее с конца октября 1918 г. при трибунале работала коллегия обвинителей. Первым ее руководителем стал Г. А. Азев, среди членов отмечены С. Ф. Докман, С. Н. Крошихин, И. С. Курбатов и будущий председатель губЧК А. С. Запольский [15].

Первоначально, в первой половине 1918 г., трибуналы, наряду с губернским, возникли и в

ряде уездных центров – Котельниче, Слободском, Малмыже, Ижевске. Затем, в связи с требованием Москвы, началась их ликвидация. Однако еще и во втором полугодии продолжали функционировать Слободской (ликвидирован 18.10), Малмыжский (до декабря включительно) и Сарапульский (Ижевский) [16].

«Под занавес» 1918 г. руководство губернского трибунала и его следственной комиссии успело обновиться еще раз. В начале декабря командированного в Котельнич А. Г. Рахлина сменил Иван Алексеевич Фарафонов – первый «долгожитель» на этом посту. Он будет руководить Вятским Ревтрибуналом (за вычетом нескольких месяцев 1919 г., связанных с выездом на фронт) по весну 1922 г. Новым председателем следственной комиссии тогда же стал повышенный в должности Г. Я. Кипст, среди ее членов появились новые лица – А. Т. Ефимов и Е. А. Оше, который – как и Запольский – вскоре окажется в числе видных вятских чекистов [17]. С самого начала между этими двумя чрезвычайными органами складывалась своеобразная «личная уния», дополнительно закрепляемая сходными целевые установками. И там, и там важнейшими направлениями деятельности выступала борьба с контрреволюцией, коррупцией чиновников, спекуляцией.

Вятская губернская чрезвычайная комиссия (губЧК) была образована решением губисполко-ма Советов 30 мая 1918 г. Комплектация ее на базе уже существовавшей при Вятском городском Совете РСД комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем была поручена губернскому комиссару юстиции, выходцу из Глазовского уезда Ивану Михеевичу Зырянову, который и стал формально первым ее председателем. В начале июля того же года он передал эту должность 19-летнему вятскому большевику, уроженцу Орловского уезда Петру Павловичу Капустину. Впрочем, не на долгий срок. В августе Капустин во главе Летучего отряда кронштадтских моряков выехал на Котласский фронт, а И. М. Зырянов вновь возглавил Вятскую губЧК [18].

Летом 1918 г. в поле зрения сотрудников трибунала и чекистов оказались также дела, касающиеся антисоветских выступлений духовенства и верующих. Органы ЧК зачастую выступали инициаторами возбуждения дел (первоначально чекисты имели право только арестовывать граждан и документировать факты их контрреволюционной деятельности, после чего дела передавались в Революционный трибунал). Репрессивная деятельность органов Ревтрибунала и ЧК в своей основе имела «политическую подоплеку» отношения к священнослужителям как представителям контрреволюционных сил... В некоторых следственных делах Революционного трибунала

по обвинению священнослужителей в антисоветской деятельности в графе «цель и мотивы преступления» так и значилось – «борьба с властью Советов, как представитель духовенства» [19].

После введения в губернии в начале августа 1918 г. военного положения ЧК получила право самостоятельно решать судьбу арестованных по подозрению в контрреволюции вплоть до расстрела. 26 августа 1918 г. по обвинению в контрреволюционной пропаганде был расстрелян священник г. Слободского А. П. Лопатин [20]. Решение это было принято не местной, а Уральской областной ЧК, которая с начала августа 1918 г. развернула свою деятельность на территории Вятской губернии. 14 августа произошло фактическое слияние двух родственных структур – губЧК и облЧК. Председателем коллегии объединенного органа был назначен уральский чекист Ф. Н. Лукьянин. Менее чем через две недели в губернии объявились и вновь образованная чрезвычайная комиссия Чехословацкого (Восточного) фронта, в чье подчинение распоряжением правительства переводились чекистские органы прифронтовых территорий. Наметилась тенденция к полному растворению губернской ЧК во внешних структурах спецслужб. Желая переломить ситуацию, Вятский губисполком Советов 10 октября поставил задачу ее воссоздания в качестве относительно самостоятельного органа, руководителем которого был назначен В. М. Горинов [21].

Вятская губЧК возобновила свою работу. Однако взятие колчаковцами Перми в самом конце 1918 г., приток в Вятку большого числа руководящих работников из Екатеринбурга и Перми вновь поставили на повестку дня вопрос об объединении Вятской и Уральской чрезвычайных комиссий. В принципе он был решен 9 января 1919 г., на совместном заседании представителей Уральского обкома РКП(б) А. Г. Белобородова и Г. И. Сафарова, Вятского губкома партии А. Н. Новоселова и Столбова и Вятского губисполкома Бабинцева, Зырянова, Целищева и др. [22] Председателем коллегии повторно объединенного органа стал бывший руководитель Пермской губЧК Павел Иванович Малков. Он же вошел в состав высшего и чрезвычайного органа по управлению губернией – Военно-революционного комитета [23]. В коллегии в начале 1919 г., помимо председателя, были представлены: Бродйт, Иевлев, Карпов, Мошин, А. Петров, Суббоч и Яворский [24].

Параллельно этим реорганизациям и «рокировкам» в руководстве губЧК на протяжении 1918 г. происходило становление и уточнение организационных структур чекистского ведомства, включая его уездные подразделения. Некоторое представление о конкретной деятельности последних

дают архивные документы по Яранскому уезду. Из них следует, что в летние месяцы 1918 г. самое пристальное внимание местные чекисты уделяли борьбе со спекуляцией. Лица, заподозренные в такого рода действиях, задерживались и подвергались следствию, а принадлежавшее им имущество, в случае выявления состава преступления, конфисковывалось. Изъятое имущество у граждан строго фиксировалось, сопровождалось четко оформленной отчетностью [25].

Официальное провозглашение 5 сентября 1918 г. политики «красного террора» выдвинуло на первый план карательную функцию органов ЧК, расширило их полномочия в этой области. Упростилась практика арестов, стали применяться заложничество, расстрелы. Мероприятия эти носили не только ответный, карательный, но и превентивный характер: порой их жертвами становились потенциальные враги советской власти. Исследователем А. Г. Поляковым приводятся такие данные по репрессиям в отношении местного духовенства. В 1918 г. к ответственности были привлечены 43 служителя культа (в их числе преподаватель духовного училища, учащийся духовной семинарии, церковный староста); с сентября по декабрь были осуждены 34 человека. В сентябре 1918 г. из 18 осужденных 13 приговорены к ВМН (в их числе один приговор опротестован). В октябре из 10 человек к высшей мере наказания приговорены 7. В ноябре к судебной ответственности были привлечены 2 человека, причем одна из них, по причине прекращения дела, из-под стражи освобождена. В декабре осуждены 4 человека, из них 2 приговорены к ВМН [26].

В Яранском уезде в осенний период 1918 г. не наблюдалось драматических перемен в деятельности местных чекистов, о чем свидетельствуют, в частности, записи журнала задержаний, в котором фамилии попавших под арест граждан располагались в алфавитном порядке. Так в разделе под литерой «А» отмечено 26 фамилий лиц, арестованных в 1918-м г., главным образом во втором полугодии. Применительно к ним не зафиксировано ни одного смертного приговора. Типичны небольшие сроки заключения – 3–5 месяцев. Некоторые были выпущены на свободу на следующий после задержания день. Всего до конца года покинули место содержания 16 человек, то есть более половины от общего числа арестованных [27].

В ноябре 1918 г. VI чрезвычайный всероссийский съезд Советов постановил «освободить от заключения всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товариществ, попавших в руки врагов» [28]. В контексте резолюции съезда ВЦИК объявил амнистию, в соответствии с которой и в Вятской губернии «были освобож-

дены все лица, задержанные в качестве заложников, прекращены дела на арестованных, действия которых были признаны малозначительными, многим осужденным сокращены сроки отбытия наказания... значительно сократилось количество арестов лиц, подозреваемых в контрреволюционных действиях. Уездным ЧК было запрещено без согласия с губЧК применять такую меру репрессий, как расстрел» [29], а не позднее февраля 1919 г. они были и вовсе упразднены.

Следует заметить, что не меньшее, если не большее, нежели объявление полосы «красного террора», влияние на карательную политику губернского чекистского ведомства оказали военные действия на рубежах региона, а затем и на части его территории в конце 1918-го и в первой половине 1919 г. Так, за полмесяца – с 31 января по 14 февраля 1919 г. – Вятской губЧК было расстреляно 40 человек, из них 11 – за деятельность контрреволюционного характера, 13 – как воры рецидивисты, 1 – за несдачу оружия, 1 – за хищение продуктов по месту службы и махинации с продовольственными карточками, остальных 14, как потенциальных врагов, – за дореволюционную деятельность в качестве жандармов, сыщиков, тюремных надзирателей, полицейских чинов. Некоторым из них припомнили участие в репрессиях периода революции 1905–1907 гг. [30]

В 1919–1921 гг. наблюдается явный спад количества осужденных по политическим мотивам. В отношении священнослужителей это выглядело так: 15 человек в 1919 г., 11 – в 1920 г. и 8 – в 1921 г. В «Книге памяти жертв политических репрессий Кировской области» имеется информация о двух случаях приговора к ВМН после 1918 г. (в конце 1919 г.) представителей духовенства – это архимандрит Пророченского мужского монастыря Яранского уезда Г. Панфилов и священник с. Лекма А. И. Покровский. Первый обвинялся в укрывательстве хлеба и белогвардейского офицера, а второй – в «контрреволюционной пропаганде» [31].

Следует принять во внимание, что борьба с духовенством являлась далеко не главным направлением деятельности вятских спецслужб, о чем свидетельствуют такие данные. С 1918-го по август 1921 г. Ревтрибуналом и народными судами Вятской губернии были осуждены 205 членов и кандидатов в коммунистическую партию, причём в большинстве случаев за должностные преступления в органах власти [32]. То есть доступный на данный момент фактический материал свидетельствует о том, что членов правящей партии репрессии коснулись в значительно большей степени, чем священнослужителей.

На протяжении 1919 г. к традиционной деятельности чекистских органов (подавление контрреволюции, пресечение спекуляции, коррупции,

помощь милиции в противостоянии злостному бандитизму) добавилась борьба с дезертирством, а в руководстве губЧК произошли очередные изменения. В связи с восстановлением к началу лета советской власти в Пермской губернии, 23 июня на заседании Вятского губернского ВРК был сформирован Пермский губревком в составе В. Ф. Сивкова, С. А. Новоселова и П. И. Малкова. Последний из них, вновь поставленный во главе Пермской губернской ЧК, получил предписание «немедленно сделать подбор необходимых кадров и быть готовым в любой момент выехать в Пермскую губернию» [33]. Момент этот не заставил себя долго ждать, и потому не позднее ноября 1919 г. к исполнению обязанностей руководителя Вятской губЧК приступил Григорий Маркович Приворотский [34].

В разгар военных действий местные чекисты продолжали взаимодействовать и сотрудничать с губернским трибуналом (военным и революционным, как он стал называться в период Гражданской войны). Одним из проявлений такого сотрудничества, носившим всероссийский характер, стало сосредоточение львиной доли работ по осуществлению предварительного следствия в чекистском ведомстве по причине слабости следственного аппарата губернского трибунала [35]. Впрочем, сотрудничество между ведомствами иногда дополнялось соперничеством и предусмотренным законодательством взаимоконтролем. Постановлением ВЦИК от 17 февраля 1919 г. трибуналы наделялись полномочиями проверять следственные действия ЧК и посещать места заключения для «проверки закономерности содержания заключенных». Но и чекистские органы при этом получили право внесудебной расправы в местностях, находившихся на военном положении [36].

Контроль за следственной деятельностью органов ВЧК был закреплен и в новом положении о трибуналах от 12 апреля 1919 г. В это время состав трибунала ограничивался тремя функционерами – председателем и двумя членами. Но для участия в выездных сессиях (как правило, в уездные города) дополнительно избирались кандидаты числом до 15 персон. Предварительное следствие по-прежнему осуществляла следственная комиссия в составе пяти членов [37].

Помимо председателя И. А. Фарафонова, в начале 1919 г. в штат Вятского Ревтрибунала входили его заместитель – А. С. Запольский, члены – Е. А. Оше, Г. Д. Берзин, А. П. Гринвальд. Следственную комиссию возглавлял Г. Я. Кипст, коллекцию обвинителей – Г. А. Азеев. Но в конце января – феврале 1919 г. по причинам, связанным с Гражданской войной, от работы в трибунале были освобождены Берзин и Гринвальд, а в апреле – и ушедший добровольцем на фронт Фарафонов. Но-

выми членами трибунала стали: в январе – прибывший с Урала Н. М. Рябов, в апреле – бывший секретарь Вятской губЧК Р. К. Лепсис, а также член коллегии Вятского губернского отдела юстиции Н. П. Сушков, который заменил Фарафонова в роли руководителя трибунала [38]. Председателем коллегии обвинителей стал бывший руководитель следственной комиссии Ревтрибунала Перми Н. И. Козлов [39]. Но остроту кадровой проблемы пополнение с Урала все же не сняло.

Наиболее тяжело переживала ее следственная комиссия, численность членов которой за апрель – август 1919 г. сократилась вдвое – с восьми до четырех человек, а к середине осени того же года – до двух (А. С. Запольский и Е. А. Оше). В это время на руках каждого ее члена скапливалось до 50 следственных дел, на основании чего было отклонено прошение Запольского об отправке его на фронт. После мобилизации в Красную Армию в октябре 1919 г. Г. Я. Кипста обязанности председателя комиссии были возложены на Е. А. Оше, однако вскоре эту должность занял А. С. Запольский [40].

Летом-осенью 1919 г. кадровые пертурбации в Вятском Ревтрибунале продолжились. Одной из главных причин тому стало изгнание войск А. В. Колчака из Уральского региона и реэмиграция прибывших оттуда в Вятку полгода назад работников. В июле в распоряжение Пермского ревкома командировались пробывший председателем Вятского трибунала около трех месяцев Н. П. Сушков, а с ним и Н. М. Рябов. (Тогда же был командирован на Южный фронт Г. М. Приворотский, который, как уже отмечалось выше, по возвращении в Вятку, будет назначен в ноябре того же года председателем губЧК.) В августе уехали в Екатеринбург Кацнельсон и секретарь трибунала И. А. Леухин. В сентябре в Сибирь отбыл Р. К. Лепсис, за месяц до этого избранный председателем Вятского губернского трибунала и передавший эту должность Григорию Федоровичу Москвину [41]. Однако и Москвин недолго пробыл в этой роли, ибо уже в декабре 1919 г. в трибунале председательствовал Василий Иванович Балыбердин [42].

В 1920 г. кадровая ситуация в органах чрезвычайной юстиции несколько стабилизовалась. Перемены случались реже, нежели в предшествующем 1919-м, но все же они имели место. Губернской чрезвычайной комиссией на протяжении большей части 1920 г. руководил Г. М. Приворотский. 19 ноября его сменил А. С. Запольский, который за две недели до этого был переведен из Вятского губернского Ревтрибунала в губЧК, на должность заведующего секретно-оперативным отделом [43].

Чрезвычайная комиссия пользовалась некоторой возможностью подбирать себе кадры из раз-

личных учреждений, а также из числа коммунистов, мобилизуемых на фронт. Впрочем, изредка процесс приобретал и противоположную направленность. В частности, в соответствии с распоряжением Особого отдела ВЧК, приказом от 24 сентября 1920 г. был расформирован особый отдел губЧК, а его сотрудники отправлены на Западный (Польский) фронт [44]. В эти дни в составе руководящей коллегии ведомства, помимо Г. М. Приворотского, упоминались секретарь И. Г. Волков и Кабанов, который руководил секретно-оперативным отделом [45]. При новом председателе во второй половине ноября обновился и состав членов коллегии. Теперь в нее входили Бризгал, И. Волков, И. Злобин, Е. А. Оше, как и Запольский, утвержденные решением не только столичной ВЧК, но и Вятским губкомом РКП(б) [46].

Губкомом подбирались и члены губернского трибунала. Так, на заседании партийной «верхушки» губернии 8 апреля 1920 г. в основной состав ревтрибунала были намечены кандидатуры Запольского, Новоселова, Рахлина, а в запасной – Деришева, Бризгала, Бабалова [47]. Вместе с тем в работе этого органа поочередно участвовали многие губернские руководители ранга членов губкома партии и президиума губисполкома – И. Г. Волков, П. Г. Фалалеев, Л. З. Храковский, А. С. Целищев, Н. А. Попов (председатель губернского народного суда в 1919–1920 гг.) и другие [48]. Заседания трибунала проходили не только в Вятке, но и в уездных городах. Например, 22 октября 1920 г. губком отрядил в выездную сессию трибунала П. Г. Фалалеева и Л. З. Храковского, а 5 ноября была намечена выездная сессия того же органа в составе вернувшегося из армии Фарафонова (председатель), Авакумова и Черезова [49].

С весны 1921 г. в Советской России начался переход к мирной жизни и новой экономической политике. Но в Вятской губернии процесс этот был сильно замедлен голодом, охватившим ряд южных уездов и косвенно отразившимся на всем регионе. Тяжелое наследие войны ярко проявилось и в высоком уровне преступности, в том числе бандитизма, исключительная роль в борьбе с которым принадлежала местным чекистам. Пара примеров тому. В ночь на 30 апреля им удалось выйти на след считавшегося неуловимым бандита Зенчурина, который в течение семи лет терроризировал население Вятского, Слободского и некоторых других уездов. Во время облавы, проведенной в слободе Дымково, Зенчурин был смертельно ранен. В ночь на 17 мая 1921 г. вятскими чекистами задержаны члены банды, пытавшейся ограбить один из городских складов [50].

Естественно, не оставались в стороне от этих дел и трибуналы. (Во время войны в губернии

существовало два чрезвычайных судебных органа – Вятский губернский трибунал и вятский отдел реввоентрибунала Приуральского военно-го округа; в соответствии с постановлением ВЦИК от 28 июня «Об объединении всех Ревтрибуналов республики» второй вошел в состав первого в качестве его военного отдела) [51]. Последний за вооруженное и «дерзкое ограбление» в ночь на 23 апреля 1921 г. кладовой губернского отдела Рабоче-крестьянской инспекции приговорил красноармейца Ивана Шешукова к высшей мере наказания, а его соучастниц – сожительницу Наталью Сычеву и конторщицу Ирину Анисимову – к пяти годам заключения. Связанные с ними красноармеец Барапов Николай и Сычков Семен получили по три года лишения свободы за продажу краденого. В этом же заседании трибунала годом заключения был наказан помощник командаира 513-го стрелкового полка за появление на улице в пьяном виде.

Уже из вышесказанного видно, что диапазон рассматриваемых трибуналом дел был довольно широк. Например, 13 апреля 1921 г. к его суду были привлечены:

- одиннадцать обвиняемых в выдаче «белым» в период Гражданской войны партийных, советских работников и членов их семей;
- один человек (М. Л. Шестало) – за должностное преступление;
- трое – за сокрытие и продажу оружия [52].

Широко практиковались амнистии, даже по тяжким преступлениям. Так, в августе 1921 г. губернский Ревтрибунал приговорил к расстрелу за совершенное в Вожгальской волости зверское убийство с целью грабежа матери и троих детей жителей той же волости двух братьев Вещагиных, Булдакова, Вологодина и Малых. Но с учетом амнистии ВЦИК от 7 ноября 1920 г. (приуроченной к третьей годовщине Октябрьской революции), первым троим смертная казнь была заменена пятью годами заключения в Вятском исправительном рабочем доме [53].

Острота кадровой проблемы в органах чрезвычайной юстиции сохранялась и в рассматриваемый период. Но, вместе с тем, с окончанием масштабных военных действий появилось больше возможностей ее решать, в том числе за счет переподготовки прежних и обучения новых работников. В ноябре 1920 г. Вятский губком РКП(б) предписал уездным партийным комитетам мобилизовать и откомандировать в его распоряжение коммунистов для отправки на 2-месячные курсы «по подготовке ЧК и Политбюро» (штатных осведомителей на местах), по 5 человек от уезда. Отобранные должны были, как минимум, уметь читать и писать [54]. Найти более грамотных кандидатов в уездах было маловероятно. В самой Вятке общий уровень образованности населе-

ния был все же выше, чем в сельской глубинке. К тому же здесь губЧК использовала возможности местной Рабоче-крестьянской инспекции, иногда прямо диктуя ей задания [55].

Как и прежде, кадровый потенциал спецслужб Вятской губернии порой ослаблялся требованиями центра о перебросках их сотрудников в другие регионы либо на постоянную работу, либо для участия в разовых операциях. Так, 4 мая 1921 г. в Вятке была получена телеграмма за подпись заместителя председателя ВЧК Уншлихта с требованием «немедленно и безоговорочно в порядке мобилизации откомандировать трех ответственных работников-коммунистов из особого отдела ЧК в Тамбов» [56]. (Речь определенно шла об участии их в подавлении антоновского мятежа на Тамбовщине.)

В начале 1920-х гг. чекисты (в первую очередь их руководство), партийная и советская губернская «верхушка» получили возможность пользоваться дополнительными источниками информации о событиях внутри страны и за ее пределами. Помимо всякого рода закрытой партийной и иной служебной переписки с руководителями регионов, в октябре 1921 г. ВЧК начала издавать поступавший в ограниченном количестве по служебным каналам и в Вятскую губернию бюллетень – двухнедельник «Обзор зарубежной прессы». В предисловии к первому номеру его составители писали о том, что они стремятся «всесторонне информировать тесный круг читателей о жизни и деятельности белой эмиграции, пользуясь ее же источниками – периодической зарубежной русской прессой» [57].

Сложившаяся в годы Гражданской войны практика жесткого контроля со стороны партийных органов за деятельность спецслужб (а не наоборот) была закреплена при переходе к нэпу. В середине декабря 1921 г. в Вятке была получена телеграмма от руководства ВЧК с напоминанием о том, что «всякая слежка за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками строго воспрещается. Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться» [58]. Партийный контроль за спецслужбами и далее сохранялся неукоснительно, о чем руководство РКП(б) находило нужным время от времени напоминать «местам». Так, 19 ноября 1922 г. в Вятке была получена телеграмма секретаря ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева, в которой говорилось: «ЦК РКП предлагает строго руководствоваться циркуляром ЦК № 55 и не посыпать товарищем на курсы ГПУ без характеристики партийных органов и рекомендации ответственного секретаря организации» [59].

Через пару месяцев произошла очередная перестановка в руководстве губЧК. А. С. Запольский был отозван в распоряжение центрального аппарата ВЧК, и 5 февраля 1922 г. Вятский губ-

ком партии предложил ему сдать дела своему заместителю Е. А. Оше, который и оставался исполняющим обязанности руководителя губернских спецслужб до апреля.

В зимние месяцы 1922 г. началась радикальная перестройка органов госбезопасности в целом по стране, в Вятской губернии – в частности. 18 февраля руководство ВЧК разослало на места распоряжение о реорганизации ее губернских подразделений в отделы Государственного политического управления – ГПУ. В Вятской губернии реорганизацию начали с уездов, где были оставлены по одному уполномоченному ГПУ, каждый с двумя помощниками, одним курьером и одним сотрудником для поручений. Расформировался приданый губЧК в годы Гражданской войны батальон; из трех его рот при новом ведомстве оставалась одна численностью в 300 штыков [60].

Более основательная перестройка регионального управления пришла уже на середину следующего месяца. Она сопровождалась сокращением кадров. Часть освободившихся в связи с этим работников (Боровикова, Давыдова, Минкова, Суслопарова) перевели на работу в губернский Трибунал, прочих – в партийные, советские, финансовые органы. 12 марта были утверждены в должностях: председателем губотдела ГПУ – Оше, начальником секретно-оперативного отдела – Штирнер, начальником общей части – Волков [61]. Перемещения произошли при непосредственном участии губернского партийного руководства. Поэтому, когда Оше счел необходимым перевести на должность начальника секретно-оперативной части губотдела ГПУ начальника политбюро Яранского уезда Петрова, то он с этой просьбой 12 апреля 1922 г. обратился именно в губком РКП(б) [62].

Действуя по принципу «новой метлы», Оше затеял в ведомстве основательную «чистку», издав приказ об увольнении за пьянство из губотдела ГПУ Штирнера, заведовавшего секретной агентурой Сергеева и опытного чекиста Яковлева. Но именно в это время поступило распоряжение центра об отзыве Оше в Москву, «в распоряжение ГПУ». На его место был назначен Александр Иосифович Ремишевский – выходец из рабочих (бывший слесарь), 42 лет от роду (на ноябрь 1922 г.), русский, имевший образование в объеме двухклассного училища, член большевистской партии с 1900 г. [63].

Ремишевский, в сравнении с Оше, был менее радикален в кадровом вопросе и настаивал на отмене приказа об увольнении вышеперечисленных сотрудников «ввиду необходимости сохранить аппарат ГПУ». Кроме того, он находил приказ не вполне обоснованным, явившимся «результатом ненормальных [личных] взаимоотношений».

28 апреля губком передал этот вопрос на рассмотрение губКК [64] (контрольная комиссия при губернском комитете партии). Что же касается перевода из Яранска в Вятку Петрова, то, в конечном счете, вопрос, надо полагать, решился положительно, поскольку в середине июня 1922 г. Петров уже фигурировал в роли помощника начальника Вятского губотдела ГПУ [65].

Следует заметить, что у Оше были основания затевать «чистку» в ведомстве, и его приказ об увольнениях рождался не на пустом месте. Как выяснилось при рассмотрении дела в губКК, сотрудники ГПУ Штирнер, Сергеев, Кощеев и Яковлев на Пасху не только изрядно выпили, но и устроили пьяный дебош на улице, затем в жилом доме. Решением контрольной комиссии «по партийной линии» Штирнеру, Сергееву, Яковлеву был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело, Кощееву – выговор без занесения. Кроме того, губКК рекомендовала последнего из них из органов отозвать, Сергеева и Яковлева вернуть на прежнее место работы – к станку – и обсудить вопрос об отстранении от должности Штирнера с начальником губотдела ГПУ [66].

Пьянство было довольно серьезной болезнью, поразившей в этот период различные звенья партийно-государственного аппарата, и с ней велась упорная борьба. Например, в конце января 1922 г. общее партийное собрание 2-го городского района Вятки исключило по этой причине из РКП(б) одного из членов организации, В. А. Крутихина (правда, с испытательным сроком – на один год) [67]. 7 апреля 1922 г. губком согласился с решением губКК о наказании за пьянство ряда руководящих работников «среднего уровня» – Миркурова, Таркунова, Салкина и др. [68] В мае 1922 г., в ходе кампании проверки деятельности судей, в Нолинске по той же причине лишился должности ранее исключенный из партии начальник уездного бюро юстиции Н. С. Нелюбин (его сменил Папырин) [69].

Разумеется, приведенными примерами список подобного рода прегрешений не исчерпывался, результаты борьбы с «зеленым змеем» были скромными, и в июне появилась директива губкома всем партийным организациям с требованием «повести решительную борьбу с развивающимся пьянством среди членов партии» [70]. Не стали исключением в ряду прочих ведомств и организаций органы государственной безопасности. Так, в Котельниче в 1922 г. спились один за другим два уполномоченных ГПУ – Семенов, затем сменивший его Попов. Между тем в ходе продналоговой кампании здесь имели место многочисленные злоупотребления, требовавшие вмешательства правоохранительных органов и спецслужб. Уездный комитет РКП(б) попытался заменить Попова Ванеевым, но этому воспротивился

губком РКП(б). Потерявшие терпение котельнические большевики потребовали отдать Попова под суд, после чего, более основательно вникнув в суть дела, бюро губкома пересмотрело собственное решение и 30 октября 1922 г. постановило: «Попова арестовать и провести расследование о его действиях. Командировать Ремищевского в Котельнич и поручить ему собрать материал о всех злоупотреблениях, в частности о злоупотреблениях уполномоченных ГПУ. В зависимости от собранных материалов, дело передать судебным органам. Утвердить Ванеева уполномоченным ГПУ по Котельническому уезду» [71]. Впрочем, и Ванеев оказался не «на высоте» и в середине декабря 1922 г. был также отстранен от должности [72]. Вместе с тем все вышесказанное отнюдь не отменяет того факта, что сотрудникам ЧК-ГПУ предъявлялись достаточно строгие дисциплинарные и нравственно-поведенческие требования. Например, в начале мая 1922 г. помощника уполномоченного губотдела ГПУ по Уржумскому уезду Двинянинова Павла арестовали всего лишь «за участие в картежной игре» [73].

Естественно, кадровые проблемы легли тяжелым грузом и на плечи нового начальника Вятского губернского отдела ГПУ, и в августе 1922 г. губком РКП(б), по результатам обсуждения доклада А. И. Ремищевского, в числе прочего ставит задачу «усилить ГПУ рабочими с выдержанной пролетарской идеологией» [74]. Очевидно, результатом этого решения стала достаточно серьезная ротация кадров в местных органах ГПУ летом – осенью 1922 г. Во всяком случае, в документах, отражавших состав управлеченческого звена, уже в сентябре появились «свежие» фамилии, среди которых можно упомянуть заместителя начальника губернского отдела ГПУ Латышева, начальника общей части В. Ускирева, секретаря губернского отдела ГПУ Береснева [75]. В ноябре 1922 г. сводки в Москву, регулярно отправляемые местными чекистами (так же как и партийными органами), подписывались сотрудниками губотдела ГПУ Желваковым, Колосовым, Кульмизевым, но при этом утверждались Ремищевским [76].

На рубеже 1921–1922 гг. Ревтрибунал продолжал играть заметную роль в жизни региона. Его руководителем оставался И. А. Фарафонов, военное отделение трибунала возглавлял Дорофей Иванович Карманов [77]. Однако в последней декаде марта 1922 г. губернский комитет РКП(б) рекомендовал на должность председателя трибунала, вместо вступившего в конфликт с партийным губернским руководством Фарафонова, переведенного сюда из губЧК Суслопарова (24 марта губком поручил обеспечить принятие соответствующего решения губисполкома Советов его коммунистической фракции) [78].

Но уже 8 апреля партийное руководство губернии приняло иное решение: «Вместо отзванного с должности председателя губернского Ревтрибунала т. Фарафонова, как исключенного постановлением губЧК на 6 месяцев из членов РКП, просить ЦК об откомандировании... на должность председателя Ревтрибунала т. Крупина, инспектора ПУРа [Политуправления Красной армии], как имеющего практику по работе в военном трибунале» [79]. Предложение это явно не прошло в «центре»: еще и в конце сентября Суслопаров оставался в должности руководителя губернского Ревтрибунала. Но в декабре 1922 г. он был переведен в Москву, в распоряжение Верховного трибунала [80]. Заместителем председателя трибунала в сентябре 1922 г. числился некто Запольский [81], однофамилец (или родственник) ранее отзванного в «центр» руководителя губЧК А. С. Запольского.

Тем временем в трибунале продолжалась порождаемая различными причинами ротация кадров. 12 мая 1922 г. губком РКП(б) постановил: «За неоднократные выпивки отзывать из Ревтрибунала Арбузова и Трапицына, с откомандированием их в распоряжение Верховного трибунала, и заменить их Фалалеевым из 2-го района и Новоселовым из Котельнича» [82]. Часть кадров губернского трибунала «оттянули» на себя финансовые органы, делу усиления которых в условиях становления товарно-денежных отношений нэпа придавалось огромное значение. В частности, 14 июля в губфинотдел был переведен Бабалов [83]. За ним последовал Вячеслав Ефимович Арбузов. Этот человек, очевидно, пользовался репутацией хорошего работника, поскольку 22 сентября руководство губернского отдела ГПУ безуспешно ходатайствовало о переводе Арбузова в это ведомство [84].

Как и прежде, диапазон дел, рассматриваемых губернским Ревтрибуналом, был широк. В их число входили и наиболее тяжкие уголовные преступления. В июле 1922 г. в Вятке сенсационный характер приобрело дело убийства из ревности артиста городского театра Захваткина командиром ЧОН Чистяковым. Первоначально ведший его следователь передал его в народный суд, но оттуда «по подсудности» – оно поступило в Ревтрибунал [85].

По мере становления рыночных нэповских начал, в регионе участились случаи покушения отдельных граждан, в том числе и «ответственных работников», на государственную собственность. Губернский Ревтрибунал под председательством тогда еще Фарафонова лишь за три дня конца декабря 1921 г. рассмотрел серию дел такого рода. 28 декабря 1921 г. им был приговорен к высшей мере наказания 34-летний заведующий Котельническим механическим заводом П. М. Кан-

далов за продажу пяти пудов принадлежавшего заводу керосина. Полученную выручку в сумме 400 тыс. руб. Кандалов присвоил. Кроме того, он, в сговоре с заведующим секцией сельскохозяйственных машин губернского совнархоза 33-летним П. И. Устиновым, незаконно продал (в целях личного обогащения) 54 пуда 30 фунтов лемеховой стали. К аферам были причастны заведующий другим Котельническим заводом Скрябин, ряд иных лиц.

В результате слушания дела Скрябину было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы, прочие обвиняемые получили меньшие сроки. Однако, по причине амнистии, объявленной ВЦИКом к 4-й годовщине Октябрьской революции, приговоры были пересмотрены в сторону смягчения: Кандалову расстрел заменили 5-летним лишением свободы, Скрябину срок сократили на треть, смягчили приговоры и остальным осужденным. В отношении Устинова, ввиду неполноты представленного материала, судьи предложили губЧК провести доследование [86].

Похожим образом, и с точки зрения его внутреннего содержания, и в плане принятых судьями решений, выглядело дело, заслушанное трибуналом 30 декабря. По его итогам за хищение государственной собственности заведующего Котельническим отделом губСНХ Абрамова приговорили к высшей мере наказания, заведующего отделом распределения Котельничского уездного продкома Коврижных и предпринимателя Шабалина – к трем годам заключения, начальника Котельнического уголовного розыска Графова – к одному году; проходившую по делу гражданку Ипатову суд оправдал, прочим пятью подсудимым вынес общественное порицание. Однако с учетом объявленной ВЦИК амнистии трибунал смягчил наказания: Абрамову расстрел заменил пятью годами заключения, Коврижных и Шабалину сроки сократил наполовину, Графова от наказания освободил [87].

От двух вышеупомянутых дел несколько отличалось то, которое было рассмотрено 29 декабря в военном отделении трибунала (председательствовал Карманов). Речь шла о хищении мяса заведующим Верхошижемской районной заготовительной конторой Багаевым (из крестьян, 52 года), старшим агентом по заготовке мяса Стародубовым (кулак, 24 года) и агентом по убою скота Горбуновым (крестьянин-бедняк, 30 лет). Эти работники закладывали мясо в бочки для засолки вперемешку со снегом, говядину вместе со свининой; качественное мясо перемежалось селезенкой, ногами животных. Соль клали в 2–4 раза меньше нормы, а часть ее (более 100 пудов) похитил Стародубов. Мясо стало портиться, пришлось солить его повторно. Имели место недовложения; нехватка веса компенсировалась

просто: в одной из бочек обнаружилось более полутонна пудов камней.

В данном эпизоде наказания подсудимые выглядели весьма дифференцированными; возможно сыграл свою роль и классовый подход. Трибунал приговорил Стародубова к высшей мере наказания, без права амнистии, Багаева – к двум годам принудительных работ в тюрьме, сократив год по амнистии; Горбунов был оправдан [88].

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 3. Л. 11об., 14.
2. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 2.
3. Там же. Л. 7об., 11.
4. См.: *Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг.* Киров, 2008. С. 106–107.
5. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник / под ред. Е. Н. Чудиновских. Киров, 2009. С. 19, 622, 623.
6. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 4об.
7. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 50об.
8. *Бакулин В. И. Указ. соч.* С. 128–131.
9. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 22, 28.
10. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
11. *Бакулин В. И. Указ. соч.* С. 147, 186, 187.
12. См.: *Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 6.
13. ГАКО. Ф. Р-1322, Оп. 1. Д. 2. Л. 63.
14. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 138, 138об.; Д. 37. Л. 77.
15. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 51; Д. 35. Л. 63.
16. *Палкин К. А. К истории строительства советской судебной системы в Вятской губернии в 1917–1918 гг. (машинопись).* Киров, 1961. С. 34, 40, 41.
17. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 93.
18. См.: *Гаврилов Г. А. Вятская губернская чрезвычайная комиссия. Создание и становление (1918–1922 гг.)* // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Управление по Кировской области: очерки истории. Киров, 2008. С. 61–66.
19. *Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии).* Киров, 2007. С. 63.
20. Там же. С. 59.
21. *Гаврилов Г. А. Указ. соч.* С. 66–67.
22. См.: *Бакулин В. И. Деятельность Вятской губЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918 – середина 1919 г.)* // В. И. Бакулин. Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 74.
23. *Гаврилов Г. А. Указ. соч.* С. 71, 73; *Бакулин В. И. Деятельность Вятской губЧК...* С. 74.
24. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.
25. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 2. Д. 3. Л. 1, 24, 25, 27, 28, 29; Д. 7. Л. 1, 2.
26. *Поляков А. Г. Указ соч.* С. 61.
27. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 2. Д. 12. Л. 1, 2, 2об.
28. Цит. по: Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 8.
29. *Гаврилов Г. А. Указ. соч.* С. 68.
30. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 18. Л. 245, 245об., 246.
31. *Поляков А. Г. Указ. соч.* С. 62.
32. Там же.

33. ГАКО. Ф. Р-878, Оп. 1. Д. 16. Л. 49; Д. 18. Л. 268; Д. 35. Л. 71, 71об.
34. Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Управление по Кировской области: очерки истории. Киров, 2008. С. 232.
35. См.: Портнов В. П. ВЧК. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 63–64.
36. СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.
37. СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.
38. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 39, 50, 51, 66, 146, 155.
39. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.
40. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 119об., 120, 261, 263.
41. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 193, 194, 202, 220, 239, 327.
42. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 198. Л. 372.
43. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 годах. Киров, 2009. Кн. 1. С. 83.
44. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 145.
45. Там же. Л. 141, 188.
46. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 58.
47. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 172. Лл. 19 об., 20.
48. Там же. Л. 194; Д. 259. Л. 18 и т. д.
49. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Лл. 22, 33.
50. Вятская правда. 1921. 11 мая (№ 103). С. 2; 20 мая (№ 111). С. 2; 16 авг. (№ 183). С. 2.
51. Вятская правда. 1921. 23 июля (№ 164). С. 2.
52. Вятская правда. 1921. 13 апр. (№ 81). С. 2.
53. Вятская правда. 1921. 26 авг. (№ 191). С. 2.
54. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 58.
55. См., напр.: ГАСПИ КО. Ф. П-98. Оп. 1. Д. 75. Л. 7.
56. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 15.
57. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.
58. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 229. Л. 258.
59. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 228. Л. 148.
60. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 248. Л. 1.
61. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 29.
62. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 229. Л. 87.
63. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 234. Л. 103.
64. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 41.
65. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 248. Л. 12.
66. ГАСПИ КО. Ф. П-98. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.
67. Вятская правда. 1922 г., 27 янв. (№ 21). С. 2.
68. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 36.
69. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 229. Л. 145.
70. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 229. Л. 171.
71. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 121.
72. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 142об., 145.
73. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 229. Л. 175.
74. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 80об.
75. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 101.
76. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 248. Л. 98об., 99, 101.
77. Вятская правда. 1922. 1 янв. (№ 1). С. 4; 7 янв. (№ 6). С. 2.
78. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 34.
79. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 37.
80. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 136, 137.
81. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 296.
82. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 120.
83. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 42.
84. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 72об.
85. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 101, 102.
86. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 17.
87. Вятская правда. 1922. 7 янв. (№ 6). С. 2.
88. Вятская правда. 1922. 1 янв. (№ 1). С. 4.

УДК 94(470.342)"1918/1920":070

И. А. Соловьёва

МЕСТНАЯ НЕБОЛЬШЕВИСТСКАЯ
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ
НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 гг.
НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Статья посвящена анализу политических настроений населения Архангельской губернии весной-осенью 1918 г. Источником исследования служит местная небольшевистская периодическая печать – «Вестник Верховного Управления Северной Области», газеты «Наше дело», «Северный луч», «Север», «Голос Отечества». Результаты исследования позволяют сделать выводы об отношении населения к Февральской революции, большевистскому перевороту и социалистическому правительству, действовавшему в Архангельске в августе-сентябре 1918 г.

This article is devoted to analyzing the political moods of Arkhangelsk province's population in spring – autumn of 1918. The source of the research is the regional non-Bolshevist press: "Vestnik of the Supreme Government of the Northern Region", newspapers "Our Affair", "Northern Ray", "The North", "The Voice of the Fatherland". The research results help to make the conclusions about the population's attitude to the February Revolution, the Bolshevik upheaval and Socialist government which worked in Arkhangelsk in spring – autumn of 1918.

Ключевые слова: Гражданская война, Верховное Управление Северной Области, Н. В. Чайковский, небольшевистская периодическая печать, Учредительное собрание.

Keywords: the Civil War, Supreme Government of the Northern Region, N. V. Chaykovsky, non-Bolshevist press, Constituent Assembly.

Начальный период Гражданской войны 1918–1920 гг. на Севере России характеризовался установлением в Архангельске власти социалистического правительства – Верховного Управления Северной Области. Предыстория образования правительства антибольшевистского социалистического блока начинается весной 1918 г., когда созданный представителями партий социалистов-революционеров, народных социалистов и конституционных демократов «Союз Возрождения России» принял решение о формировании в ряде крупных центров региональных правительств с перспективой образования Всероссийского правительства. «Союз Возрождения России» имел свой военный штаб (генерал М. Н. Суворов, полковник Постников, эсеры А. Р. Гоц, В. И. Игнатьев и другие) и военную организацию, средства на содержание которой поступали, по свидетельству В. И. Игнатьева, главным образом от иностран-

ных миссий, в первую очередь французской [1]. На судебном процессе 1922 г. эсеры подтверждали, что весной и летом 1918 г. их партия считала нужным воспользоваться вооружёнными силами союзных держав в борьбе против большевистской власти, и именно с целью установления контактов с союзниками в Архангельск был направлен член ЦК ПСР М. А. Лихач. Пытаясь дать объяснение этому решению, Лихач говорил: «Мы полагали, что десант всё равно произойдёт независимо от того, хотим мы этого или не хотим. Для того, чтобы этот десант не принял характера военной оккупации... мы решили попытаться создать на Севере государственную власть, чтобы заставить союзников считаться с этой властью» [2].

Власть Верховного Управления Северной Области была установлена 1 августа 1918 г. при моральной поддержке высадившегося в Архангельске англо-французского десанта. В состав Северной области, подконтрольной антибольшевистскому демократическому правительству, предполагалось включить Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую, Новгородскую, Олонецкую, Вятскую и, возможно, Костромскую и Ярославскую губернии. Главой Верховного Управления был назначен Николай Васильевич Чайковский – уроженец города Вятки, бывший народник, член партии народных социалистов, член ЦК «Союза Возрождения России» и депутат Учредительного собрания от Вятской губернии.

Период деятельности социалистического правительства на Севере оказался очень кратковременным: с 1 августа по 28 сентября 1918 г. За эти неполные два месяца Верховное Управление попыталось реализовать так называемую «среднюю линию», или политику «третьего пути» в революции: вернуться к завоеваниям демократической Февральской революции под знаменем восстановления Учредительного собрания. Однако в конце сентября под давлением внутренних и внешних правых сил Верховное Управление самораспустилось, и на смену ему пришло Временное Правительство Северной Области, находившееся в явной зависимости у английского военного командования. Тем не менее изучение этого периода является важным для понимания того исторического фона, на котором разворачивался общероссийский процесс гражданского противостояния.

Для выяснения политических настроений населения Архангельской губернии, оказавшегося в эпицентре политических событий, существенное значение имеет периодическая печать. Периодические издания партии большевиков, вышедшие весной – осенью 1918 г. в Архангельске, Вологде, Вятке, достаточно активно вовлекались в разные годы в научный оборот [3]. Внимание исследователей привлекал и «Вестник Верховно-

го Управления Северной Области» [4]. Однако несомненный научный интерес представляет комплексное изучение содержания небольшевистских периодических изданий весны – лета 1918 г.

Наиболее полным источником среди периодических изданий является, безусловно, правительственный «Вестник Верховного Управления Северной Области», утверждённый постановлением ВУСО от 6 августа 1918 г. Его первый номер вышел 10 августа. «Вестник» публиковал правительственную информацию, тексты постановлений и распоряжений, а также сообщения с мест о происходящих там событиях. Последние и представляют наибольший интерес для изучения отношения населения к социалистическому правительству Северной области. Разумеется, правительственное издание не может не иметь проправительственной направленности. Поэтому совершенно естественна публикация на страницах «Вестника» телеграмм и сообщений корреспондентов о поддержке населением установленного 1 августа режима. Наибольшее количество опубликованных откликов поступало из уездов и волостей. Типичны были такие, например, телеграммы: «Большинство населения волости приветствует давно желательное Верховное Правительство Севера. Твёрдо веруем в его плодотворную для края работу на почве экономического и политического возрождения. Да здравствует Учредительное Собрание! (село Красноборское)» [5]; «Население сочувственно настроено к новому порядку» (Пинега) [6]; «Шелашское общее волостное собрание Шенкурского уезда постановило признать Верховное Управление Северной Области единственной властью, могущей защитить интересы края трудового крестьянства, и оказывать ему всемерную поддержку» [7]. В Емецкой волости Холмогорского уезда общее собрание жителей обсуждало 4 августа вопрос о том, какая власть должна быть в волости. 257 человек проголосовали за ВУСО, 51 – за Советскую власть [8]. Во время экспедиции управляющего Отделом Труда ВУСО С. С. Маслова по Шенкурскому уезду «во многих волостях устраивались собрания крестьян, на которых определено выявлялось весьма благожелательное отношение к новой власти» [9]. Уже 1 сентября поступило сообщение об отрицательном отношении к Советской власти жителей Онежского уезда [10].

Информации о негативном отношении жителей Архангельской губернии к событиям 1 августа и ВУСО на страницах «Вестника» мы не находим. Единственное более сдержанное сообщение поступило из Пинеги. В нём говорится о том, что политические события протекают в уезде достаточно спокойно в силу «заброшенности и оторванности от центра» [11].

Отношение к новой власти городского населения находило отражение в рубрике «Среди служащих и рабочих». Уже в № 1 «Вестника» сообщалось, что десант англо-французских вооружённых сил, высадившийся в Архангельске 1 августа, был «радушно и доверчиво встречен местным населением» [12]. В течение нескольких последующих дней в Архангельске проходили собрания рабочих, которые обсуждали установление власти ВУСО и выносили по этому поводу резолюции. На железнодорожной станции Иса-когорка проходил митинг рабочих-железнодорожников с участием крестьян пригородных сёл. Резолюция гласила, что собрание, «заклеймив должным образом большевиков и их деятельность, признаёт власть ВУСО единственной законной властью и выражает ей полное доверие» [13]. Рабочие и служащие заводов Каравана и «Плавслед» вынесли 7 августа решение о «посильной поддержке в перевороте, совершённом во имя торжества народовластия», и провозгласили: «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание!» [14]. В тот же день в поддержку ВУСО высказался Союз металлистов [15].

Более осторожную позицию занял профсоюз электромонтёров. На проходившем 6 августа собрании высказывались опасения, что новая власть может повторить ошибки большевиков, поэтому не нужно «обольщаться иллюзиями близкого прихода социализма». В резолюции же было записано решение «оказывать всяческую поддержку новой власти вплоть до той поры, пока она будет стоять на защите трудящихся масс и неуклонно проводить все пункты своей декларации от 2 августа» [16]. Примерно такая же ситуация определилась на собрании рабочих-печатников 5 августа, которое пришло к заключению, что «выносить авансом доверие или недоверие к власти нельзя, необходимо увидеть, насколько она будет проводить те лозунги, которые были про-возглашены во время вступления власти в управление областью, и если она будет стоять на стороне интересов трудящихся и свободы, то таковую власть поддержать» [17].

Однако, судя по всему, ВУСО всё-таки изначально вызывало доверие к себе со стороны наиболее сплочённых рабочих коллективов. Об этом свидетельствуют события, развернувшиеся в ночь с 5 на 6 августа. Правые силы предприняли попытку арестовать членов демократического правительства. В ответ на это началась забастовка, которую возглавили крупнейшие профсоюзы Архангельска. Ими был создан Центральный стачечный комитет, в который входили и представители профсоюза печатников – того самого, который столь осторожно высказывался относительно поддержки новой власти [18]. Забастовка продолжалась до 10 сентября. А 11 сен-

тября на страницах «Вестника» появилось обращение правительства к населению, где высказывалась благодарность за оказанную нравственную поддержку [19]. Примечательно то, что после 11 сентября прекратилась публикация в правительственном «Вестнике» сообщений о поддержке его населением, как и вообще любой информации о настроениях населения. Всего вышло в свет 45 номеров «Вестника Верховного Управления Северной Области», последний – 9 октября 1918 г. В нём глава ВУСО Н. В. Чайковский сообщал о сложении полномочий членами Верховного Управления и об образовании Временного Правительства Северной Области. С этого времени газета изменила своё название на «Вестник Временного Правительства Северной Области».

Газета «Наше дело» – издание Архангельской организации партии эсеров – начала выходить 9 июня 1918 г. Есть достаточно свидетельств того, что она издавалась и в августе – сентябре, когда эсеры являлись по сути правительской партией, однако сохранились лишь два первых номера газеты. Номер 1 содержал своеобразную декларацию: призыв «народа – крестьян и рабочих – к прекращению братоубийственной бойни, к созданию единого фронта, в котором только мы видим залог спасения остатков революции и экономических завоеваний трудящихся» [20]. А в № 2 наше внимание может привлечь корреспонденция о том, что среди рабочих заводов Маймаксы «царит усталость и равнодушие к окружающему. Замечается сильное недовольство большевистской властью, держащейся на штыке красной гвардии. Перевыборы в Совет, несмотря на усиленную агитацию большевиков, дали одного коммуниста, а два других места получили беспартийные» [21].

16 марта 1918 г. увидел свет первый номер газеты «Северный луч» – органа Исполнительного Комитета Архангельской организации РСДРП (объединённой). Последний из сохранившихся номеров (№ 23) вышел 19 июня того же года. Газета выходила с эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Она имела рубрику «Рабочая жизнь», где освещались главным образом вопросы охраны труда, безработицы, профсоюзной жизни, социальные проблемы трудящихся. Политические же настроения рабочих затрагивались крайне редко, что само по себе удивительно, так как отношение редакционной коллегии к политическим событиям высказывалось достаточно определённо. Так, уже в № 1 «от редакции» было заявлено: «Иго самодержавия, иго произвола, свергнутое Февральской революцией трудовым народом, снова воцарилось над ним после большевистского переворота в октябре под фиговым листком “рабоче-крестьянского правительства”» [22]. Здесь же были

опубликованы две резолюции Архангельской организации РСДРП (объединённой): одна содержала протест против разгона большевиками губернского земского собрания и ареста членов земской управы, другая – против срыва красного знамени с пролетарским лозунгом отрядом красногвардейцев во время митинга [23].

Те немногочисленные сообщения о политических настроениях рабочих, которые всё же были опубликованы в «Северном луче», создают следующую картину. 6 апреля 1918 г. собрание рабочих-печатников осудило большевистский переворот и заявило, что проведённую ими национализацию типографий «считает актом реакционным», поскольку это есть «монополизация способов пользования свободой печати в руках правящей партии, какая бы она ни была, что не может быть допустимо в свободной Российской республике» [24]. Солдаты, работавшие на Архангельском судоремонтном заводе, на собрании 26 марта постановили «не присоединяться к красной гвардии, на которой есть пятна чёрной грязи в лице их начальников и организаторов», и «всем до последней капли крови защищать свободу, революцию, откуда бы на неё ни нападали» [25].

Однако далеко не все рабочие коллективы высказывали столь определённые политические суждения. Например, 24 мая «текущий момент» обсуждало собрание рабочих лесопильного завода Чудинова и К° в Цигломени. Как сообщает корреспондент газеты «Северный луч», выступавшие рабочие «были в основном на стороне оппозиции» (большевикам), однако во время заключительного слова основного докладчика (приехавшего из города коммуниста) «собрание начало постепенно таять, так что к концу его речи осталось так мало, что оставшиеся решили не выносить резолюции, что, конечно, только и спасло от провала заготовленные большевиками резолюции» [26].

В начале 1918 г. в Архангельске появилась ещё одна оппозиционная большевикам газета – «Север». Она выходила с эпиграфом «Земля и воля! Лес и воля! Море и воля!» и позиционировала себя как народную газету. Последний из дошедших до нас номеров «Севера» датирован 28 апреля. Эта газета содержала хронику происходящих в Архангельской губернии событий, местные новости. Их оценка позволяет говорить о том, что газета была оппозиционна не только большевистской власти, но порой и социалистическим идеям в принципе. В № 12, сообщая о работе общегубернского Съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, корреспондент замечает: хотя председатель собрания большевик Иванов заявил, что Советская власть в губернии становится прочной, за исключением Архангельского уезда, волости на собрании были представлены

меньше, чем наполовину, то есть нельзя было судить о реальных настроениях населения [27].

На страницах «Севера» появлялась информация о таких событиях, которые явно свидетельствовали об антибольшевистских настроениях жителей Архангельской губернии. Например, в начале марта митинг железнодорожных рабочих станции Исакогорка большинством голосов принял резолюцию, обвинявшую Совет Народных Комиссаров в том, что из-за его действий «произошёл разрыв фронта революционной демократии». Теперь, по мнению рабочих, «демократия стремиться должна к прекращению гражданской войны внутри России и объединению вокруг идеи Учредительного собрания» [28]. В начале апреля крестьяне Ширшинской волости дали наказ своим делегатам на съезд крестьянских депутатов Архангельского уезда: «Требовать выборов органов самоуправления при прямом, равном и тайном голосовании, так как земства не вызывают доверия из-за своего прошлого, а у Советской власти не видно определённой программы в устройстве жизни» [29].

Все эти сообщения, содержащиеся в небольшевистской прессе периода весны – начала лета 1918 г., свидетельствуют о неоднозначности политических симпатий населения Архангельской губернии в преддверии событий 1 августа 1918 г.

Уже в период деятельности Верховного Управления Северной Области, 27 августа 1918 г., в Архангельске начала выходить ежедневная газета «Голос Отечества». Она объявляла себя беспартийной общественно-политической газетой, однако постепенно набирала тон, оппозиционный ВУСО, и 17 сентября была правительством закрыта, после чего стала выходить под названием «Отечество», однако при прежнем редакторе. Это издание по сравнению с другими даёт гораздо больше информации о политических настроениях населения. В публиковавшихся корреспонденциях с мест подчёркивалась антибольшевистская позиция крестьян и рабочих. Например, из села Сия Холмогорского уезда сообщалось: «Настроение крестьян ярко антибольшевистское. Это объясняется тем, что раньше во многих волостях советская власть эксплуатировала крестьян самым наглым образом... Теперь крестьяне не нарадуются присутствию отрядов народной армии и оказывают им всяческое содействие. Бегущих красноармейцев крестьяне не пускают в свои деревни, ловят их и представляют законным властям» [30]. Доверие ВУСО, по информации корреспондентов «Голоса Отечества», выражали крестьяне села Пиньгищенского Холмогорского уезда [31], Шелашской волости Шенкурского уезда [32]; общее собрание «Соломбального общества» решило «приветствовать Верховное Управление Северной Области и представителей союзных народов и при-

знать правильным постановление о всеобщей воинской повинности» [33].

Однако не всегда «против большевиков» означало «за ВУСО». Корреспондент «Голоса Отечества» сообщал: «Настроение в г. Пинеге и уезде, как и повсюду, против большевиков. Не следуя, однако, слишком увлекаться: крестьянская масса в общем глубоко равнодушна к делам управления края, да и вообще России. Главный интерес – материальный: хлеб, сахар, табак, ситец... Кто и как будет управлять краем – этот вопрос при его общеполитической постановке почти безразличен» [34]. В очень едкой заметке под названием «Штрихи», посвящённой попытке свержения ВУСО в ночь с 5 на 6 августа, безымянный автор всё же признаёт, что «прежде всего и более резко отнёсся к факту покушения пролетариата», организовав забастовку, а в целом «то, что принято называть вместо народа “массою”, осталась такою же инертною, ибо за неё всё делали её вожди» [35]. В этом же номере газеты было помещено некое подобие фельетона о крестьянах, посланных сельским агрономом Капустиным защищать с оружием в руках Верховное Управление. Текст завершается следующими словами: «Вот она темнота-то народная, которую вместо того, чтобы осветить, сразу ослепили ярким светом неведомого им светила» [36].

Вместе с тем, при всей оппозиционности «Голоса Отечества» Верховному Управлению, на его страницах нашло освещение лишь одно событие, свидетельствовавшее о неприятии жителями Архангельска ВУСО. Это не вполне понятное по форме «сопротивление правительству в первый день переворота», оказанное двумя рабочими завода Русанова – Антуфьевым и Коноваловым, за что они и были арестованы [37].

«Голос Отечества» даёт нам определённую информацию и о внутренней политике ВУСО. Например, сообщается, что в течение первой недели после установления власти ВУСО коменданту Архангельска было подано 77 прошений о разрешении провести собрания. 55 этих прошений было удовлетворено, 20 отклонено, а по двум оставшимся решение было отложено [38]. А 1 сентября произошёл очень примечательный инцидент: без соответствующего разрешения было назначено проведение собрания членов партии эсеров (правительственной партии!), а союзное командование поручило милиции «не допускать собрания», что и было сделано [39].

Проведённый анализ комплекса небольшевистских периодических изданий весны – осени 1918 г. позволяет сделать следующие выводы.

– Все издания уделяли на своих страницах определённое внимание политическим настроениям населения Архангельска и Архангельской губернии в начальный период Гражданской войны.

– В силу того что дошедший до нас комплекс данных источников по понятным причинам невелик, они могут иметь лишь вспомогательное значение при изучении политических настроений населения.

– Информация, содержащаяся в небольшевистской прессе, в целом подтверждает ту ситуацию, которая прослеживается по данным архивных материалов. Определённые политические убеждения имела сравнительно небольшая часть жителей Архангельской губернии, в основном это рабочие железных дорог и крупных промышленных предприятий. Крестьяне в массе своей от политических баталий были далеки, но могли выразить своё отношение к власти, исходя из её экономической политики. Количество сообщений об этом на страницах изученных в данном исследовании изданий приближается к двум десяткам. Подавляющее же большинство населения от публичных оценок власти воздерживалось.

Примечания

1. Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги четырёх лет гражданской войны Ч. 1. М.-Петроград, 1922. С. 12–13.
2. Известия ВЦИК. 1922. 5 июля.
3. См., напр.: Каленистов А. А. Местная печать как источник исследования истории Севера 1918–1920 гг. // Социалистические преобразования и социалистическое строительство северной деревни. Вологда, 1977. С. 27–28; Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970; Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. Киров, 1998.
4. См., напр.: Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993.
5. Вестник Верховного Управления Северной Области (ВУСО). 13 августа 1918 г. С. 1.
6. Вестник ВУСО. 21 авг. 1918 г. С. 3.
7. Вестник ВУСО. 3 сент. 1918 г. С. 3.
8. Вестник ВУСО. 31 авг. 1918 г. С. 3.
9. Вестник ВУСО. 23 авг. 1918 г. С. 3.
10. Вестник ВУСО. 1 сент. 1918 г. С. 3.
11. Там же.
12. Вестник ВУСО. 10 авг. 1918 г. С. 1.
13. Вестник ВУСО. 25 авг. 1918 г. С. 3.
14. Вестник ВУСО. 14 авг. 1918 г. С. 2.
15. См. там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Вестник ВУСО. 11 сент. 1918 г. С. 2.
19. Там же.
20. Наше дело. 9 июня 1918 г. С. 1.
21. Наше дело. 13 июня 1918 г. С. 2.
22. Северный луч. 16 марта 1918 г. С. 1.
23. См. там же. С. 3.
24. Северный луч. 6 апр. 1918 г. С. 3.
25. Там же.
26. Северный луч. 1 июня 1918 г. С. 3.
27. Север. 6 марта 1918. С. 2.
28. Север. 3 марта 1918. С. 2.
29. Север. 17 апр. 1918. С. 2.
30. Голос Отечества. 31 авг. 1918. С. 4.
31. Голос Отечества. 5 сент. 1918. С. 4.
32. Там же.

33. Там же.
34. Там же.
35. Голос Отечества. 12 сент. 1918. С. 3.
36. Там же. С. 4.
37. См.: Голос Отечества. 3 сент. 1918. С. 4.
38. См.: Голос Отечества. 5 сент. 1918. С. 4.
39. См.: Голос Отечества. 3 сент. 1918. С. 4.

УДК 336.13:94(470.342)"1921/1923"

С. В. Березин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ в 1921–1923 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье представлены некоторые особенности финансового положения Вятской губернии в 1921–1923 гг. Автор статьи рассматривает вопросы восстановления финансовой системы и влияние этого процесса на жизнь основной массы населения Вятской губернии. Уделяется внимание проблемам роста цен в начале 1920-х гг., а также вопросам функционирования органов финансового управления на местном уровне.

The article presents some features of the financial situation in Vyatka province in 1921–1923. The author considers the restoration of financial system and its influence on the lives of the major part of the population in Vyatka province. The paper focuses on the problems of increase in prices in the early 1920s. Particular attention is paid to the functioning of financial management at the local level.

Ключевые слова: новая экономическая политика (нэп), финансовая реформа, рост цен, губернское финансовое управление.

Keywords: New Economic Policy (NEP), Financial Reform, rising prices, the Provincial Financial Management.

Несмотря на то обстоятельство, что период нэпа в Вятском крае в той или иной мере исследовался в трудах не одного поколения местных историков, специальной работы, посвящённой финансам губерний, написано не было [1]. В публикациях такого рода данная тема затрагивается вскользь.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику всех финансовых мероприятий первых лет нэпа в регионе, автор ставит перед собой задачу осветить лишь некоторые аспекты начального периода реализации денежной реформы, некоторые особенности восстановления финансовой системы, характерные для Вятской губернии.

Общая обстановка в ней в начальный период нэпа достаточно подробно описана в ряде последних работ В. И. Бакулина [2]. Однако в контексте данной статьи всё же не лишним будет осветить некоторые особенности экономической ситуации в губернии.

© Березин С. В., 2011

При всех материальных потерях, понесённых регионом, как и всей страной в годы Гражданской войны, преимуществом его в сравнении со многими другими территориями был тот факт, что основная часть Вятской губернии недолгое время являлась прифронтовой полосой. К тому же наиболее пострадавшие от войны районы в 1920 г. были отданы Вотской автономной области. На территории губернии не было и суррогатных денег, выпускавшихся белыми правительствами, или валюты, ввезённой интервентами. Во всяком случае, на запросы из центра о стоимости на вольном рынке долларов, фунтов, золотых десяток в Москву была отправлена телеграмма: «В Вятке на вольном рынке доллара нет, продажа золота редка и цена на него рознится порой по дням» [3]. Это несколько увеличивало шансы на успешное введение новых платёжных средств, что было предусмотрено начинавшейся в 1923 г. реформой.

Тем не менее положение и здесь было крайне тяжёлым. Практически все финансовые органы приходилось создавать заново. Не работал банк, не кредитовалось сельское хозяйство, не проводилось страхование, в крайне плачевном состоянии оказалось вятское казначейство, в связи с началом реформы реорганизованное и влившееся в губернский финансовый отдел [4]. Предстояло, как и на остальной территории России, бороться с недоверием, которое испытывали граждане к деньгам.

В упадке находилась промышленность, и ранее бывшая весьма слабой. На 47,8% сократились объёмы промышленного производства. IX губернский съезд Советов в ноябре 1922 г. констатировал: «У всего персонала отсутствует заинтересованность... У работников получилось прямо физиологическое отвращение к труду» [5]. Широкие масштабы принял безработица, только в губернском центре постоянно без работы находились свыше 4000 горожан [6]. Всё это обусловило низкую покупательную способность населения и крайне низкий уровень жизни. Углублялся разрыв между городом и деревней.

Пожалуй, наиболее ярким выражением кризиса, в котором оказались Вятка и вся Россия в первый год нэпа, являлся беспрецедентный рост цен. Как правило, в статистических сборниках той поры вообще не фиксировались цены за 1921–1922 гг., настолько резко они изменялись. Так, за 1922 г. в Вятке потребительские цены в среднем выросли в 37,4 раза, в Слободском – в 56,4 раз [7]. Газета «Вятская правда» в номере за 15 февраля 1922 г. приводила следующие цены: пуд ржи – 1100 000 руб., ржаной муки – 1250 000 руб., картофель – 250–260 000 руб. за пуд, овсяной крупа по 40 000 руб. за фунт, манка – 110 000 руб., рис – 110 000 руб., керосин – 18 000 руб. за фунт, мыла туалетного – 120 000 руб., десяток яиц обходился в 50–

60 тыс. руб., творог – 80 000 руб. фунт, бутылка вина – от 800 000 руб. [8] В то же время номер самой «Вятской правды» стоил в Вятке 2500 руб., в уездах – 3000 руб. [9]

Спустя 18 дней, 5 марта, в «Вятской правде» находим статью с характерным названием «Рост цен на продукты питания. Цены растут с невероятной быстротой» [10]. В ней говорилось о том, что с первого ноября 1921 г. по первое марта 1922 г. цены на мясо выросли в 8 раз, на муку – в 11,5 раз (более 2 млн руб.), в 16 раз на картофель (371 тыс. руб.) [11]. В 10 раз подняты цены на проезд. Отмечалось, что наиболее острое положение в Вятке, где цены на потребительские товары выросли на 2350% [12]. Так, мука за это время подорожала с 190 тыс. руб. до 2700 000 руб., картофель – с 20 тыс. руб. до 490 000 руб., мясо – с 4000 руб. до 52 500 руб., масло – с 32 тыс. руб. до 250 000 руб. [13]

Следует заметить, что подобная тенденция была характерна для страны в целом. Помимо последствий военного лихолетья свою роль сыграло и то, что 1921 г. был из-за засухи крайне неурожайным. При этом резкое вздорожание продуктов происходило при сохранении относительно стабильных цен на промтовары. Ещё большего падения курса рубля пока удавалось избежать за счёт деноминации, проведённой в 1921–1922 гг. К концу февраля официальный курс составлял: доллар США – 530 000 руб., марка – 2500 руб., золотая десятирублёвка – 2700 000 руб. [14]

При таком положении дел в среднем 64,9% доходов крестьянских семей тратилось на продовольствие [15]. Особенно хочется подчеркнуть, что речь идёт о той части населения региона, которая непосредственно производила продукты питания. В 1921 г. в ряде южных уездов губернии начался голод, в связи с чем они освобождались от введенного в 1921 г. продналога.

На начальном этапе перехода к нэпу компания по сбору продналога в губернии была фактически сорвана, но уже с 1922 г. наметилась положительная тенденция, что видно из следующих показателей выполнения плановых заданий: 1921 г. – 67%, 1922 г. – 81,3%, 1923 г. – 87%, 1924 г. – 98% [16].

Как и в целом по стране, губернскому руководству необходимо было принимать решения по финансовым вопросам как можно быстрее, промедление ставило под угрозу дальнейшее существование РСФСР (СССР) как государства. Требовалось снизить до приемлемого уровня и стабилизировать цены на основные товары народного потребления. Создать новый, менее дефицитный бюджет, а для успешного его формирования – восстановить промышленность и заинтересовать работников в их труде. Не менее важно было в этом контексте привлечь на городской

рынок сельского производителя. Все эти мероприятия были бы немыслимы без воссоздания финансовой системы, стабильной, твёрдой валюты и отлаженной деятельности местных финансовых органов.

Вятский нэп начинается с апреля 1921 г., когда проходивший в губернском центре VII губернский съезд советов одобрил постановления X съезда партии [17]. Был принят курс на восстановление промышленности и сельского хозяйства и «смычки» города с деревней.

Как уже отмечалось выше, практически ни одно из финансовых учреждений города и губернии в начале 1920-х гг. не функционировало в нормальном режиме. В связи с этим, прежде чем проводить в жизнь постановления центральной власти, следовало провести значительную восстановительную работу. Некоторые звенья местной финансовой системы приходилось фактически создавать заново.

Одним из первых мероприятий, связанных с изменением финансовых органов губернии, стала реорганизация вятского губернского казначейства. Существовавшее ещё с 1917 г. и оставшееся в наследство от времён распределительной системы, оно явно неправлялось с запросами, поставленными новой экономической политикой [18]. По сути, это учреждение несло целый ряд черт учреждений, существовавших при Временном правительстве. То есть изначально казначейство создавалось для выполнения качественно иных функций. Основной его функцией было хранение и распределение губернского бюджета [19]. К 1920-м гг. часть этих функций была передана финансовым отделам городского и районных исполкомов (ГОРФО, созданном в 1918 г.) [20]. Ту же работу на подведомственных им территориях выполняли губернские и уездные финансовые отделы (ГубФО и УФО). Хранение и обмен денежных знаков, а также их перечисление организациям и частным лицам должно было принять на себя Вятское отделение госбанка РСФСР, открывшееся в феврале 1922 г. [21]

Банковское отделение было открыто во второй половине февраля 1922 г. и, по-видимому, событие это не сопровождалось пышными церемониями. Однако подготовительная работа велась, по крайней мере, в течение месяца. Хранящийся в государственном отделе Кировской области фонд ГубФО располагает целым комплексом документов, указывающих на то, что начальство этого учреждения принимало самое действенное участие в организации банковского дела на Вятке [22].

18 февраля 1922 г. в официальном отделе «Вятской правды» появилась короткое объявление, взятое в жирную рамку: «Вятское отделение госбанка открывает свои действия с 18 февраля 1922 г. на улице Дрылевского, 9» [23].

Спустя 8 дней «Вятская правда» опубликовала несколько заметок о банковской деятельности и о значении банковского отделения на Вятке [24]. Примечательно, что там же впервые были опубликованы текущие счета Вятского отделения госбанка. Картина выглядела следующим образом:

19 февраля – 801 000 000 руб.;
21 февраля – 802 000 000 руб.;
22 февраля – 804 000 000 руб.;
25 февраля – 7 804 500 000 руб.

Итого за неделю работы на банковских счетах накопилось 7 804 500 000 руб. [25] Для сравнения здесь можно привести среднюю месячную заработную плату вятского промышленного рабочего: 25 000 000 руб. [26] Этого достаточно, чтобы понять, насколько низким был старт банковской работы на Вятке и какова была её эффективность в первые же дни существования. В дальнейшем сведения о состоянии банковских счетов продолжали появляться в прессе.

С первых дней своего существования банк развернул обширную работу с населением. Ему были предложены такие услуги, как страхование от огня жилых и хозяйственных построек на сумму не свыше 20 млрд руб., приём бессрочных и месячных вкладов под 4,5% годовых, срочные вклады под 7,5%. Стоит сказать, что до этого в практике Российской империи было нормой 3% годовых [27]. Логика этого решения вполне понятна, государство, как единственный владелец банковской монополии в Вятке, получало немалый доход от вовлечения капиталов населения в банковскую сферу. В связи с этим принимались беспрецедентные меры по привлечению клиентов.

23 февраля 1922 г. Совнарком РСФСР постановил перейти во всех расчётах на «довоенные деньги». По существу речь шла о деноминации совзнака. С ценников и финансовых документов надлежало убрать три нуля, громоздкие цифры отходили в прошлое. По собственному почину подобная операция уже негласно проводилась в ряде губерний, в том числе в Вятской. Так, уже в начале 1922 г. в местной прессе и в ряде документов ГубФО для удобства миллионы заменялись тысячами. Постановление предписывало перейти на новый счёт с 1 марта, при этом в первую очередь деноминации подлежали цены на транспорт [28].

В Вятке данный документ был получен на следующий день – 24 февраля, а 26 февраля его текст был опубликован в «Вятской правде» [29]. В тот же день был получен и циркуляр о начале проведения денежной реформы, частично воспроизведенный в заметке «Совещание по вопросу денежного обращения», написанной по материалам совещания коллегии Наркомата финансов (далее НКФ) от 23 февраля [30].

По-видимому, опыт деноминации оказался не слишком удачным и привёл к путанице и неразберихе на местах. 8 марта 1922 г. во все губернии РСФСР была разослана подробная «Наказ – инструкция по проведению операций по переводным билетам, отношениям и кредитам» [31]. В данной инструкции приводились образцы заполнения журналов-отчётов, квитанций и составления бюджетных планов с использованием и старых и новых цен.

Весь август 1922 г. велась работа специально созданной при ГубФО комиссии. Собирались сведения о финансовом положении в уездах губернии. Повторюсь, никаких документов из Москвы, предписывающих провести подобную работу, не обнаружено. Осенью отчёт о работе был отправлен в НКФ [32].

Дальнейшая активизация реформаторской работы наблюдается в связи с переходом к золотому червонцу. Он требовал слаженной и напряжённой работы всего финансового аппарата. В связи с этим в 1923 г. работникам финансовых органов всех уровней несколько раз повышали заработную плату и командировочные [33]. В то же время было издано постановление по увеличению сверхурочных часов, в связи с переходом на золотую валюту [34].

С 20 июня 1923 г., когда в стране уже начали появляться новые, обеспеченные золотом деньги, ГубФО начал постоянное сношение с Москвой по вопросам курса рубля и золотого червонца. Соответствующая информация поступала в Вятку и ещё в три уездных центра (Котельнич, Слободской, Уржум) ежедневно, вплоть до ноября 1923 г., когда после окончательного утверждения золота в обращении надобность в них полностью отпала [35].

6 ноября 1923 г. правительство постановило перейти на расчёт в сберкассах в золотых и рублях и копейках. В Вятку данный циркуляр поступил в тот же день [36]. Переход к золотому червонцу проходил медленно, с учётом всех возникавших ошибок. Москва для своевременного оповещения о сбоях в проведении реформы требовала, начиная с 1 ноября 1923 г., ежемесячно отсыпал в «центр» отчёты и «телеграфный баланс» [37].

Помимо этого в декабре 1923 г. НКФ республики затребовал выслать ему полугодовой отчёт о работе губернских финансистов за апрель – сентябрь 1923 г. Данный отчёт был подготовлен и отправлен 16 января 1924 г. заведующим ГУБФО Шульгиным и управляющим этим органом Першаковым [38].

Сами же золотые десятирублёвки появились в Вятке (по крайней мере, официально) в августе. Тогда в банковское отделение из Москвы поступила небольшая партия десятирублёвок, 100 штук.

Не следует думать, что золотая монета массово ходила внутри страны, во всяком случае, на вятском материале это никак не подтверждается. Посланный из наркомата финансов запрос о стоимости золотых монет на вольном рынке получил прежний ответ: «...золото крайне редко и цена на него рознится порой по дням...» [39].

Нужно констатировать, что мероприятия по оздоровлению экономики проводились вполне успешно. Во всяком случае они не были сорваны и не вызывали нареканий из центра.

При этом стоит отметить небольшое влияние реформ на уровень жизни рядового вятского обывателя. Постоянный рост цен нивелировал достигнутые успехи, не давая возможности поднять жизненный уровень. Проведя первоначальные реформистские мероприятия, правительство добилось успехов для республики, смогло привлечь на рынки и вовлечь в товарно-денежный оборот сельхозпроизводителя.

К 1923 г. дали о себе знать пресловутые «ножницы цен». Цены на сельскохозяйственную продукцию упали в среднем на 20–25%, при этом ощутимо выросли цены на промтовары [40]. В дальнейшем подобная картина повторялась несколько раз и в прямой, и в обратной прогрессии.

Постепенно прекратилось падение уровня жизни. Вятчане стали употреблять больше мясопродуктов и молока, но по сравнению даже с голодным 1921 г. почти наполовину сократилось потребление зерна, хлеба и картофеля [41].

Здесь мы имеем дело с главным противоречием нэпа. При относительной стабилизации и частичном подъеме экономики и промышленности по стране в целом уровень жизни отдельно взятого россиянина оставался низок. При быстром проникновении на рынок сельскохозяйственной продукции ощущалась острые нехватка промышленных товаров, что вело к резкой разнице цен то одного, то другого. Страна не успевала за своей стремительно оживающей финансово-денежной системой.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод об относительной стабилизации финансового положения на территории губернии только к концу 1923 г. При этом стоит отметить, что Вятка повторяла общероссийскую тенденцию. При успешной перестройке финансовых органов и мероприятий по деноминации национальной валюты наблюдается стабильно низкий уровень жизни общества. Создание фундамента для перехода к твёрдой валюте сопровождалось фантастическими перекосами в ценах на сельскохозяйственную продукцию и промтовары. На Вят-

ке эти издержки восстановления хозяйства усугублялись слабостью промышленного сектора при постоянном росте городского населения, что обуславливало высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни горожан.

Примечания

1. См.: Кашина В. М. Вятский край в 20–30 е годы, противоречивость развития // Вятский край с древности до наших дней. Киров, 2006; или Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995.
2. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 гг.: в 2 кн. Киров, 2009; Он же. Политическая ситуация в Вятской губернии на втором году нэпа // Вестник ВятГГУ. 2010. № 4.
3. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 419. Л. 43, 48.
4. ГАКО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 202. Л. 52–60.
5. Кашина В. М. Вятский край в 20–30-е годы, противоречивость развития // Вятский край с древности до наших дней. Киров, 2006. С. 236.
6. Там же.
7. Город Слободской пять столетий истории. Киров, 2005. С. 263.
8. Вятская правда. 1922. № 37. 15 февр. С. 2.
9. Там же. С. 1.
10. Вятская правда 1922. № 52. 5 марта. С. 3.
11. Там же. С. 3.
12. Там же. С. 3.
13. Вятская правда. 1922. № 52. 5 марта. С. 1.
14. Вятская правда. 1922. № 43. 22 февр. С. 4.
15. 200 лет Вятской губернии. Киров, 1996. С. 308.
16. Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 361.
17. Кашина В. М. Вятская губерния в период нэпа // Вятский край с древности до наших дней. Киров, 2006. С. 239.
18. ГАКО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 17. Л. 60.
19. ГАКО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
20. ГАКО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 49.
21. Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 363.
22. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 257. Л. 18, 26–28, 60.
23. Вятская правда. 1922. № 40. 15 февр. С. 4.
24. Вятская правда. 1922. № 46. 26 февр. С. 3.
25. Там же. С. 3.
26. Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 361.
27. Вятская правда. 1922. № 46. 26 февр. С. 3.
28. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437. Л. 1.
29. Вятская правда. 1922. № 46. 26 февр. С. 3.
30. Там же. С. 3.
31. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437. Л. 2–6.
32. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–57.
33. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 2. Д. 6; Там же. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437. Л. 6.
34. Там же. Л. 25.
35. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 419.
36. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437, Л. 21.
37. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437. Л. 23.
38. Там же. Л. 27.
39. ГАКО. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 437. Л. 80.
40. Город Слободской пять столетий истории. Киров, 2005. С. 264.
41. Там же. С. 252.

УДК 94(470.342)"1920/..."

П. Н. Шарабаров

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
НАКАНУНЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»
КОНЦА 20-Х ГГ. ХХ В.**

В статье анализируется политическая ситуация в Вятской губернии в 1927–1928 гг. Настроения основных категорий населения рассмотрены через призму социально-экономических проблем, возникших в регионе к концу 1920-х гг.

The article is concerned with the political situation in Vyatka province in 1927–1928. Moods of the basic categories of the population are considered through the prism of the social and economic problems which had arisen in the region by the end of the 1920s.

Ключевые слова: настроения, социально-экономические проблемы, рабочие, крестьяне, интеллигенция.

Keywords: moods, social and economic problems, workers, peasants, intelligentsia.

Анализ политической ситуации, сложившейся в Советском Союзе накануне крупнейших преобразований, вошедших в историю как сталинский «великий перелом», является крайне важным в свете непрекращающихся в отечественной и зарубежной исторической науке дискуссий по поводу обоснованности свертывания нэпа. В связи с этим актуальными представляются региональные исследования по данной проблеме, дополняющие наши знания о политической борьбе, проходившей в центре в указанный период времени. Приведенные в статье материалы довольно показательны, поскольку Вятская губерния в конце 1920-х гг. являлась одним из крупнейших сельскохозяйственных регионов страны.

К началу 1928 г. Вятская губерния представляла собой довольно крупный регион СССР. Административно она делилась на 9 уездов и 83 волости [1]. При занимаемой площади в 108 тыс. км² [2] население губернии составляло (по состоянию на 1 января 1928 г.) 2250 тыс. человек [3].

Как и прежде, преобладало сельское население, численность которого равнялась 2107 тыс. чел., или 94% всех жителей губернии.

Соответственно и в экономике преобладало сельское хозяйство, социально-экономический уровень развития которой был невысоким: сохранились примитивные орудия труда, чересполосица, низкая товарность аграрного производства [4]. В сельском хозяйстве производилось 56% валовой продукции региона [5]. Степень индустриализации

в губернии была невысока, что можно проиллюстрировать тем, что на 1000 чел. населения приходилось 12 рабочих цензовой промышленности [6].

Вятская губерния к началу 30-х гг. ХХ в. имела небольшую промышленную базу. Вплоть до 1931 г. на ее территории было всего 172 цензовых предприятия с тринадцатью с половиной тысячами рабочих. На предприятиях тяжелой индустрии было занято только 2205 чел. [7].

Второстепенное значение промышленного производства в экономике губернии было обусловлено преобладанием форм мелкого и кустарно-ремесленного производства и относительно слабым развитием промышленности фабрично-заводской: по данным конца 1927 г., процент рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, составлял только 0,6% к общему населению губернии и 11% – к населению городскому [8].

Социально-экономические проблемы, с которыми сталкивалась в то время Вятская губерния, были довольно типичными для всей страны. Завершился восстановительный период народного хозяйства. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности губернии превысила уровень 1913 г. на 49% [9]. Но в то же время в резолюции XIII Вятского губернского съезда Советов, состоявшегося 1–7 апреля 1927 г., отмечалось «замедление темпа роста производства, что являлось следствием полного использования наличных возможностей дальнейшего развертывания предприятий на существующей технической основе». Это характеризовалось следующими данными: «В 1923–1924 гг. прирост валовой выработки по предприятиям губернского совета народного хозяйства составил 58,8%, в 1924–1925 гг. – 48,3%, в 1925–1926 гг. – 32,4%, а в первые пять месяцев текущего года достиг всего лишь 11,1%» [10].

Параллельно с процессом восстановления народного хозяйства во второй половине 1920-х гг. начался постепенный переход части промышленности на более высокий уровень технической базы. В связи с этим к концу 1927 г. были реконструированы спичечная фабрика «Красная звезда», меховая фабрика «Белка», лесозавод № 1, некоторые предприятия Кожтреста, бумажная фабрика «Красный курсант», текстильная фабрика «Красный труд» [11]. На четырех последних были введены новые цехи. На «Красной звезде» производство спичек переместилось во вновь построенный корпус, старое здание стали использовать для изготовления фанеры [12].

В русле общегосударственной политики рационализации промышленного производства шел поиск внутренних резервов за счет жесткого режима экономии, повышения производительности труда, укрепления дисциплины, рационализации

производства [13]. Рационализация трудовых операций и всего производственного процесса в железнодорожных мастерских станции Вятка-2 вдвое увеличила производительность труда рабочих. При этом рабочий день, по их признанию, уплотнился настолько, что стало проблемой выкроить время для посещения туалета [14].

Первые мероприятия, связанные с начавшейся модернизацией советской промышленности, приходилось проводить в условиях обострения социально-экономической ситуации. Практиковалось нормированное снабжение продовольствием городского населения. Произошедшее в ноябре 1928 г. замораживание заработной платы на большинстве предприятий губернии (кроме Омутнинского и Белохолуницкого металлургических заводов) [15] больно ударило по благосостоянию рабочих. На фоне исчезновения ряда продуктов (мясо, подсолнечное и сливочное масло, сахар, яйца и др.) из государственно-кооперативной торговли происходил рост цен на вольном рынке, что превращало его товары в практически недоступные для значительной части городского населения. Ситуация усугублялась тем, что квартирная плата, коммунальные расходы в среднем изымали из семейных бюджетов рабочих и служащих около 16% их доходов [16].

Жилищное строительство только началось, жили тесно. В 1925–1929 гг. на одного человека в городах Вятке и Омутнинске приходилось 5 с небольшим, в г. Слободском – чуть больше 6 м² жилой площади [17]. На одного человека в Малмыже отпускалось из водопровода 3 литра воды в день, в Нолинске – 3,5, в Халтурине – 12 и только в Вятке – 28 литров [18]. Электроснабжение также было недостаточно: в уездных городах одна лампочка приходилась на 7–8, а порой и на 12 жителей [19].

Сохранялась безработица. В период восстановления экономики региона ее уровень снизился с 4,8 тысяч человек в конце 1922 г. до 3 тысяч в 1925 г. [20] Затем она стала расти, испытывая при этом сезонные колебания, увеличиваясь в осенне-зимние месяцы и заметно уменьшаясь в конце весны – летом. Последнее обусловливалось появлением сезонных работ – сельскохозяйственных, строительных, а также промывки шерсти на кожевенных заводах. Так, в 1927 г., по данным Биржи труда, число официально зарегистрированных безработных, составлявшее в январе-феврале около 4 тыс. чел., в апреле превысило 5 тыс. (при этом пособие по безработице получал лишь каждый пятый), но опустилось до 3,7 тыс. чел. в начале лета [21].

Осенью ситуация резко ухудшилась. В последней декаде октября за счет сокращаемых сезонных рабочих и демобилизуемых из армии молодых мужчин число регистрируемых на Бир-

же ежедневно прирастало на 150 чел., в то время как работа находилась не более чем для 50 [22] (подобная ситуация отмечалась и для октября 1928 г., когда на учете состояли 5707 чел.) [23]. Губернские власти делали определенные шаги к смягчению проблемы безработицы, но, вместе с тем, обладая на сей счет ограниченными возможностями, даже не всегда их использовали в полной мере [24].

В сельском хозяйстве посевная площадь в 1927 г. составила 103,9% по сравнению с 1916 г. Валовый сбор зерновых культур превзошел уровень 1916 г. на 17,9%. Количество лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз также превысило этот уровень [25]. Однако указанный низкий уровень сельского хозяйства нарушил столь идеальную картину. Значительное падение товарности аграрного сектора и обострение социальных противоречий в среде сельского населения объективно означало, что нэп заводит в тупик не только российскую деревню, но и советское общество в целом [26].

Кроме того, Вятскую губернию не обошел стороной хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 гг., всколыхнувший деревню по всему СССР [27]. Неудачная хлебозаготовительная кампания второй половины 1927 г., осложненная осениным паводком [28], когда в Вятской губернии по состоянию на 1 января 1928 г. было заготовлено 457746 пудов зерновых культур, или 17,2% задания Наркомторга [29], вынудила власти в центре и на местах пойти по пути «закручивания гаек». Под воздействием идущих «сверху» директив вятские руководители стали переходить в отдельных уездах губернии к методам голого администрирования, а то и откровенного насилия по отношению к тем держателям хлеба, которые не желали продавать его государственным органам и кооперации по фиксированным ценам [30]. Широко применялась ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., по которой к 17 марта 1928 г., вкупе с конфискацией хлеба, другого имущества и штрафа, выраженного приблизительно в общей сумме 40–45 тыс. руб., к ответственности были привлечены на Вятке около 100 человек. Кроме того, к дополнительному обложению сельхозналогом на сумму в общей сложности 18 тыс. руб. привлекли ряд кулацких хозяйств [31]. В результате указанных мер на 15 марта 1928 г. было заготовлено 1253 тыс. пудов зерновых, что составляло уже 50,1% задания Наркомторга [32].

В целом в 1927–1928 гг. в Вятской губернии происходило неспешное вступление в период индустриализации на базе нэпа. Плавное течение и скромные масштабы процесса модернизации не могли улучшить тяжелое материальное положение населения региона. Немалая часть крестьянских хозяйств (из общего их количества

403,4 тыс. в 1928 г.) бедствовала. В 1926 г. 18,5% крестьянских семей вообще не имели рабочего скота. Но и те 74%, которые обходились одной лошадью, балансировали на грани нищеты [33].

Общая социально-экономическая ситуация непосредственно влияла на настроения населения, разговоры и поведение, вызывала недовольство, нередко переносимое на саму советскую власть [34]. Жесткие меры, предпринятые властями для преодоления хлебозаготовительного кризиса зимы 1927–1928 гг., вызывали противодействие крестьян, порой пассивное, в других случаях активное [35]. К тому же напряженность нарастала в связи с установкой центральных и местных руководящих органов на ограничение кулацкого хозяйства и поддержку деревенской бедноты методами налоговой и кредитной политики. 12 января 1929 г. президиум Вятского губернского исполнительного комитета принял постановление «О кулацких выступлениях в деревне». В документе сложившаяся ситуация характеризовалась в несколько упрощенном варианте, исходя из грубой, в духе вульгаризированного марксизма, схемы классовой борьбы. Постановление отмечало «обострение классовой борьбы и сопротивление со стороны нэпманов, кулаков, попов, сектантов и других антисоветских группировок, объединившихся в борьбе против диктатуры пролетариата». Это сопротивление выражалось «в попытках срыва хлебозаготовок, противодействии строительству колхозов и совхозов, попыток овладеть отдельными звеньями кооперативного и советского аппарата, в фактах террора против советских и партийных работников, а также активистов рабочих, крестьян, бедняков, середняков, рабселькоров; в избиении скота и поджогах имущества активистов» [36].

Данная схема не позволяла увидеть всю сложность картины политической жизни региона, упрощала ситуацию, игнорируя недовольство тех слоев населения, которые не рассматривались как враждебные советской власти. Между тем недовольство приняло довольно широкие масштабы, свидетельство чему обнаруживается в секретных материалах Вятского губернского отдела ОГПУ, губкома ВКП(б), предназначенных для служебного пользования. Недовольство политикой центра высказывали также и официальная опора власти в деревне – средние и беднейшие слои сельского населения. Краеугольным камнем был вопрос о хлебе. Отдельные представители всех слоев крестьянства считали себя обделенными в пользу города, то и дело отмечались высказывания о том, что город «жирит», а деревня «пухнет от голода»: «Крестьянину живется тяжело и хуже, чем рабочему; продукты промышленности, которые покупают крестьяне, дороги потому, что дорого платят рабочему» [37]; «все внимание обращается на рабочий класс, а разве кре-

стяинин вам чуждый элемент; крестьянин из-за голода продает последнюю корову» [38].

Кроме того, сказывалась определенная материальная зависимость бедняков от зажиточных слоев села, что также называлось одной из причин сопротивления части деревенского населения проведению мероприятий властей [39]. К тому же, как было отмечено на V пленуме Вятского исполнительного комитета в июле 1928 г., «в связи со слухами о войне крестьяне придерживали хлеб» [40].

В целом источники фиксируют часто встречающиеся высказывания крестьян о неизбежности и желательности поражения большевиков, необходимости вторжения извне. Экономическую политику большевиков крестьянство оценивало как «грабительскую; которая ведет крестьян к разорению» [41]. В выступлениях на собраниях, в частных беседах середняки говорили о налоговом переобложении трудовых хозяйств: «Если крестьянин начинает подниматься, держит скота больше, его давят налогами». Встать крестьянству на ноги, жить по-хорошему, по-зажиточному, согласно выступлениям селян, мешали «не ограниченные возможности единоличного хозяйства», а политика Советской власти, «ограниченные возможности» не в сфере экономики, а в сфере советского законодательства [42].

Недовольство части крестьян вызывала не только политика наступления на зажиточные слои, но и поддержка властью бедноты: «Советская власть защищает только бедняков-лентяев, а вот, который получше, то его Сов власть жмет беспощадно». «Однинадцать лет живем при Сов власти, – говорили середняки, – она все время старается поднять бедняков, все время им помогает, а бедняки бедней старого... Дать бы срока на три года, если не будут двигаться, то покончим с ними дело... Один работает – с него налог, а второй не работает и не платит». В «люди», по их мнению, выходила только хозяйственная жилка, умение крестьянствовать, а бедняки потому бедные, что «лодыри», «лентяи». Крестьянство объясняло «ставку партии на бедняка-лодыря» не только тем, что «Сов власть – власть бедных», но и стремлением партии «организовать бедноту против середняков», разжечь классовую борьбу в деревне, столкнуть крепкого крестьянина с лентяем «с целью втянуть всех в коллектив» [43].

Указанные моменты в совокупности создавали довольно напряженную политическую ситуацию в вятской деревне накануне начала крупнейших преобразований, связанных прежде всего с массовой коллективизацией сельского хозяйства.

Недовольство всех слоев сельского населения означало, что что-то надо делать, менять саму

стратегию проводимой политики. Нэп не только экономически, но и политически заводил в тупик. Но в то же время не стоит слишком драматизировать картину. Существующее недовольство отнюдь не означало того, что деревня в любой момент могла взяться за оружие. Степень радикальности подобных настроений была различной, далеко не во всех случаях недовольство выливалось в открытую враждебность, являясь лишь временным частичным отказом в доверии власти. При смене вектора политики в сторону поддержки того или иного слоя населения лояльность к власти вновь возвращалась. Как отметил в секретном политическом письме, направленном в Вятский губернский партийный комитет 9 октября 1928 г., ответственный секретарь Малмыжского уездного комитета ВКП(б) М. Е. Мамонов, деревенская беднота, вследствие широких налоговых льгот, «забыла „старые обиды“ весны-лета и в общем проводимой политикой вполне довольна» [44]. Таким образом, курс властей, направленный на обеспечение поддержки своей политики со стороны беднейших слоев населения, уже к осени 1928 г. начал приносить свои первые плоды.

Однако масштаб негативных настроений получался еще более широким при взгляде на другие категории советских жителей. Крестьянское недовольство дополнялось претензиями к власти со стороны рабочих и значительной части интеллигенции.

В рабочей среде, особенно в населенных пунктах Северо-Вятского горного округа, проблемой номер один была растущая в связи с сокращением производства безработица. Весной 1927 г. было решено законсервировать Кирсинский, Климковский, Песковский металлургические заводы, а часть их работников перевести на Омутнинский металлургический завод. Губернским властям не удалось удовлетворительно решить вопрос трудоустройства работников трех остановленных предприятий, где на одном лишь Кирсинском заводе лишились работы 850 человек. Часть из них была действительно переведена на Омутнинский завод, где в это время царили упаднические настроения, связанные с нерентабельностью предприятия и опасениями относительно возможной его остановки. Перевод рабочих не лучшим образом сказался на трудовой дисциплине, породив к тому же определенные трения между пришельцами и местными металлургами [45].

Пополняющие же ряды безработных бывшие рабочие накаляли и без того сложную ситуацию на вятской Бирже труда. В материалах губернского исполнительного комитета отмечалось, что «на Биржах труда имеет место сильно развитое хулиганство, особенно рельефно выражющееся со стороны молодежи: приставание к женщинам,

циничные выражения, брань, шум, порча мебели и помещений, появление на Биржу в пьяном виде, – а также пребывание в стенах Биржи других элементов, не связанных с ней, но принимающих активное участие в хулиганстве и других неблаговидных поступках» [46]. К тому же проблема безработицы с осени 1927 г. стала приобретать и политический оттенок. Накалилась атмосфера на вятской Бирже труда, где громкие скандалы перемежались руганью в адрес советской власти, где порой звучали и пожелания типа «скорей бы война». Антисоветские настроения были отмечены также в среде уволенных рабочих Кирсинского завода [47].

Между тем и у тех граждан, которые сохранили свои рабочие места, было немало причин для недовольства. В отчете губернского отдела ОГПУ за февраль 1927 г. отмечалось, что рабочие возмущались дороговизной продуктов (информация с фосфатных рудников Омутнинского уезда), изношенностю оборудования (лесопильный завод в Малмыжском уезде), а также тем, что не сокращаются раздутые штаты в заводоуправлениях [48]. Ситуация усугублялась тем, что начинавшийся процесс модернизации загрузил сверх нормы и без того малочисленные и нерентабельные предприятия тяжелой промышленности. Возникла нагрузка, с которой рабочие не успевали справиться в течение восьмичасового рабочего дня с возложенными на них обязанностями, что вызывало их естественное недовольство [49].

Разворачивающаяся индустриализация требовала постоянного роста фонда социалистического накопления, осуществления строжайшего режима экономии на всех участках хозяйственного строительства. В связи с этим ЦК и ЦКК ВКП(б) 25 апреля 1926 г. приняли «Обращение ко всем парторганизациям, ко всем контрольным комиссиям партии, ко всем членам партии, работающим в хозяйственных, кооперативных, торговых, банковских и других учреждениях, о борьбе за режим экономии» [50]. Руководящие партийные органы призвали всех трудящихся неуклонно повышать производительность труда, добиваться всемерной экономии, максимально использовать внутрихозяйственные резервы и определили конкретные меры по решению этих задач. По сути, население призвали потуже «затянуть пояса». Некоторые представители рабочей среды Вятской губернии оказались не готовыми к таким жертвам. На различных собраниях, вечерах вопросов и ответов губернского исполнительного комитета (благо записи выступающим можно было подавать анонимно), а то и просто в личных беседах некоторые рабочие обрушивались с критикой политики экономии, рационализации и интенсификации производства в

условиях острых продовольственных и бытовых затруднений.

Серьезно нервировало рабочих введение карточной системы снабжения продовольственными товарами и необходимость в связи с этим стоять в многочасовых очередях: «Почему в соввласти пятнадцатичасовой рабочий день: восемь часов работают, семь часов в очередях за хлебом»; «хлеба, говорите, хватит. Если же вычесть – сколько умрет людей в очередях, то, наверное, останется даже» [51].

В условиях нехватки продовольствия объективно нарастали противоречия между городским и сельским населением, поскольку первые страдали от дефицита и растущих цен, а немалая часть вторых старалась нажиться на этом дефиците. В секретных материалах Вятского губернского отдела ОГПУ, губкома ВКП(б) встречаются упоминания о неоднократных случаях осуждения отдельными представителями городского населения высоких цен на различные товары, устанавливаемые, по мнению недовольных, крестьянами в целях нажиться за счет города [52].

Продовольственные затруднения в городах проецировались в противостоянии рабочих с различным социальным происхождением. Спецсводки ОГПУ отмечали «рост антагонизма между “коренными” рабочими и той частью рабочих, которые имеют сельское хозяйство (часто крепкое) и смотрят на работу на фабрике и заводе, как на побочный заработок». Так, группа рабочих спичечной фабрики «Белка» выступили за повышение норм выработки для своих коллег, имеющих хозяйство в деревне, мотивируя это наличием у них дополнительных источников заработка [53].

В целом, позиция части рабочих Вятской губернии была близка взглядам группы трудящихся г. Москвы, составивших письмо с описанием своего бедственного положения: «Московские рабочие считают наше положение катастрофическим и безвыходным. Страна по существу уже голодает и массы не в состоянии работать. За индустриализацию мы платим кровью наших голодящих детей и гибелью целых поколений. Мы кормим заграничных свиней, сбывая за бесценок последний кусок хлеба, а сами едим всякую дрянь и наши препраславленные фабрики-кухни и хлебозаводы – одно лишь изdevательство. Нигде в мире рабочему кусок хлеба не достается с таким трудом, как у нас. После потогонной работы приходится часами стоять в очередях, чтобы получить кусок скверного хлеба. Наша зарплата равняется фактически нулю. Ограбленная и опустошенная деревня грабит нас...» [54].

Что касается интеллигенции, то картина была еще более сложной. На настроения интеллигенции в немалой степени влияли ее давние полити-

ческие симпатии. События 1917 г., Гражданской войны выявили тот факт, что преобладающая часть интеллигенции отдала симпатии не большевикам, что было также характерно и для Вятской губернии [55]. Они ориентировались не на советский, а на западный вариант развития, что в полной мере получило свое развитие в так называемом «сменовеховском» политическом течении, получившем широкую поддержку среди советской интеллигенции [56]. Сторонники «сменовеховства» (на территории Вятской губернии представленные членами Нижегородской краевой организации Трудовой Крестьянской партии [57]) делали ставку на нэп как вариант эволюционного перехода к капитализму. Эта часть интеллигенции, выступая за развитие капиталистических отношений, соответственно поддерживала и их носителей (деревенского кулака, городского нэпмана). Естественно, что и в 1928–1929 гг. они выступали за развитие нэпа, их не вдохновляла перспектива его свертывания. Как отметил в секретном политическом письме, направленном в Вятский губернский партийный комитет 23 октября 1928 г., ответственный секретарь Нолинского уездного комитета ВКП(б) И. П. Ростовцев, «интеллигенция проявляет робость, боязнь посещать собрания крестьянства, не дает четкого разъяснения по текущим хозяйственным задачам. Отмечается политика поддакивания рокоту крестьянства, направленного на срыв важнейших хозяйствственно-политических кампаний» [58].

Согласно сводкам Вятского отдела ОГПУ, «чужды по социальному происхождению и по идеологии люди составляют значительный процент в среде интеллигенции. Эти чужды люди в общественной работе не принимают никакого участия, держат связь с кулачеством и лишенцами, прикрывая их пропелки, грубы с окружающим населением и с подчиненными, к своей работе относятся бюрократически, по-казенному» [59]. Данное обстоятельство связывалось прежде всего с тем, что в данный период времени советской власти не удалось еще сформировать в среде интеллигенции устойчивый слой преданных идеалам коммунизма людей. Так называемая «старая интеллигенция», «воспитанная на принципах „старого доброго времени“» [60] составляла еще большинство, что прямым образом отражалось на политических позициях и практической деятельности указанной категории населения [61].

В совокупности указанные обстоятельства создавали весьма взрывоопасную ситуацию в обществе, что не могло не отразиться на настроениях правящей коммунистической партии. Членам ВКП(б) отводилась авангардная роль в проведении намеченной модернизации страны. Совершенно естественно, что негативные настроения

ния, имевшие место в обществе, так или иначе накладывали определенный отпечаток и на деятельность членов большевистской партии, тысячами нитей связанных с беспартийным населением.

Во многом восприятие большевиками, в том числе и вятскими, происходящих событий зависело от их социального происхождения. Оценивая ту или иную резолюцию вышестоящего органа, коммунист часто исходил из своих материальных интересов, из того, рабочий он или крестьянин.

По состоянию на 1 октября 1928 г. в рядах Вятской губернской организации ВКП(б) было 6944 члена и 2670 кандидатов в члены партии. Среди них по социальному составу рабочие составляли 42,6%, крестьяне – 34,5%, служащие – 22,2% и прочие – 0,7% [62].

При некотором численном преобладании рабочих в губернской партийной организации, крестьянство составляло немалый процент в ее составе. Данное обстоятельство не могло не сыграть своей роли при проведении на территории Вятской губернии мероприятий по форсированной индустриализации промышленности и массовой колLECTivизации сельского хозяйства. Указанное выше разгоравшееся противостояние между крестьянами и рабочими не могло не проецироваться на партийную массу. К тому же масштабные преобразования, намечавшиеся в СССР, естественно затрагивали материальные интересы и членов ВКП(б), вызывая их недовольство, а порой и активное сопротивление.

На данном этапе настроения оппозиционности проводимому и особенно вновь намечаемому проявились, главным образом, в так называемом «правом уклоне» в ВКП(б), имевшем соответствующую социальную базу в такой аграрной губернии, как Вятская.

В 1926 г. А. Кровицкий провел обследование хозяйств крестьян-коммунистов Вятской губернии. В каждом уезде было взято в среднем по 30 хозяйств коммунистов, а всего 251 двор, то есть 16,6% всей численности хозяйств, принадлежавших в губернии крестьянам-коммунистам. Анализ полученных данных свидетельствует о ярко выраженном имущественном превосходстве хозяйств крестьян-коммунистов над средним уровнем остальных хозяйств губернии. Средняя обеспеченность лошадьми в хозяйствах крестьян-партийцев была выше средней губернской на 12,5%, обеспеченность коровами – на 23%. Если по губернии средний процент хозяйств без посева составлял 23,3%, то среди крестьян-коммунистов – только 3,1%. Самая высокая группа по обеспечению землей – от 8 дес. и выше, среди крестьян-коммунистов к ней относились 16,9%. Среди остальных крестьянских дворов на дан-

ную группу приходилось только 3,4%. При этом значительным подкреплением бюджета части членов партии являлись побочные заработки в виде денежных окладов по партийно-советским должностям (100–300 руб. в год) [63].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что вследствие улучшенного материального положения крестьян-коммунистов объективно они были не заинтересованы в намеченных сталинским руководством преобразованиях, потенциально какая-то их часть могла пополнить ряды сторонников так называемого «правого уклона» в ВКП(б).

Таким образом, политическая ситуация в Вятской губернии накануне «великого перелома» характеризовалась нарастанием напряженности. Самые различные слои населения в силу ряда причин выражали свое недовольство проводимой центральными и местными органами власти политикой по решению насущной проблемы радикальной модернизации технической базы советской промышленности.

Примечания

1. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Вятский район. Отдел I: Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 4–26.
2. Вятское хозяйство. 1929. № 3. Вятка, 1929. С. 42.
3. Кошиунова М. Население губернии на 1 января 1928 г. // Статистический бюллетень. № 1 (10). Январь 1928 г. Вятка, 1928. С. 40.
4. Семено А. В. Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929–1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2003. С. 29.
5. Бакулин В. И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. // Бакулин В. И. Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. науч. ст. Киров, 2006. С. 146.
6. Вятское хозяйство... С. 35.
7. Кировская областная организация КПСС в цифрах: 1917–1985 / сост. В. В. Леготин. Киров, 1986. С. 81; Из доклада председателя губсовнархоза на II пленуме губкома ВКП(б) о состоянии промышленности 16 февраля 1928 г. // Хрестоматия по истории Кировской области / под ред. Е. И. Кирюхиной, А. В. Эммаусского. Киров, 1982. С. 125.
8. Из доклада председателя губсовнархоза на II пленуме губкома ВКП(б) о состоянии промышленности 16 февраля 1928 г. // Хрестоматия по истории Кировской области / под ред. Е. И. Кирюхиной, А. В. Эммаусского. Киров, 1982. С. 125.
9. Очерки истории Кировской организации КПСС: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Е. С. Садыриной и др. Горький, 1969. С. 158.
10. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 45. А. 78.
11. Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 370; См. также: Пятьдесят советских лет: Кировская область. 1917–1967 / отв. ред. А. В. Эммаусский. Киров, 1967. С. 22; Кирюхина Е. И. Под знаменем Октября: Кировская область за 60 лет Советской власти. Киров, 1977. С. 66–67; Во главе масс: Из истории Кировской городской организации КПСС / отв. ред.

- Е. И. Кирюхина. Киров, 1980. С. 104–105, 108; Два века в пути: История фабрики «Красный курсант» / науч. ред. Е. С. Садырина. Киров, 1985. С. 66–69; и др.
12. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии в годы нэпа (1921–1928) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Кн. 2. Киров, 2008. С. 133–134.
13. *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 370.
- О некоторых формах реализации данной политики см. также: *Бакулин В. И.* На пути интенсификации промышленного производства (из опыта 20-х годов). Екатеринбург, 1992; *Столбова Н. В.* Рационализация и рабочее изобретательство на промышленных предприятиях Вятского региона в 1917–1929 гг. // Из истории Вятского края конца XIX – первой половины XX века. Киров, 1998. С. 66–75; и др.
14. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 134.
15. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 50. Л. 131–132.
16. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 138.
17. *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 372.
18. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 125. Л. 30.
19. Там же.
20. *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 362, 365.
21. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 139.
22. Там же.
23. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 7. Д. 34. Л. 13.
24. См. подробнее: *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 139–140.
25. Пятьдесят советских лет... С. 23.
26. *Бакулин В. И.* Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг... С. 152.
27. План хлебозаготовок, намеченный на конец (октябрь–декабрь) 1927 г., провалился. Вместо 4,58 млн т, заготовленных за соответствующий период прошлого года, удалось закупить только 2,4 млн т, т. е. почти в два раза меньше (*Соколов А. К.* Курс советской истории: 1917–1940. М., 1999. С. 152).
28. ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
29. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 50. Л. 18.
30. *Бакулин В. И.* Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. ... С. 148.
31. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 50. Л. 94.
32. Там же. Л. 25.
33. *Бакулин В. И.* Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. ... С. 146.
34. В докладе вятского губернского прокурора от 2 марта 1928 г. «О состоянии революционной законности в деревне, о борьбе с ее нарушениями» указывалось, что в первом полугодии 1927 г. на действия «волостных исполнительных комитетов ВКП(б), сельских советов и других органов советской власти было принесено 4263 жалобы». За аналогичный период 1925 г. таковых было зарегистрировано 2309, 1926 г. – 2876. (ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1740. Л. 20).
35. См. подробнее: *Шубин А. В.* Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 160–161; и др.
36. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 3. Д. 42. Л. 1.
37. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 30. Л. 18 об.; Там же. Оп. 6. Д. 44. Л. 94, 101, 106; Там же. Д. 71. Л. 73; и др.
38. Там же. Д. 63. Л. 51.
39. Там же. Д. 50. Л. 179.
40. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 125. Л. 87. Подробнее о восприятии советским обществом военной угрозы см.: *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.
41. ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства: 1921–1927 гг. (по материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ) / сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995. С. 13.
42. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 63. Л. 1, 51–51 об.; Там же. Д. 50. Л. 174–177.
43. ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 13.
44. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 50. Л. 178 об.
45. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 140.
46. ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 7. Д. 33. Л. 1.
47. *Бакулин В. И.* Проблемы промышленного развития Вятской губернии... С. 140.
48. *Бакулин В. И.* Настроения жителей Вятской губернии... С. 84.
49. *Столбова Н. В.* Отношение рабочих промышленных предприятий Вятского региона к политике центральной и местной власти в последние годы нэпа (1928–1929 гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Киров, 1997. С. 40.
50. Обращение ко всем парторганизациям, ко всем контрольным комиссиям партии, ко всем членам партии, работающим в хозяйственных, кооперативных, торговых, банковских и других учреждениях, о борьбе за режим экономии: постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 25 апреля 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. Изд-е 9-е, доп. и испр. М., 1984. С. 18–23.
51. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 63. Л. 51.
52. Там же. Д. 44. Л. 94; Там же. Д. 63. Л. 51 об.
53. ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 9. Л. 7.
54. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 112. Л. 11–11 об.
55. См. подробнее: *Бакулин В. И.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008.
56. См. подробнее: *Мухачев Ю. В., Шкаренков А. К.* Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980. С. 49–61.
57. См. подробнее: *Бакулин В. И.* Нижегородская краевая организация Трудовой Крестьянской партии: История возникновения и гибели // *Бакулин В. И.* Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. науч. ст. Киров, 2006. С. 159–178; *Бакулин В. И.* Год «великого перелома» и политические репрессии конца 1920 – начала 1930 гг. // Россия и Вятский край в исторической ретроспективе: сб. науч. ст. / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2005. С. 102–111.
58. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 50. Л. 177.
59. ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 10. Л. 9.
60. ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 292.
61. К примеру, в конце 1928 г. в должности заведующего Вятским нефтескладом находился некий Тихомиров. В письме в вятскую рабоче-крестьянскую инспекцию заместитель начальника губернского отдела ОГПУ Яговкин указал, что «Тихомиров – тип, явно настроенный против Советской власти, до настоящего времени о советской нефтепромышленности в беседах и спорах отзывается так: “Ничего ведь еще нет нового, все осталось от дядюшки Нобеля”. Личное знакомство и дружбу ведет исключительно с интеллигенцией эсеровских убеждений – учителем Пашиным и другими. В служебной деятельности Тихомирова имеют место факты, граничащие с преступлением – неотпуск вовремя горючих припасов местной Обуховской Коммуне для работы тракторов, вследствие чего имел место не-

производительный простой тракторов и другие явления, тормозящие усиленному ходу развития и работы указанной коммуны». Впоследствии Тихомиров был снят с работы без назначения пенсии (Там же. Ф. П-98. Оп. 1. Д. 388. Л. 93–93 об., 97).

62. Кировская областная организация КПСС в цифрах: 1917–1985 / сост. В. В. Леготин. Киров, 1986. С. 40.

63. Головин С. А. Членство в РКП (б)–ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 38.

УДК 2-78

А. Г. Поляков

ВОЗНИКОВЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ В КОНЦЕ 1920-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

В статье описывается влияние модернизации на эволюцию церковно-государственных отношений и возникновение церковных разделений. В отличие от «правых» церковных разделений курс митрополита Сергея (Страгородского), как и обновленческой церкви, априори обеспечивал легитимность государственной власти и всех её модернизационных преобразований.

The article is dedicated to studying the influence of the state modernization on the evolution of relations between Russian Orthodox Church and the Soviet state. The article also describes the beginning of division processes which were conditioned by the contradictions between the “church right opposition” and Metropolitan Sergiy (Stargorodsky), and the trend of “renovation” in Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: модернизация, церковно-политический курс, легитимность, обновленчество, Декларация, церковные разделения.

Keywords: modernization, church political course, legitimacy, “renovation”, Declaration of 1927, church division processes.

Наиболее объективную картину динамики церковно-государственных отношений и в частности возникновения после Декларации 1927 г. заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) правых церковных разделений, на наш взгляд, даёт их рассмотрение в контексте процесса модернизации общества и государства.

В среде обществоведов распространено мнение о том, что в России, являвшейся традиционной страной, после Октябрьской революции в историческом процессе обострилась проблема соотношения традиций и модернизации [1].

В историческом процессе взаимодействие модернизации и традиции диалектически обусловлено.

© Поляков А. Г., 2011

Модернизация – скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого ранее аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными». В понятие модернизации включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, секуляризации, смены типа демографического поведения и т. д. [2]

Традиция – феномен социокультурного наследия, передающийся из поколения в поколение и сохраняющий материальные и духовные ценности в определённых социальных группах в течение времени. Традиции отражают общие устойчивые формы и тенденции социальных явлений, выступают как сложившиеся стереотипы общественного сознания [3].

Стабильность социокультурного развития общества обеспечивается традициями, отражающими духовные ориентации народа. Сохранение традиций отечественной культуры имеет приоритетное значение для общества, особенно в процессе модернизации [4]. В 2007 г. митрополит (нынешний патриарх) Кирилл на XI Всемирном русском народном соборе в своём докладе на поставленный им же вопрос о наличии альтернативы для модернизации России однозначно ответил: «Нет! Только модернизация страны может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества. Потребность в ней вырастает из самой народной среды». По его мнению, советская модель модернизации общества и включала в себя многие ценности русской культуры, что оказалось значительное, если не определяющее влияние на устойчивость советской власти, просуществовавшей более 70 лет. При этом митр. Кирилл отметил, что «закваской» духовно-культурного кода народа является религиозная традиция. «Для большинства народа России – это Православие... И когда игнорируются эти ценности, а тем более когда их пытаются заменить другими, происходит скрытое или открытое отчуждение народа от политики, которая проводит подобный курс» [5].

Для традиционной отечественной культуры было характерно преобладание общинного [6] начала над личным. Для жизни традиционного общества природные факторы играли первостепенную роль, но при этом немалое влияние на формирование особенностей традиционной отечественной культуры оказывало и государство. Сословная система и деспотическая власть государей действовали по максиме Ивана Грозного «А жаловати семя холопей вольны, а и казнити вольны». Самодержавие подчиняло себе стремившиеся к автономии корпорации. Так было и с Русской Православной Церковью, управляемой со времён Петра I светским учреждением [7].

Русская Православная Церковь до Октябрьской революции была по своему статусу государственной. В ее деятельности превалировал государственный интерес, доминировал мотив государственной полезности [8]. В политической культуре России Церковь на протяжении нескольких веков выполняла задачи легитимации государственной власти. Признавая власть Бога, народ признавал власть монарха. Это положение было закреплено в законодательном порядке. Российское правительство последовательно использовало Церковь как политический инструмент, призванный стабилизировать положение в стране. Согласно официальной идеологии XIX в., сформулированной С. С. Уваровым, православие – это «истинно русское охранительное начало, составляющее якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия Отечества» [9].

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному помимо прочего включает в себя необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры [10].

Советская модель модернизации соединяла европейский рационализм с общинными традициями крестьянской России [11]. Вместе с тем в новом, модернизированном обществе религия, как представлялось советским идеологам, должна была утратить свою общественную значимость, превратившись целиком в элемент частной жизни человека. Секуляризация [12] однозначно воспринималась как сопутствующий и даже необходимый процесс социально-экономической модернизации. Место религии – «тормоза общественного прогресса» – в общественном сознании должны были занять научные знания.

В целом социалистическая идея была более эффективным средством модернизации, чем прежние имперская или либеральная: 1) она могла быть принята большинством населения; 2) она объединяла все общество в общих трудностях во имя общего же благополучия хотя бы для будущих поколений; 3) она соединяла в себе глобальность масштабов с национальным интересом; 4) она была рассчитана на реализацию мобилизационной модели развития, то есть средоточие всех ресурсов страны в руках государства для решения неотложных задач [13].

Атеистическая идеология обеспечивала легитимность власти и нового порядка социальной стратификации. Она была основным средством мобилизации всех ресурсов, выполняла интегрирующую функцию, обеспечивала идеально-политическое единство советского народа и др. [14]

Социалистическая доктрина модернизации придавала вектор реальной политике, в том числе и в вопросах взаимоотношения с Церковью.

Классики марксизма считали, что религия в классовом обществе является оружием в руках

эксплуататоров и выполняет политico-идеологические, пропагандистские и организационные функции [15]. В. И. Ленин писал: «Религия есть опиум для народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мироизречания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривал всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса» [16]. Отношение Советского государства к религии как к явлению, чуждому социализму, его идеологии, политике, образу жизни и нравственности, приводило к перерастанию мировоззренческого противостояния в русло политической конфронтации, порождая желание решать идеологические проблемы волевыми усилиями [17].

С. Г. Кара-Мурза считает, что любое идеократическое государство, возникающее революционным путем, неминуемо вступает в конфликт с Церковью, являющейся важнейшей частью старой государственности. Существование на равных двух «носителей истины» невозможно. Суть конфликта между большевиками и Церковью С. Г. Кара-Мурза характеризует как столкновение между двумя религиозными представлениями о правде. Одни верили в царство Божие, другие пытались построить его на земле. «Большевики разрушили церкви как капища “неправильной” религии, они замещали их другими церквями и другими иконами». В целом, по мнению автора, русские коммунисты не подавляли религиозного чувства, они сами являлись его носителями. «И русские философы, и западные теологи объясняют, что основой религиозного чувства является особая способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, действий, отношений. Это главное, а не вера в какого-то конкретного бога. Такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болезни, смерти. Для него может иметь священный смысл Родина, армия, даже завод, построенный жертвами отцов. Такой человек чувствует долг перед мёртвыми и слушает их при решении земных дел. Говорят, что у тех, кто обладает такой способностью, есть “естественный религиозный орган”» [18].

Несмотря на мировоззренческую «конкуренцию», советская власть не отказалась от использования Церкви в качестве инструмента своей легитимации перед огромными общественными массами, а также на внешнеполитической арене.

С 1922 г. Советское государство стремилось воссоздать аналогичную дореволюционной модель отношения Церкви к государству, но в условиях ограничения, а в перспективе и ликвидации её «конкурентоспособности» на мировоззренческом уровне. Этим обусловлена была поддер-

жка светской властью обновленческого раскола в Церкви, приведшего к её руководству «просоветского» духовенства. Обновленчество стало вновь выполнять традиционную для политической культуры России задачу – обеспечение легитимности государственной власти.

Однако верующие, изначально поддержавшие обновленчество из-за его социально-политической доктрины, которая более соответствовала новым условиям жизни, впоследствии отказались от его дальнейшей поддержки. Причинами этому явились покушения обновленцев на традиционную религиозную культуру [19], и заявление патриарха Тихона от 01.07 (18.06.) 1923 г., олицетворяющего собой традиционную Церковь, что он больше советской власти не враг. В результате наряду с официальной легальной обновленческой Церковью к середине 1920-х гг. образовалась патриаршая Церковь, имеющая нейтрально-лояльную позицию по отношению к светской власти. Она уже поддерживалась большей частью населения, но не имела легальной организационной структуры. Примечательно, что сторонники патриарха идентифицировались как «староцерковники» в отличие от обновленцев – раскольников-еретиков, поддерживаемых светской властью. Зачастую обновленческую Церковь так и характеризовали «красной», перекрасившейся в красные цвета, и т. п.

В середине 1920-х гг. регистрация органов церковного управления, без которой невозможна легальная деятельность Церкви как организации, воспринималась церковными деятелями как важная цель, а в руках государства становилась средством давления на иерархию и на церковную жизнь [20].

По мнению историка Ю. Н. Макарова, подписанная в 1927 г. митр. Сергием «Декларация» знаменовала окончательный переход ортодоксальной Церкви с позиций аполитичности и духовного размежевания с большевистским режимом на позицию совершенного законопослушания, безоговорочного признания легитимности советской власти, более того, фактического сотрудничества с госструктурами при условии отказа последних от поддержки легально действовавших раскольнических центров. Условием компромисса, зафиксированного в тексте Декларации, между РПЦ и государством явилось допущение вмешательства спецслужб в кадровую политику Церкви, чего светской власти так и не удалось в свое время добиться от патриарха Тихона. Однако установление неких союзническо-подчиненных взаимоотношений с богоческим государством, проявление неестественной духовной солидарности с атеистической властью привели к возникновению новых внутрицерковных расколов, не избавив при этом Московскую патриархию от последующих репрессий» [21].

Достаточно точно охарактеризовал сущность политики митрополита Сергия Страгородского историк С. Л. Фирсов. Сергианство – «это новое издание старой болезни, своего рода извращённый атеизмом “византийский грех”, стремление Православной Церкви найти себе место в политической структуре государства и одновременно стремление государства иметь влияние на ход внутрицерковных дел. Парадокс государственно-церковных отношений в СССР состоял в том, что государство, желая иметь влияние на Церковь, в то же время являлось воинствующе атеистическим. Церковная иерархия, с середины 1920-х гг. возглавлявшаяся митрополитом Сергием, вынужденно пошла на компромисс с этим государством, по существу попав в положение зависимой от него. ...Митрополит Сергий, один из наиболее выдающихся деятелей Русской Православной Церкви XX в., “перемудрил” самого себя, явившись воссоздателем новой, “преданной социалистической Родине” иерархии, сочетавшей искреннюю (как правило) веру в Бога и совершенно необъяснимый (с религиозной точки зрения) сервиллизм» [22].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. сергианская Церковь так же, как и ранее обновленческая, явила «лакмусовой бумажкой» для определения политических настроений духовенства и верующих. Разница заключалась в том, что в условиях начинающейся форсированной модернизации страны неприемлемыми и наказуемыми считались уже не только антиправительственные, но и нейтрально-лояльные политические установки.

Возникновение «правых» церковных разделений в политическом отношении по своей сути связано с продолжением части церковных иерархов придерживаться нейтрально-лояльных установок патриарха Тихона в отношении светской власти. Это не устраивало ни легализованную высшую церковную, ни светскую власти. Первую – по причинам канонически-дисциплинарного характера и возникшим сбоем в попытке вновь встроиться в политический механизм государства. Вторую – в связи с невозможностью через официальную Церковь обеспечить постоянную легитимацию своей деятельности среди значительных масс верующих.

Трудность и трагичность модернизации, проводимой Советским государством, заключалась в том, что проводимые на макроуровне экономические и социальные преобразования входили в противоречия со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы правительства [23]. Социальная напряжённость в деревне, в которой проживала большая часть населения, усугублялась и связанным с колективизацией сломом всего уклада традиционного общества. По своей сути коллек-

тивизация была направлена на объединение единоличных хозяйств на новой экономической основе – общественной собственности на средства производства. Это вступало в противоречие с частнособственническими интересами крупных зажиточных крестьянских дворов. Выступления против коллективизации приобретали не только экономический, но и политический характер. Данное явление рассматривалось властными структурами в контексте теории классовой борьбы. Её обострение связывалось со свёртыванием НЭПа и начавшейся форсированной индустриализацией и коллективизацией страны.

В советской пропаганде в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была развернута широкая кампания по освещению необходимости классовой борьбы с религией (Церковью) – опасного оружия классового врага, защитнице интересов ликвидируемых эксплуататорских слоёв общества. Классовый враг использовал религиозные организации для прикрытия своей вредительской антисоветской деятельности, отвлечения масс от социалистического строительства. Отметим, что конформистский курс митрополита Сергия характеризовался как приспособленчество, перекрашивание в советские защитные, «красные» цвета [24].

В условиях начавшейся форсированной модернизации страны, в обстановке недружественного отношения Запада для Советского государства постоянная угроза дезинтеграции общества порождала потребность в перманентном укреплении государственно-бюрократической машины, одной из важнейших составляющих которой являлась контрольно-запретительная система. Для властных структур конца 1920-х – 1930-х гг. характерно стремление для обеспечения собственной идеологической монополии изолировать все нонконформистски настроенные личности; нейтрализовать любые не поддающиеся контролю ценности; подавить все очаги автономной, мировоззренческой и политической активности, способные выступить для индивидуума в качестве альтернативной по отношению к государству обособленной группы.

Для обеспечения безопасности страны и осуществления насилиственной трансформации общества активно использовались силовые структуры и спецслужбы, в т. ч. органы ВЧК – ОГПУ – НКВД. Конфессиональные структуры находились в зоне особого и постоянного внимания спецслужб, которые осуществляли негласный контроль над религиозной сферой в целом, а также за ситуацией внутри конкретных религиозных организаций. Постепенно органы власти от попыток поставить жизнедеятельность конфессиональных объединений под полный государственный контроль переходят к ликвидации вероисповедных объединений как сколько-нибудь зна-

чительных общественных институтов. Общеисторический процесс секуляризации в 1930-е гг. приобрёл характер искусственного создания вообще «бесцерковного» пространства [25]. Первый мощный удар в этом направлении был сделан по церковным группировкам, позиционирующими себя в качестве противников церковно-политического курса митрополита Сергия.

Само стремление антисергиан идентифицировать себя и оппонентов как «староцерковников» и «обновленцев» [26] символически указывает на попытку сохранения устоявшегося уклада. В связи с этим нам представляется вполне уместным провести аналогию со старообрядческим расколом прошлых столетий.

Старообрядческий раскол по сути был ответной протестной реакцией народа на модернизацационные преобразования в стране. Старообрядцы же как политически неблагонадёжные находились под особым контролем государства на протяжении более двух столетий. Ещё в конце 1850-х гг. видный историк и публицист А. П. Щапов интерпретировал русский старообрядческий раскол как «общинную оппозицию податного земства против всего государственного строя – церковного и гражданского» [27].

Современный политолог Н. В. Асонов рассматривает возникновение старообрядчества в контексте народной реакции на социально-политическую модернизацию, основа которого была закреплена Соборным уложением 1648–1649 гг. Она проявлялась в тяге к европейской правовой базе, усилении прерогатив высшей светской власти за счёт полного подчинения ей Церкви, уравнении вотчинного и поместного сословий в пользу царя. Развитие раскола происходило в условиях подготовки поворота России в сторону экзогенного типа модернизации и новой политической доктрины – самодержавного абсолютизма. Это положило конец религиозно-фундаменталистскому (самодержавной соборности) этапу развития отечественной политической теории [28].

По мнению современного философа и социолога А. С. Ахиезера, раскол как состояние социальной системы характеризуется в целом помимо прочего пониженнной способностью преодолевать противоречия между менталитетом и социальными отношениями. Он может возникнуть в результате неспособности субъекта включать в культуру в качестве комфортных элементов значительный поток значимых, устойчивых новшеств, пользующихся поддержкой других частей общества, связанных, например, с модернизацией. Опасность раскола заключается в том, что расколотые стороны «в своих спорах, разногласиях, конфликтах в острой кризисной ситуации могут перейти грань, отделяющую плодотворный диалог от самоубийственной для общества борь-

бы монологов» [29]. Последнее наблюдалось на протяжении многих десятилетий между РПЦ и РПЦЗ, РПЦ и «катакомбными» деноминациями, считающими себя «истинно-православными».

Таким образом, можно говорить, что в 1920-е гг. очередной виток модернизации и сопутствующей ей секуляризации страны обуславливал эволюцию церковно-государственных отношений и возникновение церковных разделений, связанных с ними. Вектор нового политического курса обновленческой, а затем и сергианской Церкви был направлен на открытое укрепление позиций правительства. В отличие от «правых» церковных разделений церковно-политический курс митрополита Сергия априори обеспечивал легитимность государственной власти и всех её модернизационных преобразований.

Примечания

1. Долгушин М. И. Диалектика традиций и модернизации в историческом процессе. Пермь, 2007. С. 278.
2. Подробнее см.: Тихонова Е. Н. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23.
3. Долгушин М. И. Указ. соч. С. 8.
4. Там же. С. 6–7.
5. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Доклад // Бедность и богатство: исторические вызовы России. М., 2007. С. 15–18.
6. См. Вознесенская Е. И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2008. С. 3.
7. Долгушин М. И. Указ. соч. С. 279.
8. Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917 – конец 1930-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 30.
9. Ситников А. В. Православие и модернизация российского общества // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2006. № 1. С. 51–54.
10. Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 7.
11. Долгушин М. И. Указ. соч. С. 263.
12. См.: Синельнико Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России / под общ. ред. В. П. Култыгина. М., 2004. С. 156–157.
13. Долгушин М. И. Указ. соч. С. 264.
14. Ситников А. В. Указ. соч. С. 55.
15. Религия и церковь в современную эпоху / редкол.: А. Н. Великович, В. И. Гараджа и др. М., 1976. С. 36.
16. Цит. по: О вере и неверии: (Мысли о религии и атеизме) / сост. М. М. Скибицкий. М., 1982. С. 138.
17. Макаров Ю. Н. Указ. соч. С. 36–37.
18. Кафа-Мурза С. Г. Советская цивилизация: Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 310, 321.
19. См.: Беглов А. А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 214–215.
20. Беглов А. А. Указ. соч. С. 34.
21. Макаров Ю. Н. Указ. соч. С. 10, 36.
22. Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси (к вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века). 2-е изд. СПб., 2005. С. 266–267.
23. Макаров Ю. Н. Указ. соч. С. 36–37.
24. См., напр.: Худяков С. Классовая борьба и религия. М., 1931; Бойцов Н. Святейшая контрреволюция. М.; Л., 1931.
25. Макаров Ю. Н. Указ. соч. С. 38–46.
26. В данном случае подразумеваются представители непосредственно обновленческой Церкви, а главным образом последователи социально-политически обновлённой сергианской Церкви, которую зачастую сравнивали с обновленческой.
27. Цит. по: Култыгин В. П. Социологический взгляд на судьбы российского православия // Синельнико Ю. Ю. Указ. соч. С. 8–9.
28. Ассонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. С. 38–40.
29. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 390–393; Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М., 1999. С. 233.

УДК 93/94

C. E. Лазарев

ПОДГОТОВКА РЕЗЕРВА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

В статье рассказывается о создании Военной академии Генерального штаба, призванной готовить командиров высшего звена. Даются характеристики постоянному и переменному составу вуза первого набора. Отмечаются сложности, возникшие в процессе подготовки комсостава.

The article deals with establishing the Military Academy of the General Staff, aimed at training commanders of the top echelon. Constant and variable personnel of the military high school is characterized. The problems which arose in the course of training senior officers are singled out.

Ключевые слова: Академия Генерального штаба РККА, Военная академия имени М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, Д. А. Кучинский, Г. С. Иссерсон.

Keywords: General Staff RKA Academy, M. V. Frunze Military Academy, M. N. Tukhachevsky, D. A. Kuchinsky, G. S. Isserson.

Среди советских военных вузов, готовивших комсостав, особое место занимала Военная академия Генштаба РККА. Она обучала высших и старших офицеров Вооружённых сил и одновременно являлась ведущим военным образовательным учреждением по проведению научных ис-

следований в области обеспечения военной безопасности государства и военного строительства.

К концу второй пятилетки (1937 г.) командиров с высшим военным и инженерно-техническим образованием готовили 13 военных академий. Но ни общевойсковая, ни военно-технические академии не были рассчитаны на подготовку военных руководителей высшего звена, к которым новый этап развития Вооружённых сил СССР предъявлял значительно более высокие требования, чем к выпускникам этих академий. Оперативный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе уже не отвечал возросшим требованиям, тем более что в соответствии с профилем академии главное внимание её руководителей и профессорско-преподавательского состава всё же было сосредоточено на оперативно-тактической подготовке комсостава. Поэтому для решения задачи подготовки специалистов Генерального штаба, высших соединений и объединений была вновь создана Академия Генштаба.

Инициаторами создания в РККА особого военного вуза, который бы готовил строевых и штабных командиров к управлению войсками в крупных операциях с широким использованием мотомеханизированных войск, авиации, конницы, авиа-десантов, выступили некоторые военачальники, в т. ч. М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. Н. Дубовой [1]. Приказ об образовании Военной академии Генштаба РККА нарком обороны К. Е. Ворошилов подпись 11 апреля 1936 г. Первым её начальником был назначен комдив Д. А. Кучинский.

Дмитрий Александрович Кучинский родился 26 июня 1898 г. в Минске в семье почтового чиновника. окончил Алексеевское военно-инженерное училище в Киеве (1917 г.). В старой армии прaporщик, командир роты. Член ВКП(б) с 1918 г. В период Гражданской войны командовал отдельным сводным кавалерийским дивизионом. Окончил Военную академию РККА (1922 г.). В межвоенный период занимал ответственные должности в Штабе РККА, в 1930–1931 гг. руководил 6-м Управлением Штаба РККА, ведавшим вопросами ПВО. Учился в Германской военной академии, был хорошо осведомлён о немецкой военной доктрине. В 1931–1934 гг. и 1935–1936 гг. Дмитрий Александрович возглавлял штаб сначала Украинского, а затем Киевского военного округа. Кроме того, с мая по ноябрь 1934 г. он командовал 15-м стрелковым корпусом. В эти годы Кучинский стал доверенным лицом командующего округом Якира. Вместе они работали над теорией глубокой операции, внесли в неё ряд новых положений. В частности, Кучинский специально разрабатывал вопрос взаимодействия

мотомехгруппы с авиадесантом в оперативной глубине [2].

Кучинский являлся очень способным военным деятелем, одним из сильных штабных офицеров. По воспоминаниям современников, он обладал «глубокими знаниями военного искусства, высокой общей культурой и незаурядными организаторскими способностями» [3]. Как и многие другие командиры, Кучинский считал себя недооценённым: за годы службы в Красной армии он не удостоился ни одного ордена. Дмитрий Александрович был из тех военачальников, которые выполняли «черновую» работу. Слава при этом доставалась другим. Его перевод из Киевского военного округа был заметным ударом по Якиру, терявшему надежного соратника и друга.

В академии были созданы пять кафедр – армейских операций, тактики высших соединений, организации и мобилизации, военной истории и иностранных языков. Руководили ими наиболее опытные и подготовленные преподаватели: кафедру армейских операций возглавлял комбриг Г. С. Иссерсон, начальником кафедры тактики высших соединений был назначен комдив П. И. Вакулич, комкор М. И. Алафузо был начальником кафедры организации и мобилизации, во главе кафедры военной истории – комдив В. А. Меликов.

Профессорско-преподавательский состав подбирался из числа наиболее квалифицированных кадров. Из Военной академии имени М. В. Фрунзе и других вузов были переведены лучшие учёные, профессора и преподаватели, широко известные в армии своими военно-теоретическими трудами: Я. Я. Алкснис, М. А. Баторский, А. И. Верховский, А. И. Готовцев, М. И. Дратвин, Я. М. Жигур, Д. М. Карбышев, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский и др. Все они были офицерами старой армии, получили хорошее образование (некоторые – академическое), приобрели большой военный опыт (были участниками Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн) [4]. До перевода на преподавательскую работу занимали ответственные посты (например, М. И. Алафузо возглавлял штаб Кавказской Краснознамённой армии, П. И. Вакулич – штаб Северо-Кавказского военного округа, М. И. Дратвин был помощником начальника Управления связи РККА, Г. С. Иссерсон – заместителем начальника 1-го отдела Генштаба РККА, А. Д. Малевский – инспектором инженеров РККА и т. д.).

В то же время профессорско-преподавательский состав Академии Генштаба, несмотря на статус учебного заведения, трудно отнести к военной эlite. К середине 1930-х гг. эти военачальники были отстранены от командных и штабных постов. Происходило это в основном по причине политического недоверия. Например, А. А. Све-

Д. А. Кучинский

Л. А. Йоворов

М. И. Алафузов

чин был отправлен на преподавательскую работу потому, что в период Гражданской войны отказался сражаться против белых [5]. Большинство «академиков» происходили из непролетарских слоев (дети дворян, служащих, офицеров), имели родственные связи в эмигрантской среде, оставались беспартийными [6]. А. Х. Базаревский, А. И. Готовцев служили в белой армии; Р. С. Циффер, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский подвергались репрессиям со стороны компетентных органов ещё во время Гражданской войны; А. И. Верховский, А. Д. Малевский, А. А. Свечин были задержаны по делу «Весна» в 1931 г. и с тех пор находились «на крючке» у НКВД [7]. Некоторые имели эсеровское прошлое. К тому же среди родственников и близких друзей преподавателей академии было немало «классово чуждых» элементов, арестованных и расстрелянных в 1920–1930-е гг. [8] Компетентные органы учитывали, что при переходе на службу в РККА военспецами двигали различные мотивы. Зачастую их выбор был обусловлен не политическими убеждениями, а социально-бытовыми обстоятельствами (после расформирования старой армии бывшие офицеры оказались не у дел и без средств к существованию) [9].

Находились среди них и те, кто просто неправлялся с командными постами в силу возраста, устаревших взглядов и т. д. Работа в учебных заведениях становилась для них своего рода почётной отставкой. Например, Н. А. Левицкий в разгар военной реформы в ноябре 1925 г. был снят с должности командира 29-й Вятской стрелковой дивизии и направлен в резерв РККА. Следующее назначение он получил с понижением (командир стрелкового полка) только в марте 1931 г., а затем направлен преподавать в Военную академию имени М. В. Фрунзе [10]. Дважды перемещался на

нижестоящие должности по итогам военных манёвров, выявлявших низкий уровень боевой подготовки вверенных ему морских сил Э. С. Панцержанский. В сентябре 1926 г. проходили манёвры на Чёрном море, в результате которых последовало решение о реорганизации Морских сил Чёрного моря и переводе их командующего Панцержанского в распоряжение Председателя РВС СССР. Следующие манёвры Морских сил Чёрного моря состоялись уже в мае 1927 г. в присутствии военного руководства страны [11]. В марте 1937 г. Эдуард Самуилович был снят с должности начальника отдела боевой подготовки Управления Военно-морских сил и назначен старшим руководителем морской группы Академии Генштаба. Этому перемещению предшествовала уничтожающая критика в адрес Панцержанского на Военном совете в октябре 1936 г. Тогда флагман был обвинён в том, что руководство боевой подготовкой флота «поставлено из рук вон плохо», а сам он «ничего в этом вопросе не понимает» [12]. Войска в середине 1930-х гг. советская власть этим специалистам не доверяла, однако их опыт и знания могли пригодиться в деле подготовки молодых офицеров.

Отметим, что в военном зарубежье авторитет советских военных учёных, за исключением А. И. Верховского и А. А. Свечина, был невысок. Германские военные специалисты отмечали отсутствие у профессорско-преподавательского состава вузов РККА достаточного командного опыта в мирное и военное время [13]. По мнению Е. Э. Месснера, «большевики не создали старым офицерам Генерального Штаба смены работников на военно-научном поприще... Там существует армия почти без военной науки» [14]. Точно так же А. А. Зайцов отмечал, что советская военная мысль связана «по рукам и ногам тенетами политического аппарата» [15].

Слушатели АГШ РККА в составе делегации

Командиров, работавших в военных вузах, в Красной армии недооценивали. Они значительно отставали от своих товарищей, которые служили в войсках. Разница между ними резко бросалась в глаза. За первые четыре года существования Академии Генштаба мало кто из её преподавателей вырос в воинском звании, в то время как в войсках их ученики совершали головокружительные взлеты. Лишь двое преподавателей академии – М. И. Алафузо и М. А. Баторский – носили высокое звание «комкор». Они были крупными военными деятелями, в старой армии получили академическое образование и офицерские чины. Оба оставались беспартийными. В случае с Алафузо свою роль сыграла близость к Ворошилову – во время Советско-польской войны 1920 г. Михаил Иванович был помощником начальника штаба Юго-Западного фронта, а в 1921–1924 гг. возглавлял штаб Московского военного округа. Поэтому нарком обороны мог ходатайствовать о присвоении Алафузо столь высокого звания. Баторский получил «комкора» за большой вклад в развитие конницы и подготовку кавалерийских офицеров на посту начальника Высшей кавалерийской школы (Кавалерийских курсов усовершенствования комсостава) в Ленинграде.

Высокое звание «флагман 1-го ранга» имел Панцержанский. Он был известным военным деятелем. В 1920-е гг. возглавлял Морские силы Азовского, Каспийского и Черного морей, был начальником Морских сил СССР. Однако в 1930-е гг. Панцержанский, хотя и занимал ответственные должности в Управлении Военно-морских сил, в состав Военного совета включён не был, из военной элиты вышел. Это можно связать и с дворянским происхождением флагмана, и с отсутствием у него партбилета (по признанию современников, «он считал себя недо-

Слушатель АГШ

статочно подготовленным к вступлению в партию» [16]), и с неудачами в профессиональной деятельности. Возможно, свою роль сыграла и национальность флагмана – он был поляком, а к полякам в Советской России, особенно после кампании 1920 г., относились как к классовым врагам.

Что же касается остальных, то большинство преподавателей вуза носили звание комдива или комбрига. Были и полковники (А. Х. Базаревский, А. В. Голубев, П. П. Ионов, И. И. Трутко). Таким образом, наставники были уравнены со слушателями академии, которые приходили с «генеральских» и полковничих должностей.

Срок обучения в академии определили в 18 месяцев. Занятия начались 1 ноября 1936 г. Генштаб постоянно контролировал работу академии, оказывал всяческую помощь, периодически организовывал для слушателей и профессорско-преподавательского состава доклады и лекции руководителей Наркомата обороны, Генштаба и округов по актуальным вопросам военного искусства и строительства Красной армии. В частности, в академии выступали 1-й заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский, начальник Генштаба маршал А. И. Егоров, начальник BBC командарм 1-го ранга Я. И. Алксенис, инспектор кавалерии маршал С. М. Будённый. Тухачевский обсуждал с преподавателями и слушателями вопросы начального периода современной войны, последующих операций, использования авиации, мотомеханизированных войск, воздушных десантов, химических средств борьбы. Будущих полководцев маршал призывал к широкой инициативе и смелости действий [17]. Слушатели участвовали в показных командно-штабных военных играх, организованных командующим Белорусским военным округом ко-

мандаром 1-го ранга И. П. Уборевичем на тему «Прорыв подготовленной обороны противника» и командующим Украинским военным округом командаром 1-го ранга И. Э. Якиром на тему «Ввод в сражение механизированного корпуса». Эти учения, проведённые опытнейшими военачальниками, ориентировали молодых офицеров на сложные условия борьбы с сильным и активным противником, который не только оборонялся и отступал, но и наносил мощные контрудары. Вероятным противником на этих играх выступала обычно армия фашистской Германии, столкновение с которой считалось неизбежным.

В то же время начальнику академии Кучинскому было отказано во введении в вузе курса стратегии. «Подлинные корни этого положения упирались в куль личности Сталина, – вспоминал Иссерсон, – при котором вопросы политики и стратегии считались исключительной компетенцией высшего политического и военного руководства. Отрицательные последствия этого сказались в начале войны в 1941 г., когда многие высокие командные инстанции (фронтов и армий) были поставлены перед необходимостью самостоятельно разбираться в обстановке большого масштаба и принимать ответственные решения стратегического значения. Известная расстерянность, неумение охватить сложную обстановку в целом, принять целесообразное решение в крупном масштабе и подчинить ему весь ход событий были в значительной степени результатом стратегической неориентированности и неподготовленности мыслить крупными категориями стратегического значения» [18].

Согласно статусу вуза, его слушателей ждали самые высокие командные и начальствующие должности. В связи с этим интересно проследить состав первого набора академии. На первый курс в 1936 г. были приняты 135 человек, в том числе полковники А. И. Антонов, И. Х. Баграмян, майор А. Н. Боголюбов, капитан 2-го ранга Н. Е. Басистый, полковники А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин, комбриги Л. А. Говоров, К. Д. Голубев, полковники Н. И. Гапич, А. И. Гастилович, Д. Д. Грендаль, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. В. Курасов, майор М. И. Казаков, комбриги П. А. Курочкин, Г. К. Маландин, полковник А. П. Покровский, майор Л. М. Сандалов, полковники С. Г. Трофименко, Н. И. Четвериков, А. И. Шимонаев и др.

Это были командиры в возрасте тридцати пяти – сорока лет [19]. Большинство зачисленных в академию происходили из пролетарских слоев – семей рабочих и крестьян. «Отбор слушателей, – вспоминал А. М. Василевский, – проводился под непосредственным руководством ЦК партии» [20]. В академию направляли работников Генштаба и штабов округов, командиров и

начальников штабов крупных войсковых соединений и преподавателей академий РККА. Все зачисляемые обязаны были иметь боевой стаж, отличные аттестации по службе и, как правило, уже одно высшее военное образование. Преимущество отдавалось выпускникам Академии имени М. В. Фрунзе.

Большинство слушателей представляли сухопутные войска: пехоту (55 человек), конницу (13 человек), артиллерию (7 человек), танковые (10), химические (4) и инженерные части (2). Но были авиаторы (15 человек) и моряки (7 человек) [21]. Самое большое представительство в академии принадлежало наиболее крупным и насыщенным войсками приграничным военным округам – Киевскому (19 человек) и Белорусскому (18 человек). 16 слушателей были направлены из Московского военного округа, 11 прислали Ленинградский, по 6 офицеров – Харьковский и Северо-Кавказский, 4 – Приволжский военный округ [22].

Семнадцать слушателей к моменту поступления имели звание «комбриг», 86 человек – звание «полковник», 27 – «майор». Кроме того, в составе первого набора академии три представителя Военно-морского флота были капитанами 2-го ранга и один – капитаном 3-го ранга. Один слушатель имел звание «военный инженер 1-го ранга».

Это были молодые, перспективные офицеры, обладавшие к середине 1930-х гг. богатым жизненным и военным опытом, но до определённого момента находившиеся в Красной армии «на вторых ролях». Например, И. Х. Баграмян весь межвоенный период прослужил на полковничих должностях, без единой награды, и выше начальника штаба кавалерийской дивизии не поднялся. Залогом успешной карьеры мог послужить партбилет, но часть слушателей академии так и не были приняты в партию. Подобно преподавательскому составу, с которым воспитанники вуза имели самую непосредственную связь, они находились под пристальным вниманием компетентных органов.

Таким образом, в действиях военного руководства просматривались две последовательные линии – с одной стороны, готовить новую военную элиту взамен старой, неудачно проявившей себя в ходе манёвров 1935–1936 гг. С другой – чётко отслеживать настроения потенциальных «генералов», воспитывать их в покорности и страхе.

Примечания

1. См.: Бирюзов С. С. Военно-теоретическое наследство М. Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1964. № 2. С. 42; Черушев Н. С. Командарм Дубовой. Киев: Политиздат Украины, 1986. С. 200.

2. См.: Иссерсон Г. С. Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 45.

3. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 50.
4. Вообще, с периода Гражданской войны преподавательский и административно-хозяйственный состав военно-учебных заведений РККА почти на 90% был укомплектован бывшими офицерами. См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 222.
5. Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 100.
6. Именной список преподавательского (постоянного) состава АГШ РККА, на который имеется компрометирующий материал // РГВА. Ф. 37961. Оп. 1. Д. 16. Л. 29–39.
7. См.: Список военнослужащих АГШ, арестованных органами НКВД // РГВА. Ф. 37961. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–20.
8. Например, в деле помощника начальника кафедры оперативного искусства Н. И. Трубецкого значилось: «Сестра замужем за попом. В 1922 г. органами ВЧК расстрелян брат... Тесная связь с врагами народа, систематическое пьянство с ними». См.: РГВА. Ф. 37961. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
9. См.: Каминский В. В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 123; Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 102.
10. См.: «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 460.
11. См.: Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 464–465.
12. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. М.: РОССПЭН, 2009. С. 437.
13. Кантор Ю. З. М. Н. Тухачевский и советско-германский военный альянс 1923–1933 годов // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 17–18.
14. Месснер Е. Э. Советская и эмигрантская военная мысль // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / Российский военный сборник. Т. 16. М.: Военный ун-т: Русский путь, 1999. С. 350.
15. Зайцов А. А. 16 лет Красной Армии // Русский инвалид. 1934. № 68–79, 81, 84.
16. Боголепов В. Н. Человек большой энергии // Флагманы: сборник воспоминаний и очерков. М.: Воениздат, 1991. С. 98.
17. Бирюзов С. С. Военно-теоретическое наследство М. Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1964. № 2. С. 45, 48.
18. Иссерсон Г. С. Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1965. № 3. С. 50–51.
19. Сандалов Л. М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966. С. 3.
20. Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. С. 90.
21. Список слушателей I курса АГШ РККА по специальностям // РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 5. Л. 20–21.
22. Список личного состава 1-го курса АГШ РККА по военным округам // РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.

УДК 332.852.025.28

Е. С. Останин

НАЧАЛО ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ в г. КИРОВЕ в 1992–1993 гг.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется начальный этап приватизации жилья в русской провинции на примере города Кирова, выявляются местные особенности этого процесса в сравнении со столицей и другими городами России.

The article examines the initial phase of privatization of housing in the Russian province on the example of Kirov. The local features of this process are identified in comparison with the capital and other Russian cities.

Ключевые слова: приватизация жилья, частная собственность на квартиру, социологическое исследование.

Keywords: privatization of housing, private ownership of the apartment, a sociological study.

В 2011 г. исполняется 20 лет с момента, когда в России началась приватизация жилищного фонда, явившаяся первым условием для изменения системы жилищно-коммунального хозяйства, действовавшей в советский период. Замысел приватизировать жилище, находящееся в общественной собственности, следует отнести к числу тех импровизаций М. С. Горбачёва, которыми так богат ушедший в историю период «перестройки». В 1986 г. на XXVII съезде КПСС, делая доклад от имени ЦК КПСС, Горбачёв ещё ни словом не упоминал о намерении сформировать институт частной собственности на жильё. Задачи ставились другие: амбициозно заявлялось о реальности обеспечения к 2000 г. каждой семьи отдельной квартирой или домом, говорилось о поддержке кооперативного и индивидуального строительства жилья, молодёжных жилищных комплексов, о необходимости изменений в квартирной плате в сторону увязки её с размерами и качеством всей жилплощади [1]. Но в 1988 г. на XIX конференции КПСС в докладе Горбачёва впервые появляется новая идея – о предоставлении гражданам возможности выкупать у государства занимаемые ими квартиры с правом передачи их по наследству [2].

В основе такого неожиданного поворота лежали, на наш взгляд, политические и экономические соображения. Борясь с консервативной частью партийного аппарата, Горбачёв остро нуждался в поддержке снизу своему реформаторскому курсу. Обеспечить её легче всего было принятием популистских решений, не требовавших от

государства больших усилий и в то же время отвечавших уже сформировавшимся в обществе интересам. Одной из главных экономических проблем того периода было сильное давление огромной массы необеспеченных денег на скучающий товарный рынок. Выправление этой диспропорции предполагалось и с помощью оттягивания значительной части народных сбережений и средств на выкуп государственных квартир. В разрешении выкупать свои квартиры руководство КПСС не видело ничего опасного для себя и не задумывалось о его последствиях – оно вполне укладывалось в русло общей демократизации советского общества и не угрожало его устоям. Экономическая наука как будто разделяла такой взгляд. Специалисты, признавая необходимость создания новой модели жилищных отношений, не шли дальше разговоров о «реальной аренде» [3]. Жильё по существу выпало из первых программ перехода к рынку в России. Но вскоре стало ясно, что положение дел в жилищном секторе самым тесным образом связано едва ли не с каждой проблемой становления рыночной экономики [4].

Изменения в законодательстве и местные правила. Первоначально приватизация жилья регламентировалась постановлением СМ СССР «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда» от 2 декабря 1988 г. и развивающим его «Положением о продаже гражданам квартир в личную собственность и оплате расходов на их содержание и ремонт», утверждённым постановлением СМ РСФСР и ВЦСПС от 21 апреля 1989 г. [5] В соответствии с ними граждане могли приобретать в собственность занимаемые ими квартиры в домах государственного и общественного жилищного фонда, а также незаселённые квартиры в домах, подлежащих реконструкции или капитальному ремонту, все квартиры в которых предназначены для продажи. Таким образом, *приватизация началась на условиях полной платности и не по рыночной, а по остаточной стоимости.* Законом о собственности в СССР от 6 марта 1990 г. и Законом о собственности в РСФСР от 24 декабря 1990 г. [6] устанавливалось, что наниматель жилого помещения и члены его семьи вправе приобрести в собственность квартиру в доме государственного или муниципального жилищного фонда путём выкупа или по другим основаниям, предусмотренным законодательством. Член кооператива, полностью внесший свой пай за квартиру, приобретал право собственности на неё.

Следующим этапом стало принятие Закона о приватизации жилищного фонда в РСФСР от 4 июля 1991 г. и Примерного положения о приватизации жилищного фонда в РСФСР, утверждённого постановлением коллегии Госкомитета по

жилищно-коммунальному хозяйству РСФСР от 18 октября 1991 г. [7] *Главные принципы:* 1) добровольность приватизации, 2) право продавать, завещать, сдавать в аренду и совершать любые сделки, не противоречащие закону, 3) однократность, 4) на переходный период сохранялся порядок постановки на учёт и обеспечения жильём тех, кто нуждался в улучшении жилищных условий, 5) в пределах нормы 18 кв. м на человека плюс 9 кв. м на семью приватизация бесплатна, 6) по желанию владельца обслуживание и ремонт квартиры могли производиться теми же организациями, что и до перехода её в частную собственность, 7) равные ставки оплаты за обслуживание и ремонт для собственников и для квартиросъёмщиков. Закон РФ о налогах на имущество физических лиц от 9 декабря 1991 г. определил ставку налога на имеющиеся в собственности граждан жилые дома и квартиры в размере 0,1% их инвентарной стоимости или от стоимости, определённой для расчёта суммы по государственному обязательному страхованию [8].

23 декабря 1992 г. Верховный Совет России ввёс в Закон о приватизации жилфонда изменения и дополнения [9]. *Главные из них:* 1) полная бесплатность приватизации независимо от размеров и качества жилища. Это сильно упростило процедуру перехода жилья в собственность. Отпала необходимость оценки стоимости квартиры, создания оценочных комиссий, определения льгот; 2) отменено нотариальное удостоверение договора о приватизации и взимание госпошлины за него; 3) расширен круг граждан, могущих приватизировать жильё. Разрешено приватизировать квартиры в домах, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам и противопожарным правилам, а также в домах-памятниках истории и культуры. В домах, требующих капитального ремонта, разрешено свободно приватизировать квартиры, не дожидаясь его. Но обязанность произвести ремонт сохраняется за наймодателем; 4) бронированные квартиры стало можно приватизировать по месту их нахождения; 5) дано расширенное понятие ведомственного жилфонда – «находящийся в полном хозяйственном ведении предприятий или оперативном ведении учреждений». Решение о приватизации принимают теперь не только местные Советы, но и все собственники жилья, уполномоченные ими органы и предприятия и учреждения. Таким образом, приватизация жилья в России была максимально облегчена. К тому же местные органы власти могли добавить в пределах своей компетенции дополнительные поблажки.

Этим не преминул воспользоваться целый ряд регионов страны, в том числе и Кировская область. Депутаты областного Совета настояли на увеличении бесплатной нормы площади до

18 кв. м на семью. Более того, с самого начала приватизации в Кирове не требовалось нотариально удостоверять договор и не взималась госпошлина. Губернатор В. А. Десятников своим постановлением установил предельный срок оформления документов в 15 дней и освободил от оплаты услуг по их оформлению самые бедные категории населения [10]. Чтобы приватизировать квартиру, нужно было предварительно получить на это письменное согласие от совершеннолетних членов семьи и определить, какой тип собственности является предпочтительным. Затем в мэрию или руководителю предприятия-собственника жилфонда подавалось заявление. К нему прилагались следующие документы: 1) справка о составе семьи и занимаемой площади из ЖЭУ, 2) копия финансового лицевого счёта на жилое помещение, удостоверяющая отсутствие долгов по квартплате, 3) документ об оплате услуг за оформление договора. Затем в течение отведённого срока (увеличенного до двух месяцев) принималось решение о приватизации. Квартира становилась собственностью с момента регистрации договора в Бюро технической инвентаризации городской мэрии [11].

Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере немедленно привлёк усиленное внимание специалистов: социологов, экономистов, юристов. О его ходе много писала центральная и местная печать. Становление и развитие жилищного рынка в России вызвало большой интерес и у западных учёных. Летом 1993 г. на имя ректора Кировского педагогического института А. М. Слободчикова поступило письмо из Англии от ректора Сэррейского университета Дж. Риордана: «Многоуважаемый Ректор, Доктор Мервин Мэттьюз, доцент нашего отделения, в настоящее время проводит исследование на тему социальных последствий приватизации жилья в Российской Федерации. Этот проект субсидируется Британской академией наук, с административной помощью нашего университета. Цель проекта – выяснить социальные проблемы приватизации с тем, чтобы определить возможные пути западной помощи в этом важном для России деле. Мы были бы очень признательны, если бы Вы могли <...> содействовать его исследовательской работе. Кандидатура господина Останина Е. С., сотрудника Вашего института, одобрена Британской академией в качестве научного помощника» [12].

Мы были знакомы с известным советологом и автором нескольких книг о социальных проблемах в СССР М. Мэттьюзом по переписке с 1987 г. и лично с 1990 г. Несколько месяцами ранее официального письма в Кировский пединститут нами было получено от него и принято предложение участвовать в совместном исследовании приватизации жилья в России. Кировская часть

проекта целиком должна была быть выполнена нами. Было оговорено, что публиковать результаты исследования приватизации жилья по Кирову можно будет только через год после представления М. Мэттьюзом общего доклада-отчёта в Британскую академию наук [13].

Особенности нашего исследования.

1. В проведённых к тому времени исследованиях по приватизации жилья в России применялись два способа получения данных: а) случайная выборка, охватившая 2000 респондентов (Москва, Дж. Дэниелл) [14]; б) сплошной опрос жителей 33 домов (2073 семьи), расположенных в одном, среднем по качеству, микрорайоне (Новосибирск, О. Бессонова и С. Крапчан) [15]. При таких методиках отбора респондентов люди, фактически приватизировавшие своё жильё, составили лишь часть общего числа опрошенных – 468 семей (23,4%) в Москве и 568 семей (27,4%) в Новосибирске. В нашем исследовании по Кирову был применён третий способ – *прицельное изучение*, охватившее только тех, кто уже подал документы на приватизацию жилья, то есть твёрдо решил стать его собственником и стал им – 600 семей.

2. Московское и новосибирское исследования показывали картину процесса на 1 января 1993 г. В нашем исследовании был сделан *двойной замер* хода приватизации: в самом её начале (апрель – май 1992 г. – 300 семей) и через год (апрель 1993 г. – ещё 300 семей).

3. Московское и новосибирское исследования охватывали семьи, проживавшие в муниципальном жилье. Кировское же включало также и тех, кто жил в квартирах, принадлежавших ведомствам и предприятиям.

4. Методика исследования. Основные сведения по Кирову были получены, во-первых, в Отделе приватизации, учёта, распределения и обмена жилых помещений мэрии города: изучение журнала учёта заявок на приватизацию; обработка дел приватизаторов из архива Отдела; интервью с его работниками. Во-вторых, свои неопубликованные ещё данные предоставило автору Кировское областное управление статистики [16]. В-третьих, нами был проведён анкетный опрос дополнительного числа приватизаторов. В-четвертых, проводился сравнительный анализ полученных результатов с опубликованными исследований, проведённых в других городах и регионах России.

5. По архивным делам граждан составлялся «портрет» каждого приватизатора, вносившийся в сводную базу данных, причём это делалось в строгом соответствии с теми вопросами, которые содержались в документах, заполняемых при оформлении договора о приватизации квартиры. А именно: возраст; тип собственности (совместная, долевая, на одного человека); количество комнат в квартире, общая площадь, полезная

площадь, этаж, материал стен дома; основные удобства (балкон/лоджия, горячая вода, паровое отопление, газ/электроплита, канализация); тип санузла; принадлежность жилья; осёдлость; количество проживающих; место работы, должность/ профессия; проживающие без права на жилплощадь; стоимость жилья; высота потолка; сумма доплаты и льготы – только для 1992 г. База данных обрабатывалась на компьютере по специально написанной программе для получения социально значимых корреляций.

Краткая характеристика жилищного фонда г. Кирова перед приватизацией. Население города насчитывало порядка 0,5 млн человек, что составляло около 30% от числа жителей Кировской области. На 1 января 1993 г. в Кирове было 5 487 жилых строений, в которых размещалось 141 666 квартир общей площадью 6 823 925 кв. м [17]. Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. 65,8% жителей проживало в кирпичных или каменных домах; 24,2% – в панельных или блочных домах; 9,2% – в деревянных домах и 0,8% – в домах другого типа [18]. Особенностью жилищного фонда города являлось значительное преобладание ведомственного жилья (61,1%) над муниципальным (28,3%). Ещё 10,6% жилья было кооперативным.

Таблица 1
Общественный жилищный фонд г. Кирова [19]
(без предприятий Министерства обороны)

	Единица измерения	1991	1992
Число жилых строений	Единиц	5521	5487
Число квартир	Единиц	139927	141666
Их общая площадь	Квадратных метров	6766716	6823925
Муниципальное жильё	%	28,8	28,3
Ведомственное жильё	%	63,2	61,1
Кооперативное жильё (ЖСК)	%	8,0	10,6

Приватизация

1. *Старт.* Приватизация жилья в Кирове несколько запоздала по сравнению со столицей и другими крупными городами. Если в них на конец 1991 г. (первый год приватизации) уже появились тысячи и даже десятки тысяч привати-

зованных квартир, то в Кирове первый желающий стать собственником своей квартиры подал документы только 5 марта 1992 г., и в апреле 38 кировчан первыми получили в собственность своё жильё.

Таблица 2
Объёмы приватизации за 1992–1993 гг.

	1992	1993 (9 месяцев)	Всего
Общая площадь жилья (кв. м)	324190	364994	689184
Общая стоимость жилья (тыс. руб.)	63676,1	296326,2	360002,3

Таблица 3
Принадлежность приватизированного жилья

	1992	1993 (1-е полугодие)	Всего
Приватизировано квартир	7410	6949	14359
Из них муниципального фонда	2526	5846	8372
Из них ведомственного фонда	4884	1103	5987

Всего на 1 октября 1993 г. 15 225 единиц жилья перешло в частную собственность кировчан. Обращает на себя внимание более чем четырёхкратное падение объёма приватизированного жилья из ведомственного фонда в 1993 г. по сравнению с 1992 г. Хотя данные за 1993 г. приведены только по 1-му полугодию, тенденция была налицо.

2. *Уровень приватизации* жилья в Кирове в её начале был невысок. Он отставал от общероссийского (на 1 мая 1993 г. Киров – 9,8%, Россия – 16%); был намного ниже уровня крупных городов Сибири, Урала, Дальнего Востока (по муниципальному жилью) и втрое ниже Москвы с её 31%. Лидерам процесса Карачаево-Черкесии и Новосибирску Киров уступал примерно в 4–5 раз. Но зато существенно опережал своего южного соседа Татарстан (на 1 января 1993 г. Киров – 5,2%, Татарстан – 0,3%).

Таблица 4
Уровень приватизации жилья в России [20]

Регион или город	Дата	%	Принадлежность
Россия в целом	1 мая 1993 г.	16	Всех типов
Карачаево-Черкесия	Конец 1992 г.	29,4	Всех типов
Татарстан	Конец 1992 г.	0,3	Всех типов
Москва	1 января 1993 г.	15	Муниципальное
	Конец апреля 1993 г.	31	Всех типов
Томск	1 января 1993 г.	10	Муниципальное
Красноярск	1 января 1993 г.	10	Муниципальное
Екатеринбург	1 января 1993 г.	5	Муниципальное
Владивосток	1 января 1993 г.	5	Муниципальное
Новосибирск	1 января 1993 г.	22,9	Муниципальное
Киров	1 января 1993 г.	1,8	Муниципальное
	1 января 1993 г.	5,2	Всех типов
	1 мая 1993 г.	9,8	Всех типов
	1 июля 1993 г.	10,5	Всех типов
	1 октября 1993 г.	11,1	Всех типов

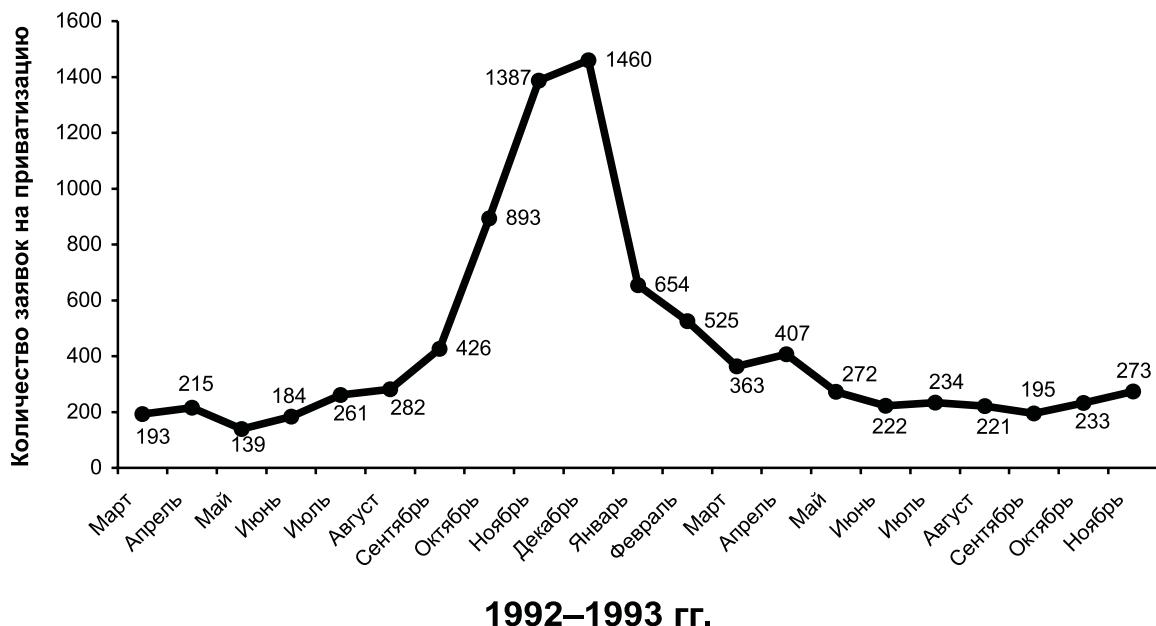
3. Динамика процесса. Для определения хода приватизации по месяцам нами были использованы данные из двух источников – журналы учёта поданных заявок Отдела приватизации мэрии города и сведения Кировского областного статистического управления. Каждый из них имеет свои достоинства. По журналам учёта заявок видно, как менялось количество граждан, решивших стать собственниками жилья. А цифры статистики показывают помесячное количество фактически приватизированных квартир. Однако Отдел приватизации мэрии, полностью учитывая заявки на приватизацию муниципального жилья, заключил договоры лишь с несколькими ведомствами на проведение приватизации их жилфонда. Остальные пожелали проводить эту работу сами. Поэтому данные Отдела не дают полной картины процесса. Свой недостаток есть и у данных статистики. Поскольку срок от подачи заявки до вступления в права собственника может колебаться от нескольких дней до двух месяцев, то в цифрах возможны заметные скачки, несколько искажающие наши представления о намерениях граждан превратиться в собственников квар-

тир. Но параллельное использование данных из двух источников помогает взаимно дополнить их (см. графики).

В соответствии с графиками ход приватизации можно разделить на четыре этапа. *Первый* – с марта по сентябрь 1992 г., относительно спокойный этап, для которого характерен устойчивый рост с небольшим снижением в мае (заявки) и соответственно в июле (собственники). *Второй этап* – последние три месяца 1992 г., наиболее драматичен. Произошло стремительное ускорение процесса, достигшее своего пика в декабре (1460 заявок и 3108 собственников). На эти три месяца пришлось 69% от числа заявок за 1992 г. и 73% зарегистрированных собственников. Поражает, что точно такое же ускорение темпов приватизации в конце 1992 г. зафиксировано в новосибирском и московском исследованиях, причём не только для этих городов, но и по стране в целом. Так, за весь 1992 г. в России было приватизировано 2,55 млн квартир; из них только в декабре 638 тысяч (25%) [21]. Но предновогодний рывок в Кирове намного превзошёл этот средний по стране показатель – 41%! *Третий этап* охватывает первые три месяца 1993 г. Здесь наблюдается столь же впечатляющее, каким был взлёт конца 1992 г., падение темпа приватизации: по заявкам – в 4 раза, по собственникам – почти в 6 раз. Подобное же резкое сокращение энтузиазма в желании приватизировать жильё отмечено и в новосибирском исследовании [22].

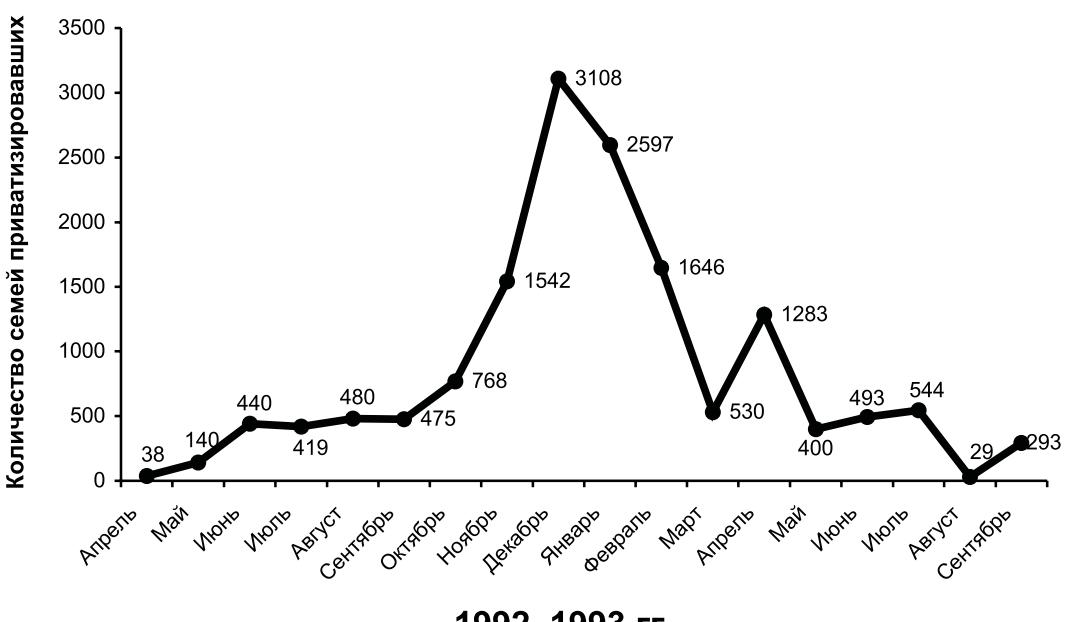
Вздутие на графиках нуждается в объяснении, которого не было предложено коллегами, работавшими в Москве и Новосибирске. На наш взгляд, это могло быть связано с инфляционным повышением стоимости оформления документов по передаче квартиры в частную собственность. С начала марта по 1 июля 1992 г. она составляла 403 р. С 1 июля по 1 декабря 1992 г. плата поднялась до 600 р. С 1 декабря 1992 г. по 1 июня 1993 г. она выросла ещё почти в два раза – до 1150 р. Первое повышение платы за оформление договора приватизации, вероятно, заставило поторопиться тех, кто в принципе готов был стать собственником жилья или колебался, и для кого сумма, требуемая за это, имела какое-то значение. Когда же новое повышение расценок состоялось, число желающих пошло вниз. Однако именно в декабре 1992 г. приватизация дала наивысшие результаты, хотя оформление документов нужно было оплачивать уже по новой цене. Кроме того, очередной скачок в оплате услуг работников Отдела приватизации, произошедший летом 1993 г. (до 60% минимального оклада), не вызвал ничего похожего на падение начала 1993 г. [23] Если и есть какая-то связь между платой за оформление сделки и пи-

**Динамика подачи документов на приватизацию жилья.
Данные по журналам учёта мэрии г. Кирова**

1992–1993 гг.

**Динамика процесса приватизации жилья в г. Кирове.
Данные Кировского областного управления статистики**

1992–1993 гг.

ком и падением приватизации рубежа 1992–1993 гг., то она не единственное их объяснение.

В интервью автору работники службы приватизации мэрии выдвинули свою версию этого феномена. Во второй половине 1992 г. в городе распространились слухи, что с нового 1993 г. приватизацию квартир отменят. Очень многие,

приходившие оформлять документы в Отдел приватизации, задавали такой вопрос, особенно люди пенсионного возраста. Нередко его задавали и впоследствии. Советский народ за десятилетия жизни в СССР успел привыкнуть к тому, что государство периодически преподносил ему к новому году очередной сюрприз. Тогда последним

по времени была знаменитая либерализация цен, начатая с 1 января 1992 г. Опасения, порождённые слухами об отмене приватизации, по-видимому, и были основной причиной невиданного ажиотажа [24]. Однако на этот раз сюрприз оказался приятным. В конце декабря 1992 г. Верховный Совет РСФСР внёс изменения в закон о приватизации жилищного фонда, облегчавшие всю процедуру и снявшие некоторые ограничения. Население успокоилось и не стало торопиться с переходом в статус собственников жилья. Четвёртый этап – с 1 апреля по 1 декабря 1993 г. – можно назвать этапом «стабилизации». На него приходится 57% всех заявок, поданных за 11 месяцев года и 59% собственников за 9 месяцев. Данные статистического управления показывают зубчатое затухание процесса. Данные же Отдела приватизации мэрии демонстрируют весьма высокую устойчивость его на уровне 257 заявок в среднем ежемесячно. Это несколько выше «спокойного» 1-го этапа (243 заявки в среднем в месяц), но близко к нему.

Интересно, что смягчение правил приватизации, которое, по мысли законодателей, должно было придать дополнительный импульс всему процессу, не оказалось ожидаемого действия, по крайней мере, в Кирове (и в Новосибирске), и дало скорее обратный результат. Кировчане не столь уж много выиграли от улучшенных правил, чтобы пуститься в форсированную приватизацию. По местному Примерному положению о приватизации жилищного фонда они имели повышенный в два раза по сравнению с общероссийским норматив жилья, передаваемого в собственность бесплатно на семью. В отличие от ряда других регионов им и до декабря 1992 г. не требовалось получать нотариальное удостоверение и уплачивать госпошлину. Не было также проблемы приватизации квартир в домах-памятниках за их практическим отсутствием. Очевидно, провинция была способна живо откликнуться на попытки центральных властей соблазнить её частной собственностью на жильё лишь в том случае, если вместо снятия ограничений ей предложат реальный экономический стимул.

Кто приватизировал свою квартиру. Сравнительное изучение двух когорт приватизаторов (за апрель – май 1992 г. и за апрель 1993 г., по 300 семей в каждой) имело целью определить некоторые тенденции в изменении социальных характеристик граждан, рискнувших стать собственниками жилья одними из первых. Обе когорты, взятые вместе, можно рассматривать как типичный для Кирова социологический срез процесса приватизации, который пригоден для сопоставления с результатами исследований в других регионах.

Таблица 5
Распределение семей
по социальному положению
приватизаторов (%) [25]

Социальные группы	1992	1993	1992–1993	Москва: 1 января 1993
Рабочие	10,67	14,67	12,67	20,85
Служащие	5,67	5,33	5,50	12,78
Интеллигенция	10,0	5,67	7,84	16,16
Руководители	2,67	2,00	2,33	7,2
Частные предприниматели, кооператоры	0,67	1,00	0,83	–
Пенсионеры	68,00	68,00	68,00	37,76
Безработные	2,33	0,67	1,50	–
Прочие	0,00	2,33	1,17	1,88

«Лидеры». И в Кирове, и в Москве среди тех, кто приватизировал своё жильё, лидируют представители следующих социальных групп (в порядке убывания): 1) пенсионеры; 2) рабочие; 3) интеллигенция; 4) служащие. Огромное преобладание пенсионеров над другими социальными группами не является неожиданным: ведь именно они ощутили мгновенные и реальные выгоды от приватизации – возможность беспрепятственно закрепить свои квартиры за детьми, внуками и другими родственниками. При этом в Кирове процент пенсионеров-приватизаторов в 1,8 раза выше, чем в Москве. Зато по другим группам-лидерам соотношение обратное. Это можно объяснить как большим консерватизмом провинции, так и большими возможностями, которые предоставляет жизнь в столице собственникам жилья.

Тенденции. Сравнение социального положения кировских приватизаторов за 1992 и 1993 гг. не показало больших перемен. Это свидетельствовало не только об инерционности данного социального процесса, но и об отсутствии серьёзных сдвигов в самой жилищной политике государства. Практически на прежнем уровне осталась доля пенсионеров, служащих, частников и руководителей. На 4% выросла доля рабочих и почти на столько же упала доля интеллигенции. Почти исчезли безработные, но несколько расширилось социальное разнообразие – группа «прочие» превзошла три другие слабо представленные группы. Тенденция к устойчивости в социальной структуре собственников жилья свидетельствовала о сохранении выживательного стереотипа поведения населения в отношении приватизации и через год после её начала в Кирове.

Таблица 6

Распределение приватизаторов по возрасту (%)

Возрастная категория	1992	1993	1992–1993	На 1 янв. 1993: жители города в целом (данные Облстата)
1. До 25 лет	1,33	1,00	1,17	34,6
2. От 26 до 40 лет	10,00	7,00	8,50	24,4
3. От 41 до 59 лет	26,00	32,33	29,17	24,3
4. 60 лет и старше	62,67	59,67	61,17	16,7

Как и следовало ожидать, процент молодёжи до 25 лет оказался ничтожным в обеих когортах и практически не изменился за год. При существовавшей остроте жилищной проблемы обладание отдельной квартирой для огромного большинства слишком юных кировчан было делом нескорого будущего. Столь же понятным является подавляющее преобладание людей самой старшей категории (примерно 3/5 контингента), коль скоро известно о повышенной активности участия в приватизации пенсионеров. Рассматривая третью категорию, следует помнить, что в неё входят и те женщины и мужчины, которые вышли на пенсию с 55 лет. Таких в каждой когорте 10%. Старики встречаются среди приватизаторов вдвое чаще, чем люди зрелого возраста (3-я категория), и в 6–8 раз чаще, чем люди среднего возраста (2-я категория). Молодой человек случается всего один на сотню, что резко контрастирует с данными московского исследования, показывающими большую активность молодёжи по сравнению с людьми среднего возраста [26]. В когорте 1993 г. на 3% снизились доли людей среднего и старшего возрастов, но на 6,3% возросла доля людей зрелых.

Таблица 7

Социальное положение и возраст приватизаторов (весь контингент, чел.)

Социальные группы	Возраст по категориям			
	1	2	3	4
Рабочие	0	21	47	8
Служащие	3	8	16	6
Интеллигенция	1	6	35	5
Руководители	0	6	7	1
Частные предприниматели, кооператоры	1	2	1	1
Пенсионеры	0	1	61	346
Безработные	1	6	2	0
Прочие	1	1	5	0

Представленная в табл. 7 корреляция социального положения и возраста показала, что среди самых молодых приватизаторов чаще других встречались служащие, из 2-й возрастной категории – рабочие. 5,7% из старшей категории продолжают трудиться, причём только один из них на руководящем посту. Безработный же собственник жилья – по преимуществу среднего возраста, то есть из самой трудоспособной категории. Частники равномерно представлены во всех возрастных категориях, а руководители – как правило, люди среднего и зрелого возраста.

В московском исследовании Дж. Дэниелла утверждалось, что перенаселённость квартир не отражается на принятии решения об их приватизации [27]. В Кирове же выявилась чёткая обратно пропорциональная зависимость между количеством жильцов в квартире и готовностью их её приватизировать.

Таблица 8
Населённость приватизированных квартир (%)

Количество жильцов в квартире	1992	1993	1992–1993
1	44,3	45,0	44,7
2	37,7	38,3	38,0
3	8,0	8,3	8,2
4	6,7	6,0	6,3
5	3,0	1,7	2,3
6	0,3	0,7	0,5

Как видно из табл. 8, количественная структура семей не претерпела за год существенных изменений, разве что несколько понизилась доля семей из пяти человек. Львиную долю приватизаторов (82–83%) составили семьи, состоящие из одного-двух человек. Если разделить все семьи на три группы – малонаселённые (1–2), средненаселённые (3–4) и многонаселённые (5–6), то различия между подгруппами внутри них выглядят незначительными: примерно 7%, 2% и 2% соответственно. В нашем исследовании не встретилось ни одной квартиры, где проживали бы свыше шести человек. Почти половина всех приватизаторов – одинокие люди.

Жилищная обеспеченность – очень важная характеристика приватизатора, во многом влияющая на его решение стать собственником квартиры. Новосибирские коллеги на базе своих исследований даже вывели правило, являющееся необходимым условием приватизации жилья: чем выше доля семей, имеющих хорошие жилищные условия, тем выше уровень приватизации жилья в городе. Их анализ показывает, что семьи не заинтересованы в приватизации низших классов жилья, в то время как лучшее жильё спешат офор-

мить в свою собственность [28]. По действовавшему тогда в России жилищному кодексу норма жилой площади на одного человека составляла 12 кв. м, что, конечно, не означало реального пользования такой нормой. Разделив площадь всех приватизированных квартир исследуемого нами контингента на общее количество всех проживающих в них, мы получили среднюю обеспеченность жильём в приватизированной квартире на одного человека. Она превысила норму, определённую жилищным законодательством, что говорит о высокой обеспеченности жильём нашего контингента.

Таблица 9
Средняя площадь на одного проживающего в приватизированной квартире (кв. м)

Тип площади квартиры	1992	1993	1992–1993
Общая площадь	24,48	22,49	23,50
Жилая (полезная) площадь	14,59	13,64	14,13

Средние цифры, однако, не дают полного представления о распределении собственников по уровню жилищной обеспеченности. Поэтому приватизированные квартиры были разделены нами на четыре класса. В высшем классе число комнат превышает число жильцов. В классе выше среднего – равно ему. В среднем классе число комнат на 1 меньше числа жильцов. Наконец, в низший класс попали остальные квартиры.

Таблица 10
Обеспеченность приватизаторов жильём по его классам (%)

Год	Классы жилья				
	Высший	Выше среднего	Средний	Низший	Высший и выше среднего
1992	23	55	15,3	6,7	78
1993	14	60	20	6	74
1992–1993	19	57	17,7	6,3	76

Данные табл. 10 показывают очень высокий процент собственников, хорошо обеспеченных жилплощадью (высший и выше среднего классы). Таких семей в 12 раз больше, чем семей низшего класса, и в 4,3 раза больше, чем семей среднего класса обеспеченности. В Кирове процент семей, имеющих наилучшую обеспеченность жильём (19%), оказался выше, чем в Новосибирске (12%) [29]. Наши данные как будто подтверждают вывод, сделанный московскими и новосибирскими исследователями, что в близкой перспективе большинство семей, имеющих высокую обеспеченность жильём, станут собствен-

никами своих квартир. Дополнительная информация о жилищной обеспеченности когорты 1992 г. содержится в данных о доплате за излишки жилья, которую брали в соответствии с первоначальными правилами приватизации. Напомним, что в Кирове приватизационная норма была 18 кв. м на человека плюс ещё 18 кв. м на семью бесплатно. Каждый девятый собственник этой когорты внёс такую доплату (11,3%). Кроме того, часть лиц, имевших излишки, была освобождена от их оплаты в соответствии с законом, предоставлявшим льготы по приватизации инвалидам и участникам Отечественной войны, семьям погибших военнослужащих, военнослужащим со стажем свыше 20 лет и пострадавшим от аварии в Чернобыле. Таких в когорте 1992 г. было 58 человек (19,33%). Но, разумеется, не все льготники располагали излишками жилья.

Таблица 11
Приватизаторы, доплатившие за излишки жилья в 1992 г.

Категории доплаты в рублях	% от когорты	% от доплативших
До 1 тыс. руб.	3,33	29,4
От 1 тыс. руб. до 3 тыс. руб.	4,00	35,3
От 3 тыс. руб. до 5 тыс. руб.	2,00	17,6
От 5 тыс. руб. до 10 тыс. руб.	1,33	11,7
Свыше 10 тыс. руб.	0,67	5,9

Какое жильё приватизировалось. Поскольку исследование проводилось на материале архивных дел Отдела приватизации мэрии, который занимался приватизацией лишь небольшой части ведомственного фонда, то не удивительно, что среди приватизированных квартир абсолютно преобладало муниципальное жильё.

Таблица 12
Приватизированное жильё по бывшей принадлежности (%)

Принадлежность	1992	1993	1992–1993
Муниципальное	96,00	87,33	91,67
Ведомственное	4,00	12,00	8,00
Другое	0,00	0,67	0,33

Втрое выросший в 1993 г. процент ведомственного жилья, перешедшего в частную собственность через мэрию, можно объяснить тем, что поправки к закону о приватизации, сделанные в декабре 1992 г., очень определённо подтвердили право граждан на приватизацию и из этого фонда, которое нарушалось до этого рядом предприятий и учреждений. В 1993 г. также были приватизированы две квартиры, принадлежавшие частной фирме.

Качество дома. Под качеством дома в данном случае подразумевается материал его стен, а также наличие или отсутствие стандартного набора удобств. В России деревянный дом считается заведомо худшим по сравнению с каменным или панельным, а кирпичный/каменный дом котируется выше, чем панельный. Удобствами называется обеспеченность дома коммунальными услугами: горячей водой, водяным отоплением, газом или электроплитой, канализацией. Сюда же мы включили балкон/лоджию.

Таблица 13

**Качество дома,
имеющего приватизированные квартиры (%)**

Материал стен	1992	1993	1992–1993
Деревянный	1,33	3,33	2,33
Кирпичный или каменный	54,67	56,67	55,67
Панельный или блочный	44,00	39,67	41,83
Другое (напр., кирпично-деревянный)	0,00	0,33	0,17

14 квартир из 600 размещалось в деревянных домах. 3 из них были лишены каких бы то ни было удобств, даже санузла, при этом обеспеченность жилплощадью в них нередко высокая. Что заставляло обитателей таких домов приватизировать жильё? Начальник Отдела приватизации мэрии Е. Д. Журавлёв в интервью автору уверял, что для жильцов деревянных домов приватизация открывает немалые выгоды. При сносе такого дома в интересах городского переустройства собственники получат от города не только новое благоустроенное жильё, но и весомую денежную компенсацию.

В 1992 г. не было приватизировано ни одной коммунальной квартиры. В 1993 г. две семьи, проживавшие в одной коммунальной квартире, приватизировали её в долевую собственность – 0,33% всего обследованного контингента (в Новосибирске – 0,7%, по нашим расчётам). Ничтожный процент приватизации коммуналок объясняется не только тем, что они относятся к низшему классу жилья, но и трудностями, с которыми встречались жильцы. В 1992 г. местные правила приватизации вообще запрещали их приватизировать. Затем ограничение было снято, но имелась проблема – убедить проживающих в одной квартире соседей, так как в коммуналке нельзя было приватизировать одну комнату, только квартиру в целом. Таким образом, худшее по качеству жильё приватизировалось в наименьшей степени.

Тип частной собственности на квартиру. При оформлении договора о приватизации гражда-

нин мог выбрать один из трёх типов частной собственности на жильё: 1) совместную общую; 2) долевую общую; 3) индивидуальную (на одного человека). Что выбирали кировчан?

Таблица 14
**Распределение приватизаторов
по типам собственности (%)**

Тип собственности	1992	1993	1992–1993
Совместная общая	53,67	45,33	49,50
Долевая общая	0,00	0,67	0,33
Индивидуальная	46,33	54,00	50,17

Принимать решение об этом им приходилось по своему усмотрению, поскольку в российском законодательстве и в местных правилах недостаточно точно были урегулированы вопросы, связанные с определением субъектов права собственности на приватизированную квартиру. Из них не было ясно, в каких случаях квартира передаётся в собственность того или иного типа, за исключением случаев, когда собственником становится одинокий человек. Анализ табл. 14 показывает, что никто из кировчан, кроме жильцов вышеупомянутой коммуналки, у которых не было выбора, не избрал долевую форму собственности. Это и понятно, так как долевая собственность характеризуется тем, что право собственности на имущество принадлежит сразу нескольким лицам. Но при этом каждый участник имеет определённую долю, которой может свободно распоряжаться вплоть до её отчуждения постороннему для данной семьи лицу. Если это произойдёт, квартира неминуемо превратится в коммунальную. При обсуждении в семье вопроса о приватизации своего жилья её взрослые члены, конечно же, понимали это. Начать отстаивать именно такой вариант приватизации кем-либо из них означало продемонстрировать своё недоверие и враждебность по отношению к остальным. Даже если климат в семье действительно ужасен, более предпочтительным был бы размен квартиры, но не долевая её приватизация. Иначе над каждым членом семьи нависнет угроза поселения рядом с ним чужого человека, обладающего равным правом на это жильё. Ещё одна проблема, связанная с этим типом собственности, – множественность и противоречивость критериев определения долей членов семьи, что неизбежно вызовет между ними споры и раздоры. Поэтому люди поступили мудрее законодателей, проигнорировав данный вариант приватизации. Кстати, он был подвергнут критике в юридической литературе [30].

Совместная собственность на квартиру – самый справедливый и бесконфликтный вариант

приватизации для семьи из двух и более человек. И снижение процента приватизации по этому типу в 1993 г., казалось бы, можно объяснить приростом процента одиноких приватизаторов. Но это не совсем так. Сопоставив данные табл. 14 с данными табл. 8, мы обнаружили, что часть квартир, заселённых более чем одним жильцом, была приватизирована по третьему типу (индивидуальная собственность). При этом процент таких казусов увеличился втрое за год.

Таблица 15
**Индивидуальный тип приватизации
для семей более 1 человека**

1992	3% (9 квартир)
1993	9,6% (29 квартир)
1992–1993	6,3% (38 квартир)

Почему же люди шли на такой явно нелогичный способ приватизации? В интервью автору работники службы приватизации объясняли это низкой правовой культурой граждан. Они давали согласие приватизировать квартиру на того члена семьи, который оформлял договор, не вникая в различие между типами собственности на неё и считая, что так оно и полагается. Они не понимали, что с этого момента они не имеют на жилплощадь никаких прав и находятся во власти реального и единственного собственника квартиры. И если он захочет прервать с ними отношения и создать на той же площади новую семью, они не в силах будут помешать ему и останутся без квартиры. Но люди в семье обычно доверяют друг другу. Помимо этого действовала инерция советского сознания. Заключивший договор о приватизации всё ещё воспринимался в семье как обычный квартиросъёмщик советского периода, который хоть и назывался «ответственным», но имел с остальными её членами равные права. А как иначе объяснить случаи, с которыми мы встретились при изучении архивных дел? Так, например, семья из пяти человек, ещё не старые родители с детьми, приватизировали квартиру на одного главу семьи. Или: родители-пенсионеры имеют сына средних лет, а квартира приватизирована на одну мать, хотя сын живёт с ними. Или: семья из четырёх человек, отцу ещё нет и сорока лет, а квартира приватизирована на одну дочь-студентку, хотя есть ещё одна дочь младшего возраста.

Однако не все случаи приватизации квартиры в индивидуальную собственность для многочленной семьи имели причиной правовую беззаботность и непрактичность граждан. Часть их, скопее, порождена как раз деловой сметкой и традиционным для России умением людей пользоваться пробелами и лазейками в законодатель-

стве. Известно, например, что приватизировать жильё можно только раз. Если вписать в договор всех членов семьи (совместная собственность), то в дальнейшем они не смогут больше быть приватизаторами. Если же их не вписывать, тогда они не будут собственниками этой квартиры и сохранят право получить жилое помещение от государства бесплатно и приватизировать его. При этом по праву наследования или дарения они могут стать обладателями ещё одной квартиры – той самой, в приватизации которой они не стали участвовать.

Анкетирование. Инструкции запрещали работникам мэрии и домоуправлений предоставлять адреса приватизаторов третьим лицам. Поэтому автору пришлось опрашивать через анкеты своих знакомых, приватизировавших свои квартиры, – 42 человека разного возраста и социального положения (табл. 16–17). В их ответах содержится важная информация, которую невозможно было получить, работая с делами архива мэрии и данными статистики. На наш взгляд, ответы респондентов, несмотря на ограниченность их круга, всё-таки отражали типичные для кировчан настроения того времени относительно проводившейся жилищной реформы.

Таблица 16
Характеристика респондентов

Вопросы	Варианты ответов	%
Ваш возраст?	До 25 лет	0,0
	От 26 до 40 лет	11,9
	От 41 до 59 лет	23,8
	60 лет и старше	64,3
Ваше социальное положение?	Неработающие пенсионеры	38,1
	Интеллигенция	30,9
	Служащие	16,7
	Рабочие	14,3

По результатам опроса видно, что приватизация в сознании людей была связана исключительно с расширением прав владения на квартиры и совсем не связана с участием в управлении жилищным обслуживанием. И это характерно отнюдь не только для кировчан [31].

Автор взял интервью ещё у пяти своих знакомых, пока *воздержавшихся от приватизации*, чтобы выяснить мотивы такого решения. Главный из них сводился к тому, что пока не очевидны выгоды от приватизации, в то время как возможные потери от неё, напротив, предсказуемы: возможное повышение налога на недвижимость, платность всех ремонтных работ в квартире. Указывали также на то, что статус собственника жилья мало отличался от статуса квартиросъём-

щика. Несколько цитат из интервью. 1. Инженер, 39 лет: « Мы ещё молодая семья, умирать не собираемся. Чтобы оставить квартиру детям, не обязательно её приватизировать. Она и так им перейдёт, если будут жить с нами. Если не будут – другое дело, тогда посмотрим, но они ещё маленькие». 2. Пенсионерка, 60 лет: «У меня нет ни детей, ни родственников, которым можно было бы завещать квартиру. Зачем же мне её приватизировать? Хотя я живу одна в двухкомнатной квартире, и пенсии мне на жизнь недостаточно, я не хочу сдавать жилплощадь в аренду, чтобы не быть вынужденной общаться с чужими людьми». 3. Рабочий, 50 лет: «Пока подождём с приватизацией. Если только взвинят квартплату выше терпимого уровня, тогда, конечно, придётся, или если закон какой примут, чтобы все приватизировали, – тогда тоже». 4. Учитель, 46 лет: «Если приватизируешь квартиру, а в ней что-нибудь испортится (канализация, электропроводка), тогда ведь какие деньги придётся частнику платить за ремонт! А если плохо сделает, кому идти жаловаться и на кого?» 5. Служащая, 57 лет: «Политическая обстановка в стране сложная и неустойчивая. Кто знает, что будет через год-два. А если к власти опять придут коммунисты? Они снова всю частную соб-

ственность изведут. Пропадут тогда наши деньги, и квартиры снова станут государственными». Насколько устойчивыми и типичными оказались эти доводы, приведённые кировчанами, не пожелавшими приватизировать своё жильё, показывают данные и новосибирского мониторинг-исследования 1997 г. [32]

По Федеральному закону от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ (в редакции Федерального закона от 1 февраля 2010 г. № 4-ФЗ) бесплатная приватизация жилья в России закончится к 1 марта 2013 г. Срок её завершения несколько раз переносился, поскольку при его объявлении тут же начинался лихорадочный бум, свидетельствовавший о неисчерпанности приватизационного потенциала населения. Ведущие российские специалисты по этой проблеме в целом положительно оценивают процесс приватизации жилищного фонда в российских городах. Хотя они же отмечают, что создания института частной собственности на жильё в том виде, в каком он распространён на Западе, не произошло [33].

Начавшись робким зигзагом около 20 лет назад, движение к частной собственности на жильё в Кирове демонстрирует сегодня неплохие результаты. По официальным данным (2010), у нас в городе приватизировано 105,3 тыс. квартир

Таблица 17

Результаты анкетного опроса

Вопросы	Варианты ответов	%
По какой причине вы решили приватизировать свою квартиру? Можно указать несколько позиций	Подарить или завещать детям, родственникам	83,3
	Чтобы почувствовать себя собственником	73,8
	Потому что соседи или друзья так сделали	40,5
	В целях извлечения дополнительного дохода	7,14
	Из боязни, что могут лишить жилья	7,14
	Чтобы продать	7,14
	Другое (укажите, что именно)	2,38 (чтобы обменять на квартиру большей площади)
Каким был для вас процесс приватизации?	Безболезненным	97,6
	Болезненным	2,4
Появились ли дополнительные проблемы после приватизации?	Да (укажите, какие)	2,4 (были сложности с перезаключением истекшего договора с ЖЭКом на обслуживание внутридомового оборудования)
	Нет	97,6
Как вы оцениваете значение приватизации жилья для народа?	Положительно	76,2
	Отрицательно	0
	Затрудняюсь ответить	23,8
Как изменились ваши расходы на жильё после его приватизации?	Увеличились	2,4
	Уменьшились	0,0
	Не изменились	97,6

общей площадью 4946,8 тыс. кв.м. Это 63,5% от числа квартир, подлежащих приватизации [34]. Нет сомнений, что эта цифра за оставшееся время заметно подрастёт.

Примечания

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 48.
2. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: стенографический отчёт: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 26.
3. Бессонова О. Э. Механизм обеспечения жильём в СССР // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред.-сост. Ф. М. Бородкин, А. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. М., 1989. С. 298.
4. Ясин Е. Г. Жилищная проблема – узловой пункт экономических реформ // Вопросы экономики. 1993. № 7. С. 4; Пчелинцев О. С. На пороге жилищной реформы. Там же. С. 8.
5. Собрание постановлений Правительства СССР. 1989. 1. Ст. 4; Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1989. 13. Ст. 72.
6. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. 11. Ст. 164; Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 30. Ст. 416.
7. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 28. Ст. 959; Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств РСФСР. 1992. 2. Ст. 23.
8. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. 8. Ст. 362.
9. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. 2. Ст. 67.
10. Как стать собственником жилья // Вятский край: спецвыпуск. 1992. Февраль-март. С. 2–3.
11. О приватизации жилых помещений в г. Кирове: сб. документов . Киров, 1993. С. 3–7.
12. Оригинал письма находится в нашем личном архиве.
13. В 1995 г. нами были опубликованы лишь краткие тезисы: Останин Е. С. Приватизация жилья в г. Кирове в 1992–1993 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем: материалы III регион. науч. конф., посвящённой 50-летию победы в Великой Отечественной войне: в 5 т. Т. 1. Киров, 1995. С. 189–192. Полный текст кировской части исследования с соответствующими дополнениями и изменениями публикуется впервые.
14. Дэниелл Дж. Приватизация жилья в Москве: кто его приватизирует и почему // Вопросы экономики. 1993. № 7. С. 82–88.
15. Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья: социологический анализ // ЭКО. 1993. № 6. С. 52–63.
16. Автор выражает благодарность за содействие в проведении исследования и предоставление неопубликованных данных начальнику Отдела приватизации, учёта, распределения и обмена жилых помещений мэрии города Кирова Е. Д. Журавлёву и начальнику Кировского областного управления статистики С. М. Корякиной.
17. Неопубликованные данные Кировского областного управления статистики.
18. ГК СССР по статистике. Итоги всесоюзной переписи населения. Жилищные условия населения по Кировской области (Кировский горсовет): в 2 ч. Ч. II. М., 1989. С. 274.
19. Таблицы 1, 2, 3 составлены нами по данным Кир. обл. стат. управления.
20. Табл. 4 составлена нами по: данные Кир. обл. стат. управления; Пчелинцев О. С. Указ. соч. С. 8; Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья... С. 53.
21. Дэниелл Дж. Указ. соч. С. 82, 88; Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья... С. 53.
22. Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья... С. 53.
23. Ср.: Рост необлагаемой подоходным налогом минимальной зарплаты в 1992–1993 гг.: 1992 г. С 1 января по 30 апреля – 342 р.; с 1 мая по 31 декабря – 900 р.; 1993 г. С 1 января по 31 марта – 2250 р.; с 1 апреля по 30 июня – 4270 р.; с 1 июля по 30 ноября – 7740 р.; с 1 декабря – 14620 р. Данные были предоставлены бухгалтерией КГПИ им. В. И. Ленина, которая на их основе рассчитывала зарплату работникам института. Изменения в минимальной зарплате происходили по распоряжению Правительства РФ.
24. Впоследствии такая ситуация повторялась. См., напр.: Репин Е. Кто крайний за... собственной квартирой? // Вятский край. 2001. 12 дек. С. 3.
25. Табл. 5–15 составлены по результатам компьютерной обработки банка данных архивных дел приватизаторов. В табл. 5 расчёт % приватизаторов по Москве наш по: Дэниелл Дж. Указ. соч. С. 85–87.
26. Дэниелл Дж. Указ. соч. С. 88.
27. Там же.
28. Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья... С. 54–55.
29. Рассчитано нами по: Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Тенденции в приватизации жилья... С. 53–55.
30. Глухов К. А. Вопросы приватизации жилых помещений // Государство и право. 1992. № 9. С. 143–144.
31. Бессонова О. Э. Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. Гл. 15. С. 350–360. URL: <http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/b9/book9.html>
32. Там же. См. также: Барфос П., Страйк Р. Сравнение реформ жилищного сектора в России и странах Восточной Европы // Вопросы экономики. 1993. № 7. С. 22.
33. Бессонова О. Э. Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере... URL: <http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/b9/book9.html>
34. Жилищно-коммунальное хозяйство Кировской области: стат. сб. Киров, 2010. С. 95.

УДК 902.2(470.342)

А. Л. Кряжевских

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЧЕРТЕ СОВРЕМЕННОГО Г. КИРОВА

В статье рассматривается история изучения десяти археологических памятников, расположенных в черте современного г. Кирова. Первые работы в этом направлении были проведены еще во второй половине XVIII в. и продолжаются вплоть до настоящего времени. В итоге автор делает вывод о заселении места расположения современного центра Кировской области задолго до появления здесь русского населения.

The author examines the history of studying of ten archeological monuments which are located within the territory of modern Kirov. Its beginning dates back to the second half of the 18th century. The work continues in present. The author makes the conclusion that the present Kirov territory had been inhabited long before Russian people appeared here.

Ключевые слова: археологические исследования, Кировская область, разведки, раскопки, археологические памятники.

Keywords: archeological research, Kirov region, investigations, excavations, archeological monuments.

В черте современного города Кирова насчитывается несколько археологических памятников различной культурной и хронологической принадлежности, история изучения которых была длительной и насыщенной.

Вятское городище. Средневековье (XI–XIII вв.). Располагается на территории современного Александровского сада (бывш. сад им. Ст. Халтурина) на мысу высотой 33–36 м, ограниченном с востока коренным берегом р. Вятки и с севера – Раздерикинским оврагом. С напольной стороны площадка городища была защищена земляным валом и рвом [1].

Этот памятник был обнаружен в 1959 г. во время проведения разведочных работ в саду им. Ст. Халтурина Л. П. Гуссаковским, возглавлявшим совместную экспедицию Кировского краеведческого музея и Института истории материальной культуры АН СССР (современный Институт археологии РАН). Он заложил здесь 15 шурfov общей площадью 66,5 кв. м. Исследования показали, что в результате различных земляных работ культурный слой Вятского городища оказался почти полностью уничтожен. Лишь в шести шурфах, расположенных около восточного края площадки, были зафиксированы остатки древнейшего культурного слоя мощностью от 5 до 15 см. При этом в нем можно

выделить дорусские напластования XI–XIII вв., оставленные древнеудмуртским населением, в которых обнаружены фрагменты серой лепной керамики с примесью толченой раковины, бронзовая литая орнаментированная обойма от рукояти ножа и небольшая бронзовая копоушка, найденная ранее во время земляных работ. Эти слои перекрываются древнерусским слоем XII–XIII вв., к которому относятся находки подвески-амулета в виде ложечки, небольшой бронзовой пряжки, фрагмента пряжки от конской сбруи, железного калачевидного кресала, железных ключей от трубчатых замков и гончарной керамики. Вследствие плохой сохранности слоя жилые и хозяйствственные сооружения этого древнего поселения выявить не удалось.

В одном из шурfov Л. П. Гуссаковский выявил участок вала, который состоял из пластов насыпной глины мощностью 1,7–1,8 м без каких-либо вкраплений строительного мусора. В настоящее время линия вала практически не фиксируется. Ров городища окончательно был засыпан в 1840 г. при разбивке и планировке Александровского сада [2].

Вятское городище Л. П. Гуссаковский сопоставил с центром удмуртского племени ватка, на рубеже XII–XIII вв. занятым русскими поселенцами, которые назвали его Вятка. Это соотносится с удмуртскими легендами, записанными в конце XIX в., согласно которым на территории города когда-то находился удмуртский поселок с общественным языческим молитвенным домом. Последующее вхождение территории Вятского городища в посад г. Хлынова, по мнению исследователя, породило бытование двух названий (Вятка и Хлынов) у одного города [3].

Вятский могильник. Средневековье: еманаевская культура (VIII–IX вв.) [4]. В 1929 г. в ходе проведения земляных работ при постройке железной дороги, ведущей к мясокомбинату (современное ОАО «Кировский мясокомбинат»), в районе Скопинского лога был обнаружен грунтовый могильник. В Кировский областной музей рабочие передали бронзовую гринву глазовского типа с петлей и колбочкой для застегивания и винтообразной нарезкой по краям, а также бронзовый браслет. При этом большая часть находок, очевидно, разошлась по рукам. Позднее, в 1931 г., там же найдены парная поясная бляшка со стилизованными головками лошадей и железное шило [5]. В 1958 г. около данного района обнаружен железный наконечник копья того же времени, доставленный в краеведческий музей [6].

Лянгасовская стоянка. Мезолит (VIII–V тыс. до н. э.). Располагается на III надпойменной террасе левого берега р. Вятки в районе бывшей д. Лянгасы (современный Новоятский район г. Кирова), с юга ее территория ограничена овра-

том. Высота террасы в мысовой части составляет 21 м. Памятник был обнаружен в 1966 г. во время археологической разведки экспедицией историко-филологического факультета КГПИ под руководством И. И. Стефановой. Площадь стоянки составляет около 5000 кв. м, на которых в качестве подъемного материала обнаружены две ножевидные пластинки без ретуши, кремневый вкладыш, чешуйки, а также фрагменты поздних русских сосудов, железные гвозди и обломки неопределенных железных предметов. В заложенном шурфе найдены две кремневые чешуйки и вкладыш [7].

Наговицынское (Червяковское) городище. Ранний железный век (ананьевская КИО: VIII–III вв. до н. э.). Городище располагается на 12-метровом мысу левого берега р. Курьи (протоки р. Вятки) в районе бывшей д. Наговицынской (Червяки). Площадка городища с запада ограничена крутым склоном лога, по дну которого течет ручей, а с напольной стороны – кокошникообразным валом длиной 30 м, шириной 2 м и высотой также 2 м. Ширина рва составляет 4 м, глубина – до 3 м (от вершины вала). Площадь памятника около 600 кв. м [8].

Городище впервые обследовано А. А. Спицыным, который неоднократно проводил разведочные работы и на его площадке, и на склонах. Его описание впервые также было приведено им же в 1881 г. в «Каталоге древностей Вятского края» [9]. В ходе исследований Спицын обнаружил, что культурный слой городища слабо насыщен находками и значительная его часть сползла на склон оврага. На памятнике им найдено много целой и битой гальки со следами употребления, два каменных орудия неопределенного назначения, гладкая медная пряжка, кусок кремня (очевидно, от огнива), шлак и фрагменты лепной посуды с примесью раковины и без нее, украшенные отисками шнура, зубчатого штампа и ямочными вдавлениями. Встречены также кости животных и угли. Наговицынское городище А. А. Спицын отнес к категории древневятских городищ, которые он датировал эпохой средневековья и считал созданными удмуртским населением до появления здесь русских людей, то есть до XIV в. Также приводятся и народные предания, связанные с этим памятником у местных крестьян, которые перекликаются с богатырским эпосом чепецких городищ [10].

В 1936 г. на памятнике предпринял разведочные работы известный советский археолог М. П. Грязнов, находившийся в 1934–1937 гг. в ссылке в Кирове (Вятке) и работавший в местном краеведческом музее. Собранная в ходе закладки шурfov коллекция керамики пополнила фонды Кировского областного музея [11]. А уже в 1938 г. городище обследовал также сотрудник музея Н. А. Прокошев, который обнаружил

культурный слой с находками типичных для ананьевской КИО фрагментов керамики на склонах памятника и стенах еще свежих шурfov Грязнова. После анализа коллекций находок, происходящих с данного объекта, Прокошев сделал вывод о неточности датировки памятника А. А. Спицыным и отнес его к ананьевской КИО эпохи раннего железного века (VIII–III вв. до н. э.) [12]. Эта датировка сохраняется до настоящего времени.

В 1957 г. памятник обследовала Л. М. Яговкина, а в 1959 г. – Л. П. Гуссаковский, нашедший здесь фрагменты ананьевской керамики, а также костяную проколку и часть зернотерки [13]. В 1977 г. на городище проводила исследования разведгруппа КВАЭ под руководством Н. А. Ярославцевой (Лещинской). В ходе осмотра обнажений и сбора подъемного материала найдены кальцинированные кости и фрагменты лепной керамики с примесью раковины в тесте, украшенной отисками шнура, гребенчатого штампа, реже – ямочных вдавлений, что еще раз подтвердило прежние датировки памятника ананьевской эпохой [14].

Хлыновское городище (кремль г. Хлынова-Вятки). Средневековье: русское (XIII (XIV?) – XVIII вв.). Располагается на левом коренном берегу р. Вятки высотой 35–40 м, занимая тупой мыс, ограниченный с юга берегом оврага Засора. По данным «Повести о стране Вятской», первоначальные укрепления города представляли собой поставленные вплотную друг к другу срубы жилищ. Сама «Повесть» говорит об этом следующим образом: «Во многа бо лета во граде Хлынове, где ныне кремль-город, построены жития жителей тех кругом города храмины друг подле друга в близости задними стенами ко рву ставлены вместо городовой стены, понеже то место окружено от северной страны ископанным рвом, а от западу и полудни преглубоким рвом, а с востоку от реки Вятки высокая гора» [15].

К началу XVII в. хлыновский кремль окружал вал, поверх которого шла стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Пространство между двумя рядами срубов в связи с появлением артиллерии засыпало землей или камнями. Кроме того, кремль имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. Общая длина стены достигала 420 саженей (около 900 м) [16]. Кремлевские укрепления Хлынова в это время в целом были идентичны крепостным постройкам городов Киевской Руси домонгольского времени [17], что свидетельствует о живучести традиций крепостного зодчества на Вятке.

В 1663–1666 гг. в ходе перестройки кремлевских укреплений вместо деревянных стен были насыпаны земляные валы высотой около 5 м. Вал менее подвержен разрушению артиллерийским огнем, чем деревянные стены, что имело боль-

шое значение вследствие усиления мощности пушек в XVII в. Попадая в вал, ядра зарывались в нем, теряли свою пробивную силу и застревали. Основу конструкции вала, его «скелет» составляли так называемые тарасы – две параллельные бревенчатые стенки, соединяющиеся между собой поперечными перегородками. Эти стенки образовывали изолированные ячейки, заполненные землей. С внешней стороны тарас был насыпан и одернован крутой откос. Со стороны р. Вятки вал от оплывания защищали срубы из пяти рядов толстых бревен. По верху вала были набиты зубцы из заостренных вверху бревен, за которыми находились наполненные землей туры – плетеные ивовые корзины диаметром и высотой по одному аршину (72 см), поставленные друг от друга на расстоянии аршина, как и зубцы на стene. В линию вала встроили пять деревянных башен, а также несколько выводов, количество которых в разное время было различным. Вывод представлял собой выступающий за линию крепостной стены деревянный сруб, в котором находилась пищаль для огня вдоль крепостной стены по подступившему вплотную неприятелю.

С запада и севера кремлевский вал окружал ров, который на части своего протяжения (примерно 320 м) был заполнен водой. Две другие стороны кремля защищала крутизна коренного берега Вятки и Засорного оврага. Ров пролегал приблизительно по линии современной улицы Динамовский проезд. От проезжих башен через него были перекинуты мости с перилами, которые, очевидно, могли быстро развести в случае опасности [18].

Остатки укреплений кремля были зафиксированы на плане г. Хлынова 1759 г. В это время кремль с напольной стороны окружал глубокий ров шириной более 30 м и вал шириной не менее 10 м. Его площадь составляла около 4 га [19]. Граница кремлевской части Хлынова-Вятки на западе и северо-западе проходила приблизительно по линии современной ул. Динамовский проезд, на севере проходила примерно по линии современного дома № 4 по ул. Динамовский проезд, с востока кремль прикрывал высокий берег р. Вятки, а с юга – берег оврага Засора.

Впервые на Хлыновский кремль как на археологический памятник указал А. А. Спицын в «Каталоге древностей Вятского края», опубликованном в 1881 г. [20] Первые археологические работы на памятнике проводились в 1935 г. во время строительства домов № 1 и 2 по ул. Коммуны (совр. ул. Московская). В частности, здесь производились археологические наблюдения сотрудниками Кировского областного краеведческого музея Б. А. Васильевым и М. П. Грязновым. В результате исследований неоднократно фиксировались остатки различных деревянных построек (мостовых, нижних венцов срубов и др.), а также

собрана довольно большая коллекция предметов – ножей, замков, кочедыков, гвоздей и т. д. [21] Однако результаты работ могли оказаться намного более интересными и информативными, если бы здесь были проведены раскопки или полноценный археологический надзор.

Следующие исследования в данном районе были проведены лишь в 1956–1958 гг., когда Л. П. Гуссаковский заложил на территории Хлыновского кремля два раскопа и шесть шурfov общей площадью около 180 кв. м [22]. Зафиксированная мощность культурного слоя в этом районе колебалась от 1,7 до 3,35 м, при этом наибольшая толщина прослежена в юго-восточной части кремля, наименьшая – в северной. В стратиграфии напластований четко выделяются два основных слоя: верхний, содержащий разнообразные прослойки строительного мусора, и нижний, имеющий интенсивную черную окраску. Вследствие нарушения естественного дренажа почвы из-за сооружения вала и рва нижний слой содержит большое количество воды, что обеспечило хорошую сохранность изделий из дерева, кожи, бересты и кости. Глубина залегания этого слоя колеблется от 0,5 до 1,1 м от современной дневной поверхности.

В шурфах и раскопах Л. П. Гуссаковский выделил от трех до восьми строительных ярусов, самый ранний из которых, относящийся к городскому слою, датируется серединой XIV – концом XIII в. (древнейший ярус, датированный XII – второй половиной XIII вв., интерпретирован исследователем как русское поселение сельского типа). В ходе обработки полученных материалов ученый пришел к выводу, что г. Хлынов был построен во второй половине XIII в. и получил свое название по речке Хлынице. В раскопах и шурфах прослежена часть древней улицы с бревенчатыми мостовыми и остатками жилых и хозяйственных сооружений XIII–XIV вв. [23]

Однако в настоящее время ряд выводов Л. П. Гуссаковского относительно возраста Хлынова-Вятки и датировки ряда находок подвергаются серьезному сомнению. В частности, С. Д. Захаров, сторонник скептического отношения к результатам изысканий 1950-х гг., обосновывает свою позицию слабой методической базой проведенных работ. Он указывает на очень небольшую площадь вскрытого культурного слоя (около 180 кв. м), что не позволяет, по его мнению, дать обоснованную характеристику стратиграфии и хронологии Хлыновского кремля, а также на спорные моменты в выделении и датировке строительных ярусов. Все это позволило поставить под сомнение выводы Л. П. Гуссаковского, относящиеся к исследованиям в кремлевской части города.

Вместе с тем имеется и другая точка зрения относительно результатов исследований Л. П. Гуссаковского. Так, ижевский археолог Л. Д. Макаров

полностью поддержал высказанный им тезис об основании Хлынова-Вятки в середине – второй половине XIII в. с некоторыми уточнениями присоединился к его датировке строительных горизонтов. Он объясняет методические недочеты учёного тем, что археологические исследования проводились в период становления современной методики раскопок древнерусского города, и, несмотря на все неточности, считает результаты его изысканий заслуживающими доверия за вычетом некоторых деталей [24].

После работ Л. П. Гуссаковского в исследованиях Хлыновского кремля наступает длительный перерыв, который закончился лишь в 1983 г. В этом году во время прокладки траншеи водопровода по ул. Московской Л. Д. Макарову удалось проследить разрез кремлевского вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м – от рва до монумента воинам-кировчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В ходе исследований выявлены остатки древнейших укреплений города в виде дощатого настила, фрагментов бревен и плах, строительного мусора, которые располагались вдоль рва на прослойке погребенного дерна с лесной подстилкой [25]. Эти сооружения Л. Д. Макаров идентифицировал как остатки укреплений типа «жилые стены», сведения о которых содержатся в «Повести о стране Вятской» [26]. В этих сооружениях успел отложиться культурный слой мощностью до 25 см, правда, без находок. Его перекрывает мощная насыпь вала шириной 13 м, внутри которого зафиксированы деревянные конструкции в виде срубов, забутованных глиной. Вдоль вала проходила улица с бревенчатыми мостовыми, которых насчитывалось не менее 5–6 ярусов. Наибольшая мощность культурного слоя прослежена у вала – более 2 м, внутри кремля она сравнительно невелика и составляет 1,2–1,6 м. В ходе исследований также обнаружено значительное количество находок, в том числе из органических материалов (кости, дерева, бересты и кожи), которые хорошо сохраняются во влажном слое нижних пластов кремля [27].

В 1990 г. также под руководством Л. Д. Макарова проведены раскопки на территории Хлыновского городища. К югу от городского Дворца пионеров (некогда архиерейских палат) был заложен раскоп площадью 81 кв. м. Мощность напластований достигала здесь 4–6 м, причем доля слоя строительного мусора составляла 2,5–3 м. В ходе раскопок прослежены фрагменты жилых построек срубного типа и хозяйственных ям (в том числе кладовка для хранения запасов белой глины, погреб и мусорная яма). При этом удалось выделить 4–5 строительных горизонтов, разделенных следами пожарищ, древнейший из которых датируется концом XIII–XIV вв. В результате исследований также собрана обширная

коллекция находок, относящихся к периоду от конца XIII до XX в. [28]

Хлыновское-I селище. Средневековье: древнерусское (XII–XIII вв.). Располагается на мысу высотой 35–40 м, ограниченном с востока берегом р. Вятки и с юга берегом оврага Засора. Памятник обнаружен во время проведения Л. П. Гуссаковским археологических исследований на территории Хлыновского городища (Вятского кремля) в 1956–1958 гг. [29]. Под городскими напластованиями при этом был зафиксирован плетень, прослеживающийся на расстоянии более 10 м в виде тонких колышков, остатки легких наземных построек столбовой конструкции, полуземляночных жилищ и следы открытых очагов. Эти сооружения не вписывались в более позднюю городскую планировку, что и позволило исследователю интерпретировать их как остатки русского поселения сельского типа, датированного в пределах XII–XIII вв. [30]

В 1990 г. во время раскопок Л. Д. Макарова на площади бывшего кремля г. Хлынова-Вятки к югу от архиерейских палат также был зафиксирован слой русского догоородского поселения. Площадь раскопа составила 81 кв. м. В нем выявлены следы изгородей, что позволило учёному определить этот участок как место расположения огородов в составе Хлыновского селища. В ходе раскопок обнаружена раннегончарная и лепная славянская керамика архаичного облика с примесью раковины, дресвы или песка в тесте, которая была датирована Л. Д. Макаровым домонгольским временем [31].

Хлыновское-II селище (посад г. Хлынова-Вятки). Средневековье: русский (XV–XVIII вв.). Располагается в центральной части г. Кирова, прилегающей с запада к левому берегу р. Вятки, между оврагом Засора и Раздеришинским оврагом.

Возникновение посада относится к XV–XVI вв. К началу XVII в. его западная граница проходила по дуге, начинающейся у истока Раздеришинского оврага и кончающейся берегом Засорного оврага, доходя примерно до линии пересечения современных улиц Свободы и Московской. Посад защищал острог, представляющий собой сплошной ряд вкопанных в землю заостренных бревен, перед которым был выкопан небольшой ров. За бревнами располагалась неширокая площадка из бревен на столбах, на которой могли разместиться обороняющиеся. Под стенами кремля, у рва, около переброшенного через ров моста располагался торг, который был одним из центров городской жизни. К 1615 г. на посаде существовало 10 улиц и переулков. Улицы вели от торга и кремля к острогу, продолжаясь за ним как дороги в города и селения Вятской земли, в то время как переулки не имели выхода за пределы посада. Изначальное расположение поселения на мысу определило лучевой или веерный характер планировки города [32].

В 1663–1666 гг. оборонительные укрепления посада были полностью перестроены. К середине XVII в. городская застройка вышла за пределы острога, который оказался в тылу посада и потерял свое прежнее оборонительное значение. На протяжении почти 3 км (1476 саженей) был насыпан земляной вал высотой до 8,6 м. Внешнюю сторону вала укреплял острог из заостренных вверху бревен, расположенный между валом и рвом. Ров глубиной 2 и шириной 4 сажени (4,3 и 8,6 м соответственно) полуокольцом охватывал посад с запада. С южной стороны города вал смыкался с кремлевскими укреплениями и проходил по берегу Засорного оврага, а с севера и востока – по южному берегу Раздеришинского оврага и берегу р. Вятки до Богоявленской башни кремля. Если принять современную планировку г. Кирова, то посадский вал в западной его части шел по дуге, начинающейся у истока Раздеришинского оврага и кончающейся берегом Засорного оврага, проходя в основном по ул. Володарского, Степана Халтурина и Труда. На всем протяжении посадских укреплений было поставлено 7 деревянных башен и девять выводов [33].

В результате пожара 1700 г. укрепления посада были практически уничтожены, что отмечалось инспекцией из Санкт-Петербурга 1708 г., которая признала их состояние неудовлетворительным. Остатки укреплений посада были зафиксированы на плане города 1759 г. Согласно «Плану Вятского наместничества городу Хлынову,енному быть губернским городом», утвержденному в 1784 г., предполагалось разобрать остатки деревянных конструкций на валу, а насыпь вала использовать для засыпки рвов и возведения мостов-дамб через Засорный овраг, что и было сделано в начале XIX в. [34] К настоящему времени сохранилось лишь несколько небольших участков вала.

Первое упоминание о территории посада как памятнике древности относится еще к 1838 г. В этом году в газете «Вятские губернские ведомости» была опубликована статья «О курганах и древних памятниках в Вятской губернии», в которой в числе восьми известных к тому времени археологических памятников упомянут посадский вал г. Хлынова [35]. А уже в 1881 г. А. А. Спицын подробно описал остатки посадских укреплений [36].

Первые полноценные археологические исследования на территории посада Хлынова-Вятки произвел М. П. Грязнов. В ходе наблюдений за работами по прокладке водопровода на территории посада ему удалось зафиксировать бревенчатые мостовые, а также зарисовать и описать стратиграфию напластований. В то же время им был составлен сводный план фрагментов посадского вала. В 1934–1935 гг. во время строительства здания современной Центральной гос-

тиницы на месте городского кладбища XVII–XVIII вв. при бывшем Воскресенском соборе М. П. Грязнов собрал большую антропологическую коллекцию и произвел половозрастное определение умерших [37]. Результаты его изысканий впоследствии стали основой для важных выводов по демографии вятского населения XVII–XVIII вв. При наблюдениях за земляными работами также были найдены медные кресты, изразцы XVII в., монеты XVIII в., слюда и ручные каменные жернова. Также в 1935 г. в музей поступили ручная пищаль XVII в. и бронзовая орнаментированная копоушка, обнаруженные на территории сада им. Ст. Халтурина (совр. Александровский сад) [38].

Следующее археологическое обследование территории посада производилось в 1956–1959 гг. Л. П. Гуссаковским во время его масштабных работ в исторической части г. Кирова. Незадолго до начала его исследований весной 1956 г. на ул. Большевиков во время земляных работ на глубине двух метров были выявлены три слоя бревенчатой мостовой. В том же 1956 г. уже сам Л. П. Гуссаковский заложил шурф в сквере у Спасского собора площадью 3×3,5 м и проследил под остатками XIX–XX вв. слой XVII–XVIII вв. Однако вследствие высокого стояния грунтовых вод этот шурф не был доведен до материка. В 1958 г. исследователем обследовался район пересечения улиц Большевиков и Герцена, где проводились строительные работы и обнаружился культурный слой мощностью до 2,5 м. При этом в нижней части слоя собраны фрагменты керамики XV–XVI вв. В результате этих работ была получена информация о резком западении уровня материка в 4 м к северу от проезжей части по ул. Герцена на глубину до 4 м. Л. П. Гуссаковский соотнес это место с южной границей посада и высказал предположение об искусственном эскарпировании склонов оврага Засора. В том же 1958 г. он исследовал культурный слой мощностью до 1 м в районе Преображенского собора женского монастыря, в результате чего выявлены материалы не ранее XVIII в. На перекрестке ул. Свободы и Ст. Халтурина в районе церкви Иоанна Предтечи был осмотрен котлован, вырытый под фундамент жилого дома. Мощность зафиксированного культурного слоя составила 0,3–0,9 м, в его нижней части обнаружена керамика XVI–XVII вв. В 1959 г. во время исследования Вятского городища в верхней части шурfov выявлены следы сооружений XVII–XVIII вв. и слоя XV–XVII вв. Тогда же на территории между Вятским и Хлыновским городищами Л. П. Гуссаковский заложил 4 шурфа общей площадью 9,5 кв. м, в которых были найдены фрагменты керамики и предметы XV–XVIII вв. [39]

После работ А. П. Гуссаковского следует достаточно большой перерыв в изучении посадской части Хлынова-Вятки, который закончился лишь в 1980-е гг. В частности, в 1983 г. А. Д. Макаров прослежил стратиграфию культурных напластований посада на протяжении 28 м во время изучения траншеи под теплотрассу, выкопанной на ул. Большевиков. При этом выявлено несколько котлованов сооружений, прослойки XV–XVII вв., мощность которых достигает 1,5–1,7 м, перекрытые слоями XIX–XX вв. мощностью 1 м, а также фрагменты деревянных построек и мостовых. В том же году А. Д. Макаровым прослежена стратиграфия посадской части Хлынова-Вятки на протяжении почти 120 м вдоль ул. Московской восточнее ее перекрестка с ул. Большевиков. Здесь в результате прокладки траншеи водопровода обнаружился культурный слой на глубину до 2,5–3 м. При этом под современными напластованиями выявлена мостовая из тонких бревен и жердей, под которой обнаружены разрезы наземных и углубленных в материк сооружений, остатки срубов и печей. Предметы, найденные в этой траншее, относятся к XV–XVIII вв. [40]

В 1986 г. В. В. Ванчиков при прокладке траншеи по ул. Дрелевского около Кировского краеведческого музея зафиксировал стратиграфию посадских напластований на протяжении 43,5 м. В культурном слое мощностью 1,4–2 м обнаружены хозяйствственные ямы и деревянная постройка XVIII в., а также предметы XV–XIX вв. В 1989 г. в том же районе данным исследователем зарисован профиль траншеи длиной 12 м, расположенной к западу от ул. Ленина. Мощность зафиксированного культурного слоя составила 1–1,3 м [41].

В 1990 г. вновь А. Д. Макаровым прослежена стратиграфия напластований посада на протяжении 260 м по ул. Свободы от ул. Дрелевского до оврага Засора. В выкопанной здесь траншее выявлены разрезы ям различного назначения, дренажная канава с остатками деревянного желоба, а также прослежен профиль посадского вала шириной 5 м. Мощность культурного слоя доходила до 1–1,5 м, причем под насыпью вала обнаружена керамика XVI–XVII вв. Тогда же при зачистке стенки котлована протяженностью 8 м, выкопанного для возведения моста через Раздерихинский овраг в Александровском саду, выявлен слой с керамикой XV–XVII вв. Однако слой Вятского городища при этом зафиксирован не был [42].

В 1990–2000-х гг. регулярные исследования культурного слоя посада предпринимались Е. А. Кошелевой первоначально как сотрудником Кировского краеведческого музея, а затем через Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Кировской области. В 1992 г. были проведены охранные работы в Александровском саду между мостом

через Раздерихинский овраг и береговой ротондой, в ходе которых выявлены слои посада XV–XVIII вв. Тогда же прослежена стратиграфия глубокого котлована во дворе дома № 7 по ул. Энгельса. Затем произведен осмотр обнаружения культурного слоя в одном из котлованов в районе телевышки и по ул. Урицкого, 31-б, где на протяжении 26 м были зарисованы прослойки XVIII в. [43] В 1994 г. Е. А. Кошелева произвела охранные археологические исследования котлована во дворе дома № 3 по ул. Московской рядом с местом расположения бывшего Воскресенского собора. Интересной находкой здесь стало обнаружение двухъярусного горна для обжига керамической посуды и изразцов, возведенного на рубеже XVII–XVIII вв., что позволило исследователю говорить о существовании в это время на Вятке собственного кирпичного производства. Кроме того, были прослежены границы площади Воскресенской церкви и выявлен вещевой материал второй половины XVI–XVIII вв. [44]

С 2000 г. Е. А. Кошелева приступила к охранным археологическим исследованиям посадских укреплений. В 2000 г. проводились раскопки по ул. Володарского, 84, в результате чего была вскрыта подошва вала и выполнен разрез рва. В разрезе он имел симметричную треугольную форму с несколько скругленным дном. Общая его глубина составила около 3 м, ширина в верхнем горизонте – около 6 м. Края рва были задернованы, чтобы предотвратить их затекание. Между его берегом и основанием вала находилась горизонтальная площадка для предупреждения сползания земли в ров. По верхнему краю склона рва также были зафиксированы столбовые ямки – предположительно следы надолбов, наклоненных в сторону поля [45]. Раскопки 2002, 2003, 2005 и 2006 гг. производились также в районе прохождения посадских укреплений. При этом исследована территория, прилегающая к Ильинской и Никитской проезджим башням. В 2005 г. была обнаружена кузница XVIII в., располагавшаяся на краю оврага Засора, в слое которой выявлено большое количество железных кованых изделий, кусков сырого дутого железа, заготовок, а также тигли и литейные формы [46]. В 2006 г. во время раскопок участка посадского рва по ул. Герцена, 26 на протяжении 18,6 м прослежен водоотвод XVII–XVIII вв., который предназначался для стока воды с мостовых и, возможно, для снабжения водой кузницы, исследованной в данном районе в 2005 г. [47]

В 2009 г. А. Л. Кряжевских во время охранных археологических исследований изучена стратиграфия стенок котлована размером 9×9 м и глубиной 1,5 м, вырытого на территории Александровского сада вблизи здания присутственных мест XIX в. При этом было выявлено, что

мощность культурного слоя в данном районе варьируется от 0,7 до 1,5 м. В южной стенке котлована зафиксировано западение культурного слоя шириной около 4,5 м, которое уходит ниже уровня выборки грунта. В профилях стенок котлована зафиксировано 6 сооружений, предположительно хозяйственных, которые можно предварительно датировать XVIII–XIX вв. В ходе зачистки стенок котлована обнаружено большое количество позднесредневековой керамики, фрагмент глиняного грузила, железная обувная подкова и костяная рукоять ножа [48].

Хлыновский-I могильник. Средневековье: смешанный русско-удмуртский (XIII (XIV?) – XVI вв.). Располагается на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря, который был поставлен на месте старого городского кладбища на так называемой Семеновской пустоши. Некрополь занимал часть берегового мыса высотой 4–5 м и с севера был ограничен оврагом Засора. Общее количество погребений, выявленных в разное время на могильнике, составляет около 100 [49].

Первые погребения на памятнике были зафиксированы в 1981 г. Л. Д. Макаровым во время осмотра водопроводной траншеи, пересекавшей двор монастыря от Успенского собора к Братскому корпусу. При этом в траншее выявлен разрез могильных ям, имевших глубину от 1,2 до 2 м. Тогда же была вскрыта нижняя часть одного из костяков с остатками гроба. В 1989 г. В. В. Ванчиков в стенке траншеи к западу от Успенского собора выявил разрезы двух могил глубиной 0,2 и 0,5 м. В 1990 г. Л. Д. Макаров при обследовании стенок траншеи у Братского корпуса на протяжении 25,4 м обнаружил разрезы 31 могильной ямы глубиной от 0,25 до 1,3 м. Однако исследовать данные погребения не удалось [50].

В 1991 г. сотрудник Кировского краеведческого музея А. Сенникова обследовала ряд траншей на территории монастыря и выявила более 50 захоронений. В ходе ее работ удалось проследить некоторые особенности погребального обряда. Погребения имели сравнительно небольшую глубину – от 25 до 85 см. Также выявлены два вида ориентации захоронений (север – северо-восток, а также запад – юго-запад и запад – северо-запад), которые, вероятно, связаны с погребением различных этнических групп (русского и удмуртского населения), одновременно обитавших в городе. Довольно часто встречаются взаимные нарушения могильных ям. В некоторых погребениях обнаружены остатки гробовиц, причем стенки погребальных сооружений, вероятно, скреплялись деревянными штырями, так как железные гвозди не найдены. Отсутствуют и находки медных крестиков.

Также имеются указания на то, что костяки встречались также под фундаментом и чугунным

полом Успенского собора и под фундаментами Братского корпуса до ул. Горбачева [51].

Хлыновский-II могильник. Средневековье: русский (XVI–XVIII вв.). Располагается на территории Хлыновского городища к югу и юго-западу от бывшего Богоявленского собора. Обнаружен Л. П. Гуссаковским во время его исследований на территории кремля Хлынова-Вятки в 1956–1958 гг. Всего им было выявлено 24 погребения, из них 5 детских. Обнаруженные костяки ориентированы на запад – юго-запад и запад – северо-запад, во всех случаях присутствуют остатки гробов. Умершие лежали вытянуто на спине, глубина могильных ям варьировалась от 0,5 до 1 м. В 5 погребениях выявлены медные настольные крестики. При расчистке двух детских захоронений выявлено по 2 железных гвоздя, которые А. А. Сенникова относит к погребальному (жертвенному) комплексу [52].

В 1983 г. во время исследования траншеи водопровода, проложенной в том числе по территории Хлыновского городища, Л. Д. Макаров зафиксировал следы еще 6 погребений глубиной от 0,25 до 1 м. Их ориентация соответствовала результатам работ Л. П. Гуссаковского [53].

Вероятнее всего, Хлыновский-II могильник представляет собой церковное кладбище, возникшее еще при деревянной Богоявленской церкви XVI в. и продолжавшее функционировать после постройки в 1698 г. каменного Богоявленского собора [54].

Чижевское (Марьин Кокошник) городище. Ранний железный век (ананынская КИО: VI–III вв. до н. э.), средневековье: кочергинская АК (VI–IX вв.), русское (с XIII в.). Городище располагается на округлом мысу высотой 26–30 м, образованном коренным левым берегом р. Вятки и берегом оврага, в районе бывшей д. Чижи. Оно принадлежит к типу мысовых одноплощадных, укрепленных с напольной стороны одним валом и рвом, его площадь составляет около 4000 кв. м. Насыпь вала имела в плане дугообразную форму, находилась на площадке поселения перед рвом и защищала городище с южной и западной стороны [55]. С формой линии укреплений, напоминающей старинный женский головной убор, связано другое наименование данного городища – Марьин Кокошник. В настоящее время вал и особенно ров практически не фиксируются.

Впервые Чижевское городище описал капитан Пензенского пехотного полка Н. П. Рычков, который в 1769–1770 гг. в составе экспедиции П. С. Палласа объехал несколько приуральских губерний, в том числе и Вятский край. Из-за небольшой площади городища он считал его «замком» какого-либо селения или местом, в котором не было жилищ и в котором скрывалось окрестное население во время нашествия неприятеля. По его мнению, оно было создано чудскими народами, жившими здесь еще «до прише-

ствия новгородцев» [56]. Впоследствии данные Н. П. Рычкова о городище были включены Е. Ф. Зябловским в многотомное «Землеописание Российской империи», вышедшее в 1810 г. [57] В 1865 г. памятник обследовал и описал П. В. Алабин. Им здесь были обнаружены лишь уголь и фрагменты керамики [58]. Этот исследователь считал данное городище местом первоначального поселения новгородцев, пришедших на Вятку в XII в., однако фактическое обоснование этой версии в настоящее время отсутствует и ученые ее всерьез не рассматривают. При этом он же отмечал, что до появления здесь новгородцев поселение принадлежало более древнему населению края [59]. А. А. Спицын в 1880-е гг. (работы проведены до 1881 г. [60] и в 1887 г. [61]) нашел на городище керамику, кости, угли и несколько поздних железных обломков, а в валу — медвежий клык. По его словам, ранее площадка памятника распахивалась, но к моменту обследования пашня уже была заброшена. При этом работы А. А. Спицына показали практически полное отсутствие культурного слоя на памятнике, имелось лишь едва заметное его присутствие на склонах мыса. В своем труде «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии» Спицын достаточно подробно описал внешний вид и размеры Чижевского городища, в том числе перечислил и предания местных крестьян, связанные с этим объектом. Он отнес памятник к числу средневековых удмуртских средневятских городищ, существовавших до появления в Вятском крае русского населения, то есть до XIV в. [62]

В 1938 г. городище обследовал Н. А. Прокошев. Им было установлено, что вал и часть площади памятника почти полностью срыты в ходе проведения земляных работ. У подножия городища и в одном из обнажений оврага ему удалось найти остатки культурного слоя и несколько фрагментов керамики. При этом он обратил внимание на то обстоятельство, что практически все хранящиеся на тот момент в Кировском областном музее находки, происходящие с этого памятника, относятся не к эпохе средневековья, а к раннему железному веку, в частности, они характерны для ананьинской КИО (VIII–III вв. до н. э.). Изучение музеиных коллекций и собственные полевые работы позволили Н. А. Прокошеву отнести Чижевское городище к ананьинской эпохе и существенно пересмотреть датировку А. А. Спицына и других более ранних исследователей [63].

В 1957 г. памятник осмотрела Л. М. Еговкина, а в 1961 г. — И. И. Стефанова [64]. Самые последние исследования здесь проводила разведгруппа КВАЭ под руководством Н. А. Ярославцевой (Лещинской) в 1977 г. При этом обнаружены сырье и обожженные кости животных, обломки желез-

ных предметов, фрагменты лепной керамики с примесью толченой раковины и растительности, фрагменты гончарной керамики и шлак [65].

В настоящее время Чижевское городище относят к многослойным памятникам. Здесь выделяются слои, относящиеся к позднему этапу вятского варианта ананьинской КИО (VI–III вв. до н. э.) [66], к кочергинской культуре (VI–IX вв.) [67], носители которой обычно рассматриваются как древнеудмуртское население, а также к древнерусскому времени (с XIII в.). По мнению А. Д. Макарова, в древнерусское время Чижевское городище прикрывало первый локальный район размещения русского населения в Вятском бассейне, расположенный вокруг Никульчинского городища, со стороны низовий Вятки [68].

Отдельные находки. В 50-х гг. XIX в., по сообщению П. В. Алабина, был обнаружен подземный ход, ведущий из Раздеришинского оврага наверх в г. Хлынов, в котором выявлены следы пороха и каменные ядра [69].

В 1886 г. в ходе земляных работ на ул. Спасской (совр. ул. Дрелевского) был найден медный литой идол, который А. А. Спицын считал удмуртским богом грома и атмосферных явлений. В том же месте ранее находили каменную фигурку, а также сосуды с пеплом и костями [70]. Вероятно, здесь располагалось древнеудмуртское культовое место.

В 1889 г. в г. Вятке при рытье фундамента под дом найдено шесть серебряных арабских дирхемов VIII–IX вв. [71] Интересные находки в черте г. Кирова продолжались и в XX в. В 1935 г. около Александровского сада в районе посадского рва было обнаружено 14 медных византийских монет VI–XI вв., зарытых на рубеже XI–XII вв. [72] В 1948 г. в ходе выборки канавы на территории Дворца пионеров найдены орнаментированное глиняное пряслице и фрагмент костяного кольца. В 1953 г. на Раздеришинском спуске обнаружен фрагмент полихромного изразца с растительным мотивом [73]. В 1965 г. на берегу р. Вятки найдена часть костяной рукоятки в виде стилизованной головы барана с закрученными рогами. В 1974–1975 гг. в окрестностях парка им. Ст. Халтурина обнаружены две бронзовые подвески [74].

Таким образом, имеющиеся к настоящему времени материалы позволяют с уверенностью говорить о том, что на территории современного г. Кирова население появляется задолго до проникновения сюда русских людей.

Примечания

1. Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1999. С. 33.

2. Там же. С. 33–34.

3. Макаров А. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в куль-

- турно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1999. С. 52.
4. *Лещинская Н. А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 100.
5. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1956. С. 166; *Прокошев Н. А.* Могильник близ Вятки // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). 1931. № 11–12. С. 57–58.
6. *Гуссаковский Л. П.* Из истории русской Вятки... С. 32.
7. *Степанова И. И.* Отчет об археологических разведках 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3286. С. 3.
8. *Ярославцева Н. А.* Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенной летом 1977 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 63. С. 2.
9. *Спицын А. А.* Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 48–49.
10. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. С. 174–177.
11. *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. М., 1952. С. 32.
12. *Прокошев Н. А.* Новые данные о городищах близ г. Кирова // КСИИМК. Вып. II. М.; Л., 1939. С. 21–22.
13. *Гуссаковский Л. П.* Отчет об археологических работах в Кировской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1922. С. 3.
14. *Ярославцева Н. А.* Указ. соч. С. 2.
15. Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае / сост. А. А. Спицын. Киров, 1993. С. 9.
16. *Эммаусский А. В.* Культура Вятского края XVII вв. // ЭЗВ. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 70–71.
17. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 169.
18. *Кряжевских А. Л.* Оборонительные укрепления г. Хлынова (Вятки) в XVII в. // Камский торговый путь: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ёлауга, 2008. С. 110–113.
19. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1999. С. 50.
20. *Спицын А. А.* Каталог древностей Вятского края... С. 36–37.
21. *Гуссаковский Л. П.* Из истории русской Вятки... С. 34, 40.
22. *Захаров С. Д.* Раскопы Л. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1999. С. 41.
23. *Гуссаковский Л. П.* Из истории русской Вятки... С. 34–36.
24. *Кряжевских А. Л.* Археологическое изучение Кировской области в 1950-е гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3 (1). С. 60–61.
25. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 54.
26. Повесть о стране Вятской... С. 9.
27. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 54.
28. *Макаров Л. Д.* Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 204–205; *Макаров Л. Д.* Исследования в г. Кирове и в Костромской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 44–46.
29. Там же. С. 51–52.
30. *Гуссаковский Л. П.* Из истории русской Вятки... С. 35–36.
31. *Макаров Л. Д.* Исследования в г. Кирове и в Костромской области... С. 44.
32. *Тинский А. Г.* Планировка и застройка г. Вятки в XVII–XIX вв. Киров, 1976. С. 13, 15–16.
33. *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 70–71.
34. *Кошелева Е. А.* Некоторые аспекты охранных археологических исследований в исторической части г. Кирова // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2006. С. 82.
35. О курганах и древних памятниках в Вятской губернии // ВГВ. 1838. № 25.
36. *Спицын А. А.* Каталог древностей Вятского края... С. 37.
37. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 49.
38. *Васильев Б. А.* Обнаружено кладбище XVII–XVIII вв. // Кировская правда. 1935. 28 сент.
39. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 52–53.
40. Там же. С. 53–54.
41. Там же. С. 55.
42. *Макаров Л. Д.* Исследования в г. Кирове и в Костромской области...
43. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 56.
44. *Кошелева Е. А.* Некоторые аспекты охранных археологических исследований... С. 81.
45. *Кошелева Е. А.* Археологические раскопки в г. Кирове // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края. К 105-летию со дня рождения А. В. Эммаусского: сб. ст. / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2003. С. 18–19.
46. *Кошелева Е. А.* Некоторые аспекты охранных археологических исследований... С. 81.
47. *Кошелева Е. А.* Водоотводы г. Хлынова (к вопросу о дренажной системе средневекового города) // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского региона: К 110-летию со дня рождения А. В. Эммаусского: материалы региона. науч. конф. / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2008. С. 21.
48. *Кряжевских А. Л.* Отчет об археологической разведке по территории Слободского района Кировской области и Первомайского района г. Кирова в 2009 г. Т. 1 // Фонды ОГАУК «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области». С. 100–104.
49. *Сенникова Л. А.* Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи-хранители куль-

- турного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 149.
50. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 55–56.
51. *Сенникова Л. А.* Указ. соч. С. 149–150.
52. Там же. С. 150–151.
53. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 54.
54. *Сенникова Л. А.* Указ. соч. С. 151.
55. *Ванчиков В. В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: сб. ст. / отв. ред. В. А. Кананин. Ижевск, 1992. С. 77–85.
56. *Рычков Н. П.* Продолжение Журнала, или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб., 1772. С. 55–56.
57. *Ванчиков В. В., Сенникова Л. А.* Исследователи древностей. Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период // По родному краю: сб. краевед. материалов. Киров, 1991. С. 27–28.
58. *Талицкая И. А.* Указ. соч. С. 32.
59. *Ванчиков В. В., Сенникова Л. А.* Указ. соч. С. 35.
60. *Спицын А. А.* Каталог древностей Вятского края... С. 47–48.
61. *Ванчиков В. В.* Указ. соч. С. 81.
62. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания... С. 177–178.
63. *Прокошев Н. А.* Новые данные о городищах близ г. Кирова... С. 21–22.
64. *Ванчиков В. В.* Указ. соч. С. 81.
65. *Ярославцева Н. А.* Указ. соч. С. 10–11.
66. *Ванчиков В. В.* Указ. соч. С. 81–85.
67. *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. С. 302.
68. *Макаров Л. Д.* Формирование территории Вятской земли в XII–XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 143.
69. *Алабин П. В.* Заметки относительно древностей Вятского края // ВГВ. 1865. № 57.
70. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания... С. 187.
71. *Талицкая И. А.* Указ. соч. С. 32.
72. Редкая находка // Кировская правда. 1935. 24 сент.
73. *Макаров Л. Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова)... С. 50.
74. *Гуссаковский Л. П.* Из истории русской Вятки... С. 33.

Список сокращений

АК – археологическая культура

ВГВ – Вятские губернские ведомости

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция

КГПИ – Кировский государственный педагогический институт

КИО – культурно-историческая общность

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ОГАУК – областное государственное автономное учреждение культуры

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

А. В. Берёзкина

РОЛЬ ЗОНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ в.

В статье рассматриваются основные приоритеты во внешней политике США во второй половине XX в., анализируется американская стратегия в зоне Персидского залива, определяется важность «нефтяного фактора» в саудовско-американских отношениях.

The author considers the basic priorities of the USA foreign policy in the second half of the XX century, analyses the American strategy in the Persian gulf zone, and defines the importance of “the oil factor” in Saudi-American relations.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия США, Персидский залив, интересы США на Ближнем Востоке, Саудовская Аравия.

Keywords: foreign-policy strategy of the USA, the Persian gulf, interests of the USA in the Middle East, Saudi Arabia.

В ХХ в. США вступили как динамично развивающаяся страна, представляющая собой очень сильное и экономически развитое государство.

Развиваясь очень быстрыми темпами, уже к концу ХХ в. США добились статуса единственной в мире сверхдержавы. Взлет США оказал влияние на формирование нового миропорядка, в котором они играют главную роль.

«Холодная война» в значительной степени предопределила характер международных отношений во второй половине ХХ в. Именно после окончания «холодной войны» возросло ощущение американцами своей исключительности, которое, по мнению исследователей, привело их к одиночеству в мире [1]. Ни ООН, ни союзники США в Европе и Азии не могли составить равноправное партнерство с военно-политической машиной США. Новые региональные державы в глазах Вашингтона не выглядели достойными для сотрудничества, считались американскими политиками не созревшими для самостоятельной роли в мировых и региональных делах.

В период острой конфронтации двух социально-политических систем наметилась тенденция, приведшая к формированию нового миропоряд-

ка и концепции «мирового лидерства» США. Впервые стратегию «мирового лидерства» США провозгласил президент Трумэн 12 марта 1947 г. в обращении к Конгрессу. Трумэн говорил, что в мире идет борьба за демократию и свободу против диктатуры и принуждения, и в этих условиях вмешательство США во внутренние дела других стран оправданно. Он заявил: «В настоящий момент каждое государство мира должно выбрать между двумя альтернативными путями развития... Я считаю, что мы должны помочь свободным людям определить их собственную судьбу. Думаю, что наша помощь должна, в первую очередь, носить экономический и финансовый характер...» [2]. Другими словами, глава американского правительства оговаривал перед законодателями право вмешиваться в любые процессы, происходящие в мире, если это вмешательство целесообразно с точки зрения правительства США. Оправдывалась военная помощь тем политическим силам внутри любой страны мира, взгляды и политика которых импонировали Вашингтону [3]. Выступление послужило обоснованием массовой военной помощи проамериканским режимам. Логика Г. Трумэна была относительно проста. В небольшом историческом экскурсе президент отмечал, что Германия и Япония попытались навязать другим странам свой образ жизни, и это стало основной причиной того, почему США объявили им войну. Ныне, говорил президент, появилась новая страна, стремящаяся навязать миру свой образ жизни. Такой ход событий вынуждает США принять в качестве основополагающей цели своей политики создание условий, при которых «мы и другие страны были бы способны обеспечить образ жизни, свободный от принуждения».

Согласно «Доктрине Трумэна», «политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, сопротивляющихся попыткам подчинения вооруженным меньшинствам или внешнему давлению». Именно этот постулат и стал основой американской политики на грядущие десятилетия. Такое громкое провозглашение новых задач было необходимо американскому правительству для того, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения и конгресса: сохранение глобальной зоны влияния, создание новых структур, мобилизация военных сил и резкое увеличение экономической помощи.

Кроме того, на момент провозглашения «доктрины Трумэна» США были единственной дер-

жавой мира, владевшей ядерным оружием и не имеющей конкурентов на морях – у США был самый большой военно-морской флот и, несомненно, самые мощные военно-воздушные силы. Флот и ВВС пользовались базами, расположеными во всех районах земного шара.

Стратегия «мирового лидерства» не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела новое звучание для Америки после исчезновения с международной арены СССР – главного геополитического соперника США. Конечно, в новых исторических условиях данная стратегия существенно изменилась, однако главной ее задачей по-прежнему оставалось удержание и сохранение лидирующего положения в мире. Очевидно, что «с конца 1940-х гг. и до настоящего времени главным устремлением Вашингтона в международных делах по-прежнему остается обеспечение американского доминирования в глобальном масштабе» [4].

Программным документом, отражающим интересы США в послевоенном мире, стал доклад, подготовленный Координационным комитетом США из представителей госдепартамента, военного и военно-морского ведомств США 21 апреля 1947 г. В докладе были обозначены основные цели Америки, а именно, говорилось следующее: «Важно, чтобы в дружественных нам руках находились регионы, в которых имеются месторождения металлов, нефти и других ресурсов, регионы, которые представляют собой сами по себе стратегическую ценность, имеют значительный промышленный потенциал, значительные людские ресурсы и организованные вооруженные силы, а также регионы, которые в силу политических и психологических причин позволили бы США оказывать большое влияние на мировую стабильность и безопасность» [5].

После окончания «холодной войны» основной задачей США являлось «предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз. Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника» [6]. Как подчеркивает З. Бжезинский, «предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистической евразийской державы – остается центральным моментом в плане способности Америки осуществлять свое мировое лидерство» [7].

Также большое влияние на формирование внешнеполитической стратегии США в 1990-е гг. оказала интенсивная идеологизация их внешней политики. Мессианизм был одной из основ этой политики в течение всей «холодной войны», но с

приходом в 1993 г. в Белый дом администрации Б. Клинтона американцы окончательно уверились, что распространение идеалов свободы и демократии в мире – лучшая гарантия защиты многообразных американских интересов, в том числе и интересов национальной безопасности [8].

США бросают вызов всему мировому сообществу, превращая других субъектов международных отношений в объекты американской политики, которые должны соотносить свои действия и внешнеполитические интересы с интересами США. Ведь без учета реакции со стороны США сегодня практически невозможно провести ни одной крупной внешнеполитической акции. Н. А. Косолапов утверждал, что «распад СССР снизил... возможности ограничения политики США в мире. Но главные свои позиции США создали во всех сферах современной жизни задолго до исчезновения Союза. Именно это определило становление в 1990-х гг. американоцентристского миропорядка, фактически претендующего на определенный тип политической организации глобализирующегося мира в отсутствии сил или держав, способных эффективно уравновешивать США» [9].

С. Хантингтон отмечает, что после окончания «холодной войны» Америка оказалась в состоянии дисбаланса «возможностей и свершений» [10]. Обладая самой мощной в мире экономикой и гигантскими амбициями, США были вынуждены после исчезновения глобального противника пойти по пути осознанного сокращения своего потенциала, хотя внутриполитическое развитие и разросшиеся амбиции делали этот процесс достаточно болезненным. В связи с этим у США появляется необходимость «не поиска возможностей для достижения цели, а поиска цели для использования американской мощи для ее достижения» [11]. Поэтому американское руководство решает заняться поиском этой новой цели, которая бы подошла к сложившейся системе американских интересов и оправдала бы роль мирового лидера, защитника справедливости и международного порядка.

Америке было важно «закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере, на период существования одного поколения и... создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчить неизбежные потрясения и напряженность» [12]. Однако администрации Б. Клинтона не удалось найти внешнеполитического «противника», способного удовлетворить амбиции США. Прежние цели, такие, как распространение демократии, свободы и справедливости, уже не могли выполнять роль реального «лакомства» американского глобального лидерства. Только после известных терактов Соединенные Штаты обрели, наконец, образ «идеаль-

ного врага» в лице международного терроризма. Возможно, если бы США не создали для себя основного врага в лице международного терроризма, а продолжали бы утверждать свои национальные интересы через множество локальных целей, то, вполне вероятно, что уже в первые годы XXI в. отметился бы резкий спад американского влияния в мире.

Ближний Восток и зона Персидского залива являются ключевыми во внешнеполитической стратегии США, поэтому на протяжении длительного времени Америка осуществляет там постоянное военное присутствие и «поддержание стабильности». Баланс сил в Персидском заливе длительное время определялся наличием трех политических центров (КСА, Ирак, Иран), внутреннее устройство, интересы и цели которых были зачастую противоположными. Страны ССАГПЗ не могли самостоятельно обеспечить безопасность и стабильность в регионе. Поэтому они остро нуждались в поддержке, главным образом, со стороны США. Эта поддержка была основана на механизме контрактов на поставку систем оружия и обучения местного персонала, двусторонних оборонительных пактов и прямом военном присутствии в Заливе.

При существовавшей биполярной системе международных отношений основной угрозой для региона являлся СССР. А США как главная противоборствующая сила взяли на себя роль «бдительного и неусыпного стражи», присвоившего себе патроналистические функции по отношению к государствам региона, в том числе и Саудовской Аравии.

В начале 1990-х гг. в связи с исчезновением с geopolитической карты мира одной из крупнейших империй – СССР – ситуация изменилась. США решили воспользоваться благоприятными условиями и пересмотреть некоторые аспекты союзнических обязательств в отношении стран Персидского залива, проводя линию на удержание этой зоны в состоянии военно-политического напряжения. Такая политика давала возможность США размещать многочисленные контингенты американских военнослужащих в Саудовской Аравии и других странах региона.

Американские интересы в регионе Ближнего Востока группировались вокруг следующих задач:

- 1) обеспечение бесперебойных поставок нефти странам Запада;
- 2) урегулирование арабо-израильского конфликта;
- 3) изоляция антиамериканских режимов (Ирак, Иран);
- 4) обеспечение военного присутствия США в регионе Ближнего Востока;
- 5) нераспространение оружия массового поражения;
- 6) прекращение террористической активности.

Заинтересованность стран Запада в стабильности стран ССАГПЗ заключалась в том, что они стремились иметь непосредственный и постоянный доступ к энергетическим ресурсам региона. Уже к 1944 г. США контролировали более 40% добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке, а к 1955 г. Американские компании добывали более 50% нефти ближневосточного региона, обеспечивая при этом более 90% нефтяного импорта Европы. Но этого было мало для полных амбиций США, они стремились добиться полного контроля над природными ресурсами Ближнего Востока.

Однако основные приоритеты внешней политики США в зоне Персидского залива определялись не только тем, что они являлись крупным потребителем энергетических ресурсов, но и тем, что США – лидер в области разработки и координации общей энергетической политики промышленно развитых стран. Целью внешней энергетической политики США, согласно Национальной энергетической стратегии 1991 г., являлось удовлетворение потребностей США в энергетических ресурсах и удержание американской экономики в качестве самой мощной в мире.

США рассматривали Ближний Восток как один из важнейших в стратегическом плане регион мира. Ведь он имеет чрезвычайно выгодное географическое положение – находится на стыке Европы, Азии и Африки, а значит, там проходят важнейшие коммуникации. Кроме того, регион богат запасами нефти, благодаря чему произошел расцвет торговли. «Ближний Восток – это важный регион, ситуация в котором может создать прямую угрозу американским интересам и экономической безопасности США» [13]. Значение этого региона так велико, что любой конфликт может ввергнуть мир в затяжную войну с непредсказуемыми последствиями.

Основную опору американского экономического и военно-политического доминирования США видели в лице Ирана, которому отводились «полицейские функции» в регионе, Саудовской Аравии и Израиле.

Ирак также занимал важное стратегическое положение в регионе и владел 10% мировых запасов нефти. Поэтому США уделяли не последнее внимание установлению контроля над Ираком. Их взаимоотношения можно условно разделить на несколько этапов: 1) 1945–1958 гг. – период вовлечения Ирака в военно-стратегическую систему США на Ближнем Востоке; 2) 1958–1967 гг. – период борьбы за восстановление американских военно-стратегических позиций в Ираке после революции 1958 г.; 3) 1967–1980 – период политической конфронтации Ирака с США в условиях разрыва дипломатических отношений; 4) 1980–1991 гг. – период установления стратегического партнёрства между США и Ираком.

25 апреля 1954 г. Багдад и Вашингтон подписали соглашение между двумя странами о военном сотрудничестве, предусматривающее американские военные поставки в Ирак, учреждение в этой стране военной миссии США, инспектирование американскими советниками иракской армии и подготовку иракских военных кадров в Соединенных Штатах [14].

В 1996 г. президент дополнил внешнеполитическую концепцию США докладом «Америка и устойчивое развитие», в котором шла речь о главной и долгосрочной цели США – сохранении гарантированного доступа к мировым ресурсам. Следующая цель внешней политики США заключалась в укреплении позиций США в мировой торговле. Третья же цель американской внешнеполитической концепции – интернационализация американских приоритетов, связанных со стратегией устойчивого развития. И, наконец, четвертая цель – сохранение глобальной системы жизнеобеспечения посредством контроля численности населения в развивающихся странах. После президентских выборов 1996 г. данная стратегия получила название «доктрины Клинтона».

Ирак, Иран, Судан и Ливия всячески противодействовали установлению американского контроля на Ближнем Востоке. Поэтому эти страны попали в список «стран-изгоев», составленный Америкой. По мнению США, «страны-изгои» нарушали права человека и представляли угрозу для своих соседей.

Администрация Б. Клинтона предложила программу расширения американского военного и политического присутствия в Персидском заливе для изоляции иранского и иракского режимов. Данная программа получила название доктрины «двойного сдерживания», которая предусматривала два условия: 1) американские вооруженные силы должны были находиться в зоне Персидского залива в течение длительного времени для обеспечения постоянного давления на Ирак и Иран; 2) Саудовская Аравия, наряду со своими соседями в бассейне Персидского залива, должна стать военным противовесом Ираку и Ирану.

Результатом этого стало увеличение численности американских войск в зоне Персидского залива до 20 тысяч человек. Особое внимание США уделяли поощрению закупок вооружений и военной техники государствами Персидского залива. Большинство закупок было осуществлено за счет займов, предоставляемых Саудовской Аравии американскими банками.

В результате в 1991–1994 гг. военные закупки Саудовской Аравии и ОАЭ у стран Запада превзошли иранские в пропорции 30:1. Эр-Рияд стал ведущим мировым покупателем вооружений, закупив лишь в США в 1994–1997 гг. оружия на 36,4 млрд долл. США.

Военно-стратегическое сотрудничество США и Саудовской Аравии имело и экономическую составляющую. Расходы на приобретение нефти и нефтепродуктов у стран бассейна Персидского залива возвращались в США через закупки оружия государствами Аравийского полуострова и Египта у США.

Таким образом, одним из важнейших направлений политики администрации президента Клинтона на Ближнем Востоке являлось усиление американского военно-политического присутствия в зоне Персидского залива на основе взаимодействия с монархическими режимами Аравийского полуострова в военной сфере.

Примечания

1. Братефский М. В. Вашингтон и новые региональные державы Азии // США: Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 9. С. 40.
2. Contemporary U. S. Foreign Policy. Documents and Commentary / ed. by E. Plischke. Greenwood Press, 1991. P. 184.
3. Уткин А. И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. С. 141.
4. Фролов В. Л. Глобальное лидерство «США и перспективы «стратегического партнерства» с Россией // Национальный интерес. 2001. № 4. С. 47.
5. Уткин А. И. Американская империя... С. 142.
6. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм. 2001. С. 22.
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 12.
8. Кириев А.А. Внешнеполитическая стратегия администрации У. Клинтона. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 190.
9. Косолапов Н. А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира // Очерки теории и политического анализа международных отношений. Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2002. С. 327.
10. Huntington S. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. Vol. 76. 1997. № 5.
11. Бжезинский З. Указ. соч. С. 55.
12. Quandt William B. The Middle East Crises // Foreign Affairs, America and the World. 1979. Vol. 58. № 3.
13. Rubin B. The Arab States and the Palestine Conflict. N. Y., 1981. P. 111.
14. Невенченой В. В. Ирак во внешнеполитической стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке (1991–2003 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 87.

УДК 94

А. Ю. Кузьмин

САУДОВСКО-ЕГИПЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ 1970-Х ГГ.

В статье рассматриваются причины и процесс сближения Саудовской Аравии и Египта после прихода к власти А. Садата в Египте в 1970 г., при этом процесс сближения анализируется через призму противостояния США и СССР в районе Ближнего Востока.

The article focuses on the reasons and the process of rapprochement of Saudi Arabia and Egypt after A. Sadat's coming to power in Egypt in 1970. The rapprochement process is analysed through the prism of opposition of the USA and the USSR around the Near East.

Ключевые слова: А. Садат, Фейсал, политика США и СССР на Ближнем Востоке.

Keywords: A. Sadat, Fejsal, policy of the USA and the USSR in the Near East.

Приход к власти в Египте в 1970 г. Анвара Садата открыл новую эру в саудовско-египетских отношениях. Оба государства вновь стали придавать огромное значение отношениям друг с другом. Их лидеры начинают искать точки соприкосновения. У начавшегося сближения были свои причины. Для Египта его внешнеполитическая переориентация прежде всего определялась внутриполитическими задачами. Постепенно А. Садат начинает свертывать тот курс, которым шла страна при Г. А. Насере. Он был полностью убежден в неизбежности перемен.

В предшествующие годы насеровский Египет не сумел добиться значительных успехов. Ведомый Советским Союзом, он не смог решить проблем, которые обостряли его отношения с Израилем. Не лучшим образом обстояли дела и внутри государства. При Г. А. Насере египтяне терпели лишения, хотя руководство страны не раз говорило о том, что это временные трудности. Но проходили годы, а временные трудности не исчезали. Поэтому Египту были крайне необходимы кардинальные перемены, и помочь в этом процессе могла, в частности, Саудовская Аравия.

Сближение с Эр-Риядом было экономически обоснованно. Саудовская Аравия обладала прекрасными финансовыми возможностями. При всем могуществе Советского Союза он не могказать финансовую помощь, подобную Саудовской Аравии: слишком многим он пытался в тот момент помогать. К тому же сами возможности СССР были к тому времени уже достаточно ограниченными.

Не последнюю роль для нового египетского руководства сыграло и то, что Саудовская Аравия из всех арабских стран имела самые близкие отношения с США. В Каире прекрасно понимали, какие выгоды может сулить сближение с США. Здесь были как политические, так и экономические аспекты. Никто не имел такого же влияния на Израиль, как США. Только американцы могли реально помочь Египту в возвращении Синайского полуострова. Американцы еще в конце 1960-х гг. пытались вызвать Египет на сепаратные переговоры с Израилем, но это было невозможно, пока у власти находился Г. А. Насер [1].

В любом случае, если А. Садат хотел отказаться от просоветской ориентации и сотрудничества с Москвой, ему нужны были новые солидные партнеры. Он хотел их получить в лице США и Саудовской Аравии. Покидая ряды радикально настроенных государств, он должен был сближаться с консервативными режимами. «Садат поспешил упрочить отношения с иранской и арабской реакцией, в первую очередь с Саудовской Аравией» [2].

Для Саудовской Аравии сближение с Египтом не было столь существенной внутренней необходимости, как для Каира. Но все же была одна причина, относящаяся к числу внутренних. Саудиты беспокоились за свою власть внутри своего государства, несмотря на то что социальной напряженности пока не наблюдалось. В случае попадания под влияние Саудовской Аравии Египет мог поменять свои левые взгляды на более умеренные, что способствовало бы ослаблению лагеря радикальных государств в арабском мире. А чем слабее радикальные идеи в регионе, тем спокойнее могли существовать Саудиты, не боясь распространения подобного влияния в своем государстве.

Основные причины для Саудовской Аравии в сближении с Египтом все же крылись в их внешнеполитическом курсе. Саудиты стремились к установлению собственной гегемонии на Ближнем Востоке. Для этого им необходимо было вытеснить из региона Советский Союз. Ради этого Саудовская Аравия была готова понести определенные финансовые затраты. Поправление Египта могло способствовать не только стабилизации ситуации в арабском мире, но и нанесло бы существенный удар по радикальному лагерю в регионе.

Важным фактором сближения для саудовцев была и их совместная с Египтом борьба против Израиля. Саудиты и раньше тратились на это и выказывали готовность дальше платить Египту за эту борьбу. Финансовая зависимость главного борца против Израиля от Саудовской Аравии могла привести к тому, что именно саудовцы ста-

ли бы рассматриваться как главная и определяющая сила в этой борьбе. Авторитет государства еще более бы вырос, что привело бы, в конечном счете, арабский мир к пониманию того, что их бесспорным лидером является именно Саудовская Аравия.

Все вышеприведенные факторы подталкивали короля Саудовской Аравии Фейсала на более активную политику в отношении Египта, тем более что последний против этого не очень-то и возражал.

Вскоре после кончины Г. А. Насера в Египет прибыл специальный советник саудовского короля, который сразу же «поставил вопрос о присутствии русских в Египте» [3]. В Москве прекрасно понимали всю опасность для своих позиций в регионе, исходящую со стороны Саудовской Аравии. Проводя собственную политику на Ближнем Востоке в этот период, СССР не мог игнорировать центральную роль Саудовской Аравии в международном экспорте нефти, их финансовую силу и позицию лидера арабского мира, тем более что «саудовский патриархальный «прокапиталистический» режим кооперировался с США «против советских прогрессивных союзов в регионе» [4]. Несмотря на это СССР пока не собирался уступать собственных позиций в Египте. Более того, Москва, в свою очередь, надеялась на скорейшее падение существующего режима в Саудовской Аравии. «На Саудовскую Аравию подействуют те же перемены, которые произошли в арабском мире. Произойдет белая революция», которая приведет к власти народную буржуазию» [5]. Конечно, надеяться на подобное стечание обстоятельств было несколько преждевременным. Кроме того, у саудовской буржуазии не было в 1960–1970 гг. особых причин менять существующую власть.

Имеются свидетельства того, что во время визита советника саудовского короля А. Садат уже пошел навстречу предложениям последнего. Он якобы заявил ему: «Если произойдет первый этап вывода израильских войск с египетской территории, то он мог бы дать обещание избавиться от русских» [6]. Если подобный разговор и имел место, то было ясно, что он, прежде всего, предназначался для американских ушей, а роль Саудовской Аравии в этом послании можно истолковать как посредническую.

Естественным было то, что интересы саудовцев и американцев в отношении СССР совпадали. Между Москвой и Вашингтоном в послевоенный период шла серьезная борьба за влияние во многих регионах земного шара. Не последнее место в этом противоборстве занимал Ближний Восток. Сороковой президент США Рональд Рейган в своих мемуарах заявлял об исключительности этого региона: «Ни один регион мира не

ставил перед Америкой таких трудных задач, как Ближний Восток» [7]. Исходя из этого высказывания можно сделать вывод о том, что США употребляли в этом регионе огромные усилия для того, чтобы вытеснить оттуда Советский Союз.

К концу 1960-х гг. СССР удалось добиться на Ближнем Востоке значительных успехов и, в первую очередь, они были связаны именно с Египтом. Много советских сил и денег было потрачено на развитие этого государства. Но уже в 1971 г. новый президент Египта Анвар Садат показал, что он, в отличие от своего предшественника, не собирается идти в фарватере советской политики. Проанализировав курс нового египетского руководства, американцы уяснили, что у них есть реальный шанс перехватить инициативу у СССР. Но для американо-египетского сближения нужен был посредник, и им стала Саудовская Аравия, которая при выполнении своих посреднических функций не забывала и о своих собственных целях в отношении Египта.

После визита в Египет советника и брата короля, министра безопасности Саудовской Аравии принца Султана Ибн Абдул Азиза состоялся ответный визит А. Садата в Эр-Рияд. Содержание его бесед с королем и другими важными лицами государства, по всей видимости, было приблизительно тем же, что и в Каире, и касалось «смены влияния СССР, который вызывал у Фейсала больше опасений, чем США» [8]. С момента данных визитов берет начало существование нового саудовско-египетского альянса.

Американцы также не сидели сложа руки, видя признаки явного сближения своего союзника с Египтом. «Вашингтон намекал Фейсалу, что если он поможет отговорить А. Садата в пользу уменьшения роли русских в Египте, Америка надавит на Израиль, чтобы тот покинул завоеванные арабские территории» [9]. Как мы видим, произошло совпадение интересов у всех трех государств. Египту было нужно возвращение Синая, американцам и саудовцам хотелось вытеснить Советский Союз из региона. Именно на этом факторе зародилось саудовско-египетское сближение в начале 1970-х гг.

Но это был, естественно, не единственный фактор начавшегося сближения, оно имело и другие причины. Одна из них коренилась в межарабских отношениях и касалась роли Ливии, известной наличием радикального и антиимпериалистического режима. Особую реакцию в арабском мире вызывал лидер этого государства – Муамар Каддафи. «Фейсал резко критиковал Муамара Каддафи, которого сам Садат считал стопроцентноальным человеком» [10]. После смерти Г. А. Насера М. Каддафи фактически взял на себя его роль. Прежде всего, это касалось отношений с США. Так же, как и

Г. А. Насер, он был против влияния американцев в регионе. И здесь М. Каддафи выставлял себя хранителем общеарабского дела, что вызывало крайне негативную реакцию у короля Фейсала, который сам претендовал на это видное и значимое место. Проводя особую политику в отношении Каира, Фейсал уменьшал вероятность союза между Египтом и Ливией, что можно было считать значительным успехом саудовской дипломатии.

Арабский мир того времени можно условно поделить на две половины. С одной стороны, находились максималисты. Это Сирия, Ливия, Ирак и отчасти Египет, по крайней мере, до начала президентства А. Садата. С другой стороны, находились минималисты. Это, прежде всего, Саудовская Аравия. Перетягивая Египет в свой лагерь, Фейсал не только уменьшал силы максималистов. «Этот хитрый прием Саудитов отвлекал эти силы от многих революционных дел в регионе» [11].

Но отвлекали они радикальный мир не только таким способом. От революционных процессов они отталкивали максималистов еще и тем, что постоянно призывали к борьбе с Израилем, бесконечно выдвигая предложения о «джихаде».

Был и еще один небольшой момент, который облегчал сближение между Саудовской Аравией и Египтом. Он крылся в личной симпатии двух лидеров друг к другу. А. Садат впоследствии писал в своей автобиографии: «Король Фейсал был моим другом 21 год. Мы познакомились в дни исламского конгресса в 1955 г. Он уже тогда был очевидным наследником. Даже в дни йеменской войны наши отношения отличались сердечностью и взаимопониманием. Нашей дружбе ничего не могло помешать» [12]. По всей видимости, не менее дружеские чувства испытывал к нему и Фейсал. Хотя неизвестно, осталась бы их дружба такой же сердечной, если бы Фейсал прожил бы еще четыре года.

Некоторые вопросы вызывают действия А. Садата в мае 1971 г. Сначала он отправляет в отставку известного сторонника СССР Аль-Сабри, а потом совершает шаг в сторону СССР. 27 мая 1971 г. был подписан советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве. Но в то же время было ясно, что новое руководство уже начало поворот в сторону США и Саудовской Аравии. Тем не менее А. Садат еще не решается полностью порвать отношения с СССР.

Для этого было несколько причин. Во-первых, нельзя было сразу забыть то, к чему египтяне стремились столько лет. Во-вторых, Египет активно готовился к новой войне с Израилем и практически все вооружение для его армии поступало из СССР и других социалистических стран. Если бы были прекращены отношения с

СССР, то пришлось бы перевооружать свои войска оружием, сделанным на Западе. На это нужно было время, а его у Египта как раз и не было. В-третьих, скорее всего А. Садат этим договором хотел продемонстрировать саудовцам и американцам, что ему нужны более существенные шаги с их стороны. А иначе, зачем же ему портить отношения с СССР. Потеряв в одном месте, он мог ничего не найти в другом. А. Садат прекрасно понимал, что это очень опасная игра и поэтому ему нужны были твердые гарантии.

Реакция Саудовской Аравии на заключенный советско-египетский договор была достаточно сдержанной. Она расценила его как политический маневр со стороны А. Садата [13]. Саудитам удалось к тому времени уже неплохо изучить нового египетского президента. Еще при Г. А. Насере с ним установил тесные контакты родственник жены короля Фейсала К. Ахмат. Через него же в дальнейшем А. Садат устанавливали первые контакты с американцами.

В июне 1972 г. произошло два очень важных события, положительно повлиявших на дальнейшее сближение Саудовской Аравии и Египта.

Во-первых, правительство Египта потребовало немедленно отзывать из страны советских военных специалистов. В этом шаге чувствовалось желание А. Садата угодить Саудовской Аравии. К тому же, скорее всего, египтяне были недовольны той помощью, которую им оказывал Советский Союз. Необходимо было привлечение новых средств.

Во-вторых, в этом же месяце официальный визит в Египет нанес король Саудовской Аравии Фейсал. Это было явным знаком того, что Египет согласен отказаться от прежнего курса, но для этого было необходимо некоторое время, что было связано с подготовкой к войне с Израилем. Египетский президент явно вел двойную игру. Ни тем, ни другим он не говорил еще о полном согласии, но и разрыва с ними он тоже не желал. Тем не менее уже вырисовывались некоторые контуры будущего разрыва с СССР.

Во время своего визита в Каир саудовский король наверняка говорил о возможной помощи со своей стороны и со стороны США. Он знал, чем заинтересовать египтян. Каиру нужны были американцы. Египетское руководство полагало, что «США держат 99% карт Ближнего Востока» [14]. Обсуждались на этой встрече и внутренние проблемы региона. «Саудовцы надеялись, что с помощью Садата они смогут в перспективе создать «ось» Эр-Рияд – Каир – Тегеран» [15]. Такой союз мог бы создать очень сильную коалицию, которая контролировала бы весь Ближний Восток. Очень важным было и то, чтобы именно Египет со своей достаточно сильной армией вошел бы в эту коалицию. В этом вопросе

Саудиты надеялись получить дивиденды за счет отношений А. Садата с шахом Ирана Пехлеви, которые были хорошими друзьями. Не случайно Пехлеви после революции 1979 г. в Иране отправился жить именно в Каир.

В 1972 г., как и в начале 1973 г., А. Садат еще пытался найти разрешение синайской проблемы. В то же время Египет усиленно готовился к новой войне с Израилем. Для чего она была ему нужна? Может быть, для того чтобы ускорить действия американцев, показав свою способность победить Израиль, но не уничтожить его. С другой стороны, вполне возможно, что в Каире понимали нежелание США каким-либо образом влиять в этом вопросе на Израиль. Нужна была А. Садату война и для того, чтобы повысить свой авторитет в арабском мире, показав себя истинным защитником его интересов. Но в этой борьбе ему нужна была не только моральная поддержка арабских стран. Ему бы хотелось получить нечто большее.

В мае 1973 г. Фейсал вновь нанес визит в Каир. Во время встречи речь уже шла о будущей войне с Израилем. Саудовская Аравия была готова принять косвенное участие в этой войне. Фейсал обещает Садату использовать нефть в качестве борьбы. Садат усиленно добивался этого соглашения, и оно было ему дано. Май был знаменательным для Египта еще и потому, что именно с этого момента новые потоки нефтедолларов начали перетекать к нему из Саудовской Аравии. И это уже была не та помощь, которую Египет получал после «шестидневной» войны 1967 г. Она стала более существенной, что говорило о качественно новых отношениях между двумя государствами. Во время этого же визита между двумя лидерами была достигнута договоренность о том, что Саудовская Аравия ассигнует Египту 500 млн долл. на нужды его армии. Наконец-то Египет стал получать то, на что он рассчитывал, постепенно сворачивая отношения с Советским Союзом.

Но все же, несмотря на столь усердное старание Саудитов, Египет не спешил пока полностью порвать с СССР. Ведь Израиль не терял времени, получая огромные партии оружия из США. Доля Ближнего Востока в совокупном объеме продаж американского оружия зарубежным государствам доходила до 75%. Самым крупным покупателем был Израиль [16]. Вообще Израиль поражает своим стремлением вооружаться. Уже после войны, в 1974 г., он тратил на вооружение в расчете на душу населения 1100 долларов, в то время как Советский Союз – 428 долларов, а США – 390 долларов. Только десять стран в мире тратили на армию больше, чем Израиль [17].

Иную картину можно было наблюдать в арабском мире. Девять арабских стран, в число которых входили ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт,

Ливия, Ирак, Сирия, Египет, Иордания и Ливан, в сумме потратили на закупку вооружений в этом же году лишь 6 млрд долл., что составляло 84 доллара на человека. Это было 8% по отношению к израильскому показателю [18]. Если же обобщать всю помощь Израилю со стороны США с 1948 по 1977 г., то она составит 25 млрд 690 млн долл., или 7300 долл. на каждого гражданина Израиля [19]. Эти цифры еще раз убеждают в том, что Египту еще рано было полностью отказываться от сотрудничества с СССР, по крайней мере, до окончания новой предполагаемой войны с Израилем.

А. Садат еще пытался воздействовать на Израиль, обращаясь напрямую к США. Он направил письмо американскому президенту Р. Никсону, в котором просил побудить израильтян покинуть восточный берег Суэцкого канала и пытался выяснить, с чем было связано увеличение поставок Израилю. Что опять же примечательно, Р. Никсон послал ответ не только А. Садату, но и Фейсалу. Это показывает то, что американцы уже явно считали, что Саудовская Аравия и Египет как бы в одной связке. В ответе Р. Никсон «силится доказать, что широкие поставки оружия Израилю не являются антиарабской акцией» [20]. Подобная политика Вашингтона подталкивала Египет на частичное сотрудничество с СССР.

Не случайно именно в начале 1973 г. наблюдалось некоторое улучшение советско-египетских отношений. Полный отказ от советского оружия означал бы потерю египетской армии на длительный срок своей обороноспособности, и это оставляло бы Египет беззащитным. Это хорошо понимал президент Египта А. Садат.

Саудовские заверения по поводу нефтяных санкций к маю 1973 г. уже перестали быть актуальными. Уже в первой половине 1973 г. начались первые разговоры о том, что Саудовская Аравия хочет применить нефтяное эмбарго. В апреле 1973 г. появилось первое сообщение о том, что правительство Саудовской Аравии приняло решение заморозить уровень добычи нефти в стране до тех пор, пока США не изменят свою произраильскую позицию в ближневосточном конфликте. Как уже отмечалось выше, в мае 1973 г. Фейсал во время встречи в Каире обещал использовать нефть в качестве политического оружия. Но решимость Саудовской Аравии использовать свою нефть в этом вопросе все же вызывала пока некоторые сомнения. Слишком тесными и доверительными были отношения между Саудовской Аравией и США. Трудно было представить, что Саудиты без значительного повода рискнут своими отношениями со страной, от которой они сильно зависели. Отрицательное отношение к Саудовской Аравии со стороны

США могло повлечь за собой существенные последствия. Американцы могли повлиять на страны Западной Европы и Японию, и неизвестно, чем бы это закончилось для саудовцев. Хотя, с другой стороны, некоторое охлаждение в отношениях с американцами могло дать дивиденды. Это был бы неплохой повод для дальнейшей национализации американских нефтяных компаний, работающих в стране.

14 мая 1973 г. А. Садат призвал арабские страны продемонстрировать свою готовность использовать нефть в качестве политического оружия. Активнее всех на призыв А. Садата откликнулась Ливия, прекратившая добычу нефти на 24 часа [21]. Такая реакция со стороны Ливии прогнозировалась заранее и никого не удивила. Что касается самой Саудовской Аравии, то она, как ни странно, не предприняла никаких шагов в ответ на призыв египетского президента. Почему же Саудиты не присоединились к этой акции, хотя до этого утверждали о полной решимости подключиться к борьбе? Дело в том, что Саудитам был нужен очень значительный повод, а его как раз еще и не было. У арабского мира были все основания сомневаться в решительности Саудитов на нефтяные санкции. Правда, дальнейшие события доказали, что это не так. Когда началась настоящая борьба, то Саудовская Аравия присоединилась к ней и занимала в этой борьбе значимое место.

В июне 1973 г. в Женеве состоялась встреча представителей четырех американских компаний, действующих в Саудовской Аравии. Король Фейсал отправил участникам этой встречи предупреждение о том, что Саудовская Аравия заморозит добычу нефти, если США не перенесут свою политику по отношению к Израилю [22]. Предупреждение возымело действие. Глава CONOCO Ш. Мак-Лин выступил на страницах «Нью-Йорк Таймс». Он призвал найти политическое решение ближневосточной проблемы. Ему вторили представители компаний «Мобил»: «Если наши отношения с арабскими странами будут и дальше ухудшаться, Саудовская Аравия может отказаться от увеличения добычи нефти для США. Правительство этой страны само решает, каким странам загружать нефть» [23]. В поддержку этих слов выступил в свою очередь и Фейсал: «Мы не желаем ограничивать наш нефтяной экспорт в США, но их полная поддержка сионизма против арабов способствует ухудшению наших дружественных отношений» [24]. Вряд ли четыре американских нефтяных компании смогли бы оказать существенное влияние на свою администрацию в отношении Израиля. Здесь важна была роль Фейсала. Саудовский король вновь прилагал видимые усилия на благо всего арабского мира.

Самую положительную реакцию действия Фейсала должны были вызвать в Египте. А. Садат должен был оценить действия своих новых друзей. Сближение на почве борьбы с сионизмом продолжалось. В конце августа 1973 г. А. Садат нанес визит в Джидду, во время которого Саудиты вновь заверили египетского президента в том, что они хотят применить эмбарго в случае необходимости. Кроме того, вновь была обещана финансовая помощь. Говорилось даже об «увеличении помощи Египту» [25]. Но в то же время А. Садату дали понять, что помочь не будет бескорыстной. Саудовская Аравия продолжала борьбу против радикальных режимов в регионе. Одним из важнейших соперников была Ливия, Саудиты пытались влиять на отношения Египта с этим государством.

В начале 1970-х гг. активно вынашивалась идея об объединении Египта с Ливией. В свое время Египет действительно нуждался в этом союзе. Это сулило немалые экономические выгоды. Ливия, так же как и Саудовская Аравия, зарабатывала большие деньги за счет продажи нефти. Но в тот момент, когда Саудиты уже дали денег, а будущее сулило еще большее поступление нефтедолларов в Египет, в Каире стали пересматривать этот вопрос, тем более здесь был еще один немаловажный фактор. Ливийское руководство во главе с М. Каддафи уже давно вступило в очень жесткое противостояние с США. Их неприязнь к американцам оттолкнула от них египтян, которые рассчитывали решить свои внутренние проблемы не только с помощью Саудовской Аравии, но и, прежде всего, с США. В первой половине 1973 г. египтяне еще несколько колебались, но все вопросы окончательно разрешил Фейсал своими обещаниями щедрой финансовой помощи. «Саудовский король обусловил эту помощь рядом уступок, среди которых был, в частности, отказ Египта от плана объединения с Ливией и ливийских субсидий» [26].

Благодаря этой операции Саудовская Аравия одержала очередную крупную победу в региональной политике. Ей удалось нанести серьезный удар по радикальному ливийскому режиму. Объединение этих стран сулило выгоды не только Египту. Союз между ними создавал самое сильное государство в арабском мире. Оба лидера были личностями незаурядными и вместе они могли бы достичь многого. В Саудовской Аравии это прекрасно понимали и для раз渲а этого союза готовы были приложить максимум усилий. К тому же А. Садат не просто отказался от объединения с Ливией. Он, выполняя пожелания Саудитов, пошел на значительное ухудшение отношений между двумя странами. В дальнейшем испортились отношения и между их лидерами. А. Садат считал М. Каддафи «большим челове-

ком». Ненавистью ему ответил и М. Каддафи. После убийства А. Садата в 1981 г. «Каддафи чуть не плясал, выступая по телевидению» [27].

Через несколько дней после встречи А. Садата и Фейсала в Джидде король направил послание в США. Он предупреждал, что отношения между двумя странами могут быть испорчены только той поддержкой, которую оказывают Израилю США. В дополнение к этому министр нефти Яхмани заявил, что «увеличение добычи нефти Саудовской Аравией зависит от отношения США к арабо-израильскому конфликту» [28]. Как могли американцы ответить на это предостережение? С одной стороны, конечно, американцы закупали нефть у Саудовской Аравии и должны были в определенной мере зависеть от этого государства. Но эта зависимость была не так сильна на самом деле. У американцев были и другие источники закупки нефти. К тому же сами США обладали достаточно солидными запасами нефти.

Но, с другой стороны, американцы никак не хотели портить отношения с Саудовской Аравией, по крайней мере, в тот момент, когда Саудиты активно занимались вытеснением Советского Союза из региона. Но, как показало будущее, отношения с Израилем для американцев все же были несоизмеримо важнее.

Поставки арабской нефти и раньше приостанавливались, но ситуация 1973 г. больше благоприятствовала арабам. Угроза нефтяных санкций оказывала несравненно большее воздействие на страны-импортеры нефти, так как в условиях мирового энергетического кризиса нефть Ближнего Востока приобретала для них большее значение. В этой ситуации особенно важной была поддержка Саудовской Аравией Египта. Можно было ожидать, что нефтяное эмбарго будет действительно всеарабской акцией. Государства Персидского залива ориентировались на Саудовскую Аравию, а она четко обозначила свою позицию по этому вопросу. Радикальные арабские режимы никогда не нужно было уговаривать в подобной ситуации. Особенно это касалось Ливии, которая уже заранее продемонстрировала свою готовность к нефтяному эмбарго. В преддверии войны вновь ожидалось завидное арабское единство.

14 июля 1973 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии от имени всего арабского мира заявил Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму, что если Израиль не выведет свои войска с оккупированных территорий, у правительства арабских стран не будет другого выхода, кроме как прибегнуть к силе [29]. Очередная арабо-израильская война становилась неизбежной.

Таким образом, в начале 1970-х гг. произошло весьма заметное сближение между Саудовской Аравией и Египтом. Улучшение отношений

между ними было вызвано несколькими причинами, среди которых превалировал стремление к совместной борьбе против Израиля; желание Каира получать финансовую помощь со стороны Саудовской Аравии и их союзников; попытки Саудитов стать бесспорными лидерами арабского мира в борьбе против радикальных режимов.

Надо отметить, что у двух государств очень быстро наладилось взаимопонимание. Уже первые встречи их лидеров можно считать вполне успешными. К 1973 г. они явно сошлись в желании одержать победу в борьбе с Израилем. Можно даже утверждать, что 1973 г. стал определенным апогеем в саудовско-египетских отношениях. Именно в этот период они как никогда ранее действовали дружно и слаженно. В то же время можно проследить тенденцию, при которой Египет все больше и больше попадал под саудовскую зависимость, что придавало некоторое неравноправие их отношениям.

Примечания

1. Осипов А. И. США и арабские страны: 70-е – нач. 80-х годов. М., 1983. С. 28.
2. Bickerton Jan J. The Arab-Israeli Conflict. A History. L., 2009. P. 79.
3. Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца. М., 1980. С. 160.
4. Abir M., Yodfat A. In the direction of the Persian Gulf. L., 1977. P. 93.
5. Ibid. P. 102.
6. Медведко Л. И. Указ. соч. С. 161.
7. Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 405.
8. Lilienthal A. M. The Zionism connection. What Pride Peace? N. Y., 1978. P. 597.
9. New York Times magazine. 24.03.1974.
10. Abir M., Yodfat A. In the direction of the Persian Gulf. L., 1977. P. 75.
11. Ali Sheikb Rustum. Saudi Arabia and oil diplomacy. N. Y., 1976. P. 76.
12. Sadat A. In search of identify. An autobiography. N. Y., 1978. P. 239.
13. Князев А. Г. Египет после Насера. 1970–1981. М., 1986.
14. Борисов Р. В. США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982. С. 62.
15. Борисов А. Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта XX века. М., 1991. С. 130.
16. Борисов Р. В. Указ. соч. С. 107.
17. Lilienthal A. M. Op. cit. P. 760.
18. Ibid.
19. Ibid. P. 763.
20. Осипов А. И. Указ. соч. С. 69.
21. Валькова Л. В. Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979. С. 82.
22. International Herald Tribune. 8.06.1973.
23. New York Times. 21. 06. 1973.
24. Lilienthal A. M. Op. cit. P. 606.
25. Times. 28.08.1973.
26. Laquer W. Confrontation on the Middle East: War and World politics. L., 1974. P. 46.
27. Рейган Р. Указ. соч. С. 292–293.
28. Валькова Л. В. Указ. соч. С. 83.
29. International Herald Tribune. 1973. 15 July.

УДК 94(470+73+498)"1949/1953"

M. A. Росина

РУМЫНИЯ В АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1949–1953 гг.

В статье анализируется политика США и СССР в отношении Румынской Народной Республики. Исследуется влияние американо-советской конфронтации на международное положение Румынии.

The article is devoted to analyzing the USA and the USSR policy concerning the Romanian People Republic. The influence of the American-Soviet confrontation on the international position of Romania is investigated.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Румыния, американо-советские отношения, «холодная война», Организация Объединенных Наций, Восточная Европа.

Keywords: The United States of America, the Soviet Union, Romania, the American-Soviet relations, Cold war, the United Nations Organization, Eastern Europe.

1949–1953 гг. являются одним из наиболее острых этапов «холодной войны». На фоне расширения советского влияния Вашингтон практически лишился возможности воздействовать на ситуацию в ряде стран Восточной Европы. Тенденция к усилению СССР побуждала США искать адекватные способы её ослабления. Одним из них стала доктрина «сдерживания» и, как следствие, ужесточение американского курса в отношении Москвы. По мнению американского руководства, иная позиция подразумевала бы попустительство советской экспансии [1]. В Вашингтоне считали, что желательно было не только не допустить увеличения территории, контролируемой Кремлем, но и ослабить влияние последнего в уже зависимых от него странах. Руководство Советского Союза определило диаметрально противоположные цели. Большинство восточноевропейских стран рассматривалось им в рамках концепции собственной национальной безопасности, вынуждая, как минимум, к сохранению занятых позиций. Восточная Европа превратилась в один из регионов американо-советского противостояния.

При изучении истории становления конфронтации сверхдержав после Второй мировой войны существенный интерес представляет судьба стран, вошедших в советский блок. Наиболее подходящим объектом для исследования развития конфронтационных процессов является Румыния [2].

Факт ужесточения американского курса в отношении СССР и стран народной демократии в

1949–1953 гг. признан большинством исследователей [3]. Советские историки утверждали, что правящие круги США проводили в отношении Румынской Народной Республики (РНР) агрессивную политику вмешательства в её внутренние дела, в то время как СССР настойчиво отстаивал законные права румынского народа [4]. В трудах современных отечественных и зарубежных авторов, менее подверженных воздействию идеологии, ужесточение американского курса связывается в первую очередь с закономерными процессами эскалации «холодной войны».

В исторической науке признается, что взаимное недоверие, страх перед ростом мощи и расширением возможностей конкурента в равной степени были характерны и для Москвы, и для Вашингтона. В. О. Рукавишников, сопоставляя данные опросов общественного мнения США в 1945–1947 гг. и 1948–1950 гг., констатирует, что к началу 1950-х гг. на первое место в списке проблем, стоящих перед американцами, абсолютное большинство опрошенных ставило угрозу войны с СССР [5]. Администрации президента Г. Трумэна, чьи полномочия в сфере внешней политики в рассматриваемый период значительно расширились [6], важно было избежать обвинений в мягкости курса по отношению к мировому коммунистическому движению и возглавлявшему его СССР. Последнее обстоятельство приобретало особую актуальность в складывающейся международной обстановке: в 1949 г. в Китае победили революционные силы, крепло советское влияние на Восточную Европу, росли опасения, что коммунизм может стать жизнеспособной альтернативой капитализму, а деколонизация Великобритании и Франции откроет ему новые возможности в «третьем мире» [7]. Г. Трумэн был «недоверчив и подозрителен по отношению к действиям Москвы, что также объясняло его готовность к жесткому противостоянию с ней» [8]. Хотя в Государственном департаменте исходили из того, что Кремль не стремится к развязыванию мировой войны, вероятность её не исключалась. Появление у СССР ядерного оружия, а также рост симпатий к коммунизму в ряде стран Европы и Азии побуждали США к ужесточению своего курса [9].

Несмотря на прочность своих позиций в Восточной Европе, Москва также не могла не принимать во внимание международную обстановку в целом. Наибольшие опасения вызывала угроза начала новой мировой войны прежде, чем СССР достигнет паритета с США по ядерному оружию [10]. Кремль болезненно прореагировал на возникновение блока НАТО. В «Меморандуме Правительства СССР о Североатлантическом договоре», солидарность с которым выразили и государства соцлагеря [11], отмечалось, что на-

званный договор направлен против СССР и стран народной демократии, так как из великих держав лишь Советский Союз исключен из числа его участников [12].

Вместе с тем «холодную войну» можно рассматривать не только как противоборство США и СССР, но и как столкновение «мировых исторических миссий» [13], поскольку идеологические системы, предлагавшиеся сверхдержавами, претендовали на универсальность. Особое значение для Вашингтона и Москвы приобрели средства пропаганды. Телевидение, радио и пресса явились оружием, изобличавшим недостатки социалистической и капиталистической системы соответственно [14].

Большинство исследователей едины во мнении, что в 1949–1953 гг. в Румынии происходили процессы, характерные для всех стран народной демократии [15]. Проводимые преобразования, заключавшиеся в копировании советской модели, были закреплены конституциями 1948 г. и 1952 г. Последние, несмотря на попытки сохранить видимость преемственности с румынскими политическими традициями, привели систему государственного управления в соответствие с советским образцом [16]. Большое значение для лидеров компартии приобрело сохранение личной власти, которое в тот период обеспечивалось полной лояльностью Москве и демонстрацией личной преданности Сталину [17]. Многочисленные чистки госаппарата и армии от «националистов», «космополитов», «сионистов», «титоистов» и т. д. [18], а также привлечение советских сотрудников к решению как текущих задач [19], так и важнейших государственных вопросов [20] способствовали тому, что не только внутренняя, но и внешняя политика РНР стала осуществляться в соответствии с интересами Москвы.

После того как восточноевропейские страны скопировали в общих чертах советскую систему, руководство США посчитало, что произошедшие преобразования были запланированы Кремлем изначально. Тем не менее большинство историков, опираясь на анализ документов, приходит к выводу, что у Москвы не было четкого плана действий в Восточной Европе. В силу значимости данного региона для государственной безопасности СССР его политика, безусловно, была pragmatична, однако она не сводилась к примитивному политическому диктату, а формировалась по мере изменения ситуации [21]. По мнению А. В. Потехина, восточноевропейская политика США была слабой: провозглашаемые цели не подкреплялись достаточными для их осуществления средствами [22], а потому Вашингтону не удалось воспрепятствовать советскому усилению в регионе.

Перед Соединенными Штатами стояла задача сформулировать продуманный и адекватный существующим реалиям курс в отношении международного коммунизма в целом и социалистических режимов Восточной Европы в частности. В качестве рычага воздействия на последние рассматривалась Организация Объединенных Наций. Особое внимание предполагалось уделять проявлениям раскола в Восточном блоке, а также оказывать моральную и финансовую поддержку гражданам социалистических государств, недовольным советским режимом.

Тем не менее реализация поставленных задач оказалась для США затруднительной, что наглядно можно проследить на примере РНР. 14 января 1949 г. в Госдепартаменте были освещены «Принципиальные проблемы в отношениях между Соединенными Штатами и Румынией». Среди основных целей американской политики назывались восстановление государственной независимости РНР, политический режим которой должен быть основан на законе, а не на произволе диктаторского правительства; и, как следствие, создание условий, благоприятствующих реализации прав и основных свобод человека в румынском обществе [23].

В этом же документе, как и в сведениях, поступавших из Румынии непосредственно, отмечалось, что существующая международная обстановка практически лишает США возможности достигнуть поставленных целей. Однако в Вашингтоне были определены первоочередные задачи: защитить американские интересы в Румынии; требовать выполнения статей мирного договора 1947 г.; содействовать выводу из страны советских войск; поддерживать имеющее перспективы сопротивление румынского народа тоталитарной системе и коммунистической идеологии, а также препятствовать росту военного потенциала РНР и СССР [24]. Анализ приведенного документа показывает, что руководство США не видело в ближайшем будущем каких-либо признаков отхода Румынии от курса, заданного Кремлем. В то же время первоочередные задачи Госдепартамента свидетельствуют о его намерении использовать любую возможность для создания максимально неблагоприятных условий существующему румынскому режиму, причем не только внутри страны, но и за её пределами.

С момента выхода из войны и вплоть до 1955 г. прием в ООН и получение тем самым равноправного международно-правового статуса являлся одной из главных внешнеполитических задач РНР. Существенную дипломатическую поддержку Бухаресту в этом вопросе оказывал Советский Союз.

Вопрос о возможности вступления бывших союзников гитлеровской Германии в Организацию Объединенных Наций поднимался совет-

кими представителями ещё на Потсдамской конференции. Уже тогда американская делегация делала акцент на то, что Вашингтон согласится на вступление Румынии в ООН только после того как в последней утвердится демократический режим и будут реализовываться основные права и свободы человека [25]. В подписанном 10 февраля 1947 г. мирном договоре с Румынией было зафиксировано желание США содействовать её скорейшему вступлению в ООН на тех же условиях [26]. По мнению американского руководства, РНР в тот момент не удовлетворяла предъявленным требованиям, вследствие чего все её заявки на членство Вашингтоном отклонялись [27]. При этом отмечалось, что, начиная со времен отцов-основателей, американцы боролись за право каждого народа сопротивляться тирании и сменять неугодный ему политический режим. Подчеркивалось, что в Румынии отсутствуют основы демократии, посредством насилия и неправомерных арестов полностью уничтожена политическая оппозиция [28]. Советский Союз и РНР подвергли данные утверждения Соединенных Штатов резкой критике, рассматривая их как клевету и вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Происходящее превращало ООН в ещё одну арену американо-советского противостояния. Поскольку для приёма в Организацию требовалось согласие всех постоянных членов Совета Безопасности, СССР блокировал вступление в неё государств, дружественных США. Так, 13 апреля 1949 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН глава советской делегации А. Громыко отметил, что «США давно пытаются добиться приёма в Организацию таких стран, как Португалия, Ирландия, Трансиордания, возражая против приёма в неё Албании, Монгольской Народной Республики, Венгрии, Болгарии и Румынии, которые присоединились к союзникам в ходе войны». Советский представитель подчеркнул, что СССР выступает против приёма государств, помогавших своим действиями гитлеровской Германии, в то время как в ООН не допускаются страны, заслуживающие быть принятыми в неё [29].

Ответом Соединенных Штатов стало утверждение о том, что правительство РНР не исполняет должным образом условия мирного договора 1947 г. [30], и, следовательно, не сможет соответствовать уставу ООН. Вашингтон обращал внимание на проблему нарушения прав и свобод человека в Румынии. Наглядное представление об этом дают материалы Конгресса, где за 1949–1953 гг. обозначенный вопрос обсуждался неоднократно. Конгрессмены в своих выступлениях отмечали антирелигиозную политику в РНР, экономическое разграбление страны в интересах Советского Союза, навязывание коммунистических идей в обра-

зовательных учреждениях, принуждение рабочих и крестьян к участию в просоветских демонстрациях. Отмечалось, что румынское правительство нарушает право на свободу слова и доступ к информации, препятствуя выражению политических взглядов, отличных от собственных, взяв под контроль все печатные органы и запрещая какую бы то ни было критику власти [31].

По мнению руководства Соединенных Штатов, румынская сторона, имея достаточную возможность добросовестно выполнить взятые на себя обязательства, преднамеренно отказывала своему народу в осуществлении элементарных прав и свобод. Отмечалось, что существующее правительство РНР не способно самостоятельно обеспечить выполнение условий мирного договора [32]. Предлагалось воспользоваться процедурой, предусмотренной в его 38-й статье, и создать представителей США, Великобритании и СССР для обсуждения возникших вопросов [33].

Москва данную инициативу не поддержала. До сведения Госдепартамента было доведено, что советское правительство расценивает стремление США «искусственно превратить вопрос о правах человека в предмет спора, как прямую попытку использовать мирные договоры для вмешательства во внутренние дела Румынии», и потому не видит оснований для организации встречи глав трех дипломатических миссий [34].

Советский Союз и его сторонники акцентировали внимание на том, что США изначально «преследовали цель превращения ООН в орудие прикрытия агрессивных планов американского империализма» [35]. На Генеральной Ассамблее 16 декабря 1950 г. А. Я. Вышинский заявил о «систематическом и грубом нарушении не только основных принципов Устава ООН, но и правил процедуры Генеральной Ассамблеи, когда они оказываются неудобными американской делегации [36]». Позиция Вашингтона сводилась к тому, что, отказываясь сотрудничать в реализации мирных договоров, советское правительство и его балканские сателлиты подтверждали предположение о собственной виновности [37], в то время как действия Соединенных Штатов полностью соответствовали обязательствам, обозначенным в мирном договоре с Румынией [38]. В результате в рассматриваемый период Вашингтону и Москве так и не удалось наладить конструктивный диалог по этому вопросу [39].

Безрезультатность дипломатического воздействия на СССР, наряду со стремлением избежать вооруженного конфликта, побуждала Вашингтон к поиску иных способов изменить ситуацию в свою пользу. Так, директива Совета национальной безопасности 58/2 призывала сделать все возможное для поддержки антикоммунистических настроений в восточноевропейских странах,

особенно посредством тайных операций и пропаганды. В противном случае США рисковали своим моральным правом на лидерство среди свободных народов [40]. В начале 1950-х гг. в Конгрессе США высказывались предложения, используя ООН, во-первых, настаивать на удалении от властных рычагов Румынии советских представителей и сотрудников спецслужб, а во-вторых, добиваться проведения в РМР свободных выборов. Отмечалось, что, если Москва решится на вооруженную борьбу с США, то победа последних в определенной степени будет зависеть от поддержки народов восточноевропейских стран, недовольных коммунистическим режимом [41]. Румыния, исторически тяготевшая к западной политической традиции [42], представляла в связи с этим особый интерес.

Внимание американцев стали привлекать и так называемые «невозвращенцы» – граждане восточноевропейских государств, переехавшие в капиталистические страны. Именно на 1948–1953 гг. пришла вторая по величине волна румынской эмиграции в США [43]. В Вашингтоне пытались использовать этот факт для дискредитации всей системы, строящейся за «железным занавесом» [44]. Тем не менее у руководства США не было единой позиции по вопросу, следует ли оказывать поддержку восточноевропейским «невозвращенцам». Многие сотрудники Государственного департамента подвергали сомнению оправданность подобных действий. По их мнению, это могло привести к тому, что США не только потеряют источники ценных для себя сведений, но и окончательно подорвут без того слабое сопротивление коммунизму в восточноевропейских странах. В качестве альтернативы рассматривалась идея создания так называемых «освободительных комитетов», которые смогли бы стать основой для проведения тайных операций ЦРУ по ту сторону «железного занавеса».

В то же время опыт показывал, что в большинстве случаев подобные действия изначально были обречены на неудачу [45]. Подавление политической оппозиции, приведение экономической системы и государственного аппарата в соответствие с советским образцом, а также жесткий идеологический контроль во всех сферах общества были следствием высокой geopolитической значимости Румынии для обеспечения национальной безопасности СССР. В Вашингтоне допускали, что Советский Союз скорее решится начать войну, чем согласится на выход восточноевропейских государств из-под своего контроля [46].

Действительно, в 1949–1953 гг. политика сплочения социалистического лагеря проводилась Кремлем чрезвычайно последовательно. Перед компартиями была поставлена задача «разоблачения преступной политики подготовки войны и атомного

шантажа, а также всех слуг и орудий англо-американских империалистов, в особенности банды шпионов и титовских убийц» [47]. Последнее требование было обусловлено очевидным намерением США использовать произошедший в 1948 г. советско-югославский раскол для усиления напряженности в отношениях СССР и стран соцлагеря [48].

Пока на международной арене происходила «битва титанов», лидеры восточноевропейских стран стремились с её помощью добиться усиления своей личной власти. Так, в ноябре 1949 г. генеральный секретарь Румынской Рабочей Партии (РРП) Г. Георгиу-Деж направил письмо заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, в котором отмечал, что деятельность некоторых членов партии вызывает у него подозрение. Он просил прислать в Румынию советских экспертов, которые смогут помочь обнаружить и уничтожить империалистических шпионов [49]. Таким образом Деж не только продемонстрировал преданность Кремлю, но и стал избавляться от своих конкурентов, положив начало целой серии политических чисток. К 1953 г. «за антисоветское, националистическое, противовесное поведение и проявления правого оппортунизма» своих постов, а также членства в партии лишились командующий противовоздушной обороны генерал-майор Донч, министр финансов В. Лука, министр внутренних дел Т. Джорджеску, министр иностранных дел А. Паукер и др. Избавляясь от своих конкурентов, Деж особое внимание Москвы обращал на «исключительную заоренность органов госбезопасности и милиции чуждыми элементами как следствие слабой работы этих органов по борьбе с врагами» [50].

Подъем новой волны репрессий в Румынии [51] позволил Соединенным Штатам в очередной раз привлечь внимание мировой общественности к проблеме нарушения прав человека в странах социалистического лагеря. 1 мая 1952 г. было опубликовано заявление Госдепартамента США об ограничении выдачи паспортов для поездки в СССР и страны народной демократии, так как в них не существует «приемлемых норм защиты» [52].

Свою роль восточноевропейский фактор сыграл и в ходе предвыборной кампании в США 1952 г. Республиканцы утверждали, что действующая администрация не смогла добиться практической реализации принципов Ялтинской декларации, проявив излишне лояльное отношение к советским действиям в Восточной Европе [53]. «Бесполезная и безнравственная политика “сдерживания”, обрекающая множество людей на страдания от коммунистического деспотизма и террора, была постоянной темой в выступлениях лидеров Республиканской партии, призывающих к «освобождению порабощенных стран от советского контроля» [54]. Это нашло отражение

в предвыборных лозунгах Д. Эйзенхауэра, наставившего на том, что США должны использовать свои «влияние и власть, чтобы помочь нациям Восточной Европы сбросить хомут советской тирании». Отмечая необходимость искать пути к мирному разрешению спорных вопросов, кандидат в президенты подчеркивал, что СССР должен понять, что Соединенные Штаты никогда не признают законность советского положения в Восточной Европе, и что помочь Вашингтона «поработенным» народам не прекратится до их полного освобождения [55].

Представители Демократической партии заявляли, что внешняя политика последних администраций заложила основу не только нынешнего миропорядка, но и национальной безопасности США. Главную причину создавшегося положения они видели в вероломном нарушении Москвой обещаний, данных на конференциях военного времени. Демократы также выражали надежду, что когда-нибудь народы Восточной и Центральной Европы будут освобождены от советского диктата [56]. Предвыборная кампания 1952 г. показала, что США не были безразличны к судьбе восточноевропейских государств. Победа категорично настроенных республиканцев свидетельствовала о стремлении американцев к еще большему ужесточению своей позиции в отношении СССР.

Отсутствие тенденции к улучшению американо-советских отношений подтверждает тот факт, что за несколько дней до его назначения государственным секретарем Дж. Ф. Даллес заявил, что будет проводить политику, цель которой – «освобождение всех захваченных народов», которые, «не только заслуживают быть свободными, но и в наших эгоистичных интересах должны быть таковыми» [57]. Пессимистично оценивали перспективы советско-американских отношений и в Кремле. Первые же внешнеполитические шаги нового президента были встречены советским руководством в штыки [58].

С 1953 г. особую, а возможно даже ведущую роль в формировании внешнеполитического курса США стал играть госсекретарь. 1 июня 1953 г. Эйзенхаэр подписал письменное указание, возлагавшее на него ответственность за проведение внешней политики. Занимавший тогда этот пост Дж. Ф. Даллес, по воспоминаниям советского посла в Вашингтоне М. А. Меньшикова, не терпел какого-либо посредничества между собой и президентом. Во внешнеполитических вопросах ему всегда принадлежало последнее слово [59].

Эйзенхаэр и Даллес большое значение придавали психологической / пропагандистской войне, возлагая надежды на секретные операции ЦРУ [60]. С 1953 г. в Соединенных Штатах свою деятельность активизировали «Американский

комитет освобождения народов России», «Комитет свободной Европы», «Румынский национальный комитет» и другие организации. Все они в сотрудничестве с ЦРУ пытались с помощью своих агентов организовать антиправительственные выступления в странах народной демократии и даже в СССР [61]. При этом Эйзенхауэром были значительно сокращены военные расходы. Президент отмечал, что противостояние советской экспансии не должно становиться слишком большим бременем для американской экономики, чтобы не разрушить саму систему, которую надлежало защитить [62].

Важным фактором, повлиявшим на политику Москвы и ситуацию в Восточной Европе, стала смерть Сталина. По мнению американского посла в Москве Ч. Болена, в тот период «большевизм столкнулся с наиболее серьёзным кризисом со времен войны с нацизмом» [63]. Действительно, смерть Сталина сделала возможным постепенный отказ правящей элиты стран Восточной Европы от догматических постулатов в своей политической практике [64]. Несмотря на то что начавшийся процесс десталинизации привел к снятию многих восточноевропейских лидеров со своих должностей, Г. Георгиу-Дежу удалось удержать власть в своих руках даже после XX съезда ЦК КПСС. Большинство исследователей связывают это с его гибкой и умелой тактикой, стержнем которой являлось подобострастие Москве [65].

Таким образом, анализ американо-советских отношений по румынскому вопросу показывает, что в 1949–1953 гг. Вашингтон и Москва рассматривали отношение к Румынской Народной Республике исключительно в рамках своих внешне-политических стратегий. Необходимость укрепления своих позиций в Румынии объяснялась для Советского Союза интересами его национальной безопасности. Руководство Соединенных Штатов осознавало, что оно лишено эффективных средств воздействия на ситуацию в РНР. Тем не менее проявлять безразличие к происходящему Вашингтон не мог, так как это было чревато падением авторитета США на международной арене и ослаблением их влияния. Последнее побуждало американцев, даже при отсутствии надежды на достижение реальных результатов в обозримом будущем, всё-таки использовать любую возможность, чтобы осложнить существование социалистического режима в Румынии и дискредитировать советскую модель в целом.

Примечания

1. Boblen Ch. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 319.
2. Vucinich W. Soviet Rumania 1944–1951 // Current History. 1952. Vol. 22. № 126. February. P. 91; Fischer-Galati S. The New Rumania: from People's Democracy to Socialist Republic. L., 1967. P. 43.

3. Филитов А. М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 8; *Funiglio P.* American-Soviet Trade in the Cold War. L.; Chapel Hill, 1988. Р. 215; *Lynch A.* The Cold War Is Over – Again. San Francisco; Oxford, 1992. Р. 48; Европа XX века: проблемы мира и безопасности / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 1985. С. 124; *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. Человек. Политик. Полководец. М., 1998. С. 278; *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынской народной республики 1948–1955 гг. М., 1971. С. 91; *Цветков Г. Н.* ССР и США: отношения, влияющие на судьбы мира. Киев, 1988. С. 171–172; *Языкова А. А.* Балканам – мир и сотрудничество. М., 1990. С. 17.
4. Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней / под ред. В. Н. Виноградова. М., 1987. С. 450–451; ССР – Румыния. Дружба и сотрудничество / под ред. И. И. Макарова. М., 1987. С. 54; *Подлесный Т. П.* ССР и США 50 лет дипломатических отношений. М., 1983. С. 39.
5. *Рукавишников В. О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о ССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 193.
6. *Айриян Р. С.* Роль Конгресса США в формировании внешнеполитического курса администрации Г. Трумэна (1945–1952 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 27–28; Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918–2006 гг.). Киров, 2007. С. 199–200.
7. *Наджафов Д. Г.* К вопросу о генезисе холодной войны // Холодная война 1945–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 91, 99; *Рукавишников В. О.* Указ. соч. С. 190; *Dobson A.* US Foreign Policy since 1945. L.; N. Y., 2006. Р. 32–33; *Donovan R.* Tumultuous Years. The Presidency of Harry S. Truman 1949–1953. N. Y., 1982. Р. 56–57.
8. *Золов А. В.* О роли президента Гарри С. Трумэна в развязывании холодной войны // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010. С. 179; *The Specter. Original Essays on the Cold War and the Origins of McCarthyism.* N. Y., 1974. Р. 46.
9. Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки... С. 194–195; *Ojserkis R.* Beginnings of the Cold War Arms Race. The Truman Administration and the US Arms Build-Up. Westport, 2003. Р. 35; *Kovrig B.* Of Walls and Bridges. The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. Р. 33; *Lynch A.* Op. cit. Р. 10–11, 44, 50; *Bouscaren A.* Anti-Communist Action. Chicago, 1958. Р. 18.
10. *Towster J.* The Soviet Union: Divide And Rule // Current History. 1953. Vol. 24. № 138. Р. 67.
11. АВП РФ. Ф. 566. Отдел печати ТАСС. Оп. 16. П. 448. Д. 415. Л. 225, 229.
12. Системная история международных отношений. Документы 1945–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 4. М., 2004. С. 84.
13. *Lynch A.* Op. cit. Р. 9–10.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 137. Д. 263. Л. 78; Там же. Д. 583. Л. 4–6; *Navigating the Rapids 1918–1971. From the Papers of Adolf A. Berle* N. Y., 1973. Р. 597; Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. / под ред. Т. Волокитиной. Т. 2. М., 2002. С. 743; *Bernhard N.* US Television News and Cold War Propaganda, 1947–1960. Cambridge, 2001. Р. 1, 3; *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. М., 1999. С. 123, 226; *Towster J.* Op. cit. Р. 70.
15. *Lynch A.* Op. cit. Р. 48; Москва и Восточная Европа. М., 2002. С. 3; *Ionescu Gh.* The Politics of the European Communist States. N. Y.; Wash, 1967. Р. 34; *Герасимов Д. Б.* План Маршалла и развитие американо-советских отношений во второй половине 1940-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 21.
16. *A History of the Romanian Communist Party.* Stanford, 1980. Р. 52–53; Краткая история Румынии... М., 1987. С. 448, 450.
17. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа, 1949–1953. Очерки истории / под ред. А. Ф. Носковой. М., 2002. С. 17.
18. Советский фактор... Т. 2. С. 187–188; *The Communist Parties of Eastern Europe / ed. by S. Fisher-Galati.* N. Y., 1979. Р. 282; *Dobrincu D.* The Soviet Counsellors' in Postwar Romanian Repressive and Military Structures // Sovietization in Romania and Czechoslovakia: History, Analogies, Consequences. Iasi, 2003. Р. 157, 159; *Светлорусова Л. М.* Реферативный обзор кн.: Кацарски И. Тоталитарный социализм // Системы советского типа в Восточной Европе: осмысление опыта четырех десятилетий: сб. обзоров и рефератов. М., 2000. С. 43; *Рукавишников В. О.* Указ. соч. С. 189; *Seton-Watson H.* Neither War Nor Peace. The Struggle for Power in the Postwar World. N. Y., 1960. Р. 25.
19. Советский фактор... Т. 2. С. 345, 348–350; *Калашникова И. Ю.* Румынская интеллигенция в послевоенный период: попытка анализа факторов развития // Политические системы ССР и стран Восточной Европы 20–60-е годы. М., 1991. С. 239–247; *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года. М., 2000. С. 361.
20. АВП РФ. Ф. 0129. Референтура по США. Оп. 30. П. 35. Д. 54; Советский фактор... Т. 2. С. 632–635.
21. *Simons Th.* Eastern Europe in the Postwar World. Houndsills; L., 1991. Р. 64; Москва и Восточная Европа... С. 17; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948 гг. / под ред. В. В. Мариной. М., 2002. С. 13; *Seton-Watson H.* Op. cit.
22. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 122.
23. FRUS. 1949. Vol. V. Р. 539.
24. Ibid. Р. 521–522.
25. *Truman H.* Memoirs by Harry S. Truman. Year of Decisions. Vol. I. N. Y., 1955. Р. 384; Тегеран – Ялта – Потсдам: сб. документов / сост.: Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М., 1970. С. 308–309.
26. A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. Wash., 1950. Р. 492.
27. FRUS. 1947. Vol. IV. Р. 500.
28. Congressional Record (Далее – CR.). Proceedings and Debates of the 82^d Congress. First Session. Appendix. Vol. 97. Wash., 1951. Р. A4105–A4106.
29. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 336. П. 337. Д. 1. А. 533.
30. A Decade... Р. 492.
31. CR. Vol. 95. Р. 10654; Vol. 97. Р. 12451, A2338, A4106; Vol. 98. Р. A2312–A2313, A2315, A2317.
32. CR. Vol. 98. Р. A2312–A2313, A2315, A2317.
33. A Decade... Р. 493.
34. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 336. П. 337. Д. 1. А. 696–698, 720–721; РГАСПИ. Ф. 82. Секретариат В. М. Молотова. Оп. 2. Д. 1079. А. 174.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 249. А. 12.
36. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 34г. П. 339. Д. 2. А. 230.

37. CR. Vol. 98. Р. A2311.
38. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 336. П. 337. Д. 1. Л. 724; ГРАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1303. Л. 28.
39. Лишь в 1955 г. сторонам удалось достичнуть компромисса, одновременно предоставив членство в ООН группе стран, куда входили государства как капиталистического, так и социалистического лагеря, в том числе и Румыния.
40. FRUS. 1949. Vol. V. Р. 42–44.
41. CR. Vol. 97. Р. A3742–3743.
42. АВП РФ. Ф. 125. Референтура по Румынии. Оп. 26. П. 23а. Д. 15. Л. 50; Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy 1943–1945. N. Y., 1968. P. 156; Fischer-Galati S. Op. cit. P. 20; King F. P. The New Internationalism. Allied Policy and European Peace 1939–1945. L., 1973. P. 74–75.
43. Парканский А. Б. Американо-румынские экономические отношения // США: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 66.
44. Coute D. The Great Fear. Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower. N. Y., 1978. P. 226.
45. Corke S.-J. US Covert Operations and Cold War Strategy. Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945–53. L.; N. Y., 2008. P. 55, 90.
46. Kovrig B. Op. cit. P. 33.
47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 30–31.
48. Подробнее см.: Костин А. А. Внешнеполитическое планирование США в 1945–1949 гг. и югославский вопрос // Международные отношения в XX веке. Вып. 3. Киров, 2011. С. 272, 277–279.
49. Dobrincu D. Op. cit. P. 162; Seton-Watson H. Op. cit. P. 26.
50. Советский фактор... Т. 2. С. 613, 615.
51. Первая волна репрессий пришлась на 1946–1947 гг.
52. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36г. П. 340. Д. 1. Л. 137.
53. Theobaris A. The Yalta Myths an Issue in United States Politics, 1945–1955. Columbia, 1970. P. 137.
54. Lynch A. Op. cit. P. 49.
55. Theobaris A. Op. cit. P. 145–146; Иванов Р. Ф. Указ. соч. С. 179–180.
56. Theobaris A. Op. cit. P. 144.
57. Цит. по: Цветков Г. Н. Указ. соч. С. 149.
58. Иванов Р. Ф. Указ. соч. С. 205–206.
59. Меньшиков М. А. Вашингтон, 16^а улица. Из записок советского посла. М., 1986. С. 37.
60. Ванден Берге И. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917–1990. М., 1996. С. 130.
61. Цветков Г. Н. Указ. соч. С. 150.
62. Dobson, A.; Marsh, S. Op. cit. P. 35; Лундесмад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики 1945–1996 гг. М., 2002. С. 170.
63. Boblen Ch. Op. cit. P. 336, 348.
64. Москва и Восточная Европа... С. 5; The Communist Parties of Eastern Europe... Р. 282.
65. Dobrincu D. Op. cit. P. 171; Fischer-Galati S. Op. cit. P. 35, 43; Simons Th. Op. cit. P. 93–94.

УДК 334.7.012.2

Т. И. Лыпка

АЕГ И «СИМЕНС & ГАЛЬСКЕ»: ДЕЛОВЫЕ ПАРТНЁРЫ И КОНКУРЕНТЫ

Статья посвящена двум фирмам-гигантам в электрохимической промышленности Германии последней трети XIX – начала XX в.

The article is devoted to two major firms of German electrochemical industry of the last third of the XIX c. and the beginning of the XX c.

Ключевые слова: электротехническая промышленность, Германия, Томас Алва Эдисон, Werner von Siemens, Emil Rathenau.

Keywords: electrochemical industry, Germany, Thomas Alva Addison, Werner von Siemens, Emil Rathenau.

Последняя треть XIX в. была временем развития изобретательства в области электротехники. В 1879 г. Томас Алва Эдисон изобрел лампу накаливания [1]. Для внедрения изобретения были необходимы колоссальные средства. Эдисон владел мощной компанией «Эдисон энд К» (Compagnie Continentale Edison) и смог извлечь прибыль из своего изобретения. Он представил лампу накаливания на первой Всемирной электротехнической выставке в Париже в 1881 г. Поскольку для промышленного внедрения большинства электротехнических изобретений требовалось большие капиталы, а электротехника была новой отраслью промышленности, давно основанные фирмы не участвовали в её становлении, за одним исключением: в этой сфере действовала фирма «Сименс и Гальске» (Siemens&Halske), электротехническая промышленность развивалась в Европе слабо [2].

Апробирование своего патента в Европе Эдисон доверил Парижскому филиалу «Компании континенталь Эдисон» (Societe Electrique Edison). Быстро растущий потенциал Германии и её развивающийся рынок привлекли внимание Эдисона.

Всемирную промышленную выставку в Париже в 1881 г. посетил Эмиль Ратенау, берлинский предприниматель и инженер, он познакомился с изобретением Эдисона и увидел во введении электрического освещения в Германии такую задачу, которой он хотел отдать все свои силы и возможности. Прилагая огромные усилия для получения Эдисоновского патента для Германии, Эмиль Ратенау столкнулся с массой трудностей. Важной задачей было найти инвестора для осуществления задуманных им планов. Несмотря на то что после краха грюндерства банкиры были осторожны при

финансировании промышленности, они поддержали проект Ратенау. Людвиг фон Кауфман из Банковского дома Якоба Ландау, Национальный банк Германии, Банк Братьев Зульцбах и Парижский филиал «Компании континенталь Эдисон» основали в апреле 1882 г. «Штудиен гезельшафт» («Studiengesellschaft») [3] с уставным капиталом 225 000 марок. Перед «Штудиен гезельшафт» поставлена задача – демонстрация электрического света [4]. Уже во время переговоров стало ясно, что Эмиль Ратенау будет движущей силой общества и успешно реализует далеко идущие планы. «Штудиен гезельшафт» строило осветительные установки с опытными и демонстративными целями, а именно, было проведено освещение в пивоварне (Bomischen Brauchaus) и двух клубах (Union-Club, Ressource 1794). Во время праздника, посвященного французской революции, перегрелись машины, и свет угрожал погаснуть, Эмиль Ратенау лично контролировал охлаждение машин при помощи льда. Несмотря на начальные трудности, обе установки имели огромный успех. Эти pilotные проекты сопровождались публикациями Эмиля Ратенау, в которых объяснялся принцип работы эдисоновских осветительных установок.

В сентябре 1882 г. в Мюнхене состоялась Всеобщая электрическая выставка, которая для «Штудиен гезельшафт» была успешной. Общество продемонстрировало многочисленные возможности применения электрического света, для этого оно осуществило монтаж освещения представительских помещений выставки, а также провело освещение улиц, переходов, сцен. После участия на выставке «Штудиен гезельшафт» получило от Королевского театра в Мюнхене заказ на монтаж установки электрического освещения.

Фирма «Сименс и Гальске», которая в области электротехники до этого момента не знала конкуренции, воздержалась от демонстрации своих достижений в области электротехники в Мюнхене. В. Сименс считал, что участие в выставке – «реклама, организованная с целью повышения курса акций участвующих Обществ» [5].

Влиятельная компания «Сименс и Гальске» не была заинтересована в появлении серьезного конкурента, к тому же она тоже разрабатывала лампы накаливания. Владелец фирмы «Сименс и Гальске» Вернер фон Сименс по этому поводу сказал следующее: «Я полагаю, что верной политикой для нас было бы повсюду жить в мире с Эдисоном. Это сделает нас властелинами электротехники» [6]. Его предсказание оказалось верным. Когда его собственные опыты по развитию лампы накаливания потерпели неудачу, он начал переговоры в 1882 г. с «Компани континенталь Эдисон» («Compagnie Continentale Edison»). Также Эмиль Ратенау договаривается с «Сименс и

Гальске» по принципиальным вопросам. Результатом длительных, сложных, многосторонних переговоров было подписание договора 13 марта 1883 г. между банковским консорциумом: Банковским домом Братьев Зульцбах, Банковским домом Якоба Ландау, Национальным банком Германии и «Компанией континенталь Эдисон» («Compagnie Continentale Edison»), Парижским филиалом «Компани континенталь Эдисон» (Societe Electrique Edison). В соответствии с § 3 Договора новое общество получило название «Дойче Эдисон гезельшафт фюр ангевандте электрицитет» (Deutsche Edison Gesellschaft für angewandte Elektricität). Общество являлось дочерним предприятием французской «Компани континенталь Эдисон» (Societe Electrique Edison), имело уставной капитал 5 000 000 марок [7]. «Дойче Эдисон гезельшафт» возникло как первое акционерное общество в немецкой электроиндустрии [8]. В соответствии с условиями договора общество получило исключительное право пользования патентом Эдисона в Германии как для продажи, так и для производства. Одновременно «Сименс и Гальске», с одной стороны, и концерн Эдисона, Банковский дом Братьев Зульцбах, Банковский дом Якоба Ландау, Национальный банк Германии – с другой, заключили второй дополнительный договор, в котором излагались пункты, касающиеся «разделения труда в производстве» [9]. За «Сименс и Гальске» было сохранено производство дуговых ламп и динамо-машин. «Дойче Эдисон гезельшафт» получило право на производство лампы накаливания. Кроме того, «Сименс и Гальске» уступало новому обществу строительство и эксплуатацию центральных электростанций.

Часть права на производство была уступлена «Сименс и Гальске» вместо оплаты лицензионного сбора. Фирма «Сименс и Гальске» гарантировала поставки по выгодным ценам «Дойче Эдисон гезельшафт». Удивительно, что В. фон Сименс в учредительном договоре в пользу «Дойче Эдисон гезельшафт» отказался от права строить центральные электростанции, что сказалось положительно на развитии нового предприятия. Исследователи рассматривают этот шаг как неверную оценку В. фон Сименсом значения своего решения. Это соглашение между В. фон Сименсом и Э. Ратенау вызвало в обществе немало споров, так как на первый взгляд трудно было найти достаточно убедительные аргументы в пользу проявленного Сименсом великодушия. Его позицию можно было понять, учитывая, что он всегда был сторонником такого предпринимательства, которое ставило своей целью техническое развитие [10].

Вероятно, что Вернер фон Сименс, который относился с недоверием к акционерному обще-

ству и опасался рискованных предприятий, довольноствовался производственными заказами, а строительство центральных электростанций, требующее инвестиций капитала, охотно предоставил «Дойче Эдисон гезельшафт». Для фирмы «Сименс и Гальске» был выгодным заключенный договор, так как за фирмой закреплено исключительное право по производству машин и материалов для эдисоновской системы, кроме того, приобретателю данных прав гарантировано производство собственных дуговых ламп, а также была ограничена усиливающаяся конкуренция в области электротехники. С другой стороны, «Дойче Эдисон гезельшафт» избежало благодаря заключению договора убийственной конкуренции в области электротехники и одновременно приобрело партнера по бизнесу – успешного и уважаемого производственника в области электротехники.

Запись «Дойче Эдисон гезельшафт» в торговый регистр последовала 5 мая 1883 г. [11] Его основателями были 11 физических лиц и 4 юридических лица. Национальный банк Германии и банковские дома Ландау и Зульцбах купили акции на сумму 4 280 000 марок. Эмиль Ратенау приобрел большой пакет акций, а именно, 660 акций в номинальной стоимости 330 000 марок. В тот же месяц банковский консорциум подготовил покупку 7 000 акций по курсу 112% [12]. Наблюдательный совет предприятия состоял из 10 человек, в основном из банкиров. Председателем стал Рудольф Зульцбах, заместителем председателя Людвиг фон Кауфман. Как экономисты, так и технически руководство новым обществом осуществлял Эмиль Ратенау. Сначала он был единственным членом правления. Ратенау подписал договор с «Дойче Эдисон гезельшафт» от 24 мая 1883 г., в § 4 которого оговорено вознаграждение за его службу: годовое содержание в сумме 20 000 марок, 2% от чистой прибыли, 6% соответственно внесенному акционерному капиталу как акционера, 13% с оплаченной доли учредителя [13]. Ратенау с основанием «Дойче Эдисон гезельшафт» сделал ещё один шаг к осуществлению своих далеко идущих планов. В коммерческих интересах наблюдательный совет пригласил в компанию Феликса Дойча, который пользовался доверием банков и был известен в деловых кругах как талантливый коммерсант и техник, проявивший себя в сахарной промышленности. В конце 1883 г. на должность второго члена правления был принят Оскар фон Миллер, с которым Эмиль Ратенау познакомился на выставке в Мюнхене. Помещение бюро «Дойче Эдисон гезельшафт» сначала находилось на Лейпцигер штрассе, 96 в Берлине [14].

К большим заказам на монтаж осветительных установок в первый финансовый год относились

два Королевских театра в Мюнхене, Оперный театр и Театр-Резиденция, а также Королевский придворный театр в Штутгарте. Кроме этого было изготовлено 27 установок с 33 машинами, среди заказчиков – машины, сахарные, бумажные, прядильные, текстильные фабрики, также торговые дома и рестораны. Для «Дойче Эдисон гезельшафт» 1883 г. стал успешным в финансово-вом отношении, оно получило чистой прибыли 17 000 000 марок, а акционеры – 4% дивидендов [15]. Первым направлением деятельности «Дойче Эдисон гезельшафт» были производство и монтажные работы, вторым важным направлением было строительство центральных электростанций. Ратенау стремился расширить круг потребителей электроэнергии, вместо отдельного потребителя, обеспеченного собственной установкой электроснабжения, по возможности, обеспечить большую часть центрального округа блок-станциями, в виде закрытого блока для нескольких домов. Долго Ратенау пытался всеми имеющимися средствами осуществить строительство установок по производству электроэнергии, и особенно воздвигать сооружения обеспечения энергией без участия будущих потребителей, а затем предлагать электрический ток потребителям на своих условиях. Он заложил основу, таким образом, принципов работы городских электростанций. Проблемно было получить в Берлине официальное разрешение на прокладывание электрического кабеля большой протяженности по улицам города, дело осложнялось ещё и тем, что электропроводка проходила через земельные участки, принадлежащие частным лицам. Ратенау вскоре после образования общества начал переговоры с магистратом города. В феврале 1884 г. с городом Берлин был подписан договор, по которому «Дойче Эдисон гезельшафт» получило право концессии на территорию 2 км² и могло прокладывать кабель и осуществлять монтаж установок для освещения улиц. За это концессионное участие «Дойче Эдисон гезельшафт» отчисляло городу ежегодно 10% чистой прибыли с поставки электрической энергии. Кроме того, магистрат сохранял право приобретать установки обеспечения электрической энергией позднее на выгодных условиях.

Чтобы основной капитал «Дойче Эдисон гезельшафт» не вкладывать в долгосрочные проекты из-за высокой стоимости кредитов на строительство сети снабжения электричеством, Ратенау основывает 4 мая 1884 г. «Штедтише электрицитетверке» («Städtische Elektricitätswerke AG») с уставным капиталом 3 000 000 марок. «Штедтише электрицитетверке» взяло на себя в права и обязанности «Дойче Эдисон гезельшафт» по отношению к городу и обязалось приобретать машины и другие средства производства у «Дой-

че Эдисон гезельшафт». «Дойче Эдисон гезельшафт» передало все поступившие заказы на монтаж установок в домах «Штедтише електрицитетверке». Сначала «Дойче Эдисон гезельшафт» было готово само внести основной капитал в полном объёме, но банковский консорциум дал согласие на размещение 4/5 суммы среди акционеров или внести самому эту сумму. Руководителем нового предприятия был назначен Тайным почтовым советом Джюлиус Людовиг (Geheimen Postrat, Julius Ludewig), в то время в наблюдательном совете состояли Оскар фон Миллер и Джюлиус Валентин, председателем был банкир Гуго Ландау.

«Однако рот оказался больше желудка: проект приобрел столь большие объемы, что “Дойче Эдисон гезельшафт” не смогло обеспечить необходимые капиталы для его реализации» [16]. «Дойче Эдисон гезельшафт» и «Штедтише електрицитетверке» оказались под угрозой банкротства. Поразительно, но фирма «Сименс и Гальске» не использовала этот момент для уничтожения нежелательного «партнёра». Во-первых, в этом случае банковский консорциум, который финансировал основание «Дойче Эдисон гезельшафт», потерял бы свои вложения. Во-вторых, у Ратенау была масса выгодных заказов, было только недостаточно финансовых средств для их выполнения. Тем не менее фирма «Сименс и Гальске» не могла отказаться от возможности использовать кризис компании «Дойче Эдисон гезельшафт» для укрепления собственных позиций.

«Дойче банк», который возглавлял Георг фон Сименс, организовал новый банковский консорциум, состоявший из «Дойче банка», «Дельбрюк Лео унд Ко», «Якоб Ландау», «Герберт Зульцбах», а также компании «Сименс и Гальске».

Развитие событий в течение 4 лет, начиная с 1883 г., выявило ещё ряд особенностей этого альянса. Реальное соотношение сил «Дойче Эдисон гезельшафт» и «Сименс и Гальске» нашло отражение в договорах 1883 г., 1887 г. [17] Неоднократные попытки «Дойче Эдисон гезельшафт» освободиться от договоров, заключенных с Континентальной Эдисоновской Компанией в Париже, терпели неудачи. На этой почве происходит сближение «Дойче Эдисон гезельшафт» с фирмой «Сименс и Гальске». Для осуществления независимости «Дойче Эдисон гезельшафт» от Эдисоновских обществ фирма «Сименс и Гальске» приобрела права Континентальной компании в Париже за 809 000 марок, «Сименс и Гальске» внесли 270 000 марок, 295 000 марок отнесены на счет «Дойче Эдисон гезельшафт» [18].

Изменилась ситуация на рынке, появились новые конкуренты, сохранение безраздельного господства гигантов становилось всё сложнее, руководители обеих фирм – Сименс и Ратенау – при-

шли к убеждению, что прежнее картельное соглашение препятствует развитию обоих концернов.

Отделение от иностранных Эдисоновских обществ, расширение области своей деятельности на весь мир, распространение производственных программ на все сферы техники сильных токов и увеличение финансовых возможностей, – всё это предопределило изменение имени «Дойче Эдисон гезельшафт фюр ангеландте электрицитет» («Deutsche Edison Gesellschaft für angewandte Elektricität») на «Всеобщая компания электричества» («Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft», АЕГ).

Новые договоры были подтверждены генеральным собранием «Дойче Эдисон гезельшафт» 23 мая 1887 г. и вошли в силу. С 1887 г., года основания АЕГ, можно говорить о плюрализме в электропромышленности. В течение 5 лет Эмилю Ратенау удалось разрушить монопольное положение Сименс и Гальске [19]. Из «Дойче Эдисон гезельшафт фюр ангеландте электрицитет» выросла АЕГ как второе выдающееся крупнейшее промышленное предприятие. Эмиль Ратенау принял личное участие в переговорах по преобразованию, при этом продемонстрировал мастерство гениального тактика Вернеру фон Сименсу, Георгу фон Сименсу и представителям банков, показал, что он может идти на компромисс, не выпуская из поля зрения свою конечную цель – создание сильного и независимого предприятия.

Основной капитал АЕГ в соответствии с §15 учредительного договора от 23 марта 1887 г. составлял 5 000 000 марок [20]. Выполнение запланированного повышения капитала на 7 000 000 марок соответственно §16 учредительного договора взяли на себя следующие участники, среди которых Дойче банк и «Дельбрюк Лео и Ко» вместе – 4 000 000 марок, Зульцбах и Ландау вместе – 2 000 000 марок, «Сименс и Гальске» – 1 000 000 марок [21], и вскоре приступили к выполнению обязательств. Банковские дома, участвовавшие в консорциуме АЕГ, не были заинтересованы в развитии конкуренции между АЕГ и «Сименс и Гальске». Банковский дом «Дельбрюк Лео и Ко» внёс предложение о едином продвижении компаний. В августе 1887 г. Карл Фуртенберг обратился с просьбой к Эмилю Ратенау и Георгу фон Сименсу об участии Берлинского торгового общества. Ему было обещано 18% от банковского консорциума, т. е. 600 000 марок.

30 сентября 1887 г. банковские дома «Дойче банк», «Берлинское торговое общество», «Дельбрюк Лео и Ко», Якоб Ландау и Братья Зульцбах договорились приобрести 6 000 000 марок акционерного капитала АЕГ. Руководство банковским консорциумом взяли на себя «Дойче банк» и «Дельбрюк Лео и Ко».

На следующий день приняла на себя обязательства АЕГ по отношению к банкам, все бан-

ковские гешефты, особенно эмиссии их акций, могла поручить проводить другими банковскими домами, если консорциум со своей стороны от осуществления банковских операций отказывается. Участие банков в таких операциях было распределено, как далее следует:

«Дойче банк» и «Дельбрюк Лео и Ко» – вместе 47,5%;

Берлинское торговое общество – 15%;

Национальный банк Германии – 12,5%;

Якоб Ландау – 12,5%;

Братья Зульцбах – 12,5%.

В дальнейшем договор был ограничен сроком 1 января 1890 г. Соответственно участию новых сил в расширенном консорциуме изменился состав наблюдательного совета. В наблюдательный совет вошли 11 представителей консорциума, среди которых Георг фон Сименс и Карл Клоне из «Дойче банка», Арнольд фон Сименс и бургомистр Розенталь от «Сименс и Гальске». Председателем стал Адальберт Дельбрюк, заместителем председателя Рудольф Зульцбах [22].

Сначала условия договора, который АЕГ и «Сименс и Гальске» заключили в 1887 г., способствовали развитию отношений между обеими компаниями на взаимовыгодной основе. Целью договора было повлечь за собой совместную работу двух огромных могущественных немецких предприятий в области строительства электростанций и двухстороннее усиление позиций в конкурентной борьбе, тем не менее договорные соглашения могли выполняться незначительный промежуток времени.

Заказы на строительство электростанций от городских властей были в тот момент в меньшем количестве. Тем не менее эти заказы по обеспечению электричеством города обернулись первым коммерческим успехом. Города не хотели выпускать из своих рук прибыльные и значимые производства электроэнергии. Такие заказы были договором с «Сименсом и Гальске» зарезервированы. «Сименс и Гальске» упрекала Ратенау в том, что АЕГ своими стремлениями получить концессии обостряла конкурентную ситуацию. Также ценовая политика «Сименс и Гальске» в отношении АЕГ часто АЕГ приводила к трудностям при осуществлении концессионного строительства.

Конфликт быстро развивался не только как деловой спор, а также проходил на персональном уровне. В процессе развития событий стало ясно, что причины конфликта лежат не только в различии экономических интересов обоих предприятий, но и в различии характеров их руководителей. Оба руководителя оставили след в истории немецкой электротехнической промышленности, но сделали это различными способами. Когда Вернер фон Сименс в Берлине в 1847 г.

основал свою фирму «Сименс и Гальске», Эмилю Ратенау было 9 лет, и немецкая электротехническая промышленность переживала период детства. Она развивалась под определяющим влиянием Вернера фон Сименса, и когда Эмиль Ратенау в 1883 г. открыл «Дойче Эдисон гезельшафт», «Сименс и Гальске» занимала недосягаемое высокое положение в электротехнической промышленности Германии. В 1890 г., почти семью годами позже, когда Вернер фон Сименс отошел от руководства своего предприятия, АЕГ уже опередила «Сименс и Гальске», причина была не только в различии организационных, но и коммерческих путей, которыми шли руководители фирм. Вернер фон Сименс производил неохотно по чужим патентам и этому предпочитал решать самостоятельно технические проблемы и поставленные временем вопросы. После демонстрации лампы накаливания Эдисона на выставке в Париже в 1881 г. В. фон Сименс полагал, что может вывести на рынок улучшенную лампу накаливания. Он стремился удержаться во главе электротехнической промышленности за счет собственных внутренних ресурсов, причем он подвергался опасности растратить свои силы по пустякам. Быстрый взлет АЕГ объясняет различное понимание производственно-технических проблем и образ действия руководящих личностей обоих этих предприятий. Вернер фон Сименс шёл от эмпирических опытов к открытиям и затем на основе собственных патентов изготавливал продукт и продавал его, в то время как Эмиль Ратенау действовал больше как организатор и менеджер. Многих современников удивляло, что Эмиль Ратенау по образованию и профессии был инженером. Из этих экономических позиций произошло различие между двумя компаниями. Время с его новыми структурами и явлениями обогнало Вернера фон Сименса, и он уступил место новым идеям, которые принесли его конкуренты.

Эмиль Ратенау наблюдал за рынком, анализировал каждую идею, которая ему казалась многообещающей и которую затем связывал со своими планами. Так, на Франкфуртской выставке 1891 г. он демонстрировал водопад, который был показан ещё на Мюнхенской выставке в 1882 г., девятью годами раньше. Также открытие Электробанка в Цюрихе основывалось на идее Изидора Лоэве (Isidor Loewe), который годом ранее организовал такой же институт. В то время как Эмиль Ратенау понял, что очень выгодно покупать ориентированный на будущее продукт и выводить его на рынок по всем правилам менеджмента, Вернер фон Сименс придерживался другой позиции: или он не понимал, как использовать различные шансы, или хотел быть изобретателем, а не производственником. Он сосредоточился на решении технических проблем. Ещё в

1882 г. Вернер фон Сименс писал своему брату Карлу: «Наша большая задача – сохранить свое положение во главе электротехники, и это значит, что сегодня весь мир электротехники приводится нами в движение и стоит на наших плечах – это не пустяк!.. К этому относятся дюжины открытий, которые нужно делать и основательно прорабатывать!». Это было предприятие, организационная структура которого создана отдельной семьёй и руководитель которого все важные вопросы решал самостоятельно. В то время Вернер фон Сименс экспериментировал во многих областях науки и техники, и существовала реальная опасность израсходоваться по мелочам.

Эмиль Ратенау был другой натурой. Ратенау с самого начала специализировался и тратил немногого энергии, времени и денег на дальнейшее развитие техники. Он не преодолевал трудности при осуществлении своих интересов за счет собственных открытых, а хотел производить и продавать продукцию, перспективную, ориентированную на будущее. С этой целью он приобретал предложенные в большом количестве патенты и развивал новую стратегию сбыта, он первый в сегодняшнем понимании начал продукт «выводить на рынок». В то время Эмиль Ратенау понял необходимость побуждать потребность в новом световом освещении на выставках, в заметках в прессе, посыпать потребителю готовые модельные установки, Вернер фон Сименс отказался от этого образа действий как нечестной конкуренции и «скандала». Эмиль Ратенау объяснял, что больше недостаточно изобретать и производить, предприятию, ориентированному на сбыт, необходимо побуждать интерес населения к своей продукции. Только тогда это предприятие, осуществляя массовое производство, может предложить широкой публике цену, которую покупатель способен оплатить. Из этой концепции понимания предприятия вытекают требования к нему. Переход фамильного бизнеса в акционерное общество, тем не менее, Вернер фон Сименс принципиально отклонил, хотя его двоюродный брат Георг фон Сименс постоянно его склонял сделать этот шаг.

Третьей областью применения электричества после использования электричества с целью освещения и как источник силы для моторов в ремесле и промышленности была железная дорога. Ратенау удалось приобрести лицензию для Германии и Европы без Англии, Франции и Италии на патент американской фирмы «Firma Sprague». В США был построен уже ряд железных дорог по этому патенту, которые, прежде всего, выделялись надземным подводом электричества. Фирма «Сименс и Гальске» в 1881 г. построила первую электрическую железную дорогу в Германии, а именно в Берлине в Лихтенфельде (Lichten-

felde), проложили электропроводку по подземным каналам, что при плохой погоде часто приводило к осложнениям. Прокладывание кабеля по поверхности земли, однако, требовало повышенной технической защищенности, а также этот способ отклоняли органы государственной власти и население по эстетическим соображениям. При каждом удобном случае Ратенау пытался демонстрировать интересный пилотный проект, таким образом проводить продуманную и единственную рекламу. Он использовал такую возможность при электрификации локальных железных дорог в Галле (Halle) и Гере (Gera), электрификация городской дороги в Галле летом 1892 г. была уже закончена.

При попытке получить заказы на электрификацию местных дорог АЕГ натолкнулась на трудности: с одной стороны, в этой области действовали незаинтересованные в этом частные производственные общества, которые с недоверием относились к переходу от лошадей на электроэнергию; с другой – в большинстве случаев не хватало на это финансовых средств.

Обоим предприятиям в дальнейшем сложно было сотрудничать в рамках договора 1887 г. Уже в 1888 г. начались первые переговоры об условиях прекращения договора. Очевидно, к соглашению долго не могли прийти, договор ещё многие годы был действителен. Напряжение и раздражительность в ходе времени была перенесена на все области сотрудничества, и упрёки, обвинения и увеличивающееся количество жалоб окончательно отравили деловой климат. В 1890 г. АЕГ начала создавать различные дочерние компании (управленческие, финансирующие, холдинги), которые по поручению материнской компании выполняли операции, непосредственно не связанные с производством продукции. Они были связаны с функционированием электростанций, железных дорог и т. д.

В начале 90-х гг. XIX в. АЕГ контролировала капитал, который оценивался в колоссальную по тем временам сумму 160 000 000 марок (включая активы зависимых фирм). Концерн «Сименс и Гальске» контролировал капитал суммой 130 000 000 марок. В этот период АЕГ выдвинулась на первое место среди производителей электротехнической промышленности. Противоречия с «Сименс и Гальске» возрастили, и закрепленные договором отношения с этим концерном воспринимались как препятствие для самостоятельных устремлений АЕГ. Смерть Вернера фон Сименса в конце 1892 г. и вопрос поставок для строительства силовых установок снабжения электричеством в Берлине, который, очевидно, представлял пункт больших споров, привнесли волнение в происходящую ситуацию. Новые руководители «Сименс и Гальске» Вильгельм фон

Сименс и Арнольд фон Сименс стремились реорганизовать предприятие, поэтому придавали большое значение выяснению отношений с АЕГ. В июне 1894 г. обе фирмы окончательно отказались от договора от 1887 г. Фирма «Сименс и Гальске» вынуждена была согласиться 20 июня 1894 г. на преждевременное аннулирование договора. АЕГ выплатила компенсацию 650 000–780 000 марок и получила возможность самостоятельно производить электродвигатели» [23]. Хотя историк Манфред Поль считает, что сумма, выплаченная АЕГ, исчислялась 700 000 марок [24]. Георг фон Сименс, председатель наблюдательного совета АЕГ, во время этих переговоров находился в особо сложной ситуации. С одной стороны, он чувствовал себя ответственным за АЕГ, её экономическое развитие и процветание, с другой – «Дойче банк» был тесно связан с домом «Сименс и Гальске», и он собственно принадлежал семье Сименс. В спорах и переговорах между АЕГ и «Сименс и Гальске» он занимал позицию нейтрального посредника и пытался быть справедливым по отношению к обоим контрагентам. Его посредничество получило, в конце концов, фактическое признание, это нашло выражение в том, что Георг фон Сименс далее мог советовать двум огромным немецким электротехническим предприятиям в финансовых и экономических делах, также после их разделения. «Дойче банк» осуществлял руководство банковским консорциумом АЕГ, и Георг фон Сименс, который с 1890 г. был председателем наблюдательного совета АЕГ, остался в руководстве. Он видел лучшие шансы для развития обоих предприятий в их независимости друг от друга, тем не менее также осознавал опасность жесткой конкуренции и приложил немало усилий для того, чтобы подготовить почву для отношений кооперации между двумя предприятиями [25].

После прекращения договора между «Сименс и Гальске» и АЕГ в 1894 г. Эмиль Ратенау достиг апогея своей предпринимательской власти. Он очень много сделал для того, чтобы АЕГ заняла позицию, позволившую ей разорвать договор с «Сименс и Гальске». Эмиль Ратенау добился этого, потому что с самого начала до конца своей деятельности стремился, в каждой связи, или с банками, или другими предприятиями, всегда сохранять независимость предприятия, которым он руководил. Это удалось ему только частично, он с 1887 г. существенно зависел от банковских домов Ландау и братьев Зульцбах. С 1894 г. директора «Дойче банка» и «Берлинского торгового общества» стали его советниками по финансовым вопросам, и между ними также существовали известные отношения зависимости.

Наследники после смерти Вернера фон Сименса в 1892 г. изменили финансовую политику дома, и

были широко привлечены большие средства со стороны для финансирования их проектов. Когда окончательно Сименсы фамильное предприятие преобразовали в акционерное общество, «Дойче банк» был вынужден выбирать между «Сименс и Гальске» и АЕГ. В письме от 7 января 1897 г. Эмилю Ратенау Георг фон Сименс предоставил свой пост председателя наблюдательного совета в распоряжение АЕГ и объяснил в июле этого же года окончательно свой уход [26].

Несмотря на то что «Дойче банк» ушёл из банковского консорциума АЕГ, деловые отношения сохранились в последующие годы. Выполнение дальнейших коммерческих проектов с АЕГ Георг фон Сименс передал в руки Артура фон Гвиннера (Arthur von Gwinner), который в 1893 г. вошел в дирекцию «Дойче банка». Преемником Георга фон Сименса был избран бывший прусский государственный министр Людвиг Геррфурт (Ludwig Herrfurth), после смерти которого в 1900 г. этот пост занял Государственный секретарь Фридрих фон Гольманн (Friedrich von Hollmann). Заместителем председателя стал Карл Фюрстенберг от «Берлинского торгового общества», который в предшествующие годы занимал позицию финансового советника Эмиля Ратенау и АЕГ.

Эмиля Ратенау характеризует выражение Гёте: «Современность – могущественная богиня». Ратенау удалось придать будущему свои идеи, это было главной чертой его характера, решать проблемы сегодняшнего дня, не выпуская из глаз планов на будущее. Под этим аспектом, прежде всего, надо рассматривать разрыв между АЕГ и «Сименс и Гальске», которого день за днем требовали его сила и концентрация. Историк Шулин так пишет об этом: «Действительно, в 1886–1887 гг. его общество стояло у черты банкротства, конкуренция осложнялась “американскими” предпринимательскими методами “Всеобщего Еврейского общества”, как оно было названо из-за участвовавших в нем еврейских частных банков и сотрудников-евреев (Феликс Дойч, Пауль Мамрот). Но в 1894 г. оно освободилось от миролюбивых отношений с Сименсом, создало своё производство машин, и его уже было не сломить» [27]. Противостояние между 1887 и 1894 гг. было логическим следствием договорных отношений, которые ограничивали развитие обоих предприятий. После расторжения договора 1894 г. оба предприятия поддерживали нормальные коммерческие отношения.

Аннулирование не означало полного разрыва между АЕГ и «Сименс и Гальске», оно выводило отношения между ними на новый уровень. Примером этому может служить совместная покупка фабрики по производству аккумуляторов «Müller & Einbeck», которая затем была преобразована в

акционерное общество «Akkumulatorenfabrik Akt.-Ges. Hagen» («АГ Хаген»). Эта аккумуляторная фабрика, которая сначала работала по системе Fudor, затем стала использовать результаты опытов, проведенных АЕГ, и патенты, предложенные АЕГ и «Сименс и Гальске». Контрольный пакет акций аккумуляторной фабрики принадлежал «Сименс и Гальске», АЕГ и прежним владельцам, меньшая часть акций – финансовым группам обоих обществ. Аккумуляторная фабрика имела большие преимущества перед конкурентами, которые были обеспечены техническими разработками, привнесёнными аккумуляторными отделениями обоих электрических обществ. Конкуренты «АГ Хаген» вследствие целенаправленного снижения цен и других маневров были разорены. В 1904 г. сохранился один конкурент «Аккумуляторенфабрик Бёзе», который вынужден был сдаться в 1912 г. И с этого времени национальный рынок аккумуляторов практически контролировали АЕГ и «Сименс и Гальске» [28].

Несмотря на то что Ратенау не удалось осуществить проект строительства подземной железной дороги в Берлине, он продолжал работать над проблемами электрификации железной дороги. Совместно с «Сименс и Гальске» АЕГ создали в 1899 г. «Штудиен гезельшафт фюр электрише шнельбанен» («Studiengesellschaft fur elektrische Schnellbahnen GmbH») [29]. Но тесного сотрудничества обеих фирм в этой области не произошло, так как каждая преследовала свой план развития, хотя обе компании демонстрировали свои достижения в этой области. В русском журнале находим следующее сообщение: «Приостановленные на некоторое время опыты с быстрым движением по электрической дороге, производившиеся на участке железной дороги между Мариенфельдом и Цоссеном близ Берлина (длиной 23 км), были вновь повторены в сентябре. Оба вагона-двигателя достигли в прошлом году максимальной скорости 200 км/час. Старое изношенное строение военной дороги было обновлено: заменены рельсы, шпалы, полотно из мелкого базальтового щебня... Два вагона "Сименс и Гальске" и "АЕГ" были переустроены. Увеличено расстояние между колесами для тележек, 5 м вместо 3,8 м... При первом экспериментальном движении достигнута скорость 201 км/час, в октябре при повторном опыте – 207 км/час. Несмотря на большую скорость, вагон двигался гораздо спокойнее и надежнее, чем в прошлом году» [30].

В январе 1900 г. АЕГ на Парижской всемирной выставке представила первый электровоз постоянного тока, который тогда получил большой приз. В 1903 г. АЕГ по заказу «Штудиен гезельшафт фюр электрише шнельбанен» построила моторный вагон, работающий на переменном токе, на опытном прогоне по военной же-

лезной дороге Мариенфельде – Цоссен со скоростью 210,2 км/час установил мировой скоростной рекорд, который до начала 30-х годов не был побит [31]. Опыты получили большой резонанс в кругах общественности, вызвали не только восхищение, но и опасения: «Королевская коллегия баварских физиков требовала запретить этот род передвижения, так как он должен был производить среди пассажиров чрезмерное лихорадочное возбуждение, и даже на мозг посторонних наблюдателей оказывать крайне вредное влияние» [32].

Строительство электростанций после разделения с «Сименс и Гальске» получило мощный толчок. АЕГ построила 248 электростанций в 1899–1900 гг. в Германии и за рубежом: в Буэнос-Айресе, Сантьяго де Чили, Баку, Комотау и Манчестере. С целью урегулирования сфер экономических интересов в Южной Америке «Сименс и Гальске» и АЕГ заключили соглашение в 1898 г. [33], в котором они ограничили свои экономические планы в обоюдных интересах и оговорили условия для совместной работы.

В этот момент уже в рамках всеобщего ухудшения конъюнктуры намечался кризис в электротехнической промышленности. Борьба за концессии год за годом усиливалась, так как условия для предпринимательства более ужесточались. Технические требования, которые выдвигали органы государственной власти в предоставленных заказах, ужесточились. Это было связано с ростом профессиональных знаний уполномоченных чиновников. Предприятия, которые в то время имели постоянную клиентуру и перед ней обязательства, в начале XX в. при падении спроса и одновременного удешевления сырья, как, например, меди, попадали в финансовые трудности и не могли долго удерживаться на плаву.

В 1896/97 финансовом году, когда «Сименс и Гальске» была преобразована в акционерное общество, сумма баланса АЕГ превысила сумму баланса «Сименс и Гальске». Между 1894/95 и 1905/06 гг. АЕГ предоставленный в её распоряжение акционерный капитал увеличил в 5 раз. Осторожная финансовая политика Ратенау состояла в постоянном наращивании резервов, которые на период кризиса 1902 г. оказались в два раза больше, чем у «Сименс и Гальске». Балансовые отчеты говорят о снижении прибыли обоих предприятий во время кризиса 1902 г.

Ратенау, чтобы основать в России бизнес, обратился в 1890 г. к «Гезельшафт фюр электрише белёйхтунг фон яре 1886» («Gesellschaft fur elektrische Beleuchtung vom Jahre 1886») [34]. Это Общество было основано Карлом фон Сименсом, руководителем Петербургского дочернего общества фирмы «Сименс и Гальске», как и ряд других петербургских фирм, например «Wachter & Co».

В правлении этого общества были Карл фон Сименс и К. Вахтер. Предложение, внесенное Ратенау, которое основано на идее Георга фон Сименса, исходит из того, что АЕГ приобретет облигации Общества на 2 000 000 рублей с правом эти облигации при возможности обратить в акции. АЕГ, таким образом, как ограниченно ответственный вкладчик командитного товарищества (командитист), могла оказывать влияние на общество. На это необходимо было получить государственное разрешение, и Карл фон Сименс сначала категорично отказал. Однако затем изменил свое мнение, признав, что Ратенау обладает коммерческим талантом, из которого К. фон Сименс в совместной деятельности мог бы извлечь выгоду. Но условия сотрудничества, предложенные Карлом фон Сименсом, не устроили Ратенау, и он это предложение, конечно, отклонил. Переписки по вопросу сотрудничества продолжались, из неё ясна не только суть этого коммерческого проекта, но и понятно отношение Ратенау к Георгу фон Сименсу. Последний взял на себя посредническую роль и передал Ратенау письмо от Карла фон Сименса. Г. фон Сименс предоставил Ратенау таким способом ценную информацию и оказал благоприятное влияние на решение Ратенау, который принял предложения Георга фон Сименса в ответном письме К. Вахтеру [35].

АЕГ поставила динамомашины и весь установочный материал для монтажа осветительной установки во Дворце Государственного Совета [36]. После изначальной сдержанности по отношению к России в 1897 г. руководство АЕГ решило участвовать в русском электротехническом бизнесе. АЕГ основала акционерное общество «Всеобщая электрическая компания Санкт-Петербург» (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft St. Petersburg) на основе немецкого права с юридическим адресом в Берлине. Филиалы этого общества были открыты в Санкт-Петербурге и Москве. Средства на создание в сумме 1 000 000 рублей внесла АЕГ и должна была в течение 21 года амортизировать. Первые попытки получить заказы в Петербурге не имели успеха. Из-за трудного положения бизнеса в России в 1899 г. начались переговоры между ведущими немецкими электротехническими компаниями и их банками о создании консорциума с целью проведения и финансирования электротехнического бизнеса в России. АЕГ и «Электробанк» под 2,5% участвовали в основном капитале консорциума в сумме 20 000 000 рублей. В 1901 г. была ликвидирована «Всеобщая электрическая компания Санкт-Петербург» (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft St. Petersburg). Её активы и пассивы перешли русскому обществу «Всеобщая электрическая компания» в Санкт-Петербурге («Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft» in St. Petersburg), которое было основано в конце ок-

тября 1901 г. АЕГ вышла на необъятный рынок России. Ею были организованы впоследствии dochерние предприятия: в Костроме, Якутске, завод в Харькове (сейчас – Харьковский электромеханический завод, ХЭМЗ). В 1911 г. на Невском заводе строили подводные лодки, электрооборудование поставляли АЕГ и «Шуккерт и Ко». За 1912–1913 гг. АЕГ поставила электротехническое оборудование для 7 линкоров, 6 крейсеров и 17 миноносцев в России [37].

Интересы АЕГ и «Сименс и Гальске» столкнулись в сфере военного телеграфа. В то время фирма «Сименс и Гальске» была единственным поставщиком для командования, но затем АЕГ удалось получить заказ на сооружение станций на восточном и северном морском побережье. Этот заказ успешно был выполнен. Немецкие военные стали работать по различным системам. Телеграф от «Сименс и Гальске» базировался на патенте Карла Фердинанда Брауна, а телеграф от АЕГ – на системе Адольфа Слаби и Графа фон Арко. Для применения патента Карла Фердинанда Брауна «Сименс и Гальске» основал собственную фирму «Gesellschaft für drahtlose Telegraphi, System Prof. Braun, S&H» [38]. Конкуренция в военной области была практически невозможной, так как это непосредственно затрагивало интересы государственной безопасности. Проблема была решена незамедлительно: кайзер лично отдал приказ – исключить конкурентную ситуацию в сфере военного телеграфа. В 1903 г. был заключен договор между АЕГ и «Сименс и Гальске» о совместной работе в области исследования, производства и сбыта, а вместе с тем произошло объединение двух систем: Слаби-Арко и Брауна. 27 мая 1903 г. АЕГ и «Сименс и Гальске» создали совместно фирму «Гезельшафт фюр дратлозе телеграфи мит бешренктер хальтунг» («Gesellschaft fur drahtlose Telegraphi mit beschränkter Haltung») [39]. Основной капитал фирмы был установлен в 300 000 марок и оплачен обществами-основателями. Руководителем нового предприятия и техническим директором был назначен Георг граф фон Арко, который с 1899 г. руководил отделом телеграфной связи в АЕГ.

Общество местом нахождения выбрало город Берлин, администрация сначала была расположена на Бессельштрассе, 21, но уже в октябре была перенесена в презентабельное помещение на Линденштрассе, 3. Свой товарный знак телеграфного общества новое предприятие зарегистрировало в 1903 г.

Таким образом, с 15 июня 1903 г. стало действовать новое общество беспроводной телеграфии, образованное в целях устранения конкуренции между системой Браун – «Сименс и Гальске» и системой Слаби-Арко – АЕГ. Новая система получила название «германской систе-

мы искровой телеграфии» и соединила в себе достоинства обеих прежних систем. Без сомнения, объединение усилий изобретателей, занимавшихся усовершенствованием обеих систем, быстро привело новую систему к практическому использованию [40]. Развитие нового предприятия было настолько позитивно, что уже в 1903 г. капитал достиг 1 000 000 марок. Радиус действия передатчика постоянно увеличивался: в 1905 г. достиг 1 500 км, в 1912 г. – 4 000 км. В 1913 г. благодаря замене усилителя трубы, созданного Робертом Либеном, с которым был подписан лицензионный договор на использование открытия в 1912 г., расстояние приема было увеличено до 6 000 км. В 1907 г. началось строительство телефонной сети на немецком морском побережье, а также международной сети в Америке, Северной Америке, Австралии. В Того, в немецкой Юго-Западной Африке, немецкой Южной колонии и Японии построили большие радиостанции. В 1914 г. была создана огромная сеть станций.

В 1900 г. АЕГ – акционерный капитал – 60 000 000 марок, «Сименс и Гальске» – 54 000 000 марок [41].

В балансе АЕГ за 1912 г. по статье «участие» проходит огромная сумма – 40 000 000 марок. С помощью многоступенчатой системы участия в капитале АЕГ контролировал 187 обществ и компаний.

В 1912 г. система участий только формировалась. Различные дочерние компании работали относительно самостоятельно и входили в связь с материнской компанией только при отчислении прибыли. АЕГ и «Сименс и Гальске» владели 14 совместными дочерними фирмами, двумя вновь учрежденными компаниями [42].

В результате промышленных поглощений на «Сименс и Гальске» рабочих было занято больше, чем на предприятиях АЕГ, но АЕГ располагала более прочной финансовой базой, более надежными национальными и интернациональными связями, поэтому АЕГ до Первой мировой войны остается лидером на немецком рынке электротехнической промышленности.

АЕГ и «Сименс и Гальске» практически господствовали как два полюса в электроиндустрии Германии. Сравнивая двух гигантов электротехнической промышленности Германии, анализируя установившиеся между ними сложные отноше-

AEG и Siemens&Halske

Jahr	1894/95	1896/97	1899/ 1900	1902/03	1905/06	1908/09	19011/12	1913/14
Bilanzsumme								
AEG	37,12	77,32	133,42	131,86	233,34	200,23	378,04	470,75
Siemens& Halske	–	74,76	126,65	123,68	123,37	148,76	188,11	197,15
Grundkapital								
AEG	20	32,59	60	60	100	100	130	155
Siemens& Halske	–	35	54,5	54,5	54,5	63	63	63
Reserven								
AEG	4,48	13,49	22,03	23,24	35,83	37,73	46,36	73,62
Siemens& Halske	–	1,65	9,07	10,15	10,84	13,30	18,50	22,50
Reingewinn								
AEG	2,68	5,82	10,72	5,62	18,01	16,38	24,39	18,89
Siemens& Halske	–	4,43	7,06	4,43	7,96	11,43	12,41	11,15
Dividende in %								
AEG	11	15 auf 25Mio	15 auf 47Mio. 7,5 auf 13 Mio	8	11 auf 86 Mio 5,5 auf 14 Mio	13	14	10
Siemens& Halske	–	10 auf 28 Mio 5 auf 7Mio	10 auf 45 Mio 4 auf 9,5 Mio	5	10	12	12	10
In Mio DM								

ния партнерства и конкуренции, мы можем понять причины их успеха и неудач.

Рассматривая основания для быстрого взлета АЕГ, мы приходим к выводу, что это только наполовину было возможным, потому что «Сименс и Гальске» показала «внутреннюю, исторически обусловленную, но не неизбежную структурную, организационную слабость и слабость руководства» [43].

Вернер фон Сименс и Эмиль Ратенау – два крупных предпринимателя электротехнической промышленности, но Сименс – представитель первого поколения предпринимателей, Ратенау – второго поколения. Ратенау отличает от предпринимателей-современников его стратегическое планирование, а именно: гибкая адаптация к потребностям рынка, поиск продуктов, ориентированных на современность, и технологий вместо дорогостоящих фундаментальных исследований, последовательное осуществление международных целей.

В. Ратенау в надгробной речи сказал об отце, что его видение было «журчанием стесненного ручья, который заставлял свою силу служить человечеству», и его дело – «единство техники, финансовой силы и коммерческого гения» [44]. Гениальное руководство АЕГ обеспечило ей лидирующее положение перед Первой мировой войной.

Примечания

1. *Patentschrift Nr. 12174. Thomas Alva Edison In Menlo Park (New-Jersey, V.S.A.). Neuerungen an elektrischen Lampen. Patentiert im Deutschen Reiche vom 27. November 1879 ab.* // AEG Firmenarchiv, Frankfurt a. Mein; Dokumentenanhang // Pohl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 216–217.
2. *Xayu Г. Империя «АЕГ-Телефункен».* М.: Прогресс, 1982. С. 39.
3. «Опытное общество».
4. *Protokoll der Übereinkunft zur Gründung einer Gelegenheitsgesellschaft, 22. April 1882* // AEG Firmenarchiv. Frankfurt a. Mein; Dokumentenanhang // Pohl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 218.
5. *Pohl M. C. 39.*
6. *Delius F. C. Unsere Simens-Welt, 2 Auflage.* West-Berlin, 1976. S. 13.
7. *Vertrag, Berlin, den 13. März 1883. № 204 des Not. Reg. pro 1883* // Dokumentenanhang // Pohl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 219.
8. *Mader U. Emil und Walther Rathenau in der elektrochemischen Industrie (1888–1907).* Berlin, 2001. S. 18.
9. *Vertrag, Berlin, den 13. März 1883* // Siemens Museum München, SAA 23/Lh 747.
10. *Weiber S. Werner von Siemens.* Gottingen. 1970. S. 124.
11. *Pohl M. Emil Rathenau und AEG.* Berlin, Frankfurt a. Mein, 1988. S. 42.
12. *Ebd. S. 43.*

13. *Vertrag, 24. Mai 1883 / Dokumentenanhang* // Pohl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 225.
14. *Haubner F. Aus den Anfängen der öffentlichen Elektrizitätsversorgung in Berlin (1882–1899)* // Tradition. Zeitschrift für Firmengeschichte und Unternehmerbiographie. Jahrgang Februar 1962. 1. Heft. S. 2. (Хаубнер считает, что Миллер приступил к обязанностям директора 1 января 1894 г.)
15. *Pohl M. Emil Rathenau und AEG.* Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 46.
16. *Xayu Г. С. 42.*
17. *Xayu Г. С. 43.*
18. *Pinner F. Emil Rathenau und das elektrische Zeitalter.* Leipzig: Akad. Verlages, 1918. S. 158.
19. *Pohl M. S. 69.*
20. *Vertrag, den 23. März 1887* // Siemens Museum München, SAA 23/Lh 747.
21. Там же.
22. *Pohl M. Emil Rathenau und AEG.* Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 76.
23. *Xayu Г. С. 44.*
24. *Pohl M. Emil Rathenau und AEG.* Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 119.
25. Там же. S. 126.
26. *Ebd. S. 142.*
27. *Schulin E. Walther Rathenau: Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit.* Gottingen, 1979.
28. *Pinner F. S. 174.*
29. «Исследовательское общество для электрических скоростных дорог, ООО».
30. Последние опыты на электрических железных дорогах большой скорости Цоссен-Мариенфельд // Электротехнический вестник. 1903. № 22. С. 463.
31. *Pohl M. Emil Rathenau und AEG.* Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 183.
32. Последние опыты на электрических железных дорогах... С. 464.
33. *Abkommen. 9. Juli 1898* // Siemens Museum München, SAA 23/Li 747.
34. *Emil Rathenau an C. Wachter. 21. Juni 1890* // Pohl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 101; «Общество электрического освещения от 1896 г.».
35. *Ebd. S. 102.*
36. Успехи электротехники в России // Электротехнический вестник. 1894. № 1. С. 34.
37. Новости электротехники. Архив// <http://www.news.elteh.ru/arh/2002/14/27>.
38. «Общество беспроводной связи, система профессора Брауна, С&Г».
39. Zweite Ausfertigung № 556 des Notariats-Registers 1903. 27. Mai 1903 // AEG Firmenarchiv; Общество беспроводного телеграфа, с ограниченной ответственностью.
40. Соединение германских систем беспроводной телеграфии // Электротехнический вестник. 1903. № 20. С. 428.
41. *Xayu Г. С. 58.*
42. Там же. С. 59.
43. *Kocka J. Familie, Unternehmer und Kapitalismus // Traditionen. Zeitschrift für Unternehmensgeschichte.* 1979. H. 3. S. 131.
44. *Rathenau W. Gedächtnisrede* // AEG Firmenarchiv.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 352/354(470.342) "17/20"

Т. Е. Ложкина

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ВЯТСКОГО КРАЯ в XVIII–XXI вв.

В статье рассматриваются исторические аспекты административно-территориального устройства Кировской области (Вятского края) в свете истории территориальных преобразований Российского государства за период XVIII–XXI вв.

The article dwells upon the historical aspects of the administrative-territorial structure of Kirov region (Vyatka territory) in the context of the history of territorial transformations of the Russian state in the XVIII–XXI centuries.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, исторический аспект.

Keywords: administrative-territorial structure, historical aspects.

Для России с ее огромной территорией административно-территориальное деление и принципы его устройства являются одной из главных основ государственности. В процессе эволюции системы административно-территориального деления отмечаются как продолжительные периоды устойчивости, так и периоды нестабильной, краткосрочной системы административно-территориального деления государственной территории и её составляющих отдельных территорий (губерний, краев, областей). Административно-территориальные преобразования Кировской области (Вятской губернии) проходили в основном по тем же этапам, что и в целом по стране.

«Являясь неотъемлемой частью единого территориального целого России, Вятский край сыграл определенную историческую роль в становлении единого целостного государственного образования» [1]. За более чем трехсотлетнюю историю земля Вятская, как и Россия в целом, претерпела значительные территориальные преобразования.

В России губернию [2] как единицу местного управления ввел Петр I Указом от 18.12.1708 г. «Об учреждении губерний и “рописании” к ним городов» [3]. Указ предписывал «для всенародной пользы «росписать» все города Всероссийского государства по восьми губерниям: Московской, Ингерманландской (с 1710 г. – Петербургская), Киевской, Смоленской, Архангельской,

Казанской, Азовской, Сибирской». Вятская земля (Хлыновский, Котельничский, Орловский, Слободской, Шестаковский и Кайгородский уезды) вошла в состав Сибирской губернии, южные уезды – Яранский, Уржумский, Царевосанчурский, Малмыжский – в Казанскую, а северные волости – Лальская и Лузская – в Архангелогородскую губернию [4].

Однако губернская реформа 1708–1710 гг. не смогла обеспечить четкое и оперативное руководство чрезвычайно обширными территориями 8 губерний и 146 уездами [5], в них входящих. К примеру, Сибирская губерния охватила всю территорию Сибири – от Тихого океана до Урала – и Западное Приуралье, включая Пермскую, Вятскую и Яицкую земли. В рамках очередного административного преобразования указом Петра I от 14.10.1710 г. [6] было введено деление России на доли [7] с целью возможно более точного определения сравнительной платежной способности каждой губернии. Территория России была разделена на 146,7 долей: Санкт-Петербургскую – 32,2; Казанскую – 21; Архангельскую – 18,5; Сибирскую – 9; Смоленскую – 9; Азовскую – 7,5; Киевскую – 5.

Указом Петра I от 29.05.1719 г. «Об устройстве губерний и об определении в оные правителей» [8] была проведена очередная провинциальная реформа местного административно-территориального устройства губерний, отменившая деление провинций на доли и имевшая целью улучшить управляемость огромных по территории губерний. Согласно данному Указу губернии повсеместно были разделены на провинции [9] (всего образовано 50 провинций), а провинции в свою очередь – на дистрикты (вскоре переименованные уездами), соответственно дистрикты-уезды делились на волости. Сибирская губерния была разделена на три провинции – Вятскую, Соликамскую, охватывающую Пермскую землю и Тобольскую, включающую всю Сибирь. В Вятскую провинцию входили семь дистриктов (уездов): Кайгородский, Котельничский, Кунгурский, Орловского, Слободской, Хлыновский, Шестаковский. Южные вятские уезды и города Яранск, Санчурск, Уржум, Малмыж, слободы Кукарка, Елань-Буга и Сарапул вошли в состав Казанской провинции. В 1721 г. наиболее отдаленный Кунгурский дистрикт был передан из Вятской провинции в Соликамскую.

Сибирская губерния в неизменном виде оставалась недолго. Большие расстояния между горо-

© Ложкина Т. Е., 2011

дами и неудобное их распределение по провинциям привели к тому, что Указом от 11.07.1976 г. была произведена «переписка городов» по всем трем сибирским провинциям «как удобнее по местным условиям» [10]. Указом от 29.04.1727 г. Вятская и Соликамская провинции были выделены из Сибирской в Казанскую губернию, в результате и северная, и южная части Вятского края оказались в составе одной губернии – Казанской, включающей в себя пять провинций: Казанскую, Свияжскую, Пензенскую, Вятскую и Уфимскую [11].

И сегодня одним из важнейших этапов российской истории признаются административно-территориальные преобразования Петра I, проводимые им с целью создания централизованной системы управления огромной территорией Российской империи. В результате проведенных реформ Российская империя превратилась в великую европейскую державу.

В период правления Екатерины II продолжились губернские реформы, целью которых являлась децентрализация государственного управления и упорядочение местного управления в интересах местных сообществ. С целью совершенствования управления обширной территорией Российской империи и проведения реформы местного управления был издан Указ от 7.11.1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (часть первая) (вторая его часть обнародована 11.09.1780 г.). Учитывая обширность губерний, предписывалось «с попечением об общем благе и добром устройстве учредить штат губерний, дабы губерния (наместничество) могла быть управляема (300–400 тыс. душ), а губернии (наместничества) разделялись на уезды (округи) числом 20–30 тыс. душ. В случае надобности губернии подлежат разделению на две-три провинции» [12].

Согласно Указу Екатерины II от 11.09.1780 г. [13] «Об учреждении Вятского наместничества из 13 уездов» было образовано Вятское наместничество путем выделения части территорий из Казанской и Оренбургской губерний. Центром наместничества был определен город Хлынов (переименованный в 1799 г. в город Вятку). Наместничество делилось на 13 округов: Вятский, Слободской, Кайгородский, Котельничский, Уржумский, Орловский, Яранский, Царевосанчурский, Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский и Нолинский [14]. ТERRитория Вятского наместничества составляла 135,0 тыс. кв. верст, численность населения – 817 тыс. чел. [15]

За десять лет административно-территориальных реформ с 1775 по 1785 г. с целью децентрализации государственного управления территория российского государства была поделена на 40 губерний (большая часть которых были переименованы в наместничества), тем самым были

заложены начала разделения властей, сословной организации местных учреждений, устройства судебных и административных учреждений.

Очередные административно-территориальные реформы были проведены Указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии». Вятское наместничество было преобразовано в губернию в прежних границах с центром в г. Вятке [16]. ТERRиторию губернии (135,0 тыс. кв. верст) составляли территории 10 уездов: Вятский, Глазовский, Елабужский, Котельничский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский. А города Кай, Малмыж и Царевосанчурск оставлены заштатными городами и переименованы в посады, территория Кайгородского уезда вошла в Глазовский и Слободской, Малмыжского – в Елабужский, Сарапульский и Уржумский, Царевосанчурского – в Яранский уезд [17].

В соответствии с Указом Александра I от 24.04.1802 г. «О восстановлении заштатных городов разных губерний» предписывалось «восстановить стоящие за штатом города и приписать к ним уезды губерний», в связи с этим в Вятской губернии заштатный город Малмыж преобразован в уездный город Малмыжского уезда [18].

Императорским Указом от 28.06.1802 г. в составе Российской империи утверждены 12 губерний: Вятская, Новгородская, Псковская, Калужская, Курская, Киевская, Смоленская, Владимирская, Минская, Ярославская, Костромская, Тульская [19]. Вятская губерния граничила на севере с Вологодской губернией, на юге и юго-востоке – с Казанской и Уфимской губерниями, на западе и юго-западе – с Костромской и Нижегородской, на востоке – с Пермской губернией.

В результате в Вятской губернии числились 11 уездов: Вятский, Глазовский, Елабужский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский [20]. Данный уездный состав Вятской губернии был неизменным вплоть до 1918 г., хотя волостное её деление периодически пересматривалось.

Согласно введенному 19.02.1866 г. «Положению о волостном общественном управлении» [21] с 1.10.1866 г. впервые «с целью обеспечения в интересах крестьян общественного самостоятельного управления» и «необходимости устройства гражданского и общественного быта крестьян» образовывались «волостные общества из лиц, живущих на определенной земской территории (от 200 душ), соединенных в одно целое и пользующихся взаимными, законом установленными, правами и обязанностями» [21].

Волостное деление губерний было проведено повсеместно по всей территории страны. Так, к

1873 г. Вятская губерния представляла собой общую площадь 126 052 кв. версты, административно-территориальный состав включал 11 уездов, 43 стана, 304 волости [22]. С ростом населения волости разукрупнялись, так, к 1890 г. в состав Вятской губернии входили 11 уездов, 306 волостей с общим числом селений 7600 576 [23]. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) одной из самых обширных территорий европейской части Российского государства являлась Вятская губерния: территория – 135,0 тыс. кв. верст, 11 уездов, 12 уездных городов (в том числе один заштатный – Царевосанчурск), 331 волость [24].

Административно-территориальные преобразования Вятской губернии до начала XIX в. были значительными, как и по всей России, однако с 1817 до 1918 г. её уездный состав (11 уездов) оставался неизменным: Вятский, Глазовский, Елабужский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский, в то время как волостное деление уездов за этот период претерпело значительные изменения [25].

Советское государство получило в наследство от Российской империи административно-территориальное устройство, которое просуществовало практически без изменения около 150 лет: из созданных Екатериной II 50 губерний в 1775 г. 42 сохранились до октября 1917 г. [26] Это были в основном губернии Европейской части России (например, Владимирская, Воронежская, Вятская и т. д.) и некоторые губернии и области Азиатской части (Енисейская в форме Красноярского края, Иркутская, Якутская область в форме АССР, Дагестанская область в форме АССР, Забайкальская, Амурская область). К 1917 г. неизменным на протяжении столетия оставался и уездный состав Вятской губернии, в него входили 11 уездов: Вятский, Глазовский, Елабужский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский; в то время как волостное деление уездов за этот период претерпело значительные изменения [27].

Реформирование старого административно-территориального устройства началось уже в первые годы советской власти, так как административно-территориальное деление страны служило территориальной основой для формирования местных советов в городах, уездах, губерниях. В связи с этим 24.12.1917 г. Народный комиссариат внутренних дел в своем обращении «Об организации местного самоуправления» подчеркивал необходимость «перемещения административных центров в промышленные города, советы которых более крупны, более деятельны и влиятельны» [28].

С этой целью 27.01.1918 г. был принят декрет Совнаркома РСФСР от «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» [29], которым вопросы об изменении границ губерний, уездов и волостей были всецело возложены на местные советы. Передача части одной губернии (области) другой производилась смешанными комиссиями заинтересованных губернских советов или их съездов с последующим извещением центральных органов власти. Такой же порядок соблюдался и при изменении границ одного уезда за счет другого или одной волости за счет другой. Области, губернии, уезды и волости могли разделяться на части, образуя новые административные или экономические единицы.

Согласно ст. 49 (пункт «е») Конституции РСФСР [30] от 10.07.1918 г. исключительно к «введению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат вопросы административного разделения территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и утверждение областных объединений» губернии в основном частично меняли свои границы, создавались новые волости, переименовывались существовавшие, переносились центры волостей из одного населенного пункта в другой, изменялись границы уездов.

Этот период отличался также неустойчивостью административного деления и внутри Вятской губернии и изменения её внешних границ. На основании постановления коллегии НКВД от 29.03.1919 г. [31] предписывалось создавать на местах губернские и уездные административные комиссии по решению вопросов административно-территориального деления «с учетом интересов населения, удобства управления, наличия финансовой возможности с целью создания экономически оправданной сети административно-территориальных единиц». Этим же постановлением Елабужский уезд Вятской губернии был передан в состав Казанской губернии (вскоре Декретом ВЦИК от 18.06.1920 г. [32] вновь введен в состав Вятской губернии вместе с Краснококшайским уездом).

Однако стихийность административно-территориальных изменений повсеместно привела к значительному, не всегда оправданному росту количества административно-территориальных единиц и особенно волостей, некоторые из них вскоре ликвидировались. Так, в Вятской губернии с 1918 по 1920 гг. число волостей возросло до 386.

Во изменение Декрета от 27.01.1918 г. и сложившейся административно-территориальной практики Декрет СНК РСФСР от 15.07.1919 г. «О порядке разрешения вопросов об изменении границ губерний, уездов и волостей» [33] изме-

нял порядок административно-территориальных преобразований. По представлению местных советов вопросы об изменении границ губерний, уездов и волостей утверждались НКВД по представлению губернских советов депутатов. Местным советам предписывалось «при изменении границ волостей обращать особенное внимание на сокращение излишнего числа волостей, путем слияния мелких волостей в одну волость, принимая среднее население волости в 10 000 человек».

В Вятской губернии, как и по всей стране, начался процесс активных административно-территориальных преобразований. Постановлением НКВД от 29.03.1919 г. [34] в состав Казанской губернии передан Елабужский уезд, а декретом ВЦИК от 18.06.1920 г. [35] вновь введен в состав Вятской губернии вместе с Краснококшайским уездом. Постановлением НКВД от 19.09.1919 г. [36] было утверждено переименование слободы Кукарки Яранского уезда в г. Советск и образование Советского уезда [37] в составе волостей Васильковская Котельничского уезда, Рождественская Уржумского уезда, Ильинская Яранского уезда и вновь образованных Жерновогорская, Колянурская, Кукарская, Петропавловская, Троицкая.

Значительные административно-территориальные преобразования Вятской губернии были произведены декретами ВЦИК и СНК от 27.05.1920 г. [38] и 25.11.1920 г. [39]. В состав Татарской Республики переданы часть Малмыжского, Елабужского и Сарапульского уездов; Марийской АО – Краснококшайский уезд и часть Уржумского и Яранского уездов; в состав Вотской АО – Глазовский, часть Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов, Пермской губернии – часть территории Сарапульского уезда. Декретом ВЦИК от 5.01.1921 г. [40] был образован также Омутнинский уезд в составе 10 волостей бывшего Глазовского уезда и 5 волостей Слободского уезда.

В 1921 г. проведен ряд уточнений внешних границ Вятской губернии: декретами ВЦИК от 30.09.1921 г. [41] – с Вотской автономной областью; от 1.10.1921 г. [42] – с Татарской Республикой; от 1.10.1921 г. [43] – с Марийской автономной областью соответственно.

Активная повсеместная деятельность местных советов в административно-территориальном преустройстве вызвала необходимость принятия специального Постановления от 9.05.1923 г. «О воспрещении изменения административно-территориальных границ автономных республик, областей, губерний, уездов и волостей и образования новых административных единиц и переименования населенных пунктов без разрешения Президиума ВЦИК» [44].

В 1923 г. в стране прошел ряд переименований городов и уездов. Так, Декретом ВЦИК от

10.09.1923 г. [45] был переименован г. Орлов и Орловский уезд в г. Халтурин и Халтуринский уезд, а Декретом ВЦИК от 15.10.1923 г. [46] – г. Царевосанчурск в г. Санчурск. Всего в 1923 г. в Вятской губернии числилось 10 уездов (Вятский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Омутнинский, Орловский, Слободской, Советский, Уржумский, Яранский) с 247 волостями.

В соответствии с Постановлением президиума ВЦИК от 19.05.1924 г. [47] ликвидирован Советский уезд с последующей передачей его территории в состав Яранского уезда, проведено укрупнение волостей Вятской губернии: в 9 уездах (Вятский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Омутнинский, Орловский, Слободской, Уржумский, Яранский) образовано 84 волости.

Постановлением ВЦИК от 9.01.1928 г. [48] ликвидирован Уржумский уезд с последующей передачей частей его территории Нолинскому и Малмыжскому уездам. Таким образом, в 1929 г. Вятская губерния уже состояла из 8 уездов: Вятского, Котельничского, Малмыжского, Нолинского, Омутнинского, Слободского, Халтуринского, Яранского.

С 1929 по 1932 г. в рамках плана экономического районирования поэтапно проводилось преобразование губернской системы административно-территориального деления страны. Вместо губерний, уездов и волостей вводились новые административно-территориальные единицы – области, края, округа, районы, сельсоветы. Постановлением президиума ВЦИК от 14.01.1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» было предписано образовать с 1.10.1929 г. административно-территориальные объединения краевого и областного значения с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное: Нижегородскую область с центром в городе Нижнем Новгороде в составе Нижегородской и Вятской губерний, Муромского уезда, Владимирской губернии и автономных областей Марийской и Вотской.

В соответствии с постановлением ВЦИК от 3.06.1929 г. [49] часть территории Халтуринского уезда была включена в состав Северного края, а затем упразднена постановлением ЦИК и СНК СССР от 23.07.1930 г. [50]. Постановлением президиума ВЦИК от 20.01.1932 г. [51] ликвидировались с июля 1931 г. Кичминский, Макарьевский, Свечинский, Тужинский и Шурминский районы.

Ликвидация округов сделала возможным укрупнение районов. Переход от трехуровневой системы административно-территориального деления страны (республика (края) – округ – район) к двухуровневой системе (республика (края) – район)

обеспечил наибольшую оперативность в управлении страной. После завершения экономического районирования на 1.01.1930 г. административно-территориальное устройство страны включало 13 краев (областей), 226 округов, 3012 районов. После ликвидации округов (кроме национальных) и разукрупнения краев и областей к 15.07.1934 г. в стране насчитывалось 26 краев и областей, 15 внутрикраевых областей, 11 округов и 2443 района [52].

Таким образом, уточнение внешних границ Вятской губернии проводилось достаточно длительный период: декретом ВЦИК от 15.12.1924 г. [53] – с Вотской автономной областью; декретом 17.05.1926 г. [54] – с Татарской Республикой; декретами от 2.06.1924 г. [55] и 28.08.1924 г. [56], 6.06.1925 г. (во изменение Декрета ВЦИК от 28.08.1924 г.) [57] и постановлением ВЦИК от 1.06.1932 г. – с Марийской автономной областью.

Постановлением ЦИК СССР 5.12.1934 г. [58] город Вятка был переименован в город Киров, а Вятский район – в Кировский. Постановлением ВЦИК от 7.12.1934 г. [59] выделен из состава Горьковского края и образован Кировский край, в который вошли 37 районов бывшей Вятской губернии, Воткинский и Сарапульский районы Свердловской области, а также Удмуртская (до 1.01.1932 г. Вотская) автономная область в составе 17 районов. В результате территории края увеличилась до 144,3 тыс. кв. км [60].

Вторая советская реформа (1930–1939 гг.) административно-территориального деления преследовала цель разукрупнения огромных по своей территории и трудно управляемых округов, краев и областей. Так, Президиум ВЦИК постановлением от 23.01.1935 г. [61] утвердил новый административно-территориальный состав Кировского края в количестве 81 района: Арбажский, Белохолуницкий, Бельский, Бисеровский, Богородский, Верховинский, Верхолижемский, Вожгалльский, Воткинский, Вятскополянский, Даровской, Зуевский, Зюздинский, Кайский, Каракулинский, Кикнурский, Кильмезский, Кировский, Кичминский, Киясовский, Котельничский, Куменский, Кырчанский, Лебяжский, Макарьевский, Малмыжский, Мурашинский, Нагорский, Немский, Нолинский, Омутнинский, Оричевский, Пижанский, Поломский, Просницкий, Салобелякский, Санчурский, Сарапульский, Свечинский, Слободской, Советский, Сунский, Татауровский, Тужинский, Утинский, Уржумский, Фаленский, Халтуринский, Черновской, Шабалинский, Шарангский, Шестаковский, Шурминский, Яранский (54 района) и 27 районов Удмуртской АССР.

В соответствии с Конституцией СССР от 5.12.1936 г. [62] Кировский край был преобразован в Кировскую область и на основании постановления ВЦИК от 22.10.1937 г. [63] из состава

Кировской области в состав Удмуртской АССР были переданы Вотский, Каракулинский, Киясовский, Сарапульский районы. Территория края уменьшилась до 112,0 тыс. кв. км [64].

В первой половине 40-х гг. территория Кировской области «прирастала» новыми территориями: в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.01.1941 г. [65] и 22.03.1941 г. [66] к Кировской области присоединили Опаринский, Лальский и Подосиновский районы Архангельской области. Территория Кировской области составила 121,4 тыс. кв. км [67]. На основании Указов от 13.01.1941 [68] образован Медянский район, от 11.02.1944 г. [69] – Мухинский район, от 5.02.1945 г. [70] – Буйский, Корляковский, Новотроицкий, Порезский и Рожкинский районы соответственно.

Во второй половине 1950-х гг. с целью укрупнения районов области Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.09.1955 [71] были упразднены районы: Бисеровский, Буйский, Корляковский, Кырчанский, Мухинский, Новотроицкий, Поломский, Порезский, Рожкинский, Шестаковский; от 4.07.1956 г. [72] – районы: Бельский, Вожгалльский, Кичминский, Макарьевский, Салобелякский, Татауровский; от 2.02.1957 г. – в городе Кирове упразднен Ждановский район с передачей территории в состав Молотовского и Сталинского районов и их переименованием в Ленинский и в Октябрьский соответственно [73]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.09.1958 г. [74] упразднены Медянский и Черновской районы.

Также в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.11.1959 [75] в области были ликвидированы районы: Богородский, Кикнурский, Лебяжский, Немский, Опаринский, Пижанский, Просницкий, Свечинский, Сунский, Утинский, Тужинский, Шурминский.

Последнее изменение внешней границы Кировской области произведено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6.01.1960 г. [76], согласно ему Шарангский район передан в Горьковскую область. В результате территории Кировской области составила 120,8 тыс. кв. км [77], с этого момента и по настоящее время остается неизменной.

В последующем изменения касались лишь внутреннего административно-территориального устройства области. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1.02.1963 г. [78] в Кировской области из существовавших 28 районов образовано 18 районов: Афанасьевский, Белохолуницкий, Зуевский, Котельнический, Куменский, Лузский, Малмыжский, Мурашинский, Нагорский, Нолинский, Омутнинский, Оричевский, Советский, Уржумский, Фаленский, Халтуринский, Шабалинский, Яранский

и два промышленных района (Кирсинский и Мурашинский).

Во второй половине 1960-х гг. административно-территориальное устройство Кировской области характеризуется процессом образования новых районов. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 4.03.1964 г. [79] образованы Даровской и Санчурский районы; от 12.01.1965 г. [80] – Верхнекамский, Вятскополянский, Кильмезский, Кирово-Чепецкий, Подосиновский, Слободской, Утинский, Юрьянский; от 19.04.1965 г. [81] – Арбажский, Богородский, Кикнурский, Лебяжский, Свечинский; от 30.12.1966 г. [82] – Верхолжемский, Немский, Опаринский, Пижанский, Тужинский; от 14.02.1968 г. [83] – Сунский районы соответственно.

Система административно-территориального устройства государства постоянно совершенствовалась в соответствии с текущими задачами экономической и политической интеграции. Централизмом советского периода была обусловлена высокоунифицированная внутрирегиональная административно-территориальная система, ограничивающая сферу применения национально-территориального принципа административного деления с учетом местной специфики региона. [84]

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что частные реформы административно-территориального деления страны в советский период развития свидетельствовали о доминировании интересов Центра, а наблюдавшаяся с начала 1960-х и до начала 1990-х гг. «консервация» территориальной структуры является признаком повышения значимости роли регионов [85], в результате практически на протяжении 30 лет административно-территориальное деление страны оставалось достаточно стабильным.

Примером тому является Кировская область (с июля 1968 г. и по настоящее время в её состав входит 39 районов). Таким образом, внешние границы области и границы районов уже более 40 лет остаются неизменными, хотя внутрирайонные административно-территориальные преобразования не прекращались. Так, за период с 1970 по 2008 г. количество сельских округов (бывших сельсоветов) сократилось с 537 до 382 соответственно [86].

Административно-территориальное устройство области по состоянию на 1.01.2008 г.: 39 муниципальных районов, 5 городов областного значения: Киров, Кирово-Чепецк, Вятские Поляны, Котельнич, Слободской, 13 городов районного значения, 42 поселка городского типа, 382 сельских округа [87]; и по настоящее время проводятся активные преобразования в составе сельских округов в связи с проведением муниципальной реформы повсеместно на всей территории Российской Федерации.

Опыт истории России в XX в. показал, что областное административно-территориальное деление в целом достаточно устойчиво в своих границах, что подтверждает территориальную стабильность исторически сложившихся российских земель и компактных мест проживания местных сообществ. Однако на всех этапах исторического развития российской государственности административно-территориальное устройство как чуткий барометр социально-экономических процессов реагировало на проведение новых территориальных изменений. И сегодня, намечая очередные административно-территориальные реформы, следует особо осторожно подходить к вопросам территориальных преобразований российских регионов, учитывая не только экономически обоснованные интересы как Российской Федерации, так и её субъектов, но в первую очередь интересы населения соответствующих территорий.

Примечания

1. Эммаусский А. В. Вятская земля в период образования русского государства. Киров: Обл. гос. изд-во, 1949. С. 3.
2. Губерния, по определению А. Д. Градовского, – это высшая из местных административных единиц, пространство земли, в пределах которого действуют власти, непосредственно подчиненные центральному правительству. См.: Энциклопедический словарь. Т. IXа / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1803. С. 840.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. IV: СПб., 1830. Ст. 2218.
4. ПСЗ. Т. IV: СПб., 1830. Ст. 2218.
5. Уезд – административно-территориальная единица Русского государства с XVIII в.; формировалась на основе совокупности волостей, тяготеющих к определенному городу – См.: Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. Изд. 5-е, доп. и перераб. М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2006. С. 882.
6. ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 2305.
7. Доля – деление территории России, определялась количеством числившихся в ней дворов по сравнению с общим количеством дворов в России (доля состояла из 5536 дворов). См.: Энциклопедический словарь. Т. Ха / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. С. 936–937.
8. ПСЗ. Т. V: СПб., 1830. Ст. 3380.
9. Впервые деление России на провинции введено указом от 27 октября 1699 г. «О расписании городов по торговым делам на провинции» «для большего упорядочения и обеспечения денежных сборов». Этим актом были наделены статусом провинциальных городов Новгород, Псков, Астрахань. ПСЗ. Т. III. СПб., 1830. Ст. 1706; Провинция как административно-территориальная единица в России применяется в 1719–1775 гг. Отдельные провинции появились в 1711–1712 гг., повсеместно созданы в 1719 г. (45 провинций). См.: Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Указ. соч. С. 707.
10. ПСЗ. Т. VII. СПб., 1830. Ст. 4916.
11. ПСЗ. Т. VII. СПб., 1830. Ст. 5065.
12. ПСЗ. Т. XX. СПб., 1830. Ст. 14392.

13. ПСЗ. Т. XX. СПб., 1830. Ст. 15058.
14. ПСЗ. Т. XX. СПб., 1830. Ст. 14392.
15. 200 лет Вятской губернии: стат. сб. Киров, 1996. С. 26.
16. ПСЗ. Т. XXIV. СПб., 1830. Ст. 17634.
17. Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 270.
18. ПСЗ. Т. XXVII. СПб., 1830. Ст. 20245.
19. ПСЗ. Т. XXVII. СПб., 1830. Ст. 20302.
20. Вятский губернский статистический комитет, гор. Вятка (1835–1917 гг.). Ф. 574. Оп. 2 Д. 417.
21. ПСЗ. Т. VII. СПб., 1830. Ст. 43034.
22. Вятская губерния. Список населенных мест 1859–1873 г. СПб.: Изд. центр. стат. к-та Мин. внутр. дел, 1876. С. 41–49; Памятная книжка Вятской губернии на 1873 г. Вятка, 1873. Отд. IV. С. 3.
23. Волости: Важнейшие селения Европейской части губерний Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 4–23; Россия. Волости и гмины 1890 года. СПб.: Изд. центр. стат. к-та Мин. внутр. дел, 1890. С. 1–15.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд. центр. стат. к-та Мин-ва внутр. дел, 1904. С. 1; Памятная книжка Вятской губернии / под ред. Н. Спасского. Вятка, 1911. С. 49.
25. Девятая ревизия жителей в России в 1851 г. СПб., 1957. С. 37; Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1839–1873 годов. СПб., 1876. С. 1; Волости: Важнейшие селения Европейской части губерний Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 4–23; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1896. Разд. X. С. 1; Памятная книжка Вятской губернии / под ред. Н. Спасского. Вятка, 1911. С. 49; Статистический ежегодник России 1913. СПб., 1914. С. 3; Российский календарь на 1917 г. СПб., 1916. С. 85; и др.
26. Златопольский Д. А. Государственное устройство СССР. М.: Госюриздан, 1960. С. 274.
27. Памятная книжка Вятской губернии на 1937 г. Вятка, 1873. С. 4; Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1839–1873 годов. СПб., 1876. С. 1; Волости: Важнейшие селения Европейской части губерний Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885. С. 4–23; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1896. Разд. X. С. 1; Памятная книжка Вятской губернии / под ред. Н. Спасского. Вятка, 1911. С. 49.
28. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР (далее – СУ. 1917. № 12. Ст. 179.
29. СУ. 1918. № 21. Ст. 318.
30. СУ. 1918. № 51. Ст. 582.
31. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 110. Л. 58.
32. СУ. 1920. № 71. Ст. 328.
33. СУ. 1919. № 36. Ст. 356.
34. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 110. Л. 58 об.
35. СУ. 1920. № 71. Ст. 328.
36. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 117. Л. 47.
37. Ф. Р-2895. Оп. 1. Д. 5. Л. 23–23.
38. СУ. 1920. № 52. Ст. 225.
39. СУ. 1920. № 92. Ст. 489; ф. Р-875. Оп. 1. Д. 72. А. 642–643, 646.
40. СУ. 1921. № 3. Ст. 22.
41. СУ. 1921. № 67. Ст. 519.
42. СУ. 1921. № 67. Ст. 520.
43. СУ. 1921. № 67. Ст. 520.
44. СУ. 1923. № 41. Ст. 448.
45. СУ. 1923. № 75. Ст. 734.
46. СУ. 1923. № 79. Ст. 771.
47. СУ. 1924. № 48. Ст. 456; Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 105. А. 286–294.
48. СУ. 1928. № 20. Ст. 154.
49. СУ. 1929. № 41. Ст. 438.
50. СЗ. 1930. № 37. Ст. 400.
51. СУ. 1932. № 4. Ст. 69.
52. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15.07.1934 г. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1934. С. 12.
53. СУ. 1925. № 3. Ст. 19.
54. СУ. 1926. № 36. Ст. 233.
55. СУ. 1924. № 52. Ст. 503.
56. СУ. 1924. № 72. Ст. 710.
57. СУ. 1925. № 41. Ст. 293.
58. СЗ. 1935. № 1. Ст. 9.
59. СЗ. 1935. № 4. Ст. 38.
60. 200 лет Вятской губернии... С. 26.
61. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 59. А. 162, 164–169.
62. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
63. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 16. А. 53.
64. 200 лет Вятской губернии... С. 26.
65. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 569. А. 1.
66. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 567. А. 11.
67. 200 лет Вятской губернии... С. 26.
68. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 564. А. 3.
69. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 8. А. 37.
70. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 9. А. 5.
71. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 12. А. 42–43.
72. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 12. А. 138.
73. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 73. А. 2.
74. Ф. Р-2169. Оп. 28. Д. 984. А. 435–436.
75. Ф. Р-2169. Оп. 28. Д. 1300. А. 327–328.
76. Ф. Р-2169. Оп. 27. Д. 14. А. 66.
77. 200 лет Вятской губернии... С. 26.
78. Ф. Р-2169. Оп. 31. Д. 12. А. 42–43.
79. Ф. Р-2169. Оп. 32. Д. 217. А. 48.
80. Ф. Р-2169. Оп. 37. Д. 5. А. 6.
81. Ф. Р-2169. Оп. 37. Д. 5. А. 60.
82. Ф. Р-2169. Оп. 37. Д. 381. А. 201.
83. Ф. Р-2169. Оп. 42. Д. 5. А. 20.
84. Тихонов Д. А. Проблемы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 2. С. 18.
85. Иванов В. В. К вопросу о концепции территориального образования // Государство и право. 2003. № 11. С. 45.
86. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: ист.-стат. сб. Киров.: Киров. обл. комитет гос. статистики. «Триада-С», 2002. С. 14; Кировская область: АТУ на 15 июня 2008 г.: справочник / Правительство Кировской области. Ижевск: КнигоГрад, 2008. 368 с.
87. Кировская область: АТУ на 15 июня 2008 г.

УДК 343.81

C. B. Москвин

НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье обсуждаются проблемные вопросы нормативного обеспечения при размещении и содержании осужденных к пожизненному лишению свободы.

The article discusses the problematic issues of regulatory support for deployment and maintenance of convicts to life imprisonment.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, размещение осужденных, личность осужденного к пожизненному лишению свободы.

Keywords: life imprisonment, placement of prisoners, person sentenced to life imprisonment.

Присоединение Российской Федерации в 1996 г. к Уставу Совета Европы и в 1998 г. – к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных его свобод коренным образом актуализировало задачу приведения правовой системы России в соответствие с установленными стандартами Совета Европы. В связи с этим Россия взяла на себя обязательство о поэтапном сокращении применения смертной казни. Вместе с тем вопросы борьбы с преступностью и, в частности, с особо тяжкими ее проявлениями настоятельно диктуют необходимость применения к виновным самых строгих, а порой и радикальных мер уголовного воздействия, в качестве которых необходимо рассмотреть такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы [1].

Пожизненное лишение свободы в России предусмотрено в качестве самостоятельного вида наказания (п. «м» ст. 44) в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее УК РФ), который применяется за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности (ч. 1 ст. 57).

Анализ существующей практики назначения судами пожизненного лишения свободы позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое наказание в России применяется не так часто, хотя эта цифра с каждым годом растет. Так, в 2008 г. пожизненное лишение свободы было назначено 70 человекам, в 2009 г. пожизненный срок получил 71 человек, за первый квартал 2010 г. в стране такой приговор получили 49 человек, а это практически в пять с половиной раз больше,

чем за аналогичный период прошлого года [2]. В пяти колониях особого режима в России на конец 2010 г. содержалось 1755 осужденных к пожизненному лишению свободы, только за I квартал 2011 г. в данные учреждения поступили 16 осужденных данной категории [3].

Исследование осужденных отбывающих пожизненный срок в ФКУ ИК-18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу (далее ИК-18), проведенное автором в период с 2004 по 2011 г., показало, что в вышеуказанном исправительном учреждении за данный период содержались 250 осужденных к пожизненному лишению свободы, все они совершили убийства двух и более лиц, 72,4% из них были ранее судимы два и более раза (181), 27,6% получили пожизненный срок, будучи ранее не судимыми (69), 63,6% до осуждения совершали тяжкие и особо тяжкие преступления (159), 49,2% осуждены за убийство двух и более лиц с целью сокрытия других преступлений (123), 11,6% – за насильственные преступления сексуального характера и убийство несовершеннолетних (29), 13,6% – за совершение преступлений против общественной безопасности (34), 4,4% – за совершение серийных убийств (11) и 4% – за совершение заказных убийств (10).

5,2% от общего количества осужденных, отбывающих пожизненный срок в ИК-18, состоят на профилактическом учете как склонные к нападению на представителей администрации (13), 4,8% склонны к захвату заложников (12), 2% в совершенстве владеют различного рода боевыми искусствами и приемами рукопашного боя (5), 4,8% имеют различного рода психические отклонения, в том числе 2% из них имеют склонность к существенному причинению вреда своему здоровью (совершению суицида) и окружающим. Возрастной критерий осужденных, прибывших за последние 6 лет в ИК-18, показывает устойчивую тенденцию к омолаживанию данной категории осужденных: так, за последние 6 лет количество осужденных, возраст которых варьировался от 25 до 35 лет, увеличилось на 9,6% и составило 41,6% от общего количества пожизненно осужденных, также увеличение на 7% произошло у лиц, возраст которых превышал 45 лет, и составляло на момент исследования 17,2%. Осужденные, возраст которых составлял от 35 до 45 лет, снизился за прошедшие 6 лет на 13,8%, также произошло снижение на 2,6% осужденных, возраст которых варьировался от 18 до 25 лет.

Анализ материалов специальной всероссийской переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, позволил нам получить обобщенную характеристику современного осужденного к пожизненному лишению свободы. Это мужчи-

на от 30 до 50 лет (74,2% от всех осужденных к ПЛС); гражданин России (96,2%); имеющий не- полное среднее или среднее образование (75,4%); до осуждения нигде не работавший (54,2%) или рабочий (30,5%); как правило, отбывающий первую (48,7%) судимость (вторую – 27,2%, третью – 12,8%). В 52,4% случаев изначально осужден к ПЛС, в 47,6% случаев первоначально был приговорен к смертной казни. 49,4% осужденных данной категории совершили преступление в одиночку. Из числа тех, кто совершил преступление в соучастии, 19,1% лиц являлись организаторами, 3,9% – исполнителями и 1% – пособниками. Большинство имеют фактически отбытый срок свыше 10 лет – 62,3% (11,9% – от 8 до 10 лет, 15,2% – от 5 до 8 лет). В 5,8% случаев осуждены за совершение преступления во время отбывания наказания. Администрацией характеризуются отрицательно (48,2%) или нейтрально (42,2%). Отбывают наказание в исправительной колонии особого режима (96,7%); в 68,6% случаев – на строгих условиях содержания (19,7% – на обычных; 9,9% – на облегченных условиях). Как правило, отбывают наказание в другом субъекте РФ, не по месту жительства и не по месту осуждения (91,1%) [4].

Таким образом, контингент осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, по меньшей мере крайне негативен по социально-психологическим и психиатрическим, криминологическим и уголовно-правовым признакам, что предполагает применение к такой категории осужденных самой строгой изоляции и самых жестких условий содержания, а также комплекса мер как режимного, так и медико-психологического и психиатрического характера с целью предупреждения с их стороны новых преступлений.

На современном этапе реформирования системы учреждений и органов, исполняющих наказания, предполагается разработка определенных теоретических и практических положений, важных для развития как уголовно-исполнительно-го законодательства в целом, так и отдельных его институтов в частности. Основу преобразований составляют дальнейшая гуманизация процессов исполнения наказаний, совершенствование правового регулирования, обеспечение законности и гласности в деятельности исправительных учреждений, доведение до соответствия международным стандартам содержания осужденных, изменение структуры уголовно-исполнительной системы, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказания в виде лишения свободы, отказ от коллективной формы содержания осужденных [5]. В рамках реализации задач реформирования учреждений УИС в

ближайшие годы первостепенному перепрофилированию подвергнутся федеральные казенные учреждения особого режима, в которых содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы. В связи с этим высокую актуальность принимают вопросы их размещения и содержания как в период перепрофилирования исправительных учреждений в тюрьмы, проводимого в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., так и при последующем их функционировании.

Правовую основу деятельности исправительных учреждений России для осужденных к пожизненному лишению свободы составляет Конституция РФ, которая является документом, закрепляющим общий правовой статус гражданина РФ, на котором строится специальный правовой статус осужденного, в том числе и осужденных к пожизненному лишению свободы. Основным источником второго уровня правового регулирования является Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

В ст. 82–102 гл. 12, 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) сформулированы общие для всех видов исправительных учреждений режимные требования, средства его обеспечения, условия отбывания наказания, которые носят общий характер. Только ст. 126, 127 Кодекса, регулирующие особенности порядка и условий отбывания лишения свободы в колониях особого режима для осужденных пожизненно, имеют адресный характер. Эти нормы поведения закреплены и конкретизированы в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений от 3 ноября 2005 г., утвержденных Министерством юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации (далее – ПВР). Именно в ПВР исправительных учреждений закреплен и конкретизирован механизм реализации основных прав осужденных. Раскрывая внутреннее содержание режима, ПВР устанавливают порядок приема и размещения осужденных, их материально-бытовое обеспечение и т. д.

Часть 1 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующя «размещение осужденных в камерах, как правило, не более чем по два человека», относит функцию покамерного размещения осужденных к компетенции администрации исправительного учреждения с учетом полученных рекомендаций психологов и работников службы безопасности, так как при размещении пожизненных осужденных необходимо исходить из их психологической совместимости, индивидуальных

особенностей их личностей, характера совершенных ими преступлений. Учитывая рекомендательный характер данной нормы (ч. 1 ст. 127 УИК) с учетом применения принципа безопасности администрации ИК-18 проводилось размещение вышеуказанной категорией осужденных более чем по 2 человекам. Данное размещение мотивировалось целесообразностью наличия в камере трех или четырех лиц, которые бы в случае возникновения конфликтной ситуации либо попытке совершения суицида смогли бы своевременно оповестить представителей администрации для принятия неотложных мер по пресечению противоправных действий других пожизненно осужденных. Между тем двойственность закрепленной в ч. 1 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации нормы размещения осужденных к пожизненному лишению свободы в камерах, а именно, наличие в фабуле статьи фразы «как правило», было расценено надзирающими органами прокуратуры как нарушение требований действующего уголовно-исполнительного законодательства и впоследствии повлекло переразмещение пожизненно осужденных по 2 человека.

По нашему мнению, ни УИК РФ, ни ПВР ИУ не дают полного и точного представления о том, каковы особенности исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Ввиду специфики, присущей данному виду наказания, в условиях реформирования пенитенциарных учреждений, в целях законодательного урегулирования указанных норм в соответствии с общепринятыми международными нормами права, считаем необходимым:

1. Изменить ч. 1 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции:

– Осужденные к пожизненному лишению свободы, отбывающие наказание в тюрьмах особого режима, размещаются в камерах не менее чем по два, но не более чем по четыре человека. При возникновении исключительных обстоятельств, не позволяющих произвести размещение осужденных в камерах не менее чем по два, но не более чем по четыре человека, а также при возникновении угрозы личной безопасности осужденных, по постановлению начальника

тюрьмы они могут содержаться в одиночных камерах.

2. В связи с предложенной нами редакцией ч. 1 ст. 127 УИК РФ и исключением из ее фабулы фразы «Труд указанных осужденных организуется с учетом требований содержания осужденных в камерах», ст. 23 гл. VI ПВР исправительных учреждений, с учетом реализации целей и задач, предусмотренных концепцией развития уголовно-исполнительской системы Российской Федерации до 2020 г., изложить в следующей редакции:

В установленное распорядком дня время осужденные, по отрядно, побригадно выстраиваются в отведенных местах для вывода на работу и съема с работы. При этом проверяется их внешний вид и производится обыск. Привлечение к труду осужденных к пожизненному лишению свободы, а также осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, категорически запрещается.

3. Пункт 154 гл. XXIII ПВР исправительных учреждений дополнить абзацем:

Осужденным к пожизненному лишению свободы, переведенным в одиночную камеру в связи с исключительными обстоятельствами, при условии, что данный перевод не является дисциплинарным взысканием, разрешается брать с собой имеющиеся у них личные вещи, средства личной гигиены, продукты питания и табачные изделия, а также религиозную и иную литературу, предметы культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения.

Примечания

1. См.: Желоков Н. В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

2. См.: Статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

3. См.: Статистика ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

4. См.: Исследование, проведенное группой сотрудников НИИ ФСИН России под руководством доктора юридических наук, профессора В. И. Селиверстова в 2009 г. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1718>

5. См.: Концепция развития уголовно-исполнительской системы Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://uin.tatar.ru/rus/info.php?id=203312>

Л. А. Коврижных

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

В статье затрагиваются вопросы несогласованности правовых норм действующего информационного законодательства в сфере осуществления информационных процессов.

Подробно анализируется содержание понятий обработки отдельных категорий информации, выявляются коллизии правовых предписаний в сфере регулирования общественных отношений по поводу обработки отдельных видов информации.

The article dwells on inconsistency of legal norms of current information legislation in the sphere of information processes.

We analyze in details the content of the definitions of certain categories of information processing, find out collisions in legal rules in the sphere of social relations regulation on the processing of certain types of information.

Ключевые слова: информационное законодательство, информация, информационные процессы, обработка информации, обработка персональных данных.

Keywords: information legislation, information, information processes, information processing, personal data processing.

Повсеместное использование современных информационных технологий, реализующих информационные процессы, переход от традиционных бумажных технологий к системе электронного документооборота послужили объективной причиной возникновения новых общественных отношений, нуждающихся в соответствующей правовой регламентации. Поэтому сегодня как в нашей стране, так и за рубежом идет активный процесс формирования и совершенствования информационного законодательства.

8 июля 2006 г. Государственной Думой принят Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), который является базовым законом действующего информационного законодательства. Согласно положениям ст. 18 Закона об информации были признаны утратившими силу Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» и Федеральный закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ

«Об участии в международном информационном обмене» [1].

Одной из целей принятия Закона об информации определено приведение понятийного аппарата в соответствие с практикой применения информационных технологий. Действительно, терминологический аппарат, ранее определяемый положениями Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации», претерпел существенные изменения.

Мы остановимся на одном из ключевых понятий информационного законодательства – понятии информационных процессов – и попытаемся проанализировать их виды и содержание.

Нормы ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации закрепляют право каждого искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Таким образом, Конституция Российской Федерации определяет пять информационных процессов: поиск, получение, передачу, производство и распространение информации.

Ранее действовавший Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» к информационным процессам относил «процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации» [2]. А положениями ст. 2 Федерального закона «Об участии в международном информационном обмене» информационные процессы определялись как «процессы создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления информации» [3].

Не будем подробно анализировать эти дефиниции. Отметим только, что содержание понятия «информационные процессы» в вышеупомянутых законах были определено неоднозначно и неоднократно подвергалось критике ученых. Так, С. Г. Чубукова и В. Д. Элькин указывали на необходимость упорядочивания информационных процессов [4]. В. Н. Лопатиным отмечалось отсутствие видимой системности «в перечислении основных действий» [5] в отношении информации.

К сожалению, с принятием нового Закона об информации ситуация не улучшилась. Понятийный аппарат, закрепленный нормами Закона об информации, вообще не содержит дефиниции «информационные процессы».

Одним из основных информационных процессов является обработка информации. Нормы действующего законодательства, к сожалению, не содержат общей дефиниции «обработка информации». Правовыми предписаниями определяются понятия «обработка» для отдельных видов информации в зависимости от ее содержания или обладателя.

Остановимся на определении обработки персональных данных, закрепленном в нормах Фе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове, проект № 09/11(5).

дерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) [6]. Указанный закон является специальным законом, регулирующим отношения, связанные с обработкой персональных данных. А затем проанализируем правовые нормы других отраслей права, регулирующие отношения в сфере обработки информации.

Целью принятия Закона о персональных данных заявлено обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина именно при обработке его персональных данных. Согласно нормам ст. 3 этого закона к персональным данным относится «любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация».

Положения ст. 3 Закона о персональных данных определяют содержание понятия «обработка персональных данных» как «действия (операции) с персональными данными, включая сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, распространение (в том числе передачу), обезличивание, блокирование, уничтожение персональных данных». Понятие обработки персональных данных является собирательным и включает в свой состав десять информационных процессов или действий с персональными данными. Блокирование персональных данных определяется законодателем – как «временное прекращение сбора, систематизации, накопления, использования, распространения персональных данных, в том числе их передачи». Уничтожение персональных данных как «действия, в результате которых невозможно восстановить содержание персональных данных в информационной системе персональных данных или в результате которых уничтожаются материальные носители персональных данных». К обезличиванию персональных данных относятся «действия, в результате которых невозможно определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных».

Как мы видим, законодатель в процесс распространения персональных данных включил процесс их передачи, хотя согласно нормам ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации процессы передачи и распространения информации являются самостоятельными информационными процессами.

Информация является объектом разнообразного спектра правоотношений, поэтому понятие обработки информации в зависимости от ее со-

держания или обладателя можно встретить в правовых нормах как публичного, так и гражданского права. При дальнейшем анализе понятия обработки информации различных видов в зависимости от ее содержания будем ориентироваться на определение обработки персональных данных, закрепленное в Законе о персональных данных, учитывая замечание в отношении распространения и передачи информации.

Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (далее – Стратегия). Стратегия представляет собой базовый документ по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности, поэтому нельзя оставить без внимания понятия, которые затрагивают информационные процессы, определяемые в Стратегии. Так, к средствам обеспечения национальной безопасности Стратегия относит «технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению» [7]. Сопоставляя понятия информационных процессов, изложенное в Стратегии, и обработки персональных данных, закрепленное в Законе о персональных данных, мы видим их несогласованность между собой. Так, Стратегия к обработке информации не относит процессы сбора и передачи информации, определяя их как самостоятельные информационные процессы.

Представляется дискуссионным вопрос об осуществлении такого информационного процесса, как формирование информации. С нашей точки зрения было бы правильно говорить о формировании информационных ресурсов, но не информации, что и находит свое соответствующее закрепление в нормах действующего законодательства, например, в предписаниях ст. 17 Федерального закона № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”» [8]. Информацию можно создавать (производить) или собирать, но не формировать. Стратегией определяется еще один новый информационный процесс – прием информации, который, на наш взгляд, подразумевает получение информации. Отметим, что нормами ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации закреплено право на получение информации. По нашему мнению, для того чтобы исключить различия, целесообразно один и тот же информа-

мационный процесс, т. е. одни и те же действия по поводу информации, определять однозначно.

Определение обработки персональных данных работника содержится в нормах ст. 85 Трудового кодекса РФ, согласно которым к обработке персональных данных работника относятся производимые работодателем операции (действия) с персональными данными работника – «получение, хранение, комбинирование, передача или любое другое их использование» [9]. Перечисляя конкретные осуществляемые действия с персональными данными работника, законодатель оставляет этот перечень открытым, установив, что к обработке персональных данных работника относится «любое другое их использование».

Сопоставляя понятия обработки персональных данных, закрепленное в Законе о персональных данных, и обработки персональных данных работника, содержащееся в Трудовом кодексе РФ, можно увидеть их несогласованность между собой. Так, Трудовой кодекс РФ к обработке персональных данных работника, в отличие от Закона о персональных данных, дополнительно относит процессы получения и комбинирования сведений. И, если по поводу получения информации вопросов не возникает, так как этот процесс закреплен конституционно, то процесс комбинирования информации является новым для действующего информационного законодательства. Представляется, что к комбинированию персональных данных работника следует относить определенное их сочетание, объединение сведений о работнике.

На наш взгляд, обработка персональных данных работника является частным случаем обработки персональных данных. Следовательно, содержание этого понятия должно логически вытекать из общего понятия обработки персональных данных, закрепленного в Законе о персональных данных.

Несогласованными между собой в этой сфере являются нормы Закона о персональных данных и таможенного законодательства, регулирующие отношения в сфере обработки информации. Так, предписания п. 2 ст. 162 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» сбор информации и обработку информации определяют как два отдельных информационных процесса, хотя в Законе о персональных данных обработка персональных данных включает и их сбор [10].

Сопоставив положения Закона о персональных данных и избирательного законодательства, регулирующие отношения в сфере реализации информационных процессов, можно увидеть их коллизию. Согласно предписаниям ст. 72 Федерального конституционного закона от 28 июня

2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» (далее – Закон о референдуме) при подготовке и проведении референдума, в том числе при регистрации (учете) избирателей, участников референдума, составлении списков участников референдума, установлении итогов голосования и определении результатов референдума, для оперативного получения, передачи и обработки информации используется только ГАС «Выборы» [11]. Например, в этой правовой норме процессы получения и передачи информации исключены законодателем из обработки информации, что противоречит предписаниям Закона о персональных данных.

Положениями ст. 4 Закона о референдуме закреплены основные принципы использования, эксплуатации и развития ГАС «Выборы», одним из которых является «соблюдение конституционных прав граждан при автоматизированной обработке информации о них». Выше было отмечено, что в ст. 72 Закона о референдуме законодатель не относит процессы получения и передачи информации к обработке информации, и, соответственно, отсюда вытекает вопрос о соблюдении конституционных прав и свобод граждан при получении и передаче информации в ГАС «Выборы». Как мы видим, коллизии правовых норм, регулирующих отношения по поводу осуществления информационных процессов, можно встретить даже в одном нормативном правовом акте.

Нормы налогового законодательства в пп. 4 п. 1 ст. 148 Налогового кодекса Российской Федерации (части второй) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 21 апреля 2011 г.) к услугам по обработке информации относят «услуги по осуществлению сбора и обобщению, систематизации информационных массивов и предоставлению в распоряжение пользователя результатов обработки этой информации» [12]. Этой правовой нормой в обработку информации включен новый информационный процесс – обобщение информационных массивов. При этом действующим законодательством не определяется содержание понятия «информационные массивы». Соответственно встает вопрос о том, что следует понимать под информационными массивами, т. е. что же необходимо обобщать и систематизировать. Как нам представляется, к информационным массивам следует относить базы данных. Согласно положениям п. 2 ст. 1260 IV части Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ база данных – это «представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли

быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)» [13]. Обобщение баз данных – это их объединение по определенным признакам или критериям в одну базу данных. Сопоставляя понятие обработки информации, закрепленное в налоговом законодательстве, и понятие обработки персональных данных, мы видим, что они между собой также не согласованы. Информационные процессы, относящиеся к обработке информации, определяемые нормами налогового законодательства, не соответствуют информационным процессам, включенным в обработку персональных данных.

Законодательство в сфере безопасности в п. 1.1 ст. 28 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» относит к полномочиям Федеральной службы безопасности «добытие и обработку информации об угрозах безопасности Российской Федерации в интересах защиты и охраны Государственной границы» [14]. Законодатель здесь вводит еще один новый информационный процесс – «добытие» информации, который не входит в обработку информации и этой правовой нормой определен как самостоятельный. Представляется, что под «добытием» информации следует понимать ее сбор. На наш взгляд, следуя логике Закона о персональных данных, необходимо включить процесс сбора информации об угрозах безопасности Российской Федерации в интересах защиты и охраны Государственной границы в процесс обработки этой категории информации.

Положения законодательства о государственном и муниципальном управлении в пп. 7 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 6 апреля 2011 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» к обязанностям многофункционального центра относят осуществление приема и обработки информации «из информационных систем органов, предоставляющих государственные услуги, и органов, предоставляющих муниципальные услуги» [15]. Анализируя эту правовую норму, мы видим, что законодатель вводит процесс «приема» информации, который определяет отдельным информационным процессом, не входящим в обработку информации из информационных систем органов, предоставляющих государственные услуги, и органов, предоставляющих муниципальные услуги. Как уже указывалось выше, под приемом информации предлагается понимать получение информации. Конституционно закреплено право на получение информации, а не на ее прием. По нашему мнению, чтобы исключить разнотечения в правовых нормах, целесообразно определять одни и те же действия по отношению к информации однозначно.

Нормы законодательства о космической деятельности в п. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» не включают в процесс обработки информации ее хранение, определяя хранение информации самостоятельным информационным процессом, что также противоречит положениям Закона о персональных данных [16].

Как мы видим, нормами действующего законодательства содержание понятия «обработка» различных категорий информации определяется неоднозначно, отсутствует системность, внутренняя связь правовых предписаний. Качество правовых норм, регулирующих отношения в сфере реализации информационных процессов, далеко от совершенства.

В качестве резюме хотелось бы отметить, что для исключения коллизий правовых норм в сфере осуществления информационных процессов целесообразно определить содержание понятия «обработка информации» в базовом законе информационного законодательства – Законе об информации, а правовые нормы, регулирующие отношения в сфере обработки различных категорий информации, согласовать с этим общим понятием.

Примечания

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.
2. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10 января 2003 г.) «Об информации, информатизации и защите информации» // Российская газета. 1995. 22 февр.
3. Федеральный закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ (ред. от 29 июня 2004г.) «Об участии в международном информационном обмене» // Российская газета. 1996. 11 июля.
4. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учеб. пособие / под. ред М. М. Расолова. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2004. С. 52–53.
5. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство / С.-Петербург. уч-т МВД России. СПб.: Фонд «Ун-т», 2000. С. 33–34.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 23 декабря 2010 г.) «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 29 июля.
7. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.
8. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ (ред. от 8 мая 2010 г.) «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”» // Российская газета. 2003. 15 янв.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.
10. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Россий-

ской Федерации» // Российская газета. 2010. 29 ноября.

11. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 24 апреля 2008 г.) «О референдуме Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 30 июня.

12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 21 апреля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 2000. 7 авг. № 32. Ст. 3340.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 4 октября 2010 г.) // Российская газета. 2006. 22 дек.

14. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (ред. от 21 апреля 2011 г.) «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая.

15. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 6 апреля 2011 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. 30 июля.

16. Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 (ред. от 30 декабря 2008 г.) «О космической деятельности» // Российская газета. 1993. 6 окт.

УДК 343.8

Э. Р. Касимова

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Признание женской пенитенциарной насилиственной преступности в качестве реально существующего социально опасного явления современной действительности должно способствовать разностороннему изучению этой проблемы и поиску наиболее эффективных путей борьбы с ним. Указанное обстоятельство порождает необходимость проведения в каждом исправительном учреждении целого комплекса взаимосвязанных предупредительных и профилактических мероприятий, направленных на обеспечение правопорядка и реализацию целей уголовно-исполнительного законодательства. В статье определяются правовые основы предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, называются основные объекты и субъекты предупредительной деятельности. Меры, направленные на предупреждение женской насилиственной преступности в местах лишения свободы, объединены в три группы: 1) меры предупреждения общесоциального характера; 2) специально-криминологические меры; 3) индивидуальные меры предупреждения. Каждая группа содержит общую характеристику мер, входящих в её состав.

Recognition of women's violent penitentiary crime as a dangerous contemporary social phenomenon should promote an all-encompassing study of, and search for more effective solutions to this problem. This problem begets the need to institute in every correctional facility

an array of interrelated preventive measures oriented toward maintaining law and order and meeting the goals of legislation related to the correction system. This article specifies the legal basis for crime prevention in correctional institutions, the primary agents of, and the primary subjects of preventive measures. Steps geared toward the prevention of violent crime by women in areas of confinement can be broken down into three groups: 1) preventive measures of the general social character; 2) criminological measures; 3) individual preventive measures. Each group includes general characterization of the measures it contains.

Ключевые слова: Женская пенитенциарная насилиственная преступность, пенитенциарное предупреждение преступлений, субъект предупреждения преступлений, объект профилактического воздействия, общесоциальные меры предупреждения, специально-криминологические меры, индивидуальные меры предупреждения, правовые основы деятельности, исправительное учреждение, эффективность предупредительной деятельности.

Keywords: women's violent penitentiary crimes, penitentiary crime prevention, crime prevention, subject(s) of preventive measures, preventive measures of the general social character; criminological measures; individual preventive measures, legal basis of activity, correctional institutions, efficacy of preventive measures.

Пенитенциарные преступления, совершенные женщинами в исправительных учреждениях, не только оказывают негативное влияние на достижение таких целей уголовного наказания, как исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений ими, так и иными лицами, подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы России (УИС РФ), но и дестабилизируют оперативную обстановку и состояние правопорядка в исправительных колониях.

В связи с этим у работников уголовно-исполнительной системы объективно существует потребность в специальных методиках, на основе которых выявляются психологические и характерологические особенности осужденных. Знание же личности осужденной позволяет определить наиболее эффективные меры воспитательного воздействия, а также прогнозировать поведение лица в различных жизненных ситуациях. Исправление может быть результативным только при условии дифференцированного воздействия на различные категории осужденных, с учетом особенностей каждого конкретного исправительного учреждения и специфики совершаемых там пенитенциарных преступлений.

Социальная микросреда мест лишения свободы обладает ярко выраженной отрицательной направленностью, объясняемой одновременным нахождением на ограниченной территории сразу сотни криминально активных лиц, имеющих, как правило, устойчивую противоправную мотивацию. Эти обстоятельства не могут не воздействовать на личность и ее поведение. Вместе с тем прежние социальные связи, которые были у осужденной до помещения в исправительное уч-

реждение, зачастую утрачивают свое значение. Сложности в адаптации к новым условиям существования, с которыми сталкиваются женщины, лишенные свободы в первые месяцы, нередко становятся причинами конфликтов, заканчивающихся совершением преступлений, прежде всего насилиственных.

Указанное обстоятельство порождает необходимость проведения в каждом исправительном учреждении целого комплекса взаимосвязанных предупредительных и профилактических мероприятий, направленных на обеспечение правопорядка и реализацию целей уголовно-исполнительного законодательства.

Процесс пенитенциарной профилактики и предупреждения насилиственных преступлений базируется на принципе соединения наказания с исправительным воздействием (ст. 84 УИК РФ), а правовую основу этой деятельности составляют нормы уголовного и уголовно-исполнительного права. Так, УИК РФ дает понятие режима исправительного учреждения (ст. 82), определяет условия и порядок применения к осужденным мер поощрения и взыскания (ст. 113, 115), определяет задачи оперативных подразделений исправительного учреждения. Правовое положение последних и роль в предупредительной деятельности регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2010 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

Нормы Уголовного кодекса РФ регламентируют вопросы квалификации: а) общеуголовных преступлений, которые могут быть совершены в исправительных учреждениях, т. е. весь спектр уголовно наказуемых деяний; б) специфических (пенитенциарных) преступлений, которые могут совершаться только осужденными в исправительных учреждениях (деяния, предусмотренные ст. 313, 314, 321 УК РФ).

Кроме того, существует мнение, что правовую основу пенитенциарного предупреждения преступлений могут составить также нормы уголовно-процессуального права, например в части, касающейся защиты свидетелей из числа осужденных. Указанные выше отрасли права выступают в качестве базовых при решении проблем предупреждения пенитенциарных преступлений.

Немаловажное значение имеет вопрос об объектах и субъектах предупреждения преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Объектом указанной деятельности являются негативные связи материальных и духовных процессов и явлений, происходящих в исправительных учреждениях. Эти явления и процессы могут быть экономического, политического, идеологического, социально-психологического и иного порядка, находящиеся в прямой или косвенной

зависимости с преступностью, например: а) внешние факторы, определяемые средой, в которой может развиваться преступная деятельность (характер межличностных связей, социально-ролевые особенности лиц, склонных к противоправному поведению и др.); б) проявления отклоняющегося поведения (объектом профилактики должно быть любое правонарушение, акт неповиновения и даже нестандартного поведения, поскольку они представляют собой обстоятельства, непосредственно продуцирующие криминальную активность осужденных); в) психологические особенности, ценностные ориентации, мотивация осужденных, их способности и установки.

Современная уголовно-исполнительная доктрина признает в качестве объекта воздействия прежде всего лицо, совершившее преступление, как непосредственного носителя общественных отношений и связей.

Необходимым элементом системы являются субъекты пенитенциарной предупредительной деятельности. К ним относятся все структурные подразделения уголовно-исполнительной системы и иные органы, своей деятельностью влияющие на предупреждение преступности. Классификация этих субъектов может быть осуществлена по различным основаниям. Наиболее распространенной в юридической литературе является выделение трех групп. Первая – неспециализированные субъекты (хозяйствующие структуры и органы, осуществляющие трудоустройство, пенсионное обеспечение осужденных, а также участвующие в различных областях жизнедеятельности исправительного учреждения общественные объединения, правозащитные, религиозные, благотворительные организации).

Ко второй группе относятся частично специализированные субъекты – это, как правило, структурные подразделения исправительных учреждений, которые в рамках своих основных задач имеют системно выделенную функцию профилактики преступлений (отделы по воспитательной работе с осужденными, профилактическая функция которых состоит главным образом в проведении индивидуально-воспитательной работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете; психологическая служба исправительного учреждения, осуществляющая психодиагностическое обследование осужденных, постановку отдельных из них на профилактический учет и распределение по отрядам, перевод из одного отряда в другой, углубленное изучение лиц, составляющих группу риска; медицинские отделы исправительных учреждений, осуществляющие осмотр осужденных на предмет обнаружения телесных повреждений, иного вреда здоровью, а в случае выявления таких фактов –

информирующие об этом отдел безопасности и оперативные подразделения).

Третью группу составляют специализированные субъекты – структурные подразделения исправительного учреждения, для которых задачи и функции профилактики и предупреждения пенитенциарной преступности являются приоритетными (отделы безопасности, контролирующие выполнение осужденными распорядка дня и правил поведения, осуществляющие постановку на профучеты и снятие с них; отделы охраны, основной задачей которых является перекрытие каналов проникновения в колонии предметов, запрещенных к использованию и хранению, а также обеспечение плотности инженерных заграждений в запретной зоне по периметру учреждения; оперативные подразделения, имеющие в своем распоряжении необходимые силы и средства, а также возможности (в том числе негласные) для нейтрализации и предотвращения готовящегося или совершающегося противоправного деяния) [2].

Все перечисленные субъекты профилактики должны тесно взаимодействовать друг с другом.

Пенитенциарное предупреждение преступлений – это согласованная деятельность структурных подразделений исправительного учреждения по выявлению специфических причин и условий (факторов) нейтрализации преступлений и ликвидации повторных преступлений и правонарушений в процессе исполнения наказания.

Всю совокупность мер, направленных на предупреждение женской насилиственной преступности, можно классифицировать на три группы: 1) меры общесоциального характера; 2) специально-криминологические меры; 3) индивидуальные меры.

Общесоциальные меры предполагают решение глобальных задач, совершенствование правовой, экономической, социальной, технической составляющей общества. Специально-криминологические меры включают комплекс задач по выявлению, устранению, нейтрализации причин и условий, иных детерминант преступности. Эти меры осуществляются органами, учреждениями, организациями, для которых предупредительная функция нормативно выделена и является выполнением профессиональных задач. Индивидуальное предупреждение направлено на устранение причин и условий преступного поведения на личностном уровне, применительно к отдельным лицам, поведение которых вступает в конфликт с правовыми нормами.

К числу наиболее распространенных и эффективных мер предупреждения преступности в женских исправительных учреждениях общесоциального характера относятся:

а) в сфере экономики – развитие производства на основе научно-технических технологий, укрепле-

ние финансовой системы, стимулирование деловой активности и инициативы и тем самым – устранение, ослабление, нейтрализация ряда криминогенных факторов, лежащих в основе имущественной преступности;

б) в социальной сфере – меры, направленные на устранение резкого социального расслоения общества, адресная поддержка малоимущих граждан, матерей-одиночек, многодетных семей, решение жилищных и коммунально-бытовых проблем, развитие социальных институтов (особенно института семьи).

Вся деятельность субъектов профилактики направлена на создание условий нормального функционирования общественных отношений, при котором, решая социальные задачи, они тем самым противодействуют криминальным факторам;

в) технические меры, затрудняющие совершение преступления (средства охранной сигнализации, видеонаблюдения), а также меры, повышающие для преступника риск обнаружения и задержания;

г) к правовым мерам следует отнести своевременное принятие правовых актов, повышающих эффективность борьбы с преступностью, законодательную переоценку общественной опасности отдельных видов преступлений.

Ю. М. Антонян предлагает включать в эту группу также меры педагогического характера, направленные на воспитание людей. По его мнению, «особого внимания требуют подростки из неблагополучных семей и осужденные в местах лишения свободы, в отношении которых применяются меры исправления...» [3].

Воспитание и профилактику нельзя отделять друг от друга, так как воспитание проникает в систему контроля над преступностью именно через профилактику антиобщественного поведения.

Общесоциальное предупреждение преступлений должно содействовать сокращению уровня преступности. Кроме того, эти меры могут противодействовать криминализации социальных процессов, происходящих в местах лишения свободы, позитивно влиять на атмосферу законности, правопорядка, устранение угроз правам, свободам и законным интересам осужденных.

В ходе предупредительной деятельности существует необходимость использования не только общепринятых, но и специальных мер, обусловленных особенностями вида исправительного учреждения и уровнем проявления криминального насилия в таких учреждениях.

Специальные меры предупреждения призывают оказывать непосредственное воздействие на преступность. В юридической литературе нет устоявшегося понятия «специальные меры» по предупреждению преступления. Как правило, под этим понимаются способы воздействия, приме-

няемые в связи с необходимостью устранения кrimиногенных факторов или интенсификации факторов, препятствующих преступлению [4].

Специально-предупредительная деятельность в местах лишения свободы достигается посредством мер, которые: 1) препятствуют совершению осужденными новых преступлений (изоляция, охрана, надзор и контроль); 2) предупреждают и пресекают начатые преступления (оперативно-розыскные и режимно-профилактические меры); 3) имеют воспитательный и психолого-педагогический характер.

Н. А. Стручков к основным компонентам специально-предупредительной деятельности относил: охрану осужденных и надзор за ними; применение мер и технических средств, обеспечивающих изоляцию; установление ограничений и особого порядка общения с осужденными лицами, не являющимися работниками исправительных учреждений; предупреждение преступлений и правонарушений путем реализации мер профилактики; использование дисциплинарной практики; применение мер безопасности, раскрытие преступлений, предварительное расследование по делам о совершенных преступлениях [5].

К мерам специального предупреждения насильственных преступлений следует также отнести воздействие на существующие в процессе отбывания и исполнения наказания противоречия, являющиеся причиной возникновения конфликтов и совершения преступлений. К мерам по нейтрализации причин и условий преступности в исправительных учреждениях можно отнести обеспечение надежного внутреннего порядка; трудоустройство осужденных женщин; применение в необходимых случаях в строгом соответствии с законом мер принуждения; возможность условно-досрочного освобождения; работу в самодеятельных организациях; применение методов убеждения и поощрения; перевод на улучшенные условия содержания.

Предупреждение преступлений представляет собой особую функцию администрации колонии и включает различные профилактические мероприятия, разрабатываемые в каждом исправительном учреждении с учетом складывающейся оперативной обстановки.

Предупреждение преступлений уголовно-правовыми средствами реализуется через уголовное наказание или освобождение от него. Специально-предупредительная деятельность осуществляется иными мерами (обязательная изоляция и охрана осужденных, постоянный надзор, дисциплинарная практика, применение мер поощрения и взыскания, применение особых мер безопасности (наручников, резиновых палок и иных спецсредств), установление ограничений и строгого регламентированного порядка общения осужден-

ных с лицами, не являющимися сотрудниками колонии, оперативно-розыскные меры, осуществляемые в целях обнаружения фактов нарушения режима, признаков преступлений и лиц, их совершивших).

Важным моментом в предупреждении преступлений против личности в условиях исправительного учреждения является своевременное, обоснованное и справедливое назначение наказания лицу, совершившему преступление. Несоблюдение этих принципов приводит к тяжким последствиям. В этом случае осужденные решают возникшие проблемы путем криминальных разборок. Однако не секрет, что далеко не всегда осужденные, совершившие преступления, привлекаются к уголовной ответственности.

Среди причин этого можно назвать (по мнению опрошенных лиц): а) наличие субкультуры, преступных обычая, традиций, морали преступного мира; б) отсутствие доверия к сотрудникам, неверие в справедливость и возможность применения мер наказания к преступнику; в) физическая и моральная незащищенность свидетелей и потерпевших от преступных действий; г) незаинтересованность сотрудников УИС в фиксации фактов совершения преступлений, а также низкий уровень их правовой культуры.

Очень часто преступления, совершаемые в колонии, признаются нарушениями режима, влекут последствия дисциплинарного характера, а уголовные дела не возбуждаются. Виной тому не только проблемы в разграничении дисциплинарных правонарушений и наличие в совершенном деянии признаков состава преступления, низкий уровень правовой культуры сотрудников администрации, но и пресловутые отчеты и рейтинги. Большинство фактов избиений, причинение легкого вреда здоровью, угрозы убийством, оскорблений, некоторые факты хулиганских действий расцениваются как дисциплинарные проступки и не влекут для виновных уголовно-правовых последствий.

Особая роль в деле профилактики насильственных пенитенциарных преступлений отводится воспитательной работе с осужденными, которая заключается в формировании морально-этических установок, ознакомлении осужденных женщин с основами этики, психологии общения. Нравственно-правовое воспитание создает благоприятную атмосферу для нейтрализации отрицательного воздействия микросреды на осужденную, повышения интеллектуального уровня и в конечном счете предупреждает совершение осужденными преступлений, формирует личность законопослушного гражданина и подготавливает к жизни на свободе.

Центральное место в воспитательной работе отводится самодеятельным организациям осужденных, работающим под контролем администра-

рации исправительного учреждения. Эти организации оказывают помощь в нравственном, профессиональном и физическом развитии; развивают полезную инициативу; участвуют в решении вопросов организации труда, быта и досуга; оказывают содействие администрации в поддержании дисциплины и порядка, формировании социально здоровых отношений между осужденными, тем самым способствуя предупреждению преступности среди осужденных.

Широкое распространение получили следующие методы индивидуального воздействия: убеждение, оказание помощи, принуждение. Убеждение – это комплекс мероприятий воспитательного характера, осуществляемый в целях изменения антиобщественной направленности лиц, состоящих на профилактическом учете, и формирования у них положительной ориентации.

Основными организационно-тактическими формами убеждения профилактируемых являются индивидуальные и коллективные беседы, обсуждение, разъяснение, доказательство, опровержение, внушение, требование и пример.

В тех же случаях, когда меры убеждения не приносят достаточного эффекта, администрация исправительного учреждения обращается к различным методам предотвращения и пресечения деятельности конкретных осужденных или преступных группировок отрицательной направленности с использованием гласных и негласных возможностей. В этих целях сотрудники исправительных учреждений организуют документирование противоправного поведения; проводят коллективные, индивидуальные воспитательные мероприятия психолого-педагогического свойства; проводят обыски, досмотры, оперативные мероприятия.

Меры принуждения, применяемые к осужденным женщинам, реализуются путем осуществления различных по своей юридической природе мер воздействия (ст. 115 УИК РФ). Так, предусматриваются меры взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания: от выговора до перевода в помещения камерного типа на срок до трех месяцев (дисциплинарная ответственность). При применении мер взыскания необходимо учитывать индивидуальные особенности личности осужденной, степень вины и тяжесть совершенного ею поступка. Кроме того, сдерживающее значение, в ряде случаев, может приобрести угроза применения таких санкций, как перевод в другие отряды, изоляция конфликтно-активных осужденных, этапирование в другие подразделения.

Эффективность предупредительной деятельности на всех указанных уровнях тесно связана с тем, насколько каждая из осужденных включена в общую систему профилактики антиобщественного поведения.

Примечания

1. СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.
2. Уваров И. А. Пенитенциарная профилактика преступлений. Ставрополь, 2006. С. 20–21.
3. Антонян Ю. М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977.
4. Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступления // Советское государство и право. 1972. № 11; Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976. С. 108.
5. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М., 1985. С. 146–147.

УДК 343.9

Э. Р. Касимова

ЖЕНСКАЯ НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье дается краткая криминологическая характеристика личности осужденных женщин и насильственных преступлений, совершенных ими в период отбывания наказания. Устойчивый рост количества пенитенциарных преступлений, совершенных женщинами за последнее десятилетие, позволяет выделить в структуре женской пенитенциарной насильственной преступности несколько групп наиболее распространенных преступлений: а) против личности (преобладают действия, причиняющие вред здоровью различной степени тяжести, а также истязания и побои); б) против общественного порядка (как правило, хулиганские действия, квалифицируемые по ч. 2 ст. 213 УК РФ); в) против правосудия и порядка управления (обычно покушения на побег из мест лишения свободы). В статье указываются наиболее типичные цели и способы, а также место и время совершения насильственных пенитенциарных преступлений. Анализ указанной информации позволит выработать наиболее эффективные меры по профилактике и предупреждению преступного поведения женщин в исправительных учреждениях.

This article provides a brief description of the personality features of women convicts and violent crimes committed by them while serving their sentence. A steady increase in the number of penal offences committed by women over the past decade, made it necessary to distinguish several groups of the most common crimes: a) against the person (dominated by acts causing harm to varying degrees of severity, as well as torture and beatings); b) against public order (usually, bullying, categorized under article 213 of the Criminal Code); in) against justice and public administration (usually attempted escape from prison). This article identifies common objectives and methods, as well as place and time of the violent penal offences. Analysis of this information will result in the most effective measures for prevention of criminal behavior in correctional institutions.

Ключевые слова: криминологическая характеристика личности, насильственная пенитенциарная преступность, структура женской насильственной

преступности, преступления против личности, преступления против общественного порядка и порядка управления, вред здоровью различной степени тяжести, время и место совершения преступления, цели и способы совершения преступлений, угроза физической расправой.

Keywords: criminological characteristics of personality, violent penitentiary crime, structure of female violent crime, offences against the person, crimes against public order and order management, impairment of varying degrees of severity, time and location of the crime, objectives and methods of committing crime, threat of physical violence.

Актуальным явлением современной действительности остается женская пенитенциарная преступность. Более того, согласно статистическим данным происходит дальнейшая криминализация этой категории осужденных. Преступления, совершаемые женщинами в исправительных учреждениях, все чаще приобретают спонтанный насилиственный характер (побои, истязания, причинение вреда здоровью различной степени тяжести и убийства), наблюдается рост преступлений корыстно-насилиственной направленности (грабежи, вымогательства, разбои). Все это свидетельствует о том, что осужденные женщины, находящиеся в условиях изоляции, не менее чем осужденные мужчины подвержены воздействию неблагоприятных факторов окружающей их микросреды.

Следует заметить, что доля женской преступности в исправительных учреждениях значительно ниже, чем у мужчин. Так, за 2000–2009 гг. в исправительных учреждениях УФСИН России по Кировской области совершено всего 107 преступлений, из них осужденными женщинами – 3 преступных деяния. Таким образом, удельный вес женской пенитенциарной преступности в учреждениях УФСИН России по Кировской области составляет 3,21%. В целом по стране этот показатель несколько выше и в среднем составляет от 4,8% до 5,6%.

Выборочные исследования о количестве судимостей мужчин и женщин обнаружили такую тенденцию: при небольшом количестве судимостей доля мужчин, совершивших преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы, значительно превышает долю женщин, но в группах с большим количеством судимостей их удельный вес выравнивается. Так, в группе лиц, имеющих пять судимостей, мужчин оказалось 5,1%, женщин – 3,2%, шесть судимостей – 2,6 и 1,9%, семь – 1,3% и 1,2%, восемь – 0,6 и 0,6%.

Иными словами, доля ранее судимых среди лиц, совершивших преступления в местах лишения свободы, на порядок выше, чем среди всех совершивших преступления, и составляет за последние 10 лет около 35%. При этом большинство женщин, имеющих значительное количество су-

димостей (в том числе за преступления, совершенные в период отбывания реального лишения свободы), принадлежит к возрастной группе 30–49 лет. Их средний возраст составляет 33–36 лет. Подавляющее большинство осужденных женщин (примерно 2/3), совершивших преступления против личности в период отбывания уголовного наказания по предыдущему приговору, принадлежат к возрастной группе 24–39 лет [1], как правило, имеют среднее, реже неполное среднее образование. Из них 76% отбывали уголовное наказание уже не в первый раз. Четверть осужденных ранее допускали различные насилиственные посягательства, а срок наказания 80%, совершивших вновь насилиственное преступление, превышал три года.

За последние несколько лет наметился устойчивый рост количества преступлений, совершенных женщинами. Следовательно, увеличивается количество осужденных лиц женского пола, содержащихся в исправительных учреждениях. Если в 2005 г. в местах лишения свободы отбывали наказание 40,8 тыс. женщин, то в 2010 г. эта цифра достигла 69,1 тыс. чел., что составило 4,9% и 7,9% от общего числа осужденных к реально-му лишению свободы соответственно.

В целом доля участия женщин в общей массе преступности увеличивается прямо пропорционально изменению динамики преступности вообще. Однако 2010 г. стало исключением – общее количество осужденных стало снижаться, а количество осужденных женщин, наоборот, увеличилось.

Анализ женской пенитенциарной насилиственной преступности в местах лишения свободы позволяет выделить в ее структуре 3 группы наиболее распространенных преступлений: 1) против личности; 2) против общественной безопасности и общественного порядка; 3) против правосудия и порядка управления. Разумеется, в каждой группе можно выделить преступления, наиболее свойственные данной категории осужденных. Так, среди преступлений против личности наиболее часто совершаются деяния, предусмотренные ст. 111, 113, 115–117 УК РФ; в группе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 213 УК РФ, в группе преступлений против правосудия – покушения на побег из исправительных учреждений (ст. 313 УК РФ). Значительная часть преступлений, совершаемых осужденными женщинами в исправительных учреждениях, относится к категории имущественных (как правило, широкое распространение получили кражи, вымогательства и грабежи). Отмеченные виды корыстных преступлений против собственности одновременно характеризуются и как насилиственные, имеющие в качестве второ-

го мотива их совершения «осознанное противоправное воздействие на другого человека против его воли» [2].

Удельный вес убийств в структуре зарегистрированной пенитенциарной насильственной преступности в учреждениях ФСИН России в последние годы составил 35%. Настораживает то обстоятельство, что в последнее время участились случаи совершения осужденными женщинами квалифицированного вида убийства: с особой жестокостью, из корыстных или хулиганских побуждений. Это свидетельствует о стойкой противоправной мотивации преступного поведения.

Главным мотивом убийств у женщин, как правило, является месть. У женщин с преступной установкой такая черта особо ярко выражена. Месть может быть реакцией на малейшее раздражение.

В группе наиболее опасных преступлений против личности наиболее часто совершается умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Их число согласно статистическим данным за 2000–2009 гг. увеличилось в 2,5 раза. В 90% случаев преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ, совершаются в одиночку, остальные – в соучастии.

Наибольшее количество противоправных действий, связанных с насильственным воздействием на потерпевшую, имеющих место в исправительных учреждениях, квалифицируется как побои или истязание.

Специфические особенности совершения насильственных преступлений в исправительных учреждениях ярко выражаются в целях, к достижению которых стремятся осужденные. Как правило, это следующие цели: борьба за лидерство в колонии (11,8%) и приобретение авторитета в уголовной среде (10,7%). Однако они не столь характерны для женских исправительных учреждений ввиду того что здесь отсутствует четкая тюремная иерархия. Ненормальное удовлетворение полового влечения составляет 1,7%. Данная цель является характерной для преступлений против половой свободы личности, которые отличает высокая латентность. Иными словами, в женских колониях подобные преступления практически не регистрируются, однако это не означает их абсолютное отсутствие. Получение материальной выгоды составляет около 20%, месть и оскорбление – 15%, избавление от потерпевшего, свидетеля – 1%, желание перевестись в другое исправительное учреждение – 5% (также не свойственная цель для женских исправительных учреждений), стремление избавиться от насильственных действий, посягающих на жизнь, здоровье, честь и достоинство – 10%, иная цель – 5%.

Обобщение материалов уголовных дел о преступлениях в местах лишения свободы позволи-

ли выявить наиболее типичные способы совершения насильственных пенитенциарных посягательств. Способ является одним из факторов, характеризующих не только личность преступницы, ее отношения с потерпевшей, но и ситуацию совершения преступления. К их числу следует отнести: 1) причинение вреда здоровью (38%); 2) высказывание угрозы физической расправой (38%) [3]; 3) распространение среди осужденных сведений клеветнического характера (24%).

Женщины-преступницы довольно часто стали применять для реализации преступного замысла холодное оружие или орудия, его имитирующие, а также угрожать убийством, применять шантаж и другие формы психического подавления сопротивления жертвы, в ряде случаев – физическую силу.

Поводами совершения насильственных преступлений в исправительных колониях, как правило, выступают подстрекательство со стороны других лиц и неправомерные действия потерпевшей (на их долю приходится почти 2/3 случаев), далее – правомерные действия потерпевшей.

Вспомогательную роль в совершении преступлений против личности в среде осужденных женщин играет не всегда эффективно организованный контроль над поведением осужденных в жилой зоне. Согласно статистическим данным и результатам проведенного исследования уголовных дел на территории жилой зоны исправительного учреждения совершается едва ли не половина тяжких и особо тяжких преступлений против личности. Речь идет о таких деяниях, как убийство, причинении тяжкого вреда здоровью, в том числе и со смертельным исходом, разбойные нападения. На производственных объектах совершается около 19% пенитенциарных преступлений, на неохраняемой территории – около 35% всех регистрируемых преступлений в женских колониях. К ним относятся прежде всего объекты производственной деятельности, обслуживаемые осужденными, которым разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы. Такое право может быть предоставлено только положительно характеризующимся осужденным. Однако это требование не всегда выполняется, в результате за пределы охраняемой территории выходят иногда недостаточно изученные лица, что влечет за собой совершение преступлений.

Кроме того, негативную, а подчас провоцирующую роль играет плохо организованный учет хранения и использования рабочего инвентаря, низкий уровень контроля и надзора за осужденными, особенно если учесть, что в рабочее время

осужденные имеют свободный доступ к рабочему инструменту и хозяйственному инвентарю. Данные ФСИН России свидетельствуют, что почти каждое третье убийство и каждое второе причинение тяжкого вреда здоровью совершено с применением колюще-режущих предметов [4], каждое шестое убийство – путем удушения потерпевшего. В качестве орудий преступлений могут использоваться случайно оказавшиеся под рукой металлические изделия (трубы, арматура), палки, предметы хозяйственного инвентаря. Довольно часто при совершении преступлений женщины применяют предметы «случайного» характера (полено, камень, молоток, табурет, графин и т. д.).

Согласно полученным нами данным 55,9% женщин совершили насилиственные преступления в рабочие дни.

В зависимости от времени суток наибольшее количество посягательств против личности в женских исправительных учреждениях совершается в ночное время с 22 до 5 час – порядка 38%. В светлое время суток – с 7 до 20 час – также высока преступная активность, ее интенсивность достигает 43%. Меньше всего посягательств на личность выявлено утром – 15% и в вечерние часы – с 20 до 22 час – только 4%.

Довольно редко встречаются случаи совершения насилиственных преступлений в бытовых помещениях, камерах ШИЗО и ПКТ. Однако преступления в указанных местах совершаются обычно ночью, что свидетельствует о слабом контроле за поведением осужденных женщин на указанных объектах в этот период.

Во-первых, в вечернее и ночное время достаточно высока вероятность необнаружения признаков и следов преступления сразу же после его совершения, что позволяет лицу тщательнее скрыть следы преступления и обдумать дальнейшую схему поведения; оказание пострадавшему квалифицированной медицинской помощи затруднено ввиду несвоевременного установления факта события преступления. Во-вторых, немногочисленность свидетелей преступления либо их отсутствие вообще. В-третьих, если преступление совершается в светлое время суток, то, как правило, орудиями преступления служат рабочий и бытовой инвентарь, который выдается осужденным на время рабочей смены, а доступность к орудию совершения преступления (нож, ножницы, лопата, топор, веревки) также немаловажный фактор, особенно если учесть, что значительная часть совершаемых преступлений умышленные. В-четвертых, бдительность несения

службы личным составом исправительного учреждения в утренние часы усиливается, начинается прием/сдача дежурства с обязательной по-отрядной (покамерной), пофамильной проверкой осужденных, обход медицинским персоналом и оперативными службами, построение, завтрак, развод на работы. Все это в совокупности затрудняет совершение преступления в утренние часы и увеличивает риск обнаружения виновного «по горячим следам».

Постоянно растущее вовлечение женщины в преступную деятельность свидетельствует о неблагоприятных условиях развития нашего общества. Рост количества насилиственных пенитенциарных преступлений, в том числе и женских, обусловлен многими факторами, имеющими в своей основе целый комплекс причин, который необходимо рассматривать в контексте конкретных политических, экономических, правовых и социальных условий.

Владение объективной информацией о состоянии и структуре женской пенитенциарной насилиственной преступности позволит выработать наиболее эффективные направления и методы предупреждения этого явления, а также разработать систему мер профилактического воздействия исходя из личностных, социально-демографических и психологических особенностей указанной группы осужденных.

Примечания

1. Согласно большинству криминологических исследований наиболее криминогенным является возраст 25–29 лет, в этом возрасте совершено 34,8% всех преступлений. Отмечается снижение криминальной активности осужденных в возрасте 30–39 лет (25,6%) и 40–49 лет (7%). В случае с женской пенитенциарной насилиственной преступностью ситуация обратно пропорциональная. Снижение криминальной активности осужденных женщин происходит в возрасте 45 лет и старше. Здесь показатели женской и мужской пенитенциарной насилиственной преступности выравниваются и составляют порядка 3,8–4,5%.

2. См.: Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2005. С. 449.

3. Как правило, угрозы расправой остаются без должного внимания со стороны администрации мест лишения свободы (уголовные дела не возбуждаются, потенциальные потерпевшие не переводятся в другие камеры или отряды, не проводятся профилактические беседы, не применяются дисциплинарные взыскания к виновной).

4. Так, осужденная одной из колоний общего режима в рабочем цехе, закончив рабочую операцию, взяла со стола ножницы и нанесла ими несколько ударов в спину другой осужденной. Преступление мотивировало личными неприязненными отношениями с потерпевшей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКУЛИН Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БЕРЕЗИН Сергей Викторович – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БЕРЁЗКИНА Алина Владимировна – аспирант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

E-mail: alina_613@mail.ru

БУТОРИН Михаил Вениаминович – кандидат исторических наук, доцент Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4.

E-mail: mvbutorin@mail.ru

ВЫЧУГЖАНИНА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ГАГИЕВА Надежда Гавриловна – старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Сыктывкарского государственного университета. 167001, Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55.

E-mail: gagievanord@mail.ru

ЗЕВАХИН Андрей Алексеевич – аспирант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета. 117571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 88.

E-mail: history@mpgu.umes.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КАСАНОВ Антон Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КАСИМОВА Эльвира Равиловна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaselhvira@yandex.ru

КИТАЕВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КОВРИЖНЫХ Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой информатики Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: kla_62@mail.ru

КОРОБЕЦ Анна Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КРЯЖЕВСКИХ Андрей Леонидович – ассистент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КУЗЬМИН Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

E-mail: kuzmin282@yandex.ru

КУСТОВА Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kustovael@yandex.ru

ЛАЗАРЕВ Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета. 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

E-mail: lasarev2009@yandex.ru

ЛОЖКИНА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

МАЛИКОВ Рашид Ильязович – аспирант Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5.

E-mail: rashidbua@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МОСКВИН Степан Владимирович – старший оперуполномоченный по особо важным делам оперативного отдела УФСИН России по Ямalo-Ненецкому автономному округу, капитан внутренней службы, соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

ОРЕХАНОВ Юрий Леонидович (священник Георгий Ореханов) – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, корп. 5А.

E-mail: oGeorgO@pstgu.ru

ОСТАНИН Евгений Серафимович, – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ПОЛЯКОВ Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВПО Филиала Московского государственного индустриального университета в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Октябрьский проспект, д. 26.

E-mail: agp17@rambler.ru

РАФИКОВ Азат Миннегазовиch – ассистент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rafazat@yandex.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – аспирант кафедры всеобщей истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: marina_rosina@mail.ru

СОЛОВЬЁВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ТЮКАЧЕВ Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, факультет истории и международных отношений.

E-mail: historfaculty@mail.ru

ШАРАБАРОВ Павел Николаевич – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
История и юридические науки
Научный журнал № 2(5)**

Подписано в печать 25.05.2011 г.
Формат 60x84 1/8 . Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1000. Заказ № 1776.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674